

**НАУЧНАЯ ШКОЛА
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА
И КРИМИНАЛИСТИКИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
«УГОЛОВНО-
ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
20 ЛЕТ СПУСТЯ»**

**Материалы XIV Международной научно-практической
конференции, 24–25 июня 2022 года (Санкт-Петер-
бург)**

*Ответственные редакторы
Н.Г. Стойко, В.Ю. Низамова*

RU
science
RU-SCIENCE.COM

Москва
2022

Рецензенты:

- О.В. Качалова**, профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия, д-р юрид. наук,
А.В. Кудрявцева, профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург), д-р юрид. наук

Ответственные редакторы:

- Н.Г. Стойко**, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, д-р юрид. наук,
В.Ю. Низамов, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, канд. юрид. наук

Члены редколлегии:

- В.Д. Пристанков**, исполняющий обязанности заведующего, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, канд. юрид. наук,
Н.А. Сидорова, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, канд. юрид. наук

Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: 20 лет спустя» : Материалы XIV Международной научно-практической конференции, 24–25 июня 2022 года (Санкт-Петербург) : сборник статей / кол. авторов ; отв. ред. Н.Г. Стойко, В.Ю. Низамова. — Москва : РУСАЙНС, 2022. — 362 с.

ISBN

Настоящий сборник научных статей подготовлен по итогам XIV международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, СПбГУ, 24–25 июня 2022 года), посвященной 20-летию действия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Материалы конференции представлены работами российских и зарубежных ученых и практиков (часть 1), а также аспирантов, соискателей и магистрантов (часть 2).

***Ключевые слова:** уголовный процесс; криминалистика; судебная экспертиза; кодекс.*

**УДК
ББК**

ОГЛАВЛЕНИЕ

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ	8
ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	12
МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ.....	15
Часть 1. Научные труды российских и зарубежных ученых и практиков	15
<i>Н. В. Азарёнок</i> УПК РФ: УРОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ	15
<i>Т.М. Алексеева</i> СУЩЕСТВЕННЫЕ НАРУШЕНИЯ НОРМ УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА КАК ОСНОВАНИЯ ОТМЕНЫ И ИЗМЕНЕНИЯ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ В КАССАЦИОННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ	21
<i>Е. В. Алымова</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПО ВЫЯВЛЕНИЮ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ПОКАЗАНИЙ В РАМКАХ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ	30
<i>П. А. Гусенова</i> ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ В ИСЛАМСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	38
<i>М. А. Жадяева</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПОРЯДКА РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ.....	46
<i>Е. В. Завгороднева</i> ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ОТНОШЕНИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ	54
<i>В. В. Захаренкова</i> ДИСКУССИОННЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ КИТАЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА.....	57
<i>Е. Г. Зейдлиц</i> ПРАВО НА РЕАБИЛИТАЦИЮ ПРИ ЗАКОННОМ И ОБОСНОВАННОМ УГОЛОВНОМ ПРЕСЛЕДОВАНИИ	62

<i>И.А. Кирянина</i>	К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДИСТАНЦИОННЫХ РЕСУРСОВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ	75
<i>С.П. Кушниренко</i>	ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЕ МЕРЫ В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	83
<i>Н. В. Лантух</i>	ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.....	101
<i>Л. В. Майорова</i>	СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	110
<i>Л. А. Моргачёва</i>	ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ И ПАРАДИГМА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.....	116
<i>Н. Е. Муллахметова</i>	ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ПОТЕРПЕВШИХ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ В СВЕТЕ ДВАДЦАТИЛЕТИЯ ДЕЙСТВИЯ УПК РФ	123
<i>О. Н. Надоненко</i>	ДОПРОС СПЕЦИАЛИСТА – МИФИЧЕСКОЕ СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЙСТВИЕ ИЛИ	132
<i>С. А. Новиков</i>	АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДОПУСТИМОСТИ ПОКАЗАНИЙ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	138
<i>Н. П. Папоян</i>	КОМПЕТЕНТНОСТЬ ЭКСПЕРТА-ЛИНГВИСТА КАК КРИТЕРИЙ ДОПУСТИМОСТИ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ...145	
<i>В. В. Петров</i>	ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ «ПРОЦЕССА ШЕСТНАДЦАТИ»	158

<i>Я. М. Плошкина</i>	АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СПОСОБЫ РАЗРЕШЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО КОНФЛИКТА В РОССИЙСКОМ И ГЕРМАНСКОМ УГОЛОВНЫХ ПРОЦЕССАХ.....	167
<i>О. С. Поликарпова, В. В. Адамович</i>	СПОРНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ РЕАБИЛИТИРУЮЩИХ И НЕРЕАБИЛИТИРУЮЩИХ ОСНОВАНИЙ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ.....	177
<i>В. Д. Пристансков</i>	ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ЯТРОГЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ.....	186
<i>Ю. В. Родионова</i>	НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ РУКОВОДИТЕЛЕМ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА ВЕДОМСТВЕННОГО И ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА.....	204
<i>Т. И. Сайфутдинов, Э. С. Токторов</i>	ФОРМЫ И ПРИНЦИПЫ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН	212
<i>Е. В. Сидоренко</i>	НАШЕ ОТНОШЕНИЕ К ИНСТИТУТУ ОСОБОГО МНЕНИЯ СУДЬИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	224
<i>Н. Г. Стойко, Н. А. Сидорова, М. Н. Стойко</i>	ПРОКУРАТУРА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН И РОССИИ: ОДНОРАНГОВЫЕ И ИЕРАРХИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ	231
<i>Э. С. Токторов, З. Т. Хамидова</i>	ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ В ХОДЕ ОПЕРАТИВНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СЛЕДСТВИЯ.....	236
<i>Р. М. Хуснутдинов</i>	ПРЕДЕЛЫ РЕСТИТУЦИИ ЦЕННЫХ БУМАГ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	245

**Часть 2. Научные труды аспирантов,
соискателей и магистрантов.....253**

- Я. Д. Адамчик*
О ВЛИЯНИИ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ
НА НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА
И УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ.....253
- Ж. В. Атоян, Д. В. Тарасенко*
ФРАНЦУСКИЙ УГОЛОВНЫЙ СУД
С УЧАСТИЕМ НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ:
БЕСКОНЕЧНЫЕ РЕФОРМЫ260
- О.Ю. Ватутина*
СПЕЦИАЛИСТ, КАК ЭКСПЕРТ
СТОРОНЫ ЗАЩИТЫ: ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА267
- А. В. Грозь*
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ ЗАЯВЛЕНИЙ
И СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ274
- В. С. Гуцина*
АКТУАЛЬНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ
ТАКТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ НА ЭТАПЕ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ280
- Ф. И. Ильин*
К ВОПРОСУ ОБ ОТНЕСЕНИИ СУДА К СУБЪЕКТАМ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В КОНТЕКСТЕ НЕОБХОДИМОСТИ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА
ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ288
- Д. С. Костенко*
ВЫРАЖЕНИЕ СВОЙСТВА АВТОНОМНОСТИ
ЗАПРЕТОВ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СТРАН БЫВШЕГО СССР.....300
- В. Ю. Краснова*
К ВОПРОСУ УВЕДОМЛЕНИЯ О ПРОВЕДЕНИИ
НЕГЛАСНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ306

<i>А. Е. Кузина</i>	ОБОСНОВАНИЕ ВЕРДИКТОВ В СУДЕ АССИЗОВ ...317
<i>М. А. Кульжанова</i>	ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ УСТАНОВЛЕНИЮ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО)324
<i>С. С. Лукьянов</i>	СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И ПРАВОСУДИЕ.....333
<i>В.В. Свободяникова</i>	ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОГО МЕТОДА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ СОБЫТИЯ СЛУЖЕБНОГО ПОДЛОГА (СТ. 292 УК РФ)341
<i>Д. В. Тарасенко, Ж. В. Атоян</i>	ПЕРЕГОВОРНОЕ ПРАВОСУДИЕ ЗА РУБЕЖОМ И В РОССИИ.....352

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Адамович Вячеслав Владимирович курсант факультета подготовки сотрудников для следственных подразделений Санкт-Петербургского университета МВД России

Адамчик Яна Дмитриевна аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета

Азаренок Николай Васильевич кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной деятельности и уголовного процесса, Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева

Алексеева Татьяна Михайловна кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета

Алымова Екатерина Владимировна кандидат филологических наук, доцент кафедры общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин Астраханского филиала Саратовской государственной юридической академии, судебный эксперт-лингвист

Атоян Жанетта Вагановна магистрант кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета

Ватутина Оксана Юрьевна соискатель кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, адвокат, член ННО «АК «АЛИБИ»

Грозь Алина Вардановна студент юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Гусенова Патимат Арисланалиевна кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского института (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции

Гущина Владислава Сергеевна магистрант кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета

Жадяева Марина Александровна кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Саранского кооперативный института (филиал) Российского университета кооперации

Завгороднева Екатерина Валерьевна преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Оренбургского государственного университета

Захаренкова Вера Вячеславовна ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета

Зейдлиц Евгения Георгиевна старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, судья Ленинградского областного суда в отставке

Ильин Федор Ильич аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета

Кириянина Ирина Алексеевна старший преподаватель кафедры уголовного процесса Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета

Костенко Дмитрий Сергеевич аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Сибирского Федерального университета (г. Красноярск)

Краснова Виктория Юрьевна аспирант Санкт-Петербургской Академии Следственного комитета Российской Федерации, следователь по особо важным делам следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Новосибирской области

Кузина Александра Евгеньевна аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета

Кульжанова Мадина Асетовна аспирант Ошского государственного юридического института (Кыргызская Республика)

Кушниренко Светлана Петровна кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета

Лантух Наталия Викторовна кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России

Лукиянов Сергей Сергеевич аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета

Майорова Людмила Викторовна кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

Моргачёва Лариса Алексеевна преподаватель кафедры уголовного процесса Воронежского государственного университета

Муллахметова Наталья Евгеньевна кандидат юридических наук, доцент кафедры организации судебной и прокурорской деятельности Смоленского государственного университета

Надоненко Ольга Николаевна кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Екатеринбургского филиала Московской Академии Следственного комитета Российской Федерации

Новиков Сергей Александрович кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета

Папоян Наталья Павловна, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы, старший преподаватель кафедры лингвистики и перевода Южно-Уральского государственного университета

Петров Вадим Вадимович кандидат медицинских наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета

Плошкина Яна Михайловна кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Сибирского федерального университета (г. Красноярск)

Поликарпова Ольга Сергеевна преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России

Пристансков Владимир Дмитриевич кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета

Родионова Юлия Викторовна кандидат политических наук, доцент кафедры уголовного процесса Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации

Сайфутдинов Тахир Исмаилджанович доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе Кыргызско-Казахского университета (Кыргызская Республика)

Свободяникова Виктория Владимировна магистрант кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета

Сидоренко Елена Васильевна кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия

Сидорова Наталия Александровна кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета

Стойко Николай Геннадьевич доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета

Стойко Мария Николаевна адвокат, Адвокатская палата Санкт-Петербурга

Тарасенко Дарья Викторовна магистрант кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета

Токторов Эгемберди Самидинович кандидат юридических наук, доцент, ректор Ошского государственного юридического института (Кыргызская Республика)

Хамидова Зулфия Талибовна кандидат политических наук, доцент Кыргызско-Казахского университета (Кыргызская Республика)

Хуснутдинов Рашид Марсович старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Ижевского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Современный российский уголовный процесс переживает непростые времена. Судебно-правовая реформа в Российской Федерации, которая началась в 1991 году, осуществляется практически непрерывно. Ее задачи были сформулированы в «Концепции судебной реформы в РСФСР», принятой 24 октября 1991 года Верховным Советом РСФСР. Одним из непосредственных шагов по реализации указанной концепции явилось принятие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, вступившего в силу с 1 июля 2002 года. К числу его главных достоинств следует отнести значительное расширение процессуальных гарантий обеспечения конституционных прав и свобод человека.

Вместе с тем в стороне от внимания разработчиков остались традиционные институты уголовного судопроизводства, доказавшие свою ценность на протяжении довольно длительного времени. В первую очередь это относится к объективной истине, являющейся базовой категорией научного познания. Именно она была целью объективного доказывания. Обоснованно считалось, что только на основе истинных знаний об обстоятельствах преступления возможно справедливое осуждение виновного.

Тема не новая. Достаточно сказать, что уже в процессе судебно-правовой реформы 1860-х годов в Российской империи был четко обозначен такой правовой институт, как установление судом истины по уголовному делу. В трудах выдающегося российского юриста Анатолия Федоровича Кони последовательно отстаивался институт истины для правосудия. В очерке «Нравственные начала в уголовном процессе» он справедливо заметил: «Судья, решая дело, никогда не имеет ни права, ни нравственного основания говорить: «Я так хочу». Он должен говорить: «Я не могу иначе». «Не могу», потому что и логика вещей, и внутреннее чувство, и житейская правда, и смысл закона твердо и неуклонно подсказывают мне мое решение, и против всякого другого заговорит моя совесть как судьи и человека».

Институт объективной истины также был воспроизведен в советское время в УПК РСФСР 1922 года. Но наиболее последовательно и системно этот принцип был реализован в УПК РСФСР 1960 года. Суду, прокурору, следователю и лицу, производящему дознание, по УПК

РСФСР 1960 года вменялось в обязанность принимать все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявлять как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие и отягчающие его ответственность обстоятельства.

Остается только сожалеть, что важнейшие идеи уголовного судопроизводства, определившие последующие правовые традиции не только российского, но и европейского уголовного процесса, не были востребованы составителями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 года (далее – УПК РФ). Крайне досадно, что принятие этого кодекса стало попыткой отказаться от традиционных ценностей в пользу чуждой нам англо-американской модели уголовного процесса путем механического ее насаждения в отечественную правовую систему.

В итоге суду в сегодняшнем процессе отводится роль пассивного наблюдателя, не проявляющего активности в собирании доказательств. При этом судья лишь способствует сторонам в реализации их прав и законных интересов. Не содействует установлению истины и реализованная в УПК РФ модель состязательности, которая тяготеет к чуждой традиционному уголовному процессу англо-американской доктрине, согласно которой судья выносит приговор, основываясь на тех доказательствах, которые ему предоставлены, и, проще говоря, – в пользу той стороны, которая была более убедительной.

В связи с этим на первый план выдвигаются вопросы законодательного закрепления в российском уголовном судопроизводстве института установления объективной истины как цели доказывания, что, несомненно, будет способствовать усилению гарантий, обеспечивающих справедливость правосудия. Целесообразно дополнить УПК РФ нормами о том, что суд не связан мнением сторон и при наличии сомнений принимает необходимые меры к установлению действительных фактических обстоятельств преступления. Соответственно, суд должен быть наделен обязанностью по ходатайству сторон или по собственной инициативе восполнять неполноту доказательств в той мере, в какой это возможно в ходе суда, сохраняя объективность и беспристрастность и не выступая на стороне обвинения или стороне защиты.

Проводимая ежегодно на базе Санкт-Петербургского государственного университета XIV Международная научно-практическая конференция «Научная школа уголовного процесса и криминалистики СПбГУ», посвященная в 2022 году теме «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: 20 лет спустя», является традиционной

площадкой, где ведущие учёные и практики намечают оптимальные пути развития уголовно-процессуального законодательства, активно решают задачи повышения эффективности правосудия, определяют проблемы, которые нуждаются в незамедлительном решении.

Настоящий сборник содержит основные материалы конференции. Заслуживает глубокого уважения стремление каждого научного и практического работника привнести свой вклад в развитие теории и практики уголовно-процессуального права, сделать уголовный процесс гуманнее.

*Александр Иванович Бастрыкин
Председатель Следственного комитета России,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации*

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

ЧАСТЬ 1. НАУЧНЫЕ ТРУДЫ РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ И ПРАКТИКОВ

Н. В. Азарёнок

кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры судебной деятельности и уголовного процесса,
Уральского государственного юридического университета имени
В.Ф. Яковлева

УПК РФ: УРОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ

Статья посвящена анализу 20-летнего периода функционирования действующего УПК РФ. Проведенный формально-юридический анализ его основных положений позволил выявить возникшие за время действия УПК РФ проблемы и определить вектор его дальнейшего эволюционного развития. В результате обосновывается, что отечественный уголовный по-прежнему остается производством романо-германского типа. Такова одна из причин отторжения в УПК РФ англо-саксонской состязательной модели.

Ключевые слова: уголовный процесс; Уголовно-процессуальный кодекс РФ, тип уголовного производства; национальный менталитет; состязательность; баланс публичного и частного интересов.

Nikolai V. Azarenok

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the
Department of Judicial Activity and Criminal Procedure,
Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION: LESSONS AND PROSPECTS OF REFORM

The article is devoted to the analysis of the 20-year period of functioning of the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The formal legal analysis of its main provisions made it possible to identify problems that have arisen during the operation of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and to determine the vector of its further evolutionary development. As a result, it is proved that the domestic criminal is still a production of the Romano-Germanic type. This is one of the reasons for the rejection of the Anglo-Saxon adversarial model in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: criminal procedure; Criminal Procedure Code of the Russian Federation; type of criminal proceedings; national mentality; competitiveness; balance of public and private interests.

В ходе демократических преобразований, начатых в нашей стране в конце 80-х годов прошлого века, подходы юристов к реформированию отечественного уголовного производства принципиально разошлись. Одни процессуалисты выступили за сохранение советского курса развития права [9, с. 34-47; и др.], другие предложили коренным образом изменить сложившиеся юридические механизмы, взяв за образец англосаксонскую модель уголовного судопроизводства [3, с. 50]. Этот подход в концентрированном виде нашел свое отражение в Концепции судебной реформы, принятой Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 г. [2]. Острая борьба двух направлений реформирования российского уголовного процесса проявилась в ряде проектов Уголовно-процессуального кодекса, предложенных в 90-е гг. [6, с. 170-171].

После парламентских выборов 1999 г. Комитет по законодательству Государственной Думы Российской Федерации поручил разработку УПК РФ группе юристов во главе с Е.Б. Мизулиной, докторская диссертация которой «Уголовный процесс: концепция самоограничения государства» имела явную прозападную ориентацию [5].

Наибольшее количество исследований рассматриваемой проблемы появилось на современном этапе, начиная с «перестройки», что объясняется получившей распространение в то время научной позицией по отказу в целом от советской модели уголовного производства и привлечения состязательности в качестве концептуальной основы нового российского уголовного процесса [4; и др.]. Считалось необходимым «начать судебную реформу с «нуля», предварительно демонтировав «уродливое правосудие» [7]. «При таком подходе (имеется в виду советская модель уголовного процесса. – Н.А.), – пишет Е.Б. Мизулина, – какие-либо сомнения в справедливости обвинения и основанного на нем приговора исключались. Можно сказать, что теория уголовного процесса как средства борьбы с преступностью, по сути, оправдывает использование уголовного процесса как технологии “производства виновных”, а не “производства справедливости”. Эта теория признает только один результат – обвинительный приговор» [10, с. 79]. В результате А.В. Смирнов приходит к выводу о том, что «главным направлением развития уголовно-процессуальной формы является ныне переход к полной состязательности, в том числе и на предварительном расследовании» [8, с. 97].

В итоге авторы нового российского Уголовно-процессуального кодекса, поспешно разработанного в 2001 году, придали конституционному требованию состязательности судопроизводства (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ) максимально широкое значение, включив в него не только

судебные, но и досудебные стадии уголовного процесса. С этой целью в УПК РФ внесли соответствующее определение уголовного судопроизводства (п. 56 ст. 5 УПК РФ), закрепили состязательность в качестве принципа всей уголовно-процессуальной деятельности (ст. 15 УПК РФ), ввели стороны обвинения и защиты (п. 45–47 ст. 5 УПК РФ), разграничили участников процесса по признаку состязательности (ст. 29–60 УПК РФ), назвали защитника субъектом самостоятельного собирания доказательств (ч. 3 ст. 86 УПК РФ) и т. д.

Ученые как правило обосновывают ее наличие в досудебном производстве указанием на возможность участников уголовного судопроизводства обращения с жалобой в суд в порядке ст. 125 УПК РФ на органы предварительного расследования и значительное расширение правомочий защиты в противодействии уголовному преследованию, в том числе путем сбора доказательственной информации.

Действительно, по УПК РФ суд не только осуществляет правосудие в судебных стадиях, но и активно действует в досудебном производстве, реализуя функцию судебного контроля путем рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ и дачи судебного разрешения на ограничение органами предварительного расследования конституционных прав и свобод личности (ст. 29 УПК РФ). Можно ли, основываясь на этом, считать досудебное производство состязательным? При ответе следует учитывать целый ряд факторов. Во-первых, участие суда здесь носит эпизодический характер по сравнению в целом со сроками предварительного расследования, количеством совершаемых в ходе него процессуальных и следственных действий и имеет место далеко не по всем уголовным делам.

Далее, во-вторых, даже когда суд все-таки вступает в действие, он при этом не заменяет органы предварительного расследования и, соответственно, ход, содержание и результаты досудебного производства в полной мере остаются в их юрисдикции, поскольку материалы уголовного дела никто в суд для контроля целиком не передает, и тем более он не принимает его к своему производству. И наконец, в-третьих, даже когда судья включается в тот или иной вопрос, он не всегда это делает состязательным путем. Так, например, дача разрешения на производство следственного действия происходит без участия стороны защиты. Согласно ч. 2 ст. 165 УПК РФ «ходатайство о производстве следственного действия подлежит рассмотрению единолично судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня по месту производства предварительного следствия или производства следственного действия не позднее 24 часов с момента поступления указанного ходатайства»,

так же, как и при производстве данных следственных действий в исключительных случаях, не терпящих отлагательства (ч. 5 ст. 165 УПК РФ).

Приведенные ситуации в соответствии со ст. 15 УПК РФ разрешаются не состязательно, т. к. отсутствует такой обязательный ее элемент, как стороны. Поэтому следует согласиться с В.П. Божьевым в том, что полномочия суда, предусмотренные ч. 2 и 3 ст. 29 УПК РФ, «не являются процессуальными действиями по разрешению уголовного дела, хотя ими иногда пытаются обосновать наличие состязательности. Такие попытки – ошибочны, так как разрешить дело суд может только на судебных этапах уголовного процесса» [1, с. 5].

Эти новшества освободили судебные стадии от внешних проявлений обвинительного уклона, но при этом характер досудебного производства принципиальных изменений не претерпел. При этом следователь как был, так и остался «хозяином» дела, защитник не получил права проводить самостоятельное адвокатское расследование и не стал равноправной стороной правового спора, а судья не вошел в досудебное производство в качестве постоянно действующего арбитра в состязании обвинения и защиты. Институт судебного контроля занял незначительное место в предварительном расследовании и потому не претендовал на полномасштабную реализацию принципа состязательности в досудебном производстве. В результате сложившаяся система уголовно-процессуальной деятельности в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования не приняла заявленную идею состязательности, а досудебное производство в своей основе сохранило розыскную (несостязательную) природу.

Концептуальное противоречие между провозглашенной идеей и реальными правовыми положениями повлекло внесение в УПК РФ множества дополнений и изменений. Однако в них не обнаруживаются признаки качественной трансформации существующего уголовного процесса континентального смешанного (несостязательного) типа в англосаксонскую состязательную форму. Досудебное производство по-прежнему функционирует в двустадийной структуре, а содержание уголовно-процессуальной деятельности в нем сохраняет розыскной характер. Но при этом причины и тенденции происходящих преобразований до настоящего времени в достаточной мере не осмыслены. Уголовно-процессуальная наука во многом продолжает развиваться в русле идеи либерализации уголовно-процессуальной деятельности с абсолютизацией принципа состязательности. Сторонники этого подхода видят решение проблемы в расширении правомочий так называемого следственного судьи, призванного, в конечном счете, вытеснить современного следователя с

привычного места, а досудебное производство переместить под юрисдикцию органов судебной власти. Позиция приверженцев такого пути развития российского уголовного процесса усиливается еще и тем, что в ряде государств бывшего СССР приняты новые (вторые после развала СССР) уголовно-процессуальные кодексы, в которых институт следственного судьи получил более широкое воплощение, чем действующий в нашей стране судебный контроль над досудебным производством.

В результате российской общественности настойчиво внушается мысль о необходимости движения в англосаксонском направлении как о единственно возможном пути совершенствования уголовного производства. Методологически обоснованной альтернативы, базирующейся на историческом опыте развития отечественного права, юридическая наука не предлагает. Между тем если состязательное переустройство уголовного процесса рассматривать как революционный путь преобразований, то эволюционный в не меньшей степени имеет право на существование. Более того, двадцатилетняя практика применения УПК РФ однозначно свидетельствует о неудаче заложенной авторами Кодекса идеи трансформации российского уголовного производства в состязательную модель. Остается второй вариант – возвращение к историческим истокам отечественного уголовного производства с тем чтобы на базе объективно сложившихся и успешно функционирующих правовых механизмов разработать новую «надстройку», отвечающую современным требованиям. Именно по этому пути в последние десятилетия фактически идет наш уголовный процесс, однако в качестве альтернативы прозападному направлению он концептуально не представлен.

При этом за постсоветский период подходы законодателя, теоретиков и правоприменителя к пониманию места и роли общественных и частных ценностей в уголовном производстве принципиально изменились. Во-первых, проявилась тенденция «автономизации» личного начала, которое все больше рассматривается не как элемент публичности, а как самостоятельная движущая сила уголовно-процессуальной деятельности. Во-вторых, качественно преобразилось представление о соотношении индивидуального и коллективного. Если первый из них в советское время играл незначительную роль, то сейчас ему придается неизмеримо большее значение. Но при этом фактор частного хотя и заметно возрос, однако не стал в уголовном процессе преобладающим, как желали того реформаторы 90-х годов прошлого века, а поднялся только до равной ценности с публичным, что привело к формированию концептуальной идеи баланса.

Поэтому УПК РФ, изначально ориентированный на реформирование российского уголовного процесса в состязательную (англосаксонскую) модель, фактически утратил такую направленность. Дополнения и изменения, внесенные в Кодекс, укрепили традиционную континентальную (смешанную) форму отечественного уголовного производства с четким разделением досудебного и судебного этапов. При этом в развитии современного российского уголовно-процессуального законодательства прослеживаются два вектора. С одной стороны идет активный и непрерывный процесс изменения действующих норм, заметно преобразующий уголовное производство не только в сравнении с советским периодом, но и с первоначальными положениями УПК РФ. С другой стороны, в своих сущностных свойствах порядок расследования и рассмотрения уголовных дел принципиальной трансформации не претерпел, оставаясь в исторической форме романо-германского типа.

Список использованных источников

1. Божьев В. П. Состязательность на предварительном следствии // Законность. 2004. № 2.
2. Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992.
3. Концепция уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации / под ред. С. Е. Вицина, Э. Ф. Куцовой, А. М. Ларина, И. Б. Михайловской, Т. Г. Морщаковой, С. А. Пашина, И. Л. Петрухина и Ю. И. Стецовского // Государство и право. 1992. № 8.
4. Макаркин А.И. Состязательность на предварительном следствии / науч. ред. В.В. Вандышев. СПб., 2004.
5. Мизулина Е. Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства: дис... д-ра юрид. наук. Ярославль, 1991.
6. Курс уголовного процесса / Под ред Л. В. Головки. 2-е изд. М., 2017.
7. Российская газета. 1991. 19 окт.
8. Смирнов А. В. Деформализация уголовного преследования – главная задача реформы уголовного судопроизводства // В сб.: Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность: сб. ст. по материалам Международ. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию со дня рождения проф. Н.С. Алексеева / под ред. Н.Г. Стойко. СПб., 2015.
9. Уголовно-процессуальное законодательство Союза ССР и РСФСР. Теоретическая модель / под ред. В.М. Савицкого. М., 1990.
10. Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введение в действие): сб. ст. и материалов / под ред. Е.Б. Мизулиной и В.Н. Плигина; науч. ред. Е.Б. Мизулина. М., 2006.

Т.М. Алексеева,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Санкт-Петербургского государственного университета

СУЩЕСТВЕННЫЕ НАРУШЕНИЯ НОРМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА КАК ОСНОВАНИЯ ОТМЕНЫ И ИЗМЕНЕНИЯ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ В КАССАЦИОННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

В настоящей статье автор приводит анализ изученной новейшей судебной практики по уголовным делам относительно того, какие именно основания пересмотра судебных актов в кассационном производстве признаются существенными, повлиявшими на исход дела, каковы перспективы их применения, а также типовые судебные ошибки, допускаемые судами. Предметом выборки в целях настоящего исследования выступили решения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, а также определения кассационных судов общей юрисдикции.

Ключевые слова: Уголовно-процессуальный кодекс РФ, кассационное производство, существенные нарушения, судебные ошибки, судебная практика.

Tatiana M. Alekseeva,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
of the Department of criminal procedure and criminalistics
Saint-Petersburg State University

SIGNIFICANT VIOLATIONS OF THE NORMS OF CRIMINAL PROCEDURE LAW AS GROUNDS FOR CANCELLATION AND AMENDMENT OF A COURT DECISION IN CASSATION PROCEEDINGS

In this article, the author provides an analysis of the studied recent judicial practice in criminal cases regarding which grounds for reviewing judicial acts in cassation proceedings are recognized as significant, which influenced the outcome of the case, what are the prospects for their application, as well as typical judicial errors made by courts. The subject of the sample for the purposes of this study were the decisions of the Judicial Board on Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation, as well as the definitions of the cassation courts of general jurisdiction.

Keywords: The Criminal Procedure Code of the Russian Federation, cassation proceedings, significant violations, judicial errors, judicial practice.

Актуальность выбранной темы исследования выражается в нескольких положениях.

Во-первых, исходя из положений Уголовно – процессуального кодекса Российской Федерации (далее также – УПК РФ) [1] в настоящее время нельзя явно понять, есть ли разница между основаниями для пересмотра судебного решения в апелляционном порядке и для пересмотра судебного акта в кассационном порядке; в первом случае речь идет о существенных нарушениях, которые повлияли или могли повлиять на вынесение законного решения (ч. 1 ст. 389.17 УПК РФ); во втором случае – о существенных нарушениях, повлиявших на исход дела (ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ). Однако данный критерий весьма неопределенный.

Во-вторых, исходя из УПК РФ, нельзя точно установить, что является существенным нарушением, что искажающим суть правосудия. Очевидно, что поворот к худшему не может ограничиваться лишь сроком. Необходимым условием выступают именно основания пересмотра.

В-третьих, проблема состоит в том, что законодатель не установил не только исчерпывающего, но даже и приблизительного перечня существенных нарушений для целей кассационного пересмотра. Поэтому именно в практике мы ищем ответы на пробелы закона.

Поскольку автор настоящей статьи занимается данной темой уже на протяжении нескольких лет, материал данного исследования сформирован так, чтобы показать не только устойчивые тенденции в данной сфере (путем метода сравнительного исследования), но и используя метод правового анализа для того, чтобы показать новейшие тенденции правоприменения.

Заметим, что в настоящей статье представлена информация относительно существенных нарушений норм уголовно-процессуального права, при этом материал относительно применения норм уголовного закона заслуживает отдельного рассмотрения и анализа.

В зависимости от оснований пересмотра материал, на наш взгляд можно систематизировать следующим образом.

Итак, первое существенное нарушение - это нарушение правил подсудности. Данное нарушение не теряет своей актуальности на протяжении всего мониторинга правоприменения, нами осуществляемого. Так, единственным мотивом отмены постановления районного суда явились возражения подсудимого и его адвоката против направления уголовного дела по подсудности, а также мнение потерпевших и государственного обвинителя о подсудности данного уголовного дела. Вместе с тем, ходатайств об изменении территориальной подсудности, как того предусматривают положения УПК РФ, не подавалось, и такой вопрос

вышестоящим судом не рассматривался (Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 24.02.2022 N 77-619/2022).

Кроме того, среди оснований пересмотра следует выделить - незаконный состав суда (Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 20.04.2022 N 77-721/2022). В настоящие дни данное основание несколько теряет свою актуальность в связи с тем, что функционирует новая кассационная система судов, создание которой было направлено в том числе на устранение повторного участия судей в пересмотре своих же решений. Однако, нарушения по-прежнему встречаются в различных аспектах. Например: судья, разрешая вопрос о продлении срока содержания под стражей, предрешила вопросы, ставшие впоследствии предметом судебного разбирательства с ее участием по существу уголовного дела. Приведенные обстоятельства исключали возможность последующего рассмотрения уголовного дела этой судьей. Вместе с тем, этим нарушены фундаментальные основы уголовного судопроизводства (Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 14.04.2022 N 77-961/2022).

Можно выделить и такое основание пересмотра как нарушение тайны совещания судей. Приведу показательный пример. В ходе проведенной проверки установлено и подтверждается протоколами судебных заседаний по гражданским делам, что в период нахождения суда по данному уголовному делу в совещательной комнате судьей были проведены судебные заседания по трем гражданским делам (Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2020 N 19-УД20-27).

Также ранее не менее значимым основанием выступало нарушение гласности судопроизводства. Нарушение данного принципа также встречается и в новейшей практике. Так, уголовное дело назначено рассмотрению в открытом судебном заседании, однако суд дважды своими постановлениями принимал решение о закрытии судебного заседания в части. При этом вопреки требованиям УПК РФ, не указал конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых он принял данные решения. При этом общественность была лишена возможности узнать о доказательствах, рассмотренных в судебном заседании (Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 27.01.2022 N 77-5/2022).

Однако лидером по количеству оспариваемых решений в кассационном порядке выступает такое основание пересмотра – как нарушение права на защиту. Согласно практике правоприменения, несоблюдение данного требования может выражаться в самых различных аспектах.

Во-первых, это непредоставление подсудимому, осужденному права выступить с последним словом. Например, замена последнего слова выступлением осужденного в иной процессуальной форме не допускается, а то, что председательствующий выясняла у сторон, имеются ли у них ходатайства об исследовании дополнительных доказательств или какие-либо дополнения к выступлениям, не может расцениваться как компенсация права осужденного на последнее слово (Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 03.08.2021 N 4-УД21-22-К1).

Во-вторых, нарушение права на участие в судебном заседании (в том числе с использованием ВКС) (Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 21.04.2022 по делу N 77-1066/2022) ВС РФ подчеркивается, что участия в рассмотрении дела посредством видеоконференцсвязи относится к числу фундаментальных положений, которое не может быть ограничено в зависимости от стадии судопроизводства (Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 20.08.2020 N 57-УД20-4; см. аналогичное Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.08.2020 N 39-УД20-2-К1). Приведем пример: суд указал, что у адвоката не имелось законных оснований для представления интересов умершего. Судебная коллегия находит, что при производстве в отношении умершего участие защитника приобретает особое значение, поскольку при отказе близких родственников умершего от участия в уголовном судопроизводстве на нем лежит обязанность обеспечить законность вынесенного решения. В тех случаях, когда защитник принимал участие в уголовном деле при жизни подсудимого, он продолжает осуществлять свои полномочия и после его смерти (Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 25.08.2021 по делу N 77-2773/2021).

Однако, нарушаются и процессуальные права стороны обвинения. Так, согласно новейшей кассационной практике Верховного Суда РФ, приводится случай, когда представитель потерпевшего и потерпевший были лишены возможности принять участие в судебном заседании, поскольку секретарь судебного заседания не проверила явку и не пригласила их в зал, где проходило заседание (Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2021 N 49-УД21-11-К6. См. также: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.03.2021 N 48-УД21-7-К7).

Кроме того, в ряду прочих можно обозначить нарушение права стороны защиты на ознакомление с материалами уголовного дела (Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 01.02.2022 по делу N 77-226/2022), и иные многочисленные аспекты нарушения права на защиту.

Также в настоящее время достаточно часто встречающимся нарушением норм УПК РФ является нарушения при составлении судебных решений в части их мотивировки (Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 19.04.2022 N 77-1111/2022) и обоснованности (См, например: Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 18.01.2022 N 77-161/2022; Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 09.12.2021 N 77-3972/2021; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 11.08.2021 N 45-УД21-25-К7).

Далее, следует выделить такое основание для кассационного пересмотра как нарушения при составлении процессуальных документов, либо отсутствие процессуальных документов. В связи с появлением требования об аудиозаписи [4], нарушение порядка при ее изготовлении также признается существенным нарушением уголовно-процессуального закона.

Кроме указанных, довольно частыми являются принятие судами решения, не предусмотренного УПК РФ, нарушение процедуры вынесения судебного решения. Например, апелляционная жалоба осужденной была оставлена без рассмотрения. Однако, принятие такого решения не предусмотрено УПК РФ, содержащей исчерпывающий перечень решений, принимаемых судом апелляционной инстанции (Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 18.06.2021 по делу N 77-1987/2021).

В более ранний период проведения настоящего исследования существенными также признавались нарушение установленного порядка обжалования судебного решения, нарушение срока обжалования судебных актов (Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 12.10.2021); а также нарушения, связанные с превышением полномочий (пределов прав) (Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.09.2021 по делу N 87-УД21-2-К2) вышестоящими судами при рассмотрении жалоб и представлений.

Достаточно частым существенным нарушением уголовно-процессуального закона признается нарушение условий и процедуры проведения дифференцированных форм судопроизводства. Особенно это заметно в отношении особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением. Так, например, в одном случае отсутствовало одно из основных условий рассмотрения дела в порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ, - судья должен был прийти к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый, подтверждается доказательствами, собранными по делу, однако он этого не сделал (Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 26.08.2021 по делу N 77-1904/2021). В другом случае (Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 15.03.2022 по делу N 77-810/2022) заключение экспертов не содержало выводов о способности обвиняемого в полной мере осознавать характер и последствия заявленного им ходатайства о проведении судебного разбирательства в особом порядке.

В эту группу входят и нарушения, допускаемые судами при производстве по отдельным категориям уголовных дел. Так, главный врач обратилась в суд с представлением о прекращении применения принудительной меры медицинского характера. Суд первой инстанции учел заключение врачей, однако, при этом, отказал в представлении главного врача и сослался на данные психического состояния Т. десятилетней давности. Суд также не поставил перед участниками процесса вопрос о назначении судебной экспертизы (Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 17.05.2022 по делу N 77-1169/2022).

Есть и примеры с нарушениями при производстве с участием присяжных заседателей (Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 02.02.2021 по делу N 77-316/2021).

Достаточно часто встречаемым нарушением в практике кассационных судов признается процедура возвращения уголовного дела прокурору в отсутствие на то законных оснований (Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 09.12.2021 по делу N 77-2807/2021) либо, наоборот, отсутствие такого возвращения при наличии на то законных оснований (Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 15.03.2022 по делу N 77-595/2022).

В последние года актуальным становится пересмотр вступившего в законную силу судебного акта в связи с незаконным прекращением

уголовного дела в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа [2], а также в связи с незаконным освобождением от уголовной ответственности по иным основаниям. Однако, в некоторых случаях, наоборот, суд кассационной инстанции сам устанавливает основания для прекращения уголовного дела (Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 13.09.2021 по делу N 77-2974/2021).

Например, суд кассационной инстанции, отменяя нижестоящие судебные решения с назначением судебного штрафа, указывал, что ими не была учтена повышенная общественная опасность преступления (Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 28.04.2022 по делу N 77-1135/2022); либо что проигнорировано отягчающее наказание обстоятельство - совершение преступления с использованием оружия, которое использовалось при нахождении малолетних детей (Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 17.03.2022 по делу N 77-728/2022). В некоторых случаях судами не учитывались особенности объекта преступного посягательства (например, против интересов государственной службы) (Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 19.05.2022 по делу N 77-1252/2022).

Следует выделить и существенные нарушения, допущенные судами при вынесении решения по гражданскому иску (Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 28.04.2022 по делу N 77-1088/2022).

Кроме того, существенными нарушениями уголовно-процессуального закона кассационные суды считают и нарушение правил взыскания процессуальных издержек (Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 24.03.2022 по делу N 77-887/2022; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 03.03.2021 по делу N 56-УД20-23-К9).

Также встречаются отдельные нарушения, связанные, например, с правом на реабилитацию (Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 17.02.2022 по делу N 77-567/2022).

Возникают и отдельные вопросы, касающиеся, например, установленного порядка применения мер процессуального принуждения [3] и их сроков (Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 07.07.2021 по делу N 77-1011/2021). Так, суд первой инстанции принял решение об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста с разрешением ежедневных прогулок. Однако, судом не

было принято во внимание то, что домашний арест заключается в нахождении подсудимого в изоляции от общества. Разрешение прогулок лицу, находящемуся под домашним арестом, ст. 107 УПК РФ не предусмотрено (Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 12.04.2022 по делу N 77-1168/2022).

Кроме того, также отдельно следует выделить блок вопросов по досудебному производству по уголовному делу и обжалованию промежуточных судебных решений. Однако данный блок требует самостоятельного раскрытия в рамках отдельного исследования ввиду большого объема [5].

Исходя из изложенного, на наш взгляд, необходимо сделать следующие выводы:

во-первых, основания для пересмотра судебных решений, вступивших и не вступивших в законную силу, должны быть различны, поскольку кассация является экстраординарным, исключительным производством;

во-вторых, перечень оснований для кассационного пересмотра должен быть закреплен в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, поскольку полное отсутствие перечня оснований означает, помимо прочего, нарушение общепризнанного международного принципа правовой определенности;

в-третьих, данный перечень предлагается оставить открытым, допускающим возможность его дополнения, сокращения, исходя из практики реального времени.

Список использованных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации //Собрание законодательства РФ, 2001, N 52 (ч. 1), ст. 4921.
2. Федеральный закон от 03.07.2016 N 323-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности" // Собрание законодательства РФ, 04.07.2016, N 27 (часть II), ст. 4256. Положениями данного Федерального закона УПК РФ был дополнен Главой 51.1, предусматривающей производство о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.
3. Федеральный закон от 18.04.2018 N 72-ФЗ "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста" // Собрание законодательства РФ, 2018, N 17, ст. 2421. Положениями данного Федерального закона УПК РФ был дополнен статьей 105.1 «Запрет определенных действий» в качестве новой меры пресечения.

4. Федеральный закон от 29.07.2018 N 228-ФЗ "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ, 2018, N 31, ст. 4817. Положениями данного Федерального закона УПК РФ был дополнен нормами об обязательности ведения аудиозаписи судебного заседания.
5. Федеральный закон от 11.06.2022 N 181-ФЗ "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ, 2022, N 24, ст. 3941. Положениями данного ФЗ ст. 125.1 УПК РФ «Особенности рассмотрения отдельных категорий жалоб» была дополнена новыми частями 4 - 6.

Е. В. Алымова

кандидат филологических наук, доцент
кафедры общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Астраханского филиала ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия»,
судебный эксперт-лингвист

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ПО ВЫЯВЛЕНИЮ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ПОКАЗАНИЙ В РАМКАХ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Статья посвящена актуальному вопросу исследования показаний участников уголовного судопроизводства на предмет фальсификации и искажения сообщаемых сведений. В последние годы отмечается растущая динамика обращения адвокатов к эксперту с соответствующими познаниями в области лингвистики для определения факта искажения показаний допрашиваемых, представленных в протоколах допросов и объяснениях, фактов искажения протоколов судебных заседаний и приговоров (определений суда). В представленной статье автор приводит основные признаки, по которым эксперт-лингвист определяет, кем и в каком объеме были предоставлены или зафиксированы сведения, не соответствующие реальной картине события. Основное внимание уделено протоколам допросов, так как именно в них фиксируется основной объем речевой информации, получаемый в ходе дачи показаний.

Ключевые слова: искажение показаний, лингвистическая экспертиза протоколов допросов.

Ekaterina V. Alyмова,

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Saratov State Law Academy,
forensic expert

LINGUISTIC EXPERTISE ON IDENTIFICATION OF FALSIFICATION OF TESTIMONY IN THE FRAMEWORK OF CRIMINAL INVESTIGATION

The article is devoted to the topical issue of investigating the testimony of participants in criminal proceedings in order to detect falsification and distortion of the information reported. In recent years lawyers tend to turn to experts with relevant knowledge in linguistics to determine the fact of distortion of the testimony of the interrogated, presented in the interrogation report, facts of distortion of the minutes of court sessions and court verdicts. In the presented article the author gives the main signs by which the expert linguist determines by whom and to what extent information that does not correspond to the real picture of the event was provided or recorded. The main attention is paid to the interrogation reports, since the main information received from witnesses, accused and victims is recorded in them.

Keywords: distortion of testimony, linguistic examination of interrogation protocols.

Лингвистическая экспертиза обладает широким арсеналом методов исследования письменных источников речевой информации [3]. Специалистами в области лингвистики изучаются публикации в средствах массовой информации, договоры, высказывания в комментариях, переписки в мессенджерах и еще бесконечное количество источников, в которых человек передал свое речевое сообщение в письменном виде. Однако в последние годы на исследование все чаще стали попадать процессуальные документы – объяснения, протоколы допросов, протоколы судебных заседаний и даже приговоры суда. Основной вопрос, который встает перед экспертом-лингвистом в этом случае – содержатся ли в том или ином процессуальном документе лингвистические признаки искажения сообщаемой информации.

При изучении процессуальных документов на предмет искажения сообщаемых сведений эксперт-лингвист может провести исследование по трем основным направлениям, обращая внимание как на первичный источник речевой информации (самого допрашиваемого), так и на способ фиксации информации составителем.

Во-первых, эксперт, используя соответствующие методики исследования, может ответить на вопрос «Является ли автором зафиксированных показаний определенный человек?».

Зачастую допрашиваемый, поняв, что его показания теперь ему же самому «мешают», начинает отказываться от сказанного и зафиксированного ранее, ссылаясь на то, что не говорил этого, а протокол подписал не читая или под давлением. При этом аргументом защитника становится как раз автороведческая экспертиза, которая говорит о том, что его доверителю не присущ подобный речевой паттерн и подобные мислеформы.

Любой текст как устный, так и письменный, характеризуется набором признаков, отражающих творческий характер труда автора и индивидуализирующих сам этот текст.

При создании текста протокола часть индивидуализирующих признаков, присутствующих в устной речи допрашиваемого, сохраняется, наследуется производным письменным текстом. То есть в тексте допроса проявляется определенная совокупность признаков, являющихся индивидуализирующими для речи допрашиваемого.

В УПК РФ дается достаточно подробное описание процедуры составления протоколов допроса и формы фиксации сведений. В п.2 ст.190 УПК РФ регламентируется порядок фиксации информации в протоколе допроса следующим образом: «2. Показания допрашиваемого лица записываются от первого лица и по возможности дословно...» (п.2 ст.190 УПК РФ).

Сама формулировка предложения предписания «Показания допрашиваемого лица записываются от первого лица и по возможности дословно» пресуппозитивно допускает определённую степень искажения речи допрашиваемого, что, естественно, и продиктовано необходимостью обеспечения дальнейшей трансформации устной формы текста в письменную, адекватную для понимания и обработки на последующих этапах разбирательства по делу. Такая форма изложения позволяет нам говорить о возможности наличия в тексте описательной части индивидуально-авторских особенностей речи, что дает основания анализировать эту часть текста с точки зрения атрибуции, отвечая на поставленный перед экспертом вопрос об авторстве высказываний [2].

Протокол допроса в этом отношении рассматривается как речевой жанр официально-делового стиля, включенный в две коммуникативные ситуации: 1) ситуацию кооперативного профессионального общения составителя текста с судом и другими лицами, уполномоченными законом знакомиться с протоколом допроса, и 2) ситуацию некооперативного общения следователя с лицом, которое он допрашивает. Первая ситуация задает общую структуру текстов этого жанра и стилистику языковых средств, определяя жесткий шаблон и обилие стилистических и лексических штампов. Вторая характеризует текст протокола как письменный пересказ составителем устной речи информанта. Все это в совокупности существенно осложняет проведение автороведческой экспертизы тестов этого жанра, делая нерелевантными значительную часть идентификационных признаков [1].

Как отмечает Абрамкина Е.Е., в автороведении существует несколько классификаций идентификационных признаков, различающихся и набором анализируемых уровней, и количеством выделяемых признаков каждого уровня. Самой объемной является классификация ЭКЦ МВД, включающая более 200 признаков следующих уровней:

- смысловой (тематический), отражающий общую тематическую направленность текста;
- текстологический (логико-структурный), связанный со структурой и логикой построения текста;
- лексический, отражающий особенности лексико-семантического выражения мыслей автором;
- синтаксический, который характеризует особенности синтаксического оформления мыслей;
- стилистический, отражающий степень владения тем или иным стилем и средствами выразительности;
- орфографический, отражающий степень грамотности автора;

– пунктуационный, характеризующий также степень грамотности и уровень владения языком;

– психолингвистический, связанный с выражением субъективного начала в тексте, его эмоциональной наполненностью. Двойственность коммуникативной ситуации протокола допроса и связанные с ней жанровые черты делают нерелевантными смысловой, текстологический, психолингвистический уровни, существенно ограничивают лексический и синтаксический, а орфографический и пунктуационный полностью относят к речи составителя. Также малоэффективными для анализа протокола допроса оказываются статистические методы, что связано с малым объемом текстов протоколов. Кроме того, сам характер передачи речи (пересказ составителем речи информанта, преобразование из устной формы в письменную, из диалога в монолог) заставляет обратиться к типам задач автороведческой экспертизы и определить, какие из них могут ставиться для текстов протоколов допросов.

Проблема с атрибуцией возникает из-за того, что следователь стремится придать фиксируемому материалу более «протокольную» форму, заменяя обиходно-разговорную лексику на юридическую, придавая обрывочным высказываниям допрашиваемого законченный вид. В итоге на выходе формируется текст, в котором минимизируется авторство допрашиваемого, что дает возможность адвокату в суде заявлять ходатайство об исключении показаний из числа рассматриваемых доказательств. Подобное преобразование в протокольную форму часто можно встретить по делам о половой неприкосновенности несовершеннолетних, когда следователь фиксирует не собственно «детский» язык, а приводит сообщаемую речевую информацию в форму юридических знаний – например, вместо «водил мне туда-сюда» следователь фиксирует «совершал возвратно-поступательные движения».

При указании на подобные казусы следователи говорят о том, что зачастую речь допрашиваемого настолько неблагозвучна, обрывочна и бессвязна, что занесение ее в таком виде в протокол нарушает требования официально-делового стиля процессуального документа.

Уточнение формулировки «по возможности дословно», содержащейся в УПК, позволило бы следователям, на наш взгляд, уйти от возможного обвинения в искажении информации, сообщенной допрашиваемым. Целесообразно предположить, что формулировка предполагает исключение нецензурной лексики, слов-заполнителей пауз и слов-паразитов. При этом сами реплики допрашиваемого должны сохраняться в той последовательности и с тем набором слов, который используется им

самим. Это исключит возможность оспаривания содержания процессуального документа.

Во-вторых, эксперт-лингвист может ответить на вопрос «Содержатся ли в показаниях одного и того же лица или нескольких лиц признаки искажения сообщаемой информации?». Сделать это можно, не только исследуя речевое поведение допрашиваемого, зафиксированное на видео, но и анализируя информацию, которая уже прошла переработку лицом, составлявшим протокол допроса.

При проведении расследования уголовного дела и изучении показаний участников сам дознаватель или следователь проводит сравнительно-сопоставительный анализ, не задумываясь о том, что он также интуитивно, исходя из своего эмпирического опыта, задействует методы лингвистической экспертологии, которые тесно связаны с основными законами логики. Следователь (дознаватель) вычленяет противоречия в показаниях, обращает внимание на определенные признаки фантазирования в речевом поведении допрашиваемого.

Точно так же эксперт-лингвист в процессе сопоставительного анализа производит оценку речевых сообщений допрошенных при их свободном рассказе и ответах на вопросы следователя или защитника. Сопоставление информативно-смыслового содержания осуществляется экспертом-лингвистом следующим образом:

- а) сопоставление одноименных элементов события, одновременно описанных допрашиваемым в ходе допросов и дачи объяснения;
- б) сопоставление связанных между собой и производимых элементов события, освещаемого в процессе допроса;
- в) сопоставление одноименных и связанных между собой обстоятельств по показаниям допрашиваемого на разных допросах и в объяснении;
- г) сопоставление одних и тех же обстоятельств в показаниях допрашиваемого;
- д) сопоставление отдельных обстоятельств события в описании с иными данными о тех же обстоятельствах.

При этом для дифференциации исследуемого речевого материала все объяснения и показания, содержащие признаки искажения сообщаемой информации, структурируются по информативным блокам.

По итогам такого исследования эксперт-лингвист может сделать однозначный вывод об искажении самими допрашиваемыми информацией, представленной в протоколах допросов.

Прорабатывая показания допрашиваемых по таким же критериям лингвистического анализа, составляя информативные блоки, следовательно будет проще вычленивать противоречия в показаниях и тем самым не допустить, чтобы впоследствии сторона защиты попыталась обратиться на это внимание в судебном заседании, нивелируя значимость проведенных допросов.

В-третьих, эксперт-лингвист отвечает на вопрос «Имеются ли признаки искажения показаний лицом, проводившим допрос и составившим протокол?». Работа по данному направлению является наиболее существенной в экспертной практике лингвистических исследований, поскольку за выводами по такому вопросу стоит последующее обвинение следователя в нарушении законодательства. Тем не менее опыт экспертной работы показывает, что такие случаи не являются редкостью. Самым распространенным примером является копирование показаний из объяснений в протоколы последующих допросов, из показаний одних свидетелей в показания других.

При этом наблюдается несколько видов копирования:

1. Слепое копирование, когда показания копируются в полном объеме со всеми опечатками автора оригинала, по которым впоследствии и происходит идентификация авторства составителя протокола и на основе которых делается вывод о копировании.

Оригинал (Текст 1): После долгосрочного невыхода на связь по телефону он сообщил мне, что Администрация его **обмакнула**.

Копия (Текст 2): После долгосрочного невыхода на связь по телефону он сообщил мне, что Администрация его **обмакнула**.

Помимо установленной 100% тождественности на лексическом, синтаксическом, морфологическом и грамматическом уровнях, определяется и дополнительный маркер, подтверждающий слепое копирование – опечатка «**обмакнула**» вместо «**обманула**».

2. Обдуманное копирование, когда составитель протокола вносит несущественные изменения, чтобы устранить (замаскировать) идентичность. При этом определенные лингвистические методы исследования позволяют идентифицировать факт копирования и в этом случае.

Оригинал (Текст 1): Мы **пояснили реализаторам** овощей и фруктов, что хотим понизить цены на всех направлениях деятельности, которые на тот момент были очень высокие и не выгодные для бизнесменов.

Копия (Текст 2): Мы **объяснили продавцам** овощей и фруктов, что хотим понизить цены на всех направлениях деятельности, которые на тот момент были очень высокие и не выгодные для бизнесменов.

В Копии (Текст-2) автором произведена не имеющая смысловой нагрузки замена глагола «поясняли» на глагол «объясняли», существительного «реализаторам» на существительное «продавцам». В остальном установлено полное тождество.

В ходе лингвистического анализа схожих процессуальных документов экспертом определяются лексические признаки письменной речи, являющиеся индивидуализирующими для исходного по временной хронологии текста. В случаях, когда установленный набор признаков позволяет утверждать, что совокупность выявленных случаев вхождения в Текст-2 элементов, индивидуализирующих Текст-1, не может носить характер случайного совпадения отдельных элементов текстов (установлена идентичность текстов на лексическом, морфологическом, синтаксическом, стилистическом, орфографическом и синтаксическом уровнях), эксперт указывает на факт копирования показаний путем простых функций Ctrl C – Ctrl V на клавиатуре.

В практике автора данной статьи были случаи, когда эксперт-лингвист приходил к выводу, что для всех текстовых фрагментов будет справедливо утверждение о полном тождестве, включая полное тождество выбора синонимических средств, предоставляемых графической системой современного русского языка, в частности: тождественный выбор синонимов, тождественная структура умозаключений и плана изложения, тождественные ошибки речепорождения, тождественные смысловые ошибки и опечатки.

Подобные совпадения в юридической лингвистике рассматриваются в рамках двух возможных вариантов:

1) попытки следователя исказить обстоятельства дела: когда нужно по каким-то причинам скрыть истинные показания допрашиваемого, обойти возможное появление противоречий, следователь копирует предыдущие, тем самым создавая иллюзию «одинаковости» сообщаемой допрашиваемым информации при последующих допросах;

2) экономия усилий следователя ввиду халатного отношения к расследуемому делу, ввиду экономии времени и т.д.

Оба из вышеперечисленных вариантов ведут к полному искажению сообщаемой допрашиваемым информации, а также к полной утрате информации о релевантных для уголовного дела обстоятельствах. Например, показания при очных ставках могли бы содержать какие-то важные противоречия, или наоборот, какие-то важные детали, которые могли бы быть объективно проверены следствием, и т.д.

Следует отметить, что выяснение того, почему следователь полностью скопировал показания в протоколах, почему протоколы являются абсолютно идентичными, равно как и установление факта того, были ли вообще проведены такие допросы, не входит в сферу лингвистического анализа.

При этом важно обратить внимание, что такой подход к расследованию дела, в основу доказательств которого ложится речевая информация, речевые сообщения, тем более в случае отсутствия каких-либо иных неречевых доказательств, полностью лишает стороны возможности их объективной оценки и использования. Речь, ее информативное наполнение индивидуально – малейшая деталь, малейшее уточнение, один-единственный речевой оборот могут полностью изменить смысл сообщаемой информации. Именно поэтому законодатель в УПК РФ закрепил условие максимально дословного воспроизведения показаний в протоколе и, тем более, не предусмотрел копирований и искажений!

В случаях, когда показания, зафиксированные в протоколах допросов, идут вразрез с линией защиты, адвокаты ищут способы исключить их как недопустимое доказательство. Поэтому сотрудникам органов дознания и следствия следует обращать внимание на форму и способ фиксации сведений, не допуская копирований и искажений.

Список использованных источников

1. Абрамкина Е. Е. Идентификационные признаки протокола допроса и методика автороведческого анализа / Е. Е. Абрамкина // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17. № 3.
2. Месропян Л. М. Лингвистическая экспертиза протоколов допроса: речевая идентификация допрашиваемого как средство выявления процессуальных нарушений // Процессуальные действия вербального характера: Сборник статей по материалам Всероссийского круглого стола, Санкт-Петербург, 18–19 ноября 2016 года / Под общей редакцией К.Б. Калиновского, Л.А. Зашляпина. Санкт-Петербург, 2017.
3. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. I / Под ред. канд. техн. наук Ю.М. Дильдина. Общая редакция канд. техн. наук В.В. Мартынова. М., 2010.

П. А. Гусенова

кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры уголовного права и процесса
Санкт-Петербургского института (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)

ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ В ИСЛАМСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Статья посвящена анализу уголовно-процессуального права Саудовской Аравии как совокупности правовых средств защиты прав и свобод человека. С этих позиций анализируются назначение и принципы уголовного судопроизводства и те процессуальные институты, которые в наибольшей степени выражают охранительную сущность уголовно-процессуального права Саудовской Аравии. Детальному анализу подвергнуты гарантии права на получение квалифицированной юридической помощи и права на защиту, рассмотрены формы реализации права на судебную защиту в исламском уголовном процессе на примере законодательства Саудовской Аравии.

Ключевые слова: Коран, принципы исламского уголовного процесса, гарантии защиты прав и свобод, исламское уголовное правосудие.

Patimat A. Gusenova

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure,
St. Petersburg Institute (affiliate) VGUYu (RPA of the Ministry of Justice of
Russia)

GUARANTEES FOR THE PROTECTION OF THE RIGHTS AND FREEDOMS OF THE INDIVIDUAL IN THE ISLAMIC CRIMINAL PROCESS

The article is devoted to the analysis of the criminal procedure law of Saudi Arabia as a set of legal means of protecting human rights and freedoms. From these positions, the purpose and principles of criminal justice and those procedural institutions that most express the protective nature of the criminal procedure law of Saudi Arabia are analyzed. The guarantees of the right to receive qualified legal assistance and the right to defense are subjected to a detailed analysis, the forms of realization of the right to judicial protection in Islamic criminal proceedings are considered on the example of the legislation of Saudi Arabia.

Key words: Quran, principles of Islamic criminal procedure, guarantees for the protection of rights and freedoms, Islamic criminal justice.

В эпоху становления и развития исламского права (VII-IX вв.) были разработаны процессуальные принципы, которые не утратили своей актуальности до настоящего времени [3, с. 35]. Эти принципы вообще и применительно к исламскому уголовному процессу, в частности,

можно определить как основополагающие идеи, имеющие непосредственное значение, т. е. непосредственно применимые на практике, а не только объясняющие, как осуществляется мусульманское (исламское) уголовное правосудие [5, с. 106]. При этом принципы выступают важнейшими гарантиями в уголовном процессе, поскольку они как система правовых средств обеспечивают реализацию прав личности в уголовном процессе.

Безусловно, на сегодня в современных мусульманских странах существует специфический для каждой из них уголовный процесс. Такой процесс не только соответствует основным принципам мусульманского права, но также учитывает культуру, традиции, уровень развития страны. Предлагаем рассмотреть эти принципы более подробно на примере уголовно-процессуального права Саудовской Аравии, опираясь на Основной Низам Саудовской Аравии от правления 1992 года и Уголовно-процессуальный закон Саудовской Аравии (далее – УПЗ КСА).

1. Принцип главенства Корана (принцип непротиворечия писаного права Корану и Сунне).

Ст. 1 Основного низама КСА (октроирован королем Аль Саудом в 1992 году) провозглашает, что Королевство Саудовская Аравия – суверенное арабское исламское государство. Его религия – ислам, Конституция – Книга Всевышнего Аллаха и сунна Его Пророка [4, с. 544].

В развитие этого положения, ст. 1 УПЗ КСА регламентирует, что при производстве по уголовным делам должны применяться нормы и принципы Корана, Сунны, а также законов Королевства, которые не противоречат Корану и Сунне [7, с. 8].

Исследуя данный вопрос, надо отметить, что учение об источниках относится к числу наиболее разработанных в науке мусульманского права и отличается большим своеобразием. Мусульманские исследователи выделяют в составе мусульманского права две группы взаимосвязанных норм, первую из которых составляют юридические предписания Корана и Сунны (собрания имеющих правовое значение преданий – хадисов – о поступках, высказываниях и даже молчании пророка Мухаммада), а вторую – нормы, сформулированные мусульманско-правовой доктриной на основе «рациональных» источников, прежде всего единогласного мнения (иджма) наиболее авторитетных (правоведов – муджтахидов и факихов) и умозаключения по аналогии (кийас). В качестве основополагающих рассматриваются нормы первой группы, особенно те, которые зафиксированы в Коране [1, с. 172].

Существует точка зрения арабских ученых, которые отмечают, что в Коране и Сунне содержатся очень немного конкретных норм мусульманского права – не более десятка норм конституционного и уголовного права, столько же правил, регулирующих обязательства, и т.п., по большинству же вопросов, требующих нормативной регламентации, эти источники хранят молчание. Аналогичную позицию занимают авторитетные западноевропейские правоведы. Так, крупный французский компаративист Р. Давид утверждает, что «положения юридического характера, которые содержит Коран, недостаточны для того, чтобы составить кодекс» [2, с. 400]. По мнению известного исламоведа Р. Шарля, Пророк оставил слабо разработанные основы мусульманского права, поскольку в Коране и Сунне нет какой-либо исходной правовой теории [8, с. 144]. Французский исследователь справедливо обращает внимание на то, что в Коране установлены лишь исходные начала шариата.

2. Принцип законности.

Теоретически в исламском праве его рассматривают как единый принцип, на самом деле он имеет две четко выраженных стороны, касающихся материально-правовых и процессуально-правовых аспектов правосудия.

Материально-правовая сторона законности уголовного правосудия касается вопросов преступления и наказания и может быть выражена как принцип предустановленности законом деяний, которые считаются преступлениями, и наказаний, которые могут быть назначены за них (ст. 3 УПЗ КСА) [7, с. 8].

Процессуально-правовая сторона законности уголовного правосудия может быть выражена как принцип защиты личности от произвольного, несправедливого и дискриминационного ограничения их прав со стороны государства (ст.2 УПЗ КСА) [7, с. 8].

Это значит, что недопустимо инициировать судебное дело без наличия законных оснований, наказывать людей за неустановленные судом преступления или применять к человеку, обвиняемому в совершении преступления (как в ходе, так по результатам рассмотрения дела) необоснованные или не установленные законом санкции. Отсюда запрет пыток, произвольных обысков, арестов и тому подобных незаконных действий.

Вместе с тем, исламский принцип законности имеет еще одно специфическое выражение, явно отличающее его от принципа законности в немусульманских странах. Речь идет о верховенстве Корана и Сунны – первоисточников мусульманского права, которым должны подчиняться и соответствовать не только нормативно-правовые акты, принимаемые

законодательным органом исламского государства, но и конкретные судебные решения.

3. Принцип охраны прав личности.

Согласно ст. 26 Низама о правлении КСА, государство защищает права человека в соответствии с исламским шариатом [4, с. 544].

Охрана прав и свобод человека и гражданина – одна из важнейших правовых основ, на которых строится вся концепция современной модели уголовного судопроизводства большинства стран мира.

Эти права, ценности аккумулированы в соответствующих положениях УПЗ КСА (ст. 2, 11, 13, 15, 33, 34, 35, 40, 55 УПЗ КСА), [7, с. 8-27].

К ним относятся: право на независимый и беспристрастный суд (ст.1 УПЗ КСА); право на защиту (ст. 7 УПЗ КСА); право на открытое судебное разбирательство (ст. 155 УПЗ КСА); право на получение судебного решения в сроки, определенные законом (ст.183 УПЗ КСА); право не быть арестованным, иначе как по решению суда и в порядке, установленном законом (ст. 2 УПЗ КСА); право знать существо обвинения (ст. 35 УПЗ КСА), право на судебную защиту (ст. 136 УПЗ КСА); право на адвоката (ст. 4, 35 УПЗ КСА); право на законный и обоснованный приговор (ст. 180 УПЗ КСА); право на презумпцию невиновности (ст. 2 УПЗ КСА); право не подвергаться пыткам и унижающему человеческое достоинство обращению (ст. 2 УПЗ КСА); а также другие общепризнанные права, которые носят всеобъемлющий, универсальный характер

4. Принцип справедливого наказания.

Данный принцип закреплен в ст. 38 Низама о правлении КСА. Согласно данному принципу, любое наказание может быть назначено только на основании закона и только приговором суда (ст. 3, 11, 12 УПЗ КСА) [7, с. 8-11]. Поскольку приговор – это акт, которым решаются 2 главных вопроса: о виновности/невиновности лица и назначении ему наказания либо освобождения от наказания. При этом наказание, применяемое к лицу, совершившему преступление, должно быть справедливым, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

Приговоры о назначении наказания в виде смертной казни, отрубания рук, забрасыванию камнями или кисас наказания, утвержденные решением Апелляционного суда не могут быть окончательными до тех пор, пока они не утверждены Постоянной комиссией Верховного судебного совета (ст. 11 УПЗ КСА).

5. Принцип обеспечения права на защиту.

Ст. 4 УПЗ КСА закрепляет принцип обеспечения права на защиту, это безусловное право подозреваемого и обвиняемого в уголовном процессе, от качества его реализации зависит достижение целей уголовного судопроизводства. Каждому задержанному лицу должны быть разъяснены его права, причины задержания и право сообщить о своем аресте любому лицу, которого он укажет (ст. 35 УПЗ КСА).

Важным элементом данного права обвиняемого является право на получение квалифицированной юридической помощи, которое обеспечивает реализацию права на защиту на протяжении всего производства по делу.

Значительный объем прав предоставлен также защитнику обвиняемого: присутствовать при проведении определенных следственных действий (ст. 69 УПЗ КСА); заявлять ходатайства (ст. 70 УПЗ КСА); собирать информацию в защиту своего подзащитного (ст. 3 УПЗ КСА); доводить свое мнение в пользу обвиняемого до служащих Бюро расследований и преследований (ст. 73 УПЗ КСА); знакомиться с материалами дела и информировать об их содержании подзащитного (ст. 69 УПЗ КСА) [7, с. 32].

6. Принцип инстанционности.

Общее правило инстанционности имеет как судоустройственное, так и судопроизводственное значение, в соответствии с которым вышестоящая инстанция проверяет приговоры, вынесенные нижестоящими судами.

Ст. 9, 10, 12 УПЗ КСА закрепляет инстанционность в рассмотрении уголовных дел. Согласно данному принципу, правом на обжалование судебных решений принадлежит как стороне обвинения, так и стороне защиты, т.е. обвиняемому [7, с.10-11].

Уголовная комиссия Апелляционного суда состоит из пяти судей, в их юрисдикцию подпадают пересмотр решений о смертной казне, забрасыванию камнями, ампутация и кisas наказания (наказание за кровные преступления путем воздаяния равным). Однако решения Апелляционного суда должны быть утверждены Верховным судебным советом (ст. 11 УПЗ КСА). В случае, если Постоянная комиссия Верховного судебного совета отменяет решения суда апелляционной инстанции, тогда дело возвращается на новое рассмотрение другому составу судей (ст. 12 УПЗ КСА).

7. Принцип приоритета (доминирования) частного-правового уголовного преследования

В Саудовской Аравии существуют две категории дел: публичного обвинения и частного обвинения. Однако категория дел частного обви-

нения шире. Как правило, дела частного обвинения затрагивают интересы определенного круга лиц и не отличаются большой общественной опасностью. Отсюда следует, что дела частного обвинения возбуждаются и прекращаются исключительно по инициативе частных лиц. Потерпевший посредством подачи жалобы (иска) в суд возбуждает производство по делу (ст. 18 УПЗ КСА). При этом судебные органы оказывают содействие частному обвинителю в вызове ответчика в суд (ст. 17 УПЗ КСА). В случаях, если органы преследования обнаружат, что посягательство по делам частного обвинения угрожает общественным интересам, может провести расследование по нему (ст. 18 УПЗ КСА). Дела частного обвинения прекращаются по двум основаниям: вынесение окончательного приговора и помилование (примирение сторон) (ст. 23 УПЗ КСА) [7, с. 12-14].

Возможна подача гражданского иска о возмещении ущерба, причиненного преступлением (ст. 29, 148–154 УПЗ КСА). Гражданский иск может быть предъявлен только после возбуждения уголовного дела (вынесения соответствующего постановления) и до окончания судебного следствия при разбирательстве данного дела в суде первой инстанции. В этих положениях, безусловно, есть своя процессуальная логика. Акцессорная природа гражданского иска по отношению к уголовному делу делает невозможным предъявление иска до возбуждения уголовного дела, поскольку без уголовного дела «соединенный процесс» существовать не может - для того, чтобы «присоединить» гражданский иск к уголовному делу требуется сначала решить вопрос о возбуждении последнего.

8. Принцип быстроты уголовного процесса.

По сути здесь речь идет о быстроте уголовного процесса, о соблюдении разумных сроков судопроизводства, тех, которые регламентированы УПК. Поскольку быстрота – это публично-правовая ценность, гарантия для сторон в процессе.

Гл. 2 УПЗ КСА регламентирует институт «*Flagrante delicto*» [7, с. 18-19]. Ситуация, когда событие преступления обнаружено в момент его фактического совершения или через короткий промежуток времени после его совершения. Или когда потерпевший или толпа людей преследует преступника. Или же преступник был найден с орудием преступления и другими предметами, которые указывают на то, что он является исполнителем или соучастником преступления (ст. 30 УПЗ КСА). В случае «*Flagrante delicto*» следователь должен как можно оперативнее выехать на место совершения преступления для осмотра места происшествия и сбора доказательств (ст. 31 УПЗ КСА). Подозреваемый должен быть арестован (ст. 33 УПЗ КСА) и допрошен (ст. 34 УПЗ КСА).

9. Принцип сочетания гласности и тайности при производстве по уголовным делам.

Гласность – общее условие судебного разбирательства. В частности, ст. 155 УПК КСА устанавливает, что судебные слушания должны быть открытыми, как общее правило [7, с. 60]. Но есть и исключения, когда слушания могут проходить в закрытом судебном заседании.

Тайна следствия - особый вид профессиональной тайны. Эти требования уголовно-процессуального закона не означают, что предварительное расследование является полностью тайным производством. Еще до составления обвинительного заключения или обвинительного акта отдельные сведения могут быть преданы огласке при направлении представления соответствующему органу или должностному лицу с целью принятия мер попечения о детях, об иждивенцах подозреваемого или обвиняемого и меры по обеспечению сохранности его имущества. Вместе с тем следует заметить, что на предварительном следствии гласность может быть лишь для сторон, а для публики предварительное следствие закрыто, поскольку преждевременное оглашение данных, полученных следователем, полная открытость расследования могут затруднить его работу, способствовать давлению на свидетелей, фальсификации доказательств, а также возможности обвиняемого скрыться от следствия.

10. Презумпция невиновности.

Неотъемлемым принципом мусульманского уголовного процесса является презумпция невиновности. Данный принцип закреплен в ст. 2, 3 УПК КСА.

Принцип презумпции невиновности выступает в качестве основополагающего принципа уголовного процесса каждого правового государства, и в соответствии с ним лицо, обвиняемое в совершении преступления, не может считаться виновным до момента доказанности его виновности в порядке, предусмотренном законом, а также ее установления вступившим в законную силу приговором суда. Данный принцип также исключает обязанность обвиняемого доказывать свою невиновность в уголовном процессе, поскольку бремя доказывания виновности обвиняемого полностью возлагается на субъекты уголовного преследования. А все сомнения должны толковаться в пользу обвиняемого.

Переходя к мусульманскому уголовному судопроизводству, следует упомянуть известного российского исламоведа Н.Е. Торнау, которым было сказано, что мусульманское право всегда предполагает в деяниях мусульман добросовестность. Н.Е. Торнау также принадлежит слова о том, что в мусульманском праве судьей не предполагается ни

подлога, ни умышленности, ни вины в каком-либо действии при отсутствии признания в этом самого обвиняемого либо без представления доказательств, подтверждаемых свидетельскими показаниями [6, с. 475]. Как бы это странно не звучало, но в мусульманском праве принцип презумпции невиновности сложился намного раньше, чем в иных правовых системах, и был представлен в качестве одного из основных начал судопроизводства.

Исходя из этого, доверительное отношение к обвиняемому и недопустимость признания его виновным до установления его виновности вступившим в законную силу судебным решением не стоит рассматривать в качестве содержания исключительно имплементированного в уголовный процесс исламских государств начала, а можно и правильно понимать, как незаимствованный и неотъемлемый принцип мусульманского уголовного судопроизводства, сближающий его в некоторой степени с уголовным судопроизводством Российской Федерации.

Подводя итог, можно сказать, что защита прав обвиняемых (подозреваемых) в совершении преступлений, нашла полное отражение в уголовном процессе Саудовской Аравии. Она является религиозно объяснимой, хотя и не обладает уникальностью. Уголовно-процессуальный закон Саудовской Аравии предоставляет обвиняемому широкий набор прав, которые гарантируют ему защиту от обвинения.

Список использованных источников

1. Исламское уголовное право и процесс / под ред. И. Ю. Козлихина, Н. Г. Стойко. СПб., 2018.
2. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1996.
3. Каспшак Е. Основы уголовного мусульманского права. СПб, 2016.
4. Конституции государств Азии: в 3 томах. Т. 1. М., 2010.
5. Томин В. Т. Лекция по теме «Принципы отечественного уголовного процесса, как отрасли государственной деятельности: понятие, значение и система; доктринальные подходы и законодательство» // Российский криминологический взгляд. 2007. № 1.
6. Торнау Н. Изложение начал мусульманского законоведения. СПб., 1850.
7. Уголовно-процессуальный закон Королевства Саудовская Аравия / Науч. ред. Н. Г. Стойко; послесловие Н.Г. Стойко, П.А. Гусенова; перевод П. А. Гусеновой. СПб., 2016.
8. Шарль Р. Мусульманское право / Пер. с фр. С. И. Волка; под ред. Е. А. Беляева. М., 1959.

М. А. Жадяева

кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Саранский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации

ТРАНСФОРМАЦИЯ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПОРЯДКА РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Статья посвящена месту и роли апелляционной инстанции с момента принятия УПК РФ 2001 года, приводятся данные статистики, указываются наиболее часто встречаемые нарушения для отмены и (или) изменения судебного решения. Дано авторское видение вопросов реформирования апелляционного производства по уголовным делам, а также обозначена важность и необходимость данной стадии уголовного процесса.

Ключевые слова: апелляционный порядок; апелляционная инстанция; кассационная инстанция; уголовное дело; уголовный процесс; судебное разбирательство

Marina A. Zhadyaeva

PhD (Jurisprudence), Associate Professor of Department of Criminal law disciplines

Saransk Cooperative Institute (branch) of Russian University of Cooperation

TRANSFORMATION OF THE APPEALS PROCEDURE FOR CRIMINAL CASES

The article is devoted to the place and role of the appellate instance since the adoption of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in 2001, statistics are given, the most common violations for the cancellation and (or) change of a court decision are indicated. The author's vision of the issues of reforming the appeal proceedings in criminal cases is given, as well as the importance and necessity of this stage of the criminal process.

Keywords: appeal procedure; appellate instance; cassation instance; criminal case; criminal process; trial

Безусловным конституционным правом каждого осужденного или оправданного является возможность пересмотра приговора вышестоящим судом. Законодатель в нормах УПК РФ предусмотрел перечень оснований к отмене и (или) изменению судебного решения нижестоящих инстанций. Соответственно для устранения нарушений и восстановления законного режима производства по делу и предусмотрена процедура апелляционного порядка рассмотрения уголовного дела.

Изначально, с момента принятия УПК РФ 2001 г. в апелляционном порядке допускалась возможность проверки законности, обоснованности и справедливости приговора или постановления, вынесенного мировым судьей. Однако, в 2010 г. [1] в уголовно-процессуальный закон были внесены поправки, которые изменили эту стадию уголовного процесса и привели к возможности пересмотра в ней всех уголовных дел. Этими изменениями был установлен единый для всех судов общей юрисдикции апелляционный порядок проверки не вступивших в законную силу судебных актов по уголовным делам, а кассационные инстанции были преобразованы в апелляционные с сохранением системы судостроительства судов общей юрисдикции.

Проверка судебных решений, не вступивших в законную силу допускалась как с фактических, так и правовых оснований с вынесением нового судебного акта, замещающего акты суда первой инстанции; вводилось непосредственное исследование доказательств, в том числе вновь представленных сторонами, но с учетом особенностей производства в суде апелляционной инстанции; проверка по делу в полном объеме и в отношении всех осужденных по данному делу в целях устранения возможных судебных ошибок; возможность отмены судебных актов, принятых судом первой инстанции, с направлением уголовного дела на новое судебное рассмотрение в суд первой инстанции либо прокурору в случаях, когда в суде первой инстанции были допущены нарушения уголовно-процессуального и (или) уголовного законов, неустраняемые в суде апелляционной инстанции.

С вступлением в силу редакции от 1 декабря 2012 г. изменения коснулись необходимости лицу обосновать в апелляционной жалобе обязательность исследования новых доказательств, которые не были предметом исследования в суде первой инстанции с указанием перечня лиц, подлежащих вызову в судебное заседание; добавлены основания для отмены и (или) изменения судебного решения в апелляционном порядке (возвращение уголовного дела прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению судом; выявление данных, свидетельствующих о несоблюдении лицом условий и невыполнении им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве); расширился перечень решений, принимаемых судом апелляционной инстанции: об отмене обвинительного приговора и о вынесении обвинительного приговора; об отмене приговора, определения, постановления суда первой инстанции и о передаче уголовного дела на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции со стадии подготовки к судебному заседанию или судебного разбирательства; об отмене оправдательного

приговора и о вынесении оправдательного приговора; об отмене определения или постановления и о вынесении обвинительного или оправдательного приговора либо иного судебного решения; об отмене приговора, определения, постановления и о возвращении дела прокурору; о прекращении апелляционного производства). Апелляционный суд стал выносить решения в виде приговоров, определений и постановлений, в то время как до 2012 г. - только определения и постановления, а также была предоставлена возможность ознакомления с особым мнением судьи в определенный законом срок.

Таким образом, кассационная инстанция приобрела вид чистой кассации, лишившись «черт апелляции». Поправки относительно предмета судебного разбирательства в апелляционном (ч. 1 ст. 389.2 УПК РФ) и кассационном (ст. 401.1 УПК РФ) порядках позволили разграничить данные стадии и отчасти «разгрузить» кассационную инстанцию.

Несмотря на эти нововведения существенного изменения институтов апелляции и кассации в российском уголовном процессе не произошло. При этом апелляционное производство стало обладать чертами прежнего института кассации, а кассационное производство стало подобно производству в суде надзорной инстанции.

С 1 октября 2019 года начали работу апелляционные суды общей юрисдикции [2], образованные по экстерриториальному принципу (границы судебных округов не совпадают с административно-территориальным делением государства), что позволило исключить возможность влияния региональных властей и повысить доверие граждан к правосудию. Кроме того, это нововведение должно было исключить ситуации, когда проверка судебного акта осуществлялась в том же суде, в котором дело рассматривалось в качестве суда первой инстанции. Поправками предусматривалась возможность дистанционного участия в рассмотрении апелляционных жалоб при наличии ходатайства с помощью системы видеоконференц-связи, которыми оборудованы федеральные суды. С введением апелляционных судов изменился порядок представления апелляционной жалобы (представления), возможность составления протокола судебного заседания по поручению судьи помощником, обязательность аудиопотоколирования наряду с письменным составлением протокола.

Эти новеллы в части реформирования судопроизводства имеют определенную основу, являются продолжением тенденций развития общества с учетом трансформации судебной практики и касаются изменений как общей доктрины судопроизводства (уважения прав и свобод человека, состязательности сторон), так и видов судебных производств, в

том числе и апелляционного пересмотра судебных решений, не вступивших в законную силу, укрепления независимости судебной системы и снижения коррупционных рисков.

Вопрос о месте и роли апелляционной инстанции вызывает определенные опасения. Так, с одной стороны, она позволяет рассмотреть дело в целом, в том числе с исследованием отдельных доказательств, свести к минимуму судебные ошибки нижестоящих судов. С другой стороны, если обратиться к данным статистики, то количество удовлетворенных апелляционными инстанциями жалоб и представлений крайне низко. Так, за 2021 год этот показатель составил 89 538 дел, при этом в апелляционные суды поступило 341 068 уголовных дел [20].

Однако достаточно небольшой процент удовлетворенных жалоб и представлений не всегда свидетельствует о неэффективности этой стадии процесса, а лишь о большом объеме обжалуемых приговоров и решений, рассматриваемых судом апелляционной инстанции. Причинами этого могут быть сомнения сторон в объективности и справедливости принятого решения, беспристрастности состава суда (судьи), нарушений уголовного и уголовно-процессуального закона, недоверия к судебной системе в целом. Так, за 2021 год в мировые суды и суды общей юрисдикции поступило 782 354 уголовных дел [20], из них на сорок процентов уголовных дел были поданы апелляционные жалобы и (или) представления.

Анализ практики свидетельствует о том, что за период с 2019-2021 гг. Верховный Суд Республики Мордовия обращал внимание на следующие причины, служившие основанием для отмены и (или) изменения судебного решения в апелляционном порядке: нарушение непосредственного исследования доказательств [5], нарушении права подсудимого на защиту [6], не установления места совершения преступления [14], противоречия в выводах суда в приговоре [15], отсутствие обоснования отказа в удовлетворении ходатайства [7], выводы суда о допустимости и достоверности доказательств до принятия приговора [16], нарушении принципа состязательности и равенства прав сторон, выразившиеся в необоснованном отказе судом в удовлетворении ходатайств стороны защиты о вызове ряда свидетелей [17], воспроизведение в ходе судебного разбирательства содержания показаний подозреваемого, обвиняемого, данных в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника и не подтвержденные в суде, путем допроса в качестве свидетеля дознавателя или следователя [8], участие судьи в производстве по уголовному делу, если имеются обстоятельства, даю-

щие основания полагать, что он лично прямо или косвенно заинтересован в исходе данного уголовного дела [9], не разъяснение лицам прав и обязанностей, предусмотренных УПК РФ [18], не указание в приговоре вида и режима исправительного учреждения лицу, осужденному отбывать наказание в виде лишения свободы [19], несоответствие резолютивной части обвинительного приговора другим его частям, а также противоречия в выводах суда [10], вынесение приговора незаконным составом суда [11], не подсудность уголовного дела суду [12], нарушение условий особого порядка судебного разбирательства [13].

Априори суд апелляционной инстанции устраняет судебные ошибки, но не всегда позволяет устанавливать истину. Опасения вызывает опасность формального рассмотрения жалоб, их быстрое изучение, без тщательного анализа. Кроме этого, со стороны Верховного Суда РФ нет ясности в части контроля за апелляционными судами, который позволял бы выявлять и устранять формализм в этих судах.

Поскольку суды апелляционной инстанции расположены в других регионах, это может накладывать на граждан дополнительные транспортные расходы, поиск и привлечение в дело защитников, командировочные услуги адвоката. Не во всех случаях дистанционное участие лиц позволяет донести аргументы подачи жалобы до судей, поскольку могут возникать технические проблемы связи.

Безусловно, реформирование апелляционных судов и создание судебных округов имеет положительный эффект, так как наблюдается их разрыв с местной властью. Но система судов общей юрисдикции осталась прежней, лишь с разницей в появлении двух промежуточных инстанций между судами субъектов РФ и Верховным судом РФ.

Согласно недавно внесенным поправкам [3] с 26 декабря 2022 года участники уголовного процесса теперь должны в обязательном порядке обжаловать приговоры и иные итоговые судебные решения мировых судей, районных, городских и равных им судов в апелляционном порядке, с тем чтобы в дальнейшем имелась возможность обжаловать решения по правилам «сплошной» кассации (ст. 401.7, ст. 401.8 УПК РФ). Причем, приговоры и иные итоговые решения судов областного звена также нужно будет сначала обжаловать в апелляционные суды общей юрисдикции, если стороны желают воспользоваться правом на «сплошную» кассацию. В противном случае, пропуск апелляции приведет к тому, что указанные выше решения судов кассационные инстанции будут рассматривать по правилам «выборочной» кассации (ст. 401.10 УПК РФ).

Но пока, до начала действия этих изменений, участникам не обязательно проходить апелляционную стадию для «сплошной» кассации. Достаточно лишь вовремя подать кассационную жалобу или представление в шестимесячный срок после вступления приговора в законную силу. Хотя практика и показывает случаи недостаточности и этого срока для подачи кассации, обусловленные такими факторами как объем уголовного дела, количество осужденных и защитников, объем аудиозаписей протоколов судебных заседаний в первой и апелляционной инстанциях.

Таким образом, реформа пересмотра судебных решений в уголовном судопроизводстве России продолжается. Хочется надеется, что эти изменения позволят урегулировать апелляционный порядок рассмотрения уголовного дела, сделать его более качественным, отвечающим интересам всех участников уголовного процесса, привести судебную практику к единообразию, по-возможности сократить количество жалоб и отменённых и (или) измененных приговоров.

Апелляционная инстанция является важной и необходимой, поскольку служит не только назначению уголовного судопроизводства, но выступает гарантом защиты прав и законных интересов лиц и организаций. Как верно отмечает Д.В. Кузаков апелляционная инстанция необходима в современной судебной системе и ее существование продиктовано обществом. Отмена её возможна только в случае кардинальных перемен в самом обществе [4].

Список использованных источников

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ // Российская газета. 31.10.2010. № 297.
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ // Российская газета. 04.12.2018. № 272.
3. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федер. от 28.06.2022 г. № 216-ФЗ // Рос. газ. 30.06.2022. № 139.
4. Кузаков Д. В. Апелляция в уголовном судопроизводстве Российской Федерации на современном этапе // Вопросы российской юстиции. 2021. № 11.
5. Определение Верховного Суда Республики Мордовия № 22-1358 от 13.09.2021 // URL: http://vs.mor.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=756 (дата обращения: 13.09.2022).

6. Определение Верховного Суда Республики Мордовия № 22-1196 от 09.08.2021 // URL:
http://vs.mor.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=756 (дата обращения: 10.09.2022).
7. Определение Верховного Суда Республики Мордовия № 22-611 от 31.05.2021 // URL:
http://vs.mor.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=741 (дата обращения: 02.09.2022).
8. Определение Верховного Суда Республики Мордовия № 22-1294 от 21.09.2020 // URL:
http://vs.mor.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=717 (дата обращения: 05.09.2022).
9. Определение Верховного Суда Республики Мордовия № 22-111 от 20.01.2020 // URL:
http://vs.mor.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=691 (дата обращения: 09.09.2022).
10. Определение Верховного Суда Республики Мордовия № 22-913 от 15.07.2020 // URL:
http://vs.mor.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=691 (дата обращения: 28.08.2022).
11. Определение Верховного Суда Республики Мордовия № 22-2036 от 07.11.2019 // URL:
http://vs.mor.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=673 (дата обращения: 23.08.2022).
12. Определение Верховного Суда Республики Мордовия № 22-1379 от 29.07.2019 // URL:
http://vs.mor.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=673 (дата обращения: 25.08.2022).
13. Определение Верховного Суда Республики Мордовия № 22-1773 от 01.10.2019 // URL:
http://vs.mor.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=673 (дата обращения: 26.08.2022).
14. Постановление Верховного Суда Республики Мордовия № 22-980 от 28.06.2021 // URL:
http://vs.mor.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=756; постановление № 22 980 от 28.06.2021 // URL:
http://vs.mor.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=741 (дата обращения: 05.09.2022).
15. Постановление Верховного Суда Республики Мордовия № 22-513 от 14.04.2021 // URL:
http://vs.mor.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=741 (дата обращения: 08.09.2022).
16. Постановление Верховного Суда Республики Мордовия № 22-1590 от 09.11.2020 // URL:
http://vs.mor.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=717 (дата обращения: 11.09.2022).

17. Постановление Верховного Суда Республики Мордовия № 22-1392 от 30.09.2020 // URL: http://vs.mor.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=717 (дата обращения: 04.09.2022).
18. Постановление Верховного Суда Республики Мордовия № 22-808 от 15.06.2020 // URL: http://vs.mor.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=691 (дата обращения: 04.09.2022).
19. Постановление Верховного Суда Республики Мордовия № 22-507 от 27.05.2020 // URL: http://vs.mor.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=691 (дата обращения: 12.09.2022).
20. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в апелляционном порядке за 2021 г. // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120> (дата обращения: 08.09.2022).

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ОТНОШЕНИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

В статье автор исследует статус следователя, особенности привлечения его к уголовной ответственности. Главное внимание уделено вопросам производства по уголовным делам в отношении следователя, ввиду специфики его правового положения и возложенных на него обязанностей. Кроме того автор определяет проблемные аспекты рассматриваемого производства

Ключевые слова: следователь, преступления, должностное лицо, статус.

Ekaterina V. Zavgorodneva

Lecturer of the Department of Criminal Procedure
and Criminalistics Orenburg State University

FEATURES OF CRIMINAL PROCEEDINGS AGAINST THE INVESTIGATOR

In this article, the author examines the status of the investigator, the features of bringing him to criminal liability. The main attention is paid to the issues of criminal proceedings against the investigator, due to the specifics of his legal status and the duties assigned to him. In addition, the author defines the problematic aspects of the production under consideration.

Keywords: investigator, crimes, position, status, problems.

Актуальность рассматриваемой темы выражена в том, что совершение преступлений правоохранительными органами для каждого государства является серьезным ударом, ведь этим подрывается авторитет государства в целом. Но, к сожалению, такие случаи встречаются на практике, так как, несмотря на свое положение, следователь также остается обычным человеком, который может совершить преступное деяние. В то же время существуют некоторые особенности производства по делам в отношении следователя и это нужно обязательно учитывать.

Так как следователь представляет собой должностное лицо, которое выполняет возложенные на него функции, которые обладают дополнительными гарантиями, среди которых важную роль играют особенности возбуждения уголовных дел в отношении отдельных категорий лиц, в состав которых законодатель внес и следователей. Эта гарантия нашла свое отражение в главе 52 УПК РФ [1].

Сегодня, положения закрепленные в главе 52 УПК РФ, т.е. отдельное производство по отдельным категориям лиц очень часто применяется,

что делает эти положения очень востребованными и необходимым для того чтобы обеспечить безопасность указанных субъектов, так и для законного и объективного решения вопроса об их ответственности.

Рассматривая статус следователя нужно понимать, что преступления, которые совершаются им, могут быть как должностными, так и стандартными, т.е. несвязанными с деятельностью следователя.

Следовательно, когда совершаются «стандартные» преступления, то следователь рассматривается как общий субъект, а вот если речь идет о должностным преступления, то следователь в этом случаи выступает специальным субъектом.

Очевидно, что следователь, хоть и является тем субъектом, который производит расследование, но он никак не может возбудить дело в отношении себя, так это будет нарушать нормы УПК РФ. Здесь на помощь и приходят нормы, закрепляющие особый порядок возбуждения уголовного дела в отношении следователя.

Определим, как же возбудить дела в отношении следователя. Опираясь на положения, закрепленные в п. 10 ч. 1 ст. 448 УПК РФ, можно точно сказать, что такое дело может возбудить руководитель следственного органа Следственного комитета Российской Федерации по субъекту Российской Федерации, т.е. руководитель одного из государственных органов, уполномоченных законом на осуществление предварительного следствия.

При возбуждении уголовного дела, как у любого другого субъекта, права следователя должны быть защищены, и не важно какое положение он занимает.

В то же время если исследовать нормы УПК РФ и ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ подробнее, то можно определить немало отличий, поэтому необходимо именно особый порядок производства по делу.

Уголовное преследование в отношении следователей, не относящихся по ведомству к органам следственного комитета РФ, идёт по другому пути [2, с. 168].

Итак, проверка обращений и само расследование дел, где подозреваемым является следователь подведомственно Следственному комитету. Исключением является, если следователь, застигнут на месте совершения преступного деяния. Анализируя положения УПК РФ и ст. 29 ФЗ «О СК РФ», увидим дублирующие положения по возбуждению руководителем следственного органа дела [4, с. 545].

Существуют различные положения в юридической науке, согласно которым подобное расследование редко являются объектив-

ными. Руководитель следственного органа и следователь постоянно взаимодействуют внутри Следственного отдела. Отношения могут «работать» в две стороны, всё зависит от взаимоотношений руководителя и следователя – близкие или негативные они.

Эта проблема взаимоотношений получила широкое распространение в современной действительности – это сложно контролировать.

Правовой критике поддается глава 52 УПК РФ со стороны международной антикоррупционной организации ГРЕКО. Особенностью российского законодательства является отсутствие правового равенства лиц уголовного процесса, которое закрепляется в иммунитетах главы 52 УПК РФ [3, с. 96].

Проект ФЗ № 644381-5 предлагал расширить компетенцию прокурорского надзора в рамках уголовного судопроизводства, где дополнялись полномочия в рамках порядка и способа возбуждения уголовного дела. Данная позиция полностью бы исключила предвзятость руководителя следственного органа в отношении следователя. Ведомственная принадлежность в этом случае исключается

П. 10 ч. 1 ст. 448 УПК РФ закрепляется порядок возбуждения уголовного дела. Данная уголовно-процессуальная норма требует дополнения в рамках предмета доказывания, исключающее необоснованное уголовное преследование за выполнения должностных обязанностей.

Сегодняшняя ситуация говорит об одном – необходимо отнести расследование дел, где подозреваемыми выступают следователи, исключительно в компетенцию прокурорского надзора. Прокурор будет выступать независимым арбитром.

Правильное возбуждение уголовного дела прямо предполагает правильный выбор оперативно-розыскных мероприятия, от этого зависит исход дела.

Список использованных источников:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: офиц. текст: по состоянию на 25 марта 2022 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 35 (Ч. 1). Ст. 4921.
2. Рубинштейн, Е. А. Уголовно-процессуальное право / отв. ред. П. А. Лупинская. Москва, 2017.
3. Сеницын В.А. Актуальные вопросы возбуждения уголовного дела в отношении бывших следователей и прокуроров в порядке статьи 448 УПК РФ // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 9.
4. Тафинцева И.С. О порядке возбуждения уголовного дела в отношении следователя как специального субъекта // Вестник Казанского юрид. ин-та МВД России. 2018. № 4 (34).

В. В. Захаренкова,

ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Санкт-Петербургский государственный университет

ДИСКУССИОННЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ КИТАЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Автор статьи обращает внимание на некоторые дискуссионные положения китайского уголовного процесса. Современное состояние уголовно-процессуальных норм становится все больше направлено на защиту прав подозреваемых и обвиняемых. Среди особенностей можно отметить наличие норм второго уровня и наличие норм, относящихся к специальным производствам. Автором затрагиваются положения, касающиеся системы правовой защиты и момента появления защитника в уголовном процессе.

Ключевые слова: китайский уголовный процесс; УПК КНР; трансформация УПК КНР; защитник; специальные производства.

Vera V. Zakharenkova

Assistant of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics,
St. Petersburg State University

CONTROVERSIAL PROVISIONS OF THE CHINESE CRIMINAL PROCESS

The author of the article draws attention to some controversial provisions of the Chinese criminal process. The current state of criminal procedural norms is increasingly aimed at protecting the rights of suspects and accused. Among the features, we can note the presence of second-level norms and the presence of norms related to special productions. The author touches upon the provisions concerning the system of legal protection and the moment of the appearance of the defender in the criminal process.

Keywords: Chinese criminal procedure; Criminal Procedural Code (CPC); transformation of the CPC; defender; special proceedings.

Современные реалии китайского уголовно-процессуального права, все большая открытость уголовных дел, демонстрация прогресса нормативной базы уголовного судопроизводства постепенно приводят китайский уголовный процесс к реформе и способствуют его трансформации от борьбы с преступностью к защите прав подозреваемых и обвиняемых [1, р. 3].

Неоспоримой является тесная взаимосвязь уголовного процесса и защиты прав человека. Если говорить о современной редакции УПК КНР 2018 года, то она отражает высокий уровень урегулирования уголовно-процессуальных отношений [4, с. 77].

Критика правоприменительной практики, вопросы основных прав человека, ущемление прав подозреваемых, обвиняемых, а также предложения по внедрению международно-признанных норм уголовного судопроизводства на данный период времени больше не является запретной темой в Китае. Доказательством этого служит все возрастающее количество критической литературы на тему уголовного судопроизводства среди ученых-теоретиков, практиков, политиков. Изложению и обсуждению китайской точки зрения на различных площадках, международных конференциях уделяется большое внимание.

В ходе судебно-правовой реформы, которую проводит Китай, возрастает интерес к изучению итогов трансформации уголовно-процессуального законодательства. Такое изучение способствует формированию положительной динамики для плодотворного международного взаимодействия по уголовно-процессуальной направленности [2, с. 4].

Интересным является смещение фокуса внимания от основных прав человека, к качественному соотношению этих прав с эффективным функционированием уголовного судопроизводства. Имеет значение применение Европейской конвенции по правам человека Европейским судом по правам человека, а также взаимодействие с правозащитными институтами, созданными Организацией Объединенных Наций для того, чтобы с большим смыслом понимать необходимость реформирования уголовного процесса в Китае.

В ходе изучения китайского уголовного процесса становится понятно, что в большей степени подвергаются анализу и изучению отдельные компоненты системы уголовного правосудия, а не система как целостное явление. Речь идет о взаимосвязи между материальным уголовным правом, уголовно-процессуальным правом, соответствующими институтами и практикой.

Важным является тот факт, что история, культура и политика данной страны оказывают значительное влияние на нормы права и правовую доктрину. Также, несомненно, язык имеет тесную взаимосвязь с законом страны и чаще всего перевод с китайского языка на языки других стран не в полной мере передает тот смысл, который заложен в изначальную формулировку. Перевод может исказить, подменять понятия и являться барьером для восприятия истинной картины.

Помимо УПК уголовное судопроизводство в Китае регулируется так называемым вторым уровнем правовых норм, таких как:

1) Толкования Верховным народным судом КНР уголовно-процессуальных норм¹;

2) Толкования Верховной народной прокуратурой КНР уголовно-процессуальных норм, имеющих отношение к деятельности органов прокуратуры²;

3) Положения Министерства общественной безопасности касательно процедур рассмотрения уголовных дел³.

Подобные толкования играют значимую роль в китайском уголовном процессе. Сущность их состоит в разъяснении неясных, расплывчатых формулировок, а также в сокращении возможности расширительно толковать норму права для того, чтобы достичь единообразия ее применения.

С 2018 года в КНР действует такой орган как Комитет по надзору, в подкрепление действия которого был издан Закон о надзоре⁴. В данном законе разъясняется взаимосвязь Комитета с уголовным судопроизводством. Этот институт требует отдельного внимания и будет более подробно рассмотрен в последующих работах. Однако стоит заметить, что создание такого Комитета – это крупная политическая реформа, которая предвещает трансформацию политической системы Китая.

В китайском уголовном процессе помимо уголовного судопроизводства в общем порядке предусмотрены так называемые специальные производства.

А именно, специальные правовые нормы:

– в отношении несовершеннолетних;

¹ См. например: 最高人民法院关于适用《中华人民共和国刑事诉讼法》的解释 (Zui gāo rén mín fǎyuàn guānyú shìyòng "Zhōnghuá rén mín gònghéguó xíngshì sùsòngfǎ" de jiěshì) - Разъяснение Верховного народного суда о применении Уголовно-процессуального закона Китайской Народной Республики и др.

² См. например: 最高人民法院最高人民检察院关于废止部分司法解释和规范性文件的规定 (Zui gāo rén mín fǎyuàn, Zui gāo rén mín jiǎncháyuàn guānyú chèxiāo bùfēn sīfǎ jiěshì hé guīfǎnxíng wénjiàn de juédìng) - Решение Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры об отмене некоторых судебных толкований и нормативных документов; 最高人民法院关于刑事诉讼法的解释 (Zui gāo rén mín jiǎncháyuàn duì "xíngshì sùsòngfǎ" de jiěshì) - Толкование Уголовно-процессуального закона Верховной народной прокуратурой и др.

³ См. например: 中华人民共和国公安部关于公安机关审议刑事案件程序规定 (Zhōnghuá rén mín gònghéguó gōngānbù guānyú gōngān jīguān shěnyì xíngshì ànjiàn chéngxù guīdìng) - Положение Министерства общественной безопасности Китайской Народной Республики о процедурах органов общественной безопасности, рассматривающих уголовные дела.

⁴ 中华人民共和国监察法 (Zhōnghuá rén mín gònghéguó jiānchá fǎ).

- в отношении процедуры примирения в делах государственного обвинения;
- в отношении процедуры заочного судебного разбирательства;
- в отношении процедуры конфискации незаконных доходов в тех случаях, когда подозреваемый, обвиняемый в совершении преступления скрывается либо умирает;
- в отношении процедуры принудительного медицинского лечения, в случаях, когда психически нездоровые лица, совершившие противоправный поступок освобождаются от уголовной ответственности.

По ходу рассуждений хотелось бы обратить внимание на создание системы правовой защиты и на процесс появления защитника в уголовном процессе Китая. Если начинать рассуждения с УПК КНР 1979 года, то адвокаты привлекались к оказанию правовой помощи обвиняемым только после того, как материалы уголовного дела передавались из прокуратуры в суд. Только после этого суд был обязан проинформировать обвиняемого об имеющимся у него праве нанять адвоката за семь дней до начала разбирательства в суде. Нормами УПК КНР 1996 года было позволено адвокатам участвовать в уголовном судопроизводстве, оказывая подозреваемому правовую помощь в ходе расследования. Так, подозреваемый в совершении уголовного преступления мог воспользоваться услугами адвоката для консультации по правовым вопросам и подачи жалобы от имени подзащитного после первого допроса органом расследования либо с момента принятия в отношении подозреваемого принудительных мер.

Такая ситуация порождала практику, когда подозреваемый давал первые показания на допросе в отсутствие консультации с защитником и зачастую такие показания были признательными. Также подобное участие защитника было ограниченным, так как его статус на тот момент не позволял получать доступ к материалам уголовного дела и самостоятельно собирать информацию, имеющую значение для уголовного дела.

УПК КНР 1979 года устанавливал обязательное участие адвоката по следующим категориям дел:

- дела публичного обвинения;
- дела, в отношении слепых, глухих, немых;
- дела, в отношении несовершеннолетних обвиняемых.

В перечисленных случаях суд первой инстанции должен был назначать адвоката.

УПК КНР 1996 года значительно модернизировал систему правовой защиты, и адвокаты уже должны были назначаться не только в упомянутых выше случаях, но и тем, кому грозила смертная казнь. Ранее

такое решение было дискреционным, а после пересмотра УПК КНР в 1996 году – обязательным. Данная версия УПК КНР впервые ввела такое понятие в китайский уголовный процесс, как бесплатная правовая помощь. Теперь, в случае неплатежеспособности обвиняемого и невозможности нанять адвоката ввиду финансовых трудностей, народный суд мог назначить юриста для оказания бесплатной правовой помощи обвиняемому. Это событие стало важной вехой в развитии правовой системы Китая и положило начало другим преобразованиям законодательства в уголовно-процессуальной сфере.

Также одним из важнейших изменений данной редакции было закрепления презумпции невиновности, которая устанавливала следующее: “Обвиняемый не виновен, пока не доказано обратное”. Ранее положение дел в Китае было иным, а именно, если невозможно было доказать виновность, но присутствовали в большом количестве доказательства против подсудимого, то суд назначал более легкое наказание, чем устанавливал закон [3, с. 174-175].

В данной статье затронуты лишь некоторые дискуссионные положения китайского уголовного процесса. Изучение китайского законодательства быстро набирает обороты. Исследования становятся все глубже и основательнее, что несомненно послужит базой для более плотного сотрудничества Российской Федерации и Китайской Народной Республики, а следовательно, и укреплению отношений между данными странами.

Список использованных источников

1. Liling Yue. Principles of Chinese Criminal Procedure (Studies in International and Comparative Criminal Law). Hart Publishing (November 4, 2021).
2. Захарова В. К. Досудебное производство в уголовном процессе Российской Федерации и Китайской Народной Республики: сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.
3. Лянь Миньянь. Совершенствование системы уголовного судопроизводства Китая // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. 2(1).
4. Малышева Н. И., Трощинский П. В. Право Китайской Народной Республики: теоретико-правовой аспект: учеб. пособие. СПб., 2022.

Е. Г. Зейдлиц

старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
Северо-Западного филиала Российского государственного университета
правосудия,
судья Ленинградского областного суда в отставке

ПРАВО НА РЕАБИЛИТАЦИЮ ПРИ ЗАКОННОМ И ОБОСНОВАННОМ УГОЛОВНОМ ПРЕСЛЕДОВАНИИ

В статье обосновывается существование проблемы применения института реабилитации в случае вынесения приговора на основании оправдательного вердикта коллегии присяжных заседателей при доказанности события преступления и причастности к нему подсудимого, законности и обоснованности уголовного преследования, но признании лица невиновным присяжными заседателями. Предлагается рассмотреть возможность замены юридической формулировки поставленного перед присяжными заседателями вопроса о виновности подсудимого лица на вопрос о наказуемости его деяния.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, гражданское судопроизводство, вина, виновность, наказуемость, присяжные заседатели, оправдательный вердикт, законное и обоснованное уголовное преследование, оправдательный приговор, право на реабилитацию, компенсация морального вреда

Eugenia Zeidlits, senior lecturer

of The North Western branch of the Russian State University of Justice,
a retired judge of the Leningrad Regional Court

THE RIGHT TO REHABILITATION IN CASE OF LAWFUL AND JUSTIFIED CRIMINAL PROSECUTION

Summary: The article substantiates the existence of the problem of using the institute of rehabilitation in the case of sentencing on the basis of the acquittal verdict of the jury when the crime event and the defendant's involvement in it are proven, the legality and validity of criminal prosecution, but the person is found innocent by the jury. It is proposed to consider the possibility of replacing the legal wording of the question posed to the jury about the guilt of the defendant with the question of the punishability of his act.

Keywords: criminal proceedings, civil proceedings, guilt, punishability, jury, acquittal verdict, lawful and justified criminal prosecution, acquittal, right to rehabilitation, compensation for moral harm

Развитие правовых норм уголовно-процессуального права на протяжении последних 20 лет позволяет выделить и проанализировать некоторые проблемы, относящиеся к вопросам правовой реабилитации в контексте функционирования института присяжных заседателей.

По смыслу положений, закрепленных в ч. 2 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, ч. 1 ст. 6 Уголовного кодекса Российской Федерации, реабилитация каждого, незаконно или необоснованно подвергнувшегося уголовному преследованию, в той же мере отвечает принципу справедливости, что и назначение виновному справедливого наказания, обеспечивая определенный баланс норм права. Поэтому данный вопрос требует пристального внимания, осмысления и доработки, как с научной, так и с практической точки зрения, в том числе с позиции законодателя.

Как отмечают правоведы дореволюционного времени, в России неоднократно поднимался вопрос государственного вознаграждения лиц, «невинно привлеченных к уголовному суду» [14, с. 529], в качестве идеи установления юридической обязанности государства, являющейся неотъемлемой частью понятия справедливого правосудия.

Институт реабилитации в известном для современных юристов смысле формировался в отечественной науке достаточно длительное время, включая периоды, когда государство отделяло себя от должностных лиц в случае вынесения ими решений, не соответствующих закону и нарушающих права и законные интересы участников уголовного судопроизводства. Одно из первых упоминаний о необходимости возмещения вреда «осужденным невинно» относится к 1883 году, в работах И.Я. Фойницкого [18, с. 9; 19, с. 40].

Продолжили исследовать данный институт Н.Н. Розин (1897 г.), Н.И. Миролубов (1902 г.) и другие ученые-правоведы.

В советский период времени в гражданском кодексе РСФСР 1922 г., затем в Конституции СССР 1977 г (ст.58) и Указе Президиума Верховного Совета СССР от 18.05.1981 г. «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей», утвержденным Законом СССР от 24.06.1981 г., декларативно было провозглашено право граждан на возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей. Конституционное закрепление данного права на возмещение ущерба, некоторые исследователи справедливо считали формальным правом, поскольку оно не имело практического применения ввиду отсутствия механизма его реализации. Граждане в определенных случаях могли реализовать свое право при условии установления вины должностных лиц в неправомерных дей-

ствиях судебным или административным органом. В Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР вопросы, касающиеся возмещения вреда реабилитируемому, вообще не были отражены, что противоречило положениям Гражданского кодекса РСФСР 1922 г.

Таким образом, интересы лиц, подвергшихся незаконному уголовному преследованию, были защищены не в полной мере. Однако Конституция Российской Федерации (ч. 1 ст. 45, ч. 1 и 2 ст. 46, ст. 52, ст. 53) провозгласила право на возмещение именно государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, затем это право было закреплено в гл. 18 УПК РФ. Тем самым, правовой институт реабилитации не только получил конституционное воплощение, но и был определен порядок и условия восстановления нарушенных прав лица, а также особенности возмещения государством имущественного и морального вреда. Согласно уголовно-процессуальному законодательству, именно государство несёт ответственность за действия и решения должностных лиц, нарушивших права и свободы реабилитируемых незаконным или необоснованным уголовным преследованием. Ранее, указанные вопросы не были четко отражены в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР.

К понятию реабилитация многие ученые юристы подходят с разных позиций. Так, например, Д.Л. Проказин под реабилитацией в уголовном судопроизводстве понимает подтверждение органами предварительного расследования, прокуратуры и суда факта незаконного или необоснованного уголовного преследования или осуждения лица, признанного в установленном законом порядке невиновным или непричастным к совершению преступления, позволяющее реабилитированному претендовать на возмещение причиненного вреда, восстановление иных его прав и свобод [13, с. 13].

По мнению Д.В. Татьяна, реабилитация представляет собой комплексный институт как средство восстановления нарушенных прав и законных интересов лиц, подвергшихся незаконному или необоснованному уголовному преследованию или осуждению, позволяющий им претендовать на компенсацию причиненного имущественного и морального вреда и восстановление иных нарушенных прав и свобод человека [16, с. 131].

Ряд ученых, в частности Т.Т. Таджиев, сходятся в своем мнении на том, что целью реабилитации является исправление следственных и судебных ошибок [15, с. 14].

Исторически сформировавшийся институт правовой реабилитации применим в случаях, когда факты прекращения уголовного дела или оправдания обвиняемого лица соответственно на досудебной или судебной стадиях основаны на отсутствии события преступления, отсутствии в деянии состава преступления либо недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления, в соответствии с п. 1, 2 ч. 1 ст. 24, п. 1 ч. 1 ст. 27; п. 1, 2, 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ.

Субъектами права на реабилитацию являются лица незаконно или необоснованно подвергнутые уголовному преследованию, независимо от стадии уголовного судопроизводства, на которой установлены данные факты. Указанные лица фактически равноправны, а наступающие для них юридические последствия одинаковы.

Нельзя не признать, что в случае постановления оправдательного приговора – факт ошибочного привлечения лица к уголовной ответственности признает именно орган судебной власти; от имени государства провозглашается признание лица невиновным в результате судебного разбирательства, основанного на принципах гласности и состязательности. Считается, что такой судебный акт, морально имеет больший вес, чем, к примеру, вынесенное на досудебной стадии постановление о прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям [9, с. 99].

Для постановления оправдательного приговора, помимо перечисленных, имеется дополнительное основание, введенное Законом Российской Федерации от 16.06.1993 г. [12], а именно, оправдательный вердикт присяжных заседателей (п. 4 ч. 2 ст. 302 и ч. 1 ст. 348 УПК РФ).

Обращаясь к Концепции судебной реформы 1991 г. [10], можно с уверенностью поддержать высказывание Д. Байрона о том, что «лучший пророк для будущего – прошлое» [20]. Так, в Концепции судебной реформы указано, что суд присяжных заседателей рассматривается в качестве средства разрешения нестандартных ситуаций, где из-за тяжести возможных последствий опаснее погрешить против справедливости, нежели против веления абстрактной правовой нормы.

Заслуживает внимание то обстоятельство, что одним из основных аргументов возрождения суда присяжных в России стало утверждение о том, что суд присяжных направлен на корректировку излишне жесткого и не всегда в полной мере справедливого уголовного закона. Там, где общество не может доверить решение государству, время деятельности присяжных.

Как известно, присяжные заседатели действуют независимо от профессионального судьи, и фактически отвечают на три основных вопроса:

- 1) доказано ли, что деяние имело место?
- 2) доказано ли, что это деяние совершил подсудимый?
- 3) виновен ли подсудимый в совершении этого деяния?

Результатом ответов на указанные вопросы и становится вердикт коллегии присяжных заседателей.

Оправдательный вердикт коллегии присяжных заседателей является дополнительным основанием постановления оправдательного приговора и обязателен для председательствующего (ч. 1 ст. 348 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации).

Оправдательным вердикт считается в следующих случаях.

Во-первых, когда за отрицательный на любой из поставленных в вопросном листе основных вопросов проголосовало не менее 3-х присяжных заседателей в районном суде или соответственно не менее 4-х присяжных заседателей в областном, краевом и приравненном к ним суде, а также, когда голоса разделились поровну. Это одна ситуация. При чем эта ситуация, как представляется, согласуется с конституционной гарантией, предусмотренной ч. 3 ст. 49 Конституции Российской Федерации, раскрывающейся в ч. 3 ст. 14 УПК РФ (о неустрашимых сомнениях в виновности лица в пользу обвиняемого).

Во-вторых, вердикт считается оправдательным и, соответственно, влечет за собой оправдательный приговор с правом на реабилитацию, если присяжные заседатели признали недоказанным факт совершения самого деяния.

В-третьих, если присяжные признали недоказанным факт причастности подсудимого к совершенному деянию, то есть дали отрицательный ответ на второй вопрос, то в этом случае также выносится оправдательный вердикт, который влечет за собой оправдательный приговор с правом на реабилитацию.

В-четвертых, присяжные заседатели наделены правом отрицательно ответить на вопрос о виновности подсудимого, признавая при этом доказанными факты деяния и причастности к деянию подсудимого. Следует отметить, что присяжные заседатели не должны обосновывать ответы на поставленные перед ними вопросы, объяснять причины, письменно мотивировать принятое решение. При отрицательном ответе только на вопрос о виновности подсудимого вердикт считается оправдательным и, как следствие, является основанием для вынесения оправ-

дательного приговора, а значит, влечет за собой реабилитацию в порядке, установленном главой 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (ч. 3 ст. 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации).

Таким образом, в последнем случае при законном и обоснованном уголовном преследовании, о чем свидетельствуют утвердительные ответы присяжных заседателей о доказанности события преступления и причастности к нему подсудимого, вердикт считается оправдательным, поскольку на вопрос о виновности лица дан отрицательный ответ. В итоге, юридически виновное лицо подлежит оправданию, в то время как, с точки зрения норм права и законов логики, указанное оправдание не имеет должной аргументации. В то же время, оправдательный вердикт обязателен для председательствующего судьи и влечет за собой постановление оправдательного приговора с признанием права на реабилитацию (ч. 3 ст. 302, ч. 3 ст. 343, ч. 1 ст. 348 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации).

Возникает вопрос: несет ли государство обязанность по возмещению ущерба и причиненные моральные и физические страдания, вызванные необходимыми следственными действиями, если лицо законно и обоснованно было подвергнуто уголовному преследованию.

Известный криминалист Ганс Гросс говорил о процессуальных ошибках следующее: «...нигде допущенная и неисправленная ошибка не приносит такого вреда, как именно в делах по расследованию преступлений и обнаружению виновных, и нигде замеченная ошибка не исправляется так легко при условии, если только она обнаружена сколь возможно быстро. Ни от кого нельзя требовать, чтобы он не делал ошибок, но можно требовать, чтобы каждый, сделавший ошибку, немедленно в ней сознавался и ее исправил – это есть самое серьезное требование, которое можно предъявить каждому честному и добросовестному уголовному деятелю» [5, С. 24].

Справедливо считать, что благодаря институту реабилитации восстанавливается доброе имя и репутация лица, незаконно подвергнутого уголовному преследованию или осуждению, возмещается причиненный ему вред, а также восстанавливаются трудовые, пенсионные, жилищные и иные права лица, нарушенные незаконным уголовным преследованием [11].

В описываемой ситуации вердикт коллегии присяжных заседателей о невиновности подсудимого фактически нивелирует смысл обвинения.

Отсутствует логическая связь в том, что гражданин нарушил закон, а государство в результате законных действий правоохранительных органов восстанавливает ненарушенные права этого гражданина. В итоге, право на реабилитацию приобретает юридически виновное лицо.

Пример из судебной практики Ленинградского областного суда.

Присяжные заседатели своим вердиктом признали доказанным факт совершения убийства, а также то, что в группе каждый из трех подсудимых причастен к этому убийству, при этом двое наносили удары кулаками, ногами и ножами, из них не менее 12-ти ножом в область шеи, а третий подсудимый нанес погибшему не менее двух ударов ногой в голову. В отношении третьего подсудимого на вопрос о виновности присяжные ответили отрицательно, т.е. коллегия присяжных заседателей вынесла оправдательный вердикт, который повлек за собой оправдательный приговор и право на реабилитацию. Реабилитированный обратился в суд с требованием о взыскании компенсации морального вреда в размере 1 млн рублей, и это фактически при законном и обоснованном уголовном преследовании, при юридической доказанности виновности. Суд удовлетворил требования реабилитированного частично [2].

Другой пример.

При доказанности факта совершения преступления и причастности к нему Д. в группе с В. и С., присяжные заседатели признали Д. невиновным, что повлекло за собой постановление оправдательного приговора в отношении Д., который обратился в Московский районный суд Санкт-Петербурга с иском о взыскании компенсации морального вреда в размере 10 млн рублей.

Представляется, что приведенные примеры являются яркой демонстрацией того, что в некоторых случаях невозможно достигнуть справедливости при признании права на реабилитацию применительно к положениям ч. 2 ст. 6 и ч. 4 ст. 11 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Образуется парадоксальная правовая ситуация, при которой лицо, подвергнутое законному и обоснованному уголовному преследованию, объявляется оправданным, и, соответственно, получает право на реабилитацию.

Подобные ситуации противоречат не только самой идее создания института реабилитации, справедливому возложению на государство обязанности возместить причиненный ущерб по сути за законные и обоснованные действия органов государственной власти, а также их должностных лиц, но и явно ставит в неравное положение лиц, в отно-

шении которых при законном и обоснованном уголовном преследовании они признаны невиновными, в сравнении с теми лицами, которые реально были подвергнуты незаконному и необоснованному уголовному преследованию.

Справедливо ли уравнивать обе эти категории оправданных? На такой вопрос нельзя ответить положительно.

Поскольку реализация права на реабилитацию предусматривает использование двух видов судопроизводства – уголовного и гражданского, то, представляется, необходима должная конкретизация обстоятельств, учитываемых в порядке гражданского судопроизводства, при решении вопроса о возможности реабилитации лица, в отношении которого велось законное и обоснованное уголовное преследование, но присяжные заседатели не усмотрели вины в его действиях (бездействии). Обратимся к вышеприведенному последнему примеру из судебной практики.

Итак, признанный невиновным присяжными заседателями при доказанности причастности к совершению убийства и соответственно оправданный судом Д. в соответствии с правом на реабилитацию обратился в районный суд с иском о взыскании компенсации морального вреда в размере 10 млн рублей, на основании ст. 134, 136 УПК РФ. Моральный вред, как указал в своем исковом заявлении Д., заключается в том, что в результате незаконного уголовного преследования он находился под стражей 702 дня.

Выдержки из материалов гражданского дела. Вердиктом коллегии присяжных заседателей признано доказанным, что Д. совместно с В. и С., действуя согласно состоявшемуся ранее сговору, совершил нападение на братьев Муминовых в целях завладения чужим имуществом, с угрозой применения насилия опасного для жизни, с применением оружия - пистолета ракетницы; кроме того, один из подсудимых С. в ходе нападения за рамками согласованного сговора (эксцесс исполнителя) совершил убийство Муминова О.Н.; подсудимого Д. коллегия присяжных заседателей признала невиновным, т.е. вынесла оправдательный вердикт. В рамках данного дела обсуждение ответов коллегии присяжных недопустимо, как и их вердикта, положенного в основу оправдательного приговора, вступившего в законную силу, которым за истцом Д. признано право на реабилитацию. Вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу обязателен для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого он вынесен. Суд, принимая решение по иску, вытекающему из

уголовного дела, не вправе входить в обсуждение вины ответчика, а может разрешать вопрос лишь о размере возмещения. Содержание истца в помещении, функционирующим в режиме следственного изолятора само по себе является достаточным для того, чтобы причинить страдания и переживания в степени, превышающей неизбежный уровень страданий, присущий ограничению свободы. Отклоняя доводы прокурора, возражавшего против иска оправданного Д. и ссылавшегося по существу на законное уголовное преследование оправданного Д., суд в своем решении по гражданскому делу указал на несостоятельность ссылки прокурора, и взыскал в пользу Д. денежную компенсацию морального вреда в сумме 1 млн рублей [3].

Приведенный пример из судебной практики очевидно показывает, что при реализации права на реабилитацию два вида судопроизводства – гражданское и уголовное связаны между собой и ограничены пределами рассмотрения дела для решения вопроса по существу. Возможно данная проблема заключается в трудностях использования инструментов юридической техники, особенностей употребления юридического языка. Представляется, что достигнуть равноправия и справедливости при признании права на реабилитацию двух категорий лиц, то есть лиц фактически незаконно и необоснованно подвергнутых уголовному преследованию и лиц законно и обоснованно подвергнутых уголовному преследованию, но признанных невиновными присяжными заседателями, следует именно на этапе рассмотрения заявления лица о компенсации морального вреда в связи с реабилитацией в порядке гражданского судопроизводства.

В науке существует точка зрения о том, в гражданском праве подчеркивается несовпадение понятия вины с уголовным [12], а также о том, что в уголовном праве в числе обязательных признаков преступления находится виновность, а объективное вменение (уголовная ответственность за невиновное причинение вреда) не допускается [17]. Согласно положениям ст. 151 Гражданского кодекса Российской Федерации, при определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. При этом степень вины, в соответствии со ст. 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации, независимо от вины причинителя вреда компенсация морального вреда осуществляется в случае незаконного осуждения лица, незаконного привлечения его к уголовной ответственности. Представляется, что при установлении законности и обоснованности уголовного преследования вопрос о возможности компенсации морального вреда в связи с реабилитацией

необходимо решать с учетом степени вины в том числе органов предварительного расследования в каждом рассматриваемом деле индивидуально.

Решение о наличии у подсудимых конкретной формы вины и определенной цели, как признаков субъективной стороны преступления относятся исключительно к компетенции председательствующего судьи, который вправе делать выводы об этом на основании фактических обстоятельств, касающихся объективной стороны содеянного, установленных вердиктом коллегии присяжных заседателей [1]. Таким образом, выходит, что установление вины не относится к компетенции коллегии присяжных заседателей, несмотря на третий обязательный вопрос, постановляемый перед ними. Вместе с тем, как отмечал Кони А.Ф., своим вопросом о виновности суд определяет особый промежуток между фактом и виной и требует, чтобы присяжные, основываясь исключительно на «убеждении своей совести» и памятуя свою великую нравственную ответственность, наполняли этот промежуток соображениями, в силу которых подсудимый оказывается виновным или невиновным [8].

Следовательно, сущность и содержание реабилитации одновременно просты и сложны в применении, в частности в ситуациях, когда при законном и уголовном преследовании лицо признается присяжными заседателями невиновным. Представляется, понимание сущности реабилитационного процесса [4] требует тщательного и юридически грамотного осмысления для его надлежащего применения и достижения заложенной цели восстановления нарушенных прав и законных интересов лица.

Отрицательные ответы присяжных заседателей на вопросы о доказанности деяния и совершения его подсудимым, без сомнения, согласуются с основаниями постановления оправдательного приговора, указанными в п. 1, 2, 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ (недоказанность преступного события, либо недоказанность причастности к преступному деянию, либо отсутствие состава преступления), и как следствие со справедливой реабилитацией. Однако отрицательный ответ присяжных заседателей на вопрос о виновности не влечет установления какого-либо из указанных оснований.

Стоит отметить, что результаты правоприменительной деятельности свидетельствуют о том, что при положительном ответе на два первых вопроса и отрицательном ответе на вопрос о виновности подсудимый оправдывается за отсутствием состава преступления, как разъяснено в абз. 6 п. 40 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.11.2005 № 23 «О применении судами норм Уголовно-

процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей».

В результате не в полной мере применяется введенное в 1991 году и действующее в настоящее время дополнительное основание для постановления оправдательного приговора – оправдательный вердикт присяжных.

Вероятно, с научной точки зрения, можно утверждать о наличии некоторых недостатков распределения полномочий по установлению объективной и субъективной сторон преступления между председательствующим профессиональным судьей и коллегией присяжных заседателей, касающихся признания подсудимого лица виновным или невиновным, последующим постановлением оправдательного приговора, возникновения у лица права на реабилитацию и компенсации в связи с этим морального вреда в порядке гражданского судопроизводства. Одной из причин выявленных недостатков следует считать низкий уровень использования юридической техники в уголовном и гражданском законодательстве, а также процессуальном законодательстве.

При этом представляется, что институт суда присяжных является прогрессивным, нужным современному обществу, поскольку данная форма судебного производства позволяет в полной мере реализовать такие принципы, как презумпция невиновности, состязательность сторон; единственная для народа возможность поучаствовать в работе судебной власти. В то же время этот институт не совсем идеален.

Как видится, отрицательный ответ присяжных на вопрос о виновности относится в большей мере к наказуемости, то есть к освобождению от наказания юридически виновного лица. Во избежание ситуаций предоставления юридически виновному лицу право на реабилитацию, вместо вопроса о виновности предлагается в вопросный лист включить вопрос: «подлежит ли лицо наказанию?». Если присяжные заседатели посчитают необходимым освободить подсудимого от наказания, то при доказанности по существу законного и обоснованного уголовного преследования у суда будет возможность на основании вердикта присяжных в отношении этого лица вынести обвинительный приговор с освобождением от наказания [7, с. 71].

Представляется, что подобный подход в конечном итоге позволит сгладить недостатки законодательной юридической техники и будет способствовать достижению принципа справедливости при реализации положений гл. 18 УПК РФ о реабилитации.

Нельзя не отметить, что в формах статистической отчетности о деятельности судов общей юрисдикции, утверждаемых Судебным де-

партаментом при Верховном Суде Российской Федерации, не предусмотрен учет показателей о применении института реабилитации, которые позволяли бы оценить общую сумму денежных средств, выплаченных из средств федерального бюджета в счет возмещения вреда лицам, законно и обоснованно привлеченным к уголовной ответственности, но признанным невиновными вердиктом коллегии присяжных заседателей.

Между тем, с учетом расширения сферы применения рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей, введения этой формы уголовного судопроизводства в районных судах, существующая проблема возникновения права на реабилитацию требует незамедлительного решения.

Список использованных источников

1. Апелляционное определение СК по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.11.2019 № 127-АПУ19-13СП.
2. Архив Ленинградского областного суда, дело № 2-14/2020.
3. Архив Московского районного суда города Санкт-Петербурга, дело № 4-3083/2021.
4. Большой юридический словарь. М., 2003. [Электронный ресурс] URL: <https://dic.academic.ru/dicnsf/lower/17854> (дата обращения 01.09.2022).
5. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики: Пер. с нем. Санкт-Петербург, 1908.
6. Есаков Г. А. Преюдиция в уголовном процессе: материально-правовой взгляд // Закон. № 1. 2022. [Электронный ресурс] URL: <http://garant.ru> (дата обращения 01.09.2022).
7. Зейдлиц Е. Г. Сочетание принципов гуманизма и справедливости применительно к последствиям вердикта присяжных заседателей при отрицательном ответе на вопрос о виновности // Материалы Международной научно-практической конференции 28.04.2022. Казань, 2022.
8. Кони А. Ф. Из записок судебного деятеля // Собр. соч. Т. 1. М., 1986. [Электронный ресурс] URL: https://dslov.ru/txt/357/t357_14.htm (дата обращения 01.09.2022).
9. Миронова М. А. Оправдательный приговор как акт судебной реабилитации подсудимого // Юридический вестник Самарского университета. 2016. Т. 2. № 4. [Электронный ресурс] URL: <https://journals.ssau.ru/jjsu/article/view/5061> (дата обращения 01.09.2022).
10. О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР», Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях: Закон РФ от 16 июля 1993 г // Ведомости РФ. 1993. № 33. Ст. 1313.

11. Поляков М. А. Реабилитация лиц, подвергшихся незаконному или необоснованному уголовному преследованию в уголовном процессе РФ: магистерская диссертация // НИ ТГУ, Томск, 2017. [Электронный ресурс] URL: <http://ui.tsu.ru/wp-content/uploads/2017/07/Поляков-Михаил-Александрович.pdf> (дата обращения 01.09.2022).
12. Постановление ВС РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О концепции судебной реформы в РСФСР».
13. Проказин Д. Л. Реабилитация: основания, условия и содержание в уголовном судопроизводстве: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.09. Москва, 2006.
14. Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство: пособие к лекциям Н. Н. Розина. 2-е изд., измененное и доп. С.-Петербург, 1914.
15. Таджиев Т. Т. Проблемы реабилитации в советском уголовном процессе: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.09. - Ташкент, 1991.
16. Татьянин Д. В. Реабилитация в уголовном процессе России (понятие, виды, основания). Изд. 2-е, доп. Москва, 2010.
17. Уголовное право России. Части общая и особенная: учебник / под редакцией заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора А. В. Бриллиантова. Изд. 3-е, перераб. и доп. Москва, 2021.
18. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Том I (издание 4-е). С.-Петербург, 1912.
19. Фойницкий И. Я. О вознаграждении невинно к суду уголовному привлекаемых. Санкт-Петербург, 1884.
20. Цитаты и афоризмы Джорджа Байрона [Электронный ресурс] URL: <https://citaty.su/citaty-i-aforizmy-dzhordzha-bajrona> (дата обращения 01.09.2022).

Кирянина Ирина Алексеевна

старший преподаватель кафедры уголовного
процесса Нижегородского филиала
Санкт-Петербургской академии Следственного комитета

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДИСТАНЦИОННЫХ РЕСУРСОВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Автором поднимаются проблемы, с которыми столкнулись органы предварительного расследования при реализации положений введенной в уголовно-процессуальный закон нормы, позволяющей проводить отдельные следственные действия посредством дистанционных ресурсов. Сформулированы отдельные рекомендации по нивелированию возникающих у следователя уголовно-процессуальных рисков при формировании доказательственной базы посредством дистанционных технологий

Ключевые слова: допрос, очная ставка, опознание, видео-конференц-связь, следственное действие, доказывание, поручение

Irina A. Kiryanina

Senior lecturer of the Department of Criminal
Procedure of the Nizhny Novgorod branch
St. Petersburg Academy of the Investigative Committee

ON THE ISSUE OF THE EFFECTIVENESS OF THE USE OF REMOTE RESOURCES DURING THE PRELIMINARY INVESTIGATION

The author raises the problems faced by the preliminary investigation bodies in implementing the provisions of the norm introduced in the Criminal Procedure Law, which allows for individual investigative actions through remote resources. Separate recommendations are formulated on leveling the criminal procedural risks arising from the investigator when forming the evidence base through remote technologies

Keywords: interrogation, confrontation, identification, video conference, investigative action, proof, assignment

Неизбежность внедрения в уголовное судопроизводство цифровых технологий обусловлена ростом преступлений, совершенных с применением информационных, коммуникационных и высоких технологий, необходимостью переосмысления доказательственного значения электронных следов, полученных при их расследовании.

Еще в 2020 году в условиях активной цифровизации уголовного процесса, развитие которой подстегивала пандемия, ученое сообщество

и практикующие юристы говорили о наращивании темпов использования высоких технологий в уголовном судопроизводстве. Особенную актуальность эта тенденция приобрела в 2021 году в связи с принятием на 36-м пленарном заседании Европейской комиссии по эффективности правосудия «Руководства по видео-конференц-связи в судебных процессах».

Кроме того, 01.01.2020 для Российской Федерации вступил в силу Второй дополнительный протокол к Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам (подписан в г. Страсбурге 08.11.2001), статьей 9 которого предусмотрена возможность проведения допроса лица, находящегося на территории иностранного государства – участника Европейской конвенции, в качестве свидетеля или эксперта посредством видеоконференцсвязи, а статьей 10 этого документа – проведение аналогичного следственного действия посредством телефонной конференции.

Ратифицируя Второй Дополнительный протокол к Европейской конвенции, Российская Федерация исходила из понимания того, что допрос проводится судебными органами запрашивающей Стороны в соответствии с ее законодательством. Однако, норма, которая предусматривала бы возможность проведения допроса лиц в качестве потерпевших, свидетелей либо экспертов посредством видеоконференции или телефонной конференции, в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации на тот момент отсутствовала.

Федеральным законом от 30.12.2021 № 501-ФЗ в уголовно-процессуальный закон внесены изменения, позволяющие органам предварительного расследования проводить допрос, очную ставку и опознание путем использования систем ВКС государственных органов, осуществляющих предварительное расследование, при наличии технической возможности по правилам ст. 164 и главы 26 Уголовно-процессуального кодекса с учетом особенностей, установленных статьей 189.1 УПК РФ.

Авторы законопроекта анонсировали получение лицом, производящим предварительное расследование, качественно новых возможностей, позволяющих проводить следственные действия и формировать доказательственную базу в условиях пандемийных ограничений, связанных с возможной самоизоляцией и необходимостью обязательного соблюдения ограничительных мер отдельными категориями граждан. Авторы ожидали, что цифровизация уголовного судопроизводства позволит сократить не только сроки предварительного следствия, но и временные и материальные затраты в связи с выездом следователя к месту

нахождения участников уголовного судопроизводства, а также иных расходов на совершение процессуальных действий.

Однако, возможность использования следователем дистанционных ресурсов при проведении следственных действий породила больше трудностей в формировании доказательственной базы и опасений за ее последующую сохранность, и не вызвала тех положительных изменений, которые обещали инициаторы законопроекта.

Научное сообщество и практикующие юристы в один голос говорят о рисках так называемой «утечки» следственной информации, т.е. несанкционированного доступа к ней третьих лиц, ее утраты, порчи, фальсификации.

Первая проблема, с которой столкнулись правоприменители, связана с возможностью проводить допрос и те следственные действия, в основе которых он лежит, исключительно посредством ВКС государственных органов, осуществляющих предварительное расследование. В настоящее время у следователей следственных органов Следственного комитета возможность использования такой системы видео-конференц-связи отсутствует, нет даже утвержденного перечня программного обеспечения, которое можно использовать следователю.

В свою очередь, использование следователем при проведении допроса свидетеля видеосвязи посредством приложения «WhatsApp», привело к утрате доказательства [1]. Не исключив эпизод преступного деяния из предъявленного обвинения, суд, тем не менее, указал на недопустимость нарушения процедуры проведения следственного действия посредством использования следователем альтернативного средства ВКС, помимо системы государственных органов, при соблюдении всех остальных условий, предусмотренных в законе.

Авторы законопроекта [2] и публицисты [3, с. 76] констатируют отсутствие надлежащего технического оснащения органов предварительного расследования.

Исключение доказательства - показаний свидетеля только на том основании, что допрос проведен с использованием альтернативного средства ВКС, находящегося в распоряжении следователя, приводит к тому, что органы предварительного расследования отказываются от проведения дистанционных следственных действий с учетом высокого риска утраты доказательственной базы.

Не менее острым, на наш взгляд, является вопрос об участниках уголовного судопроизводства, проведение следственных действий по ВКС с которыми, возможно.

Несмотря на то, что принятая редакция не содержит закрытого перечня участников уголовного судопроизводства, в отношении которых допустимо проведение отдельных следственных действий с применением ВКС, следует исходить из того, что глава 26 УПК РФ содержит общие правила проведения допроса, очной ставки и опознания.

Согласно ст. 76 УПК РФ, показания подозреваемого - сведения, сообщенные им на допросе, проведенном в ходе досудебного производства в соответствии с требованиями статей 187 - 190 УПК РФ, а также к положениям ст. 173 УПК РФ, которая предполагает проведение допроса обвиняемого в порядке, установленном ст. 189 УПК РФ.

Из буквального толкования следует вывод о возможности применения ВКС при допросе лица, имеющего статус подозреваемого, обвиняемого. Никаких специальных оговорок или исключений в части возможности проведения допроса с применением дистанционных технологий в отношении подозреваемого, обвиняемого законодателем не предусмотрено.

Совершенно очевидно, что при распространении возможности проведения допроса с использованием технических средств и программного обеспечения в отношении подозреваемого, обвиняемого, соответствующие вкрапления законодатель должен был внести в статьи 76, 173 УПК РФ.

Подобная юридическая конструкция свидетельствует о том, что законодатель умышленно ушел от закрытого перечня участников уголовного судопроизводства, проведение отдельных следственных действий с которыми возможно посредством видео-конференц-связи. Норма предусматривает их проведение, как в отношении потерпевшего, свидетеля, так и в отношении подозреваемого, обвиняемого и лица без процессуального статуса; а возможность проведения допроса – несомненно, в отношении специалиста и эксперта.

Следующая дилемма связана с уголовно-процессуальной тенденцией, набирающей обороты в уголовном судопроизводстве европейских стран параллельно с наращиванием темпов цифровизации уголовного процесса. В 2021 году приняты решение Конституционного совета Франции от 15.01.2021 № 2020-872 QPC и решение Государственного совета Франции от 12.02.2021 № 448981, концептуально ограничившие применение видеоконференцсвязи в уголовном процессе, определив, что при любом процессе, касающемся личной свободы человека (заключение под стражу, продление сроков содержания под стражей, разрешения уголовного дела по существу), он буквально имеет право на физический доступ к суду, чтобы судья посмотрел на него не в цифровом

изображении, а реально. Ни пандемийные ограничения, ни иные чрезвычайные ситуации не могут служить основанием для ограничения этого права. По мнению профессора Л.В. Головки, важен эмоциональный аспект, важно увидеть выражение его лица [4, с. 31].

Процесс формирования доказательственной базы достаточно скрупулёзный, где следователь, в первую очередь, руководствуется законом и совестью, опирается на свое личное убеждение, а, нередко, свою интуицию. В уголовном процессе, в отличие от гражданского и арбитражного, до настоящего времени актуальна эмоциональная, если хотите, человеческая составляющая. Умение следователя не только слушать, но и слышать, установить психологический контакт, найти подход к конкретному человеку, поймать на лжи, убедить сознаться под неопровержимым грузом собранных доказательств, использовать тактические приемы – все это может быть нивелировано несовершенством технических средств, сбоями программного обеспечения, отсутствием необходимых умений и навыков пользователя, помехами, нестойким соединением Интернета.

Нет сомнения в том, что любой следователь скажет нам о важности сохранения визуального контакта «глаза в глаза», особенно с подозреваемым, обвиняемым. Личная ответственность следователя за качество и полноту расследования обуславливает необходимую степень уверенности в результативности проведения такого важного и информативного следственного действия, как допрос, а также исключительную значимость предшествующей ему возможности налаживания психологического контакта с допрашиваемым.

Нельзя согласиться с теми авторами, которые полагают, что допрос посредством ВСК показан именно тогда, когда следователю нужно «смотреть в глаза» допрашиваемому, увидеть его мимику, когда процесс дачи показаний важен для формирования внутреннего убеждения следователя. В иных случаях следует ограничиться поручением иному органу предварительного расследования [3, с. 75-76].

Полагаем, что при допросе, проводимом с применением систем видео-конференц-связи, возможность установления психологического контакта между следователем и допрашиваемым лицом, столь необходимого для получения всей интересующей следствие информации, сведена к минимуму. Фактически, допрос сводится исключительно к стенографированию показаний допрашиваемого лица, их механической фиксации.

Однако, следователь – это не журналист, он не берет интервью. Следователь осуществляет сбор доказательств в условиях жесткого про-

тивоположения как со стороны защиты, так, нередко, и со стороны обвинения, преследующих свои цели. При допросе, очной ставке и проведении опознания следователь использует законные методы воздействия на участников уголовного судопроизводства с целью установления истины по уголовному делу и собирания доказательств. Он несет персональную ответственность за каждое действие и процессуальное решение, а, главное, за его результативность и продуктивность, и возможность использования в процессе доказывания по уголовному делу. Лицо, в чьем производстве находится уголовное дело, не может в полном объеме использовать тактические приемы распознавания лжи, методы преодоления иного противодействия.

Представляется, что возможность использования digital-технологий при проведении таких ключевых следственных действий, как допрос, очная ставка и опознание сведена к нулю, несмотря на все желание законодателя шагать в ногу со временем.

При таких условиях, целесообразность проведения следственных действий с использованием дистанционных технологий сохраняется только с теми лицами, которые изначально настроены на контакт со следователем (потерпевший, эксперт, специалист).

Проведение очной ставки посредством дистанционных ресурсов, когда участники следственного действия надежно защищены экранами мониторов и многими километрами, имеет реальную перспективу пройти в формате видеоконференции, созданной для обсуждения любой абстрактной темы. Однако, следователь вряд ли сможет это себе позволить, поскольку цели и задачи проведения следственного действия не будут достигнуты.

Следующий процессуальный риск возникает при проведении опознания лица, трупа или предмета опознающий, предварительно допрошенный об отличительных чертах, по которым может опознать кого-либо, в условиях проведения следственного действия с использованием систем видео-конференц-связи, с учетом качества передаваемой картинки и изменения цветопередачи, будет лишен возможности наблюдать мелкие детали (царапины, пометки, шрамы, родинки, татуировки и т.д.) на опознаваемом предмете или лице, что ставит под сомнение саму возможность проведения опознания с использованием высоких технологий.

В ходе проведенного автором опроса среди сотрудников СК России по Приволжскому федеральному округу выяснено, что следователи прибегают к дистанционным следственным действиям в исключительных, если хотите «безвыходных» случаях, используя при этом системы

ВСК судов или органов внутренних дел. В повседневной следственной практике, исходя из важности результатов следственного действия для формирования доказательственной базы, следователь проведет его самостоятельно, выехав в командировку, если же показания не представляют решающего значения либо лицо, подлежащее допросу, настроено на контакт со следствием – направит поручение следственному органу.

Еще одна проблема связана с местом проведения дистанционных следственных действий. Допрос, как иные дистанционные следственные действия, проводятся одновременно в двух местах: следователем, в производстве которого находится уголовное дело, по месту производства предварительного расследования, и следователем, который занимается организацией участия свидетеля или иных участников уголовного судопроизводства в следственном действии, по месту, определенному органом предварительного расследования, исполняющим соответствующее письменное поручение. Буквальное толкование положений части 1 ст. 187 УПК РФ позволяет дополнительному следователю обеспечить участие лица в допросе не только в служебном кабинете, но и в месте фактического нахождения последнего, а, если это не запрещено поручением, то и в другом, определенном следователем месте. Представляется, что единственный случай, когда местом может быть местонахождение допрашиваемого - если доставление его в служебный кабинет следователя ставит под угрозу здоровье или жизнь допрашиваемого либо других граждан. Обычно такая ситуация складывается в связи с опасным инфекционным заболеванием допрашиваемого. На наш взгляд – это единственное оправданное применение дистанционных способов проведения следственных действий в настоящее время.

Выполнит ли данная норма возложенные на неё законодателем надежды - покажет время. В настоящее время, поскольку практика ее применения крайне скудна, можно сделать только предварительные выводы о том, что проведение следственных действий с применением систем видео-конференц-связи не эффективно.

Таким образом, введение дистанционных технологий при проведении следственных действий, вызванное пандемийными ограничениями, не нашло положительного отклика в деятельности следователей Следственного комитета. Это обусловлено, в первую очередь, теми задачами, которые стоят перед следователем при формировании доказательственной базы, особенностями процесса доказывания, целями уголовного судопроизводства. Активная позиция стороны защиты, противодействие участников уголовного судопроизводства, прокурорский

надзор и судебный контроль, презюмирующие исключение любого доказательства, не отвечающего критерию допустимости в случае любого формального нарушения порядка и процедуры проведения следственного действия со стороны следователя - все это в совокупности создает предпосылки к тому, что следователю проще и надежнее, с точки зрения сохранения доказательств, провести следственное действие в традиционном классическом порядке, либо направить соответствующее поручение следователю или органу дознания. Слишком много условий предусмотрено для дистанционного допроса, слишком дорогая цена ошибки.

Организационные и временные ресурсы, затрачиваемые на проведение следственных действий в дистанционном формате, когда в проведении следственного действия одновременно заняты два следователя, несоизмеримы с тем результатом, который получит следователь. Единственный и в настоящее время оправданный случай использования рассмотренной нами новеллы возможен в случае проведения допроса лица с опасным инфекционным заболеванием допрашиваемого.

Список использованных источников

1. Приговор Ленинского районного суда города Ростова-на-Дону от 17.02.2022 N 1-27/2022(1-292/2021). // URL: <https://dsm.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=5C4D95E4FA90990142294B48A7B2C0EC&mode=backrefs&SORTTYPE=0&BASENODE=32850-3&ts=4942165235761920464&base=AOUG&n=7224073&rnd=AiVvsQ#0BНас5TMh1YJbwZN1> (дата обращения 25.10.2022).
2. Законопроект № 1184595-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1184595-7> (дата обращения 25.10.2022).
3. Рыжаков А. П. Следственные действия по ВСК. Вопросы и ответы// Уголовный процесс. 2022. № 3.
4. Головки Л.В. Перепрыгивания через судебные инстанции быть не должно// Уголовный процесс. 2022. № 2.

С.П. Кушниренко,

кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики СПбГУ,

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЕ МЕРЫ В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье проанализирована практика введения дополнительных мер профилактики коррупции, связанных с введением института увольнения государственных и муниципальных служащих, а также иных лиц в связи с утратой доверия при совершении ими коррупционных правонарушений. Автор обосновывает мнение о том, что формирование и ведение открытого Реестра лиц, уволенных в связи с утратой доверия, является профилактической мерой и способом реализации такого принципа противодействия коррупции, как публичность и открытость деятельности государственных органов и органов местного самоуправления. Приведены некоторые результаты мониторинга формирования и ведения Реестра таких лиц.

Ключевые слова: противодействие коррупции, профилактика коррупции, увольнение в связи с утратой доверия, Реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия.

Svetlana P. Kushnirenko,

PhD in Law, Associate Professor,
Department of Criminal Procedure and Criminalistics,
St. Petersburg State University

ADDITIONAL PREVENTIVE MEASURES IN THE CONTEXT OF COMBATING CORRUPTION IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article analyzes the practice of dismissal of state and municipal employees in connection with the loss of trust when they commit corruption offenses. According to the author, the formation and maintenance of an open Register of persons dismissed due to loss of confidence is a preventive measure and the way to implement such a principle of combating corruption as publicity and openness of the activities of state bodies and local self-government bodies. Some results of monitoring the formation and maintenance of the Register of such persons are given.

Key words: anti-corruption, corruption prevention, dismissal due to loss of confidence, Register of persons dismissed due to loss of confidence.

Введение

Противодействие коррупции в Российской Федерации (далее – РФ) как системная деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций

и физических лиц в соответствии с Федеральным законом от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее - Закон о противодействии коррупции) предполагает комплекс мер по: а) по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции); б) по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией); в) по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений. Системность и долгосрочность предпринимаемых мер подтверждается принятием в 2010 году Национальной стратегии противодействия коррупции, утвержденной Указом Президента РФ от 13 апреля 2010 года №460. Ее целью провозглашено искоренение причин и условий, порождающих коррупцию в российском обществе, что свидетельствует о придании приоритетного значения предупредительным (профилактическим) мерам.

Общая профилактика коррупции представляет собой совокупность неспецифических мероприятий, которые напрямую не влияют на причины возникновения коррупции, но косвенно способствуют пресечению недобросовестного поведения. Специальная профилактика в первую очередь ориентирована на предупреждение коррупции и проводится специальными субъектами: кадровыми службами, органами по профилактике административных и иных правонарушений, комиссиями по урегулированию конфликта интересов и другими. Среди специальных профилактических мер можно выделить материально-технические, кадровые, предупредительные, правовые. По мнению автора, особого внимания в контексте разработки и применения профилактических мер противодействия коррупции заслуживает такой институт, как увольнение в связи с утратой доверия, и дополнительная мера – ведение реестра лиц, уволенных в связи с утратой доверия.

В 2011 году Федеральным законом от 21.11.2011 № 329-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» Закон о противодействии коррупции был дополнен статьей 13.1. «Увольнение (освобождение от должности) лиц, замещающих государственные должности РФ, государственные должности субъектов РФ, муниципальные должности, в связи с утратой доверия». В соответствии с новой нормой лицо, замещающее государственную должность РФ, государственную должность субъекта РФ, муниципальную должность, подлежит увольнению (освобождению от должности) в связи с утратой доверия в случае:

1) непринятия лицом мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов, стороной которого оно является;

2) непредставления лицом сведений о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей либо представления заведомо недостоверных или неполных сведений, если иное не установлено федеральными законами;

3) участия лица на платной основе в деятельности органа управления коммерческой организации, за исключением случаев, установленных федеральным законом;

4) осуществления лицом предпринимательской деятельности;

5) вхождения лица в состав органов управления, попечительских или наблюдательных советов, иных органов иностранных некоммерческих неправительственных организаций и действующих на территории РФ их структурных подразделений, если иное не предусмотрено международным договором РФ или законодательством РФ.

Лицо, замещающее государственную должность РФ, государственную должность субъекта РФ, муниципальную должность, которому стало известно о возникновении у подчиненного ему лица личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов, также подлежит увольнению (освобождению от должности) в связи с утратой доверия в случае непринятия им мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов, стороной которого является подчиненное ему лицо.

Увольнение в связи с утратой доверия было предусмотрено и для других субъектов: лиц, занимающих должности в Центральном банке РФ, в государственных корпорациях, публично-правовых компаниях, Пенсионном фонде РФ, Фонде социального страхования РФ, Федеральном фонде обязательного медицинского страхования, иных организациях, созданных РФ на основании федеральных законов; лиц, занимающих отдельные должности на основании трудового договора в организациях, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед федеральными государственными органами; лиц, замещающих должности финансового уполномоченного, руководителя службы обеспечения деятельности финансового уполномоченного (ст. 13.2 Закона о противодействии коррупции).

1. Правовое регулирование увольнения лиц в связи с утратой доверия за совершение коррупционных правонарушений.

Приведенное выше изменение Закона о противодействии коррупции повлекло за собой внесение дополнений, вводящих нормы увольнения государственных и муниципальных служащих, а также иных лиц, в связи с утратой доверия в случаях совершения ими коррупционных правонарушений и в другие нормативные правовые акты.

Так, в ч. 1 ст. 37 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ (далее – Закон о госслужбе) введен п. 1.1, предусматривающий расторжение служебного контракта по инициативе представителя нанимателя с гражданским служащим, который может быть освобожден от замещаемой должности гражданской службы и уволен с гражданской службы в случае утраты представителем нанимателя доверия к нему в связи с несоблюдением ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнения обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции Законом о госслужбе, Законом о противодействии коррупции и другими федеральными законами. Здесь же заметим, что данная норма подвергалась проверке на конституционность. В Постановлении № 14-П от 6 апреля 2020 г. Конституционный Суд признал п. 1.1 ч. 1 ст. 37 и п. 2 ч. 1 ст. 59.2 Закона о госслужбе не противоречащими Конституции и отметил, что выявленный в постановлении смысл данных положений является общеобязательным и исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

В соответствии с п. 3 ст. 19 Федерального закона «О муниципальной службе в РФ» от 02.03.2007 № 25-ФЗ (в ред. Федерального закона от 21.11.2011 № 329-ФЗ) основанием для расторжения трудового договора с муниципальным служащим по инициативе представителя нанимателя (работодателя) может служить несоблюдение им ограничений и запретов, связанных с муниципальной службой.

На основании п. 7.1 ст. 40 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» полномочия депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления прекращаются досрочно в случае несоблюдения им ограничений, запретов, неисполнения обязанностей, установленных Законом о противодействии коррупции, Федеральным законом от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные

должности, и иных лиц их доходам», Федеральным законом от 07.05.2013 № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории РФ, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами», если иное не предусмотрено законодательством.

Аналогичные нормы были включены в нормативные правовые акты, регулирующие деятельность правоохранительных органов.

Например, в Федеральный закон «О прокуратуре РФ» от 17.01.1992 № 2202-1 введена статья 41.9. «Увольнение в связи с утратой доверия», в соответствии с которой работник подлежит увольнению в случае:

- непринятия им мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов, стороной которого он является;

- непредставления сведений о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей либо представления заведомо недостоверных или неполных сведений;

- участия на платной основе в деятельности органа управления коммерческой организации, за исключением случаев, установленных федеральным законом;

- осуществления предпринимательской деятельности;

- вхождения в состав органов управления, попечительских или наблюдательных советов, иных органов иностранных некоммерческих неправительственных организаций и действующих на территории РФ их структурных подразделений, если иное не предусмотрено международным договором РФ или законодательством РФ;

- нарушения им, его супругой (супругом) и несовершеннолетними детьми в случаях, предусмотренных Федеральным законом «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории РФ, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами», запрета открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории РФ, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами.

Также увольнению в связи с утратой доверия подлежит руководитель органа или организации прокуратуры, которому стало известно о

возникновении у подчиненного ему работника личной заинтересованности, которая приводит или может привести к конфликту интересов, если руководитель не принял мер по предотвращению и (или) урегулированию конфликта интересов, стороной которого является подчиненный ему работник.

Аналогичной по содержанию статьей 30.2 дополнен Федеральный закон «О Следственном комитете РФ» от 28.12.2010 № 403-ФЗ.

В 2014 году в Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» от 30.11.2011 № 342-ФЗ включена статья 50.1. «Взыскания за несоблюдение ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции»⁵, в соответствии с которой за несоблюдение сотрудником органов внутренних дел ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции Законом о противодействии коррупции и другими федеральными законами, налагаются взыскания, предусмотренные ч. 1 ст. 50 Закона: 1) замечание; 2) выговор; 3) строгий выговор; 4) предупреждение о неполном служебном соответствии; 5) перевод на нижестоящую должность в органах внутренних дел; 6) **увольнение со службы в органах внутренних дел** (выделено нами).

В указанный период времени были дополнены соответствующими антикоррупционными нормами и другие нормативные правовые акты, регулирующие прохождение правоохранительной и военной службы.⁶

Кроме этого, введены нормы об увольнении в связи с утратой доверия за совершение коррупционных правонарушений и других категорий работников, а именно: лиц, занимающих должности в государственных корпорациях, публично-правовых компаниях, государственных компаниях, назначение на которые осуществляет Президент РФ или Правительство РФ (ст. 349.1 Трудового кодекса РФ (далее – ТК) введена

⁵ Введена Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции» от 22.12.2014 № 431-ФЗ.

⁶ Например: ст. 29.2 Федерального закона от 21.07.1997 № 114-ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации»; ст. 51 Федерального закона от 1.10.2019 № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; ст. 52 Федерального закона от 23.05.2016 № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; ст. 51.1 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» от 28.03.1998 № 53-ФЗ и другие.

Федеральным законом от 29.12.2010 № 437-ФЗ); работников Пенсионного фонда РФ, Фонда социального страхования РФ, Федерального фонда обязательного медицинского страхования, иных организаций, созданных РФ на основании федеральных законов, если эти лица занимают должности, назначение на которые осуществляет Президент РФ или Правительство РФ (ст. 349.1 ТК введена Федеральным законом от 03.12.2012 № 231-ФЗ). Для указанных категорий работников в 2012 году введен п. 7.1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ⁷, которым внесены в перечень оснований увольнения трудового договора по инициативе работодателя в связи с утратой доверия и случаи непринятия работником мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов, стороной которого он является, непредставления или представления неполных или недостоверных сведений о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера либо непредставления или представления заведомо неполных или недостоверных сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруга (супруги) и несовершеннолетних детей, открытия (наличия) счетов (вкладов), хранения наличных денежных средств и ценностей в иностранных банках, расположенных за пределами территории РФ, владения и (или) пользования иностранными финансовыми инструментами работником, его супругом (супругой) и несовершеннолетними детьми в случаях, предусмотренных ТК, другими федеральными законами, нормативными правовыми актами Президента РФ и Правительства РФ.

Диспозиции всех перечисленных норм содержат разный объем коррупционных правонарушений, за совершение которых лицо подлежит увольнению (досрочному прекращению полномочий) по инициативе работодателя в связи с утратой доверия. Поскольку в наши цели не входит более глубокий их анализ, ограничимся лишь этими сведениями, упомянув лишь о том, что увольнение в связи с утратой доверия является дисциплинарным взысканием за совершение дисциплинарного проступка, хотя и носящего признаки коррупционного правонарушения, поэтому возможно только после соблюдения конкретной процедуры. Например, для государственных служащих она определена ст. 59.3 Закона о госслужбе, для муниципальных служащих - ст. 27.1 Закона о муниципальной службе, для работников государственной корпорации, государственных компании, публично-правовой компании - ст. 192, 193 ТК РФ. Соответствующие процедуры предусмотрены нормативными правовыми актами и для других категорий лиц.

⁷ Введен Федеральным законом от 03.12.2012 № 231-ФЗ, в ред. Федеральных законов от 29.12.2012 № 280-ФЗ, от 07.05.2013 № 102-ФЗ, от 28.12.2016 № 505-ФЗ.

Таким образом, можно констатировать, что в российское законодательство введена целая система норм об увольнении в связи с утратой доверия за совершение коррупционных правонарушений, предусмотренных Законом о противодействии коррупции.

2. Правовое регулирование формирования и ведения реестра лиц, уволенных в связи с утратой доверия.

В 2017 году⁸ Закон о противодействии коррупции был дополнен ст. 15, в соответствии с которой сведения о применении к перечисленным в п. 1.1 заключения лицам дисциплинарного взыскания в виде увольнения (освобождения от должности) в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения должны включаться государственным органом (органом местного самоуправления) или иным органом, в котором лицо замещало соответствующую должность, в реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия (далее – Реестр). Введение данной нормы также повлекло внесение дополнений как в уже названные нормативные правовые акты, так и некоторые другие. С 1 января 2018 года вступил в действие Федеральный закон от 01.07.2017 №132-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части размещения в государственной информационной системе в области государственной службы сведений о применении взыскания в виде увольнения в связи с утратой доверия за совершение коррупционных преступлений».

Для регулирования вопросов формирования и ведения реестра принято Постановление Правительства РФ от 05.03.2018 № 228 «О реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверия», утвердившее «Положение о реестре лиц, уволенных в связи с утратой доверия» (далее – Положение).

В каждом государственном, муниципальном органе и организации на федеральном уровне, уровне субъекта федерации и территориальном уровне определяется уполномоченное должностное лицо, ответственное за включение сведений в реестр и исключение сведений из него посредством направления сведений в уполномоченный государственный орган (уполномоченную организацию), которые в свою очередь направляют ее в уполномоченное подразделение Аппарата Правительства РФ - Департамент Правительства РФ, к сфере ведения которого относится обеспечение реализации полномочий Правительства РФ в ре-

⁸ Федеральный закон от 01.07.2017 № 132-ФЗ.

шении кадровых вопросов (далее - уполномоченное подразделение Аппарата Правительства РФ). Указанный Департамент осуществляет размещение реестра в открытом доступе на официальном сайте единой системы по адресу <http://gossuzhba.gov.ru/reestr> в виде списка, который сформирован в алфавитном порядке (в формате PDF).

Для включения сведений в Реестр уполномоченный государственный орган (уполномоченная организация) направляет в уполномоченное подразделение Аппарата Правительства РФ следующую информацию:

а) фамилия, имя и отчество лица, к которому применено взыскание в виде увольнения (освобождения от должности) в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения;

б) дата рождения лица, к которому применено взыскание в виде увольнения (освобождения от должности) в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения;

в) идентификационный номер налогоплательщика (ИНН), присваиваемый налоговым органом РФ, или аналог идентификационного номера налогоплательщика в соответствии с законодательством соответствующего иностранного государства (для иностранных лиц) - при наличии;

г) страховой номер индивидуального лицевого счета (СНИЛС) - при наличии;

д) номер и серия паспорта (или реквизиты заменяющего его документа) лица, к которому применено взыскание в виде увольнения (освобождения от должности) в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения;

е) наименование органа (организации), в котором замещало должность лицо, к которому было применено взыскание в виде увольнения (освобождения от должности) в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения;

ж) наименование должности, замещаемой на момент применения взыскания в виде увольнения (освобождения от должности) в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения;

з) дата и номер (реквизиты) соответствующего акта о применении взыскания в виде увольнения (освобождения от должности) в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения;

и) сведения о совершенном коррупционном правонарушении, послужившем основанием для увольнения (освобождения от должности) лица в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения, со ссылкой на положение нормативного правового акта, требования которого были нарушены.

Одновременно в уполномоченное подразделение Аппарата Правительства РФ направляется заверенная соответствующей кадровой службой копия акта о применении взыскания в виде увольнения (освобождения от должности) в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения.

Уполномоченное подразделение Аппарата Правительства РФ в течение 10 рабочих дней со дня поступления информации вносит ее в Реестр, а именно:

- а) порядковый номер;
- б) фамилию, имя и отчество лица, к которому применено взыскание в виде увольнения (освобождения от должности) в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения;
- в) наименование органа (организации), в котором замещало должность лицо, к которому было применено взыскание в виде увольнения (освобождения от должности) в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения;
- г) наименование должности, замещаемой на момент применения взыскания в виде увольнения (освобождения от должности) в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения;
- д) положение нормативного правового акта, требования которого были нарушены и послужившее основанием для увольнения (освобождения от должности) лица в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения;
- е) дату соответствующего акта о применении взыскания в виде увольнения (освобождения от должности) в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения;
- ж) дату размещения информации на официальном сайте единой системы.

Положение устанавливает сроки направления информации в Реестр. Данные об уволенном должны появиться в Реестре не позднее 23 рабочих дней с даты решения об увольнении работника или служащего.

Сведения в Реестр вносятся сроком на 5 лет, но могут быть исключены из Реестра и ранее по следующим основаниям:

- 1) отмена акта о применении взыскания в виде увольнения (освобождения от должности) в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения;
- 2) вступление в установленном порядке в законную силу решения суда об отмене акта о применении взыскания в виде увольнения (освобождения от должности) в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения;

3) смерть лица, к которому было применено взыскание в виде увольнения (освобождения от должности) в связи с утратой доверия за совершение коррупционного правонарушения.

По истечении 5 лет сведения исключаются из реестра на следующий календарный день.

Проведенный нами анализ правового регулирования увольнения в связи с утратой доверия и формирования Реестра позволяет прийти к выводу о том, что ведение Реестра лиц, уволенных в связи с утратой доверия за совершение коррупционных правонарушений, является профилактической мерой и способом реализации такого принципа противодействия коррупции, как публичность и открытость деятельности государственных органов и органов местного самоуправления (ст. 3 Закона о противодействии коррупции). Тем не менее, если нормы, регламентирующие институт утраты доверия, теперь не подвергаются сомнению (См. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.04.2020 № 14-П, упоминавшееся выше), то включение сведений об увольнении по рассматриваемому основанию в реестр некоторыми авторами подвергается критике с точки зрения его конституционности. Так, по мнению А. Д. Ильякова [1, с. 39-40], включение в реестр означает потенциальный запрет на последующее принятие уволенного на государственную службу и в случае необъективности конкретного работодателя может в определенной степени расцениваться как несоразмерное ограничение конституционных прав. Конституция РФ допускает в силу ч. 3 ст. 55 в отношении лиц, совершивших коррупционное нарушение, возможность закрепления федеральным законом определенных, сохраняющихся в течение разумного срока дополнительных обременений, которые обусловлены, в том числе, общественной опасностью таких лиц и связаны с обязанностью нести ответственность за виновное поведение. Вместе с тем, Конституция РФ требует безусловного соблюдения предусмотренных ею гарантий личности и исходит из необходимости обеспечения справедливости соответствующих ограничений, их соразмерности защищаемым конституционным ценностям. Это предполагает установление ответственности только за виновное деяние и ее дифференциацию в зависимости от тяжести содеянного, степени вины правонарушителя и иных существенных обстоятельств. Таким образом, для обеспечения конституционности практики включения в реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия, в законодательстве необходимо разделение ответственности и установление четких критериев применения таких видов как ограничение или лишение права.

Представляется, что приводимые доводы являются гипотетическими до тех пор, пока законодательно не введено однозначное ограничение (запрет) для занятия определенных должностей лицами, сведения о которых внесены в реестр. По мнению автора, такие запреты и ограничения (в зависимости от тяжести виновно совершенного правонарушения) должны быть законодательно закреплены либо в виде отдельных норм в отраслевом законодательстве (для разных видов государственной, муниципальной, правоохранительной, военной и др. служб), либо в виде специальных практик так называемой «вращающейся двери», представляющих собой систему ограничений и запретов для перехода государственных и иных служащих в частные компании или в иные государственные (муниципальные) органы, а также для трудоустройства лиц, прекративших службу в публичной сфере. Зарубежный опыт правового регулирования таких практик известен и вполне может быть использован для развития отечественного законодательства в антикоррупционной сфере [2].

В настоящее время сведения об основаниях увольнения вносятся в трудовую книжку и пребывают в ней бессрочно, поэтому работодатель, даже не обращаясь к Реестру, имеет информацию о совершенных правонарушениях кандидата на должность. Тем более вопрос об ограничении конституционных прав в связи с внесением сведений в Реестр снимается ввиду перехода на ведение так называемых «электронных трудовых книжек» в соответствии со ст. 66.1 ТК РФ, введенной Федеральным законом «О внесении изменений в Трудовой кодекс РФ в части формирования сведений о трудовой деятельности в электронном виде» от 16.12.2019 № 439-ФЗ. В новых условиях скрыть основания увольнения будет невозможно, поскольку предоставление трудовой книжки при трудоустройстве является обязательным, поэтому представитель работодателя (нанимателя) может понести дисциплинарную ответственность в случае, если при принятии лица на должность он не примет во внимание основание предшествующего увольнения, в результате чего будет принят работник, не соответствующий по своим морально-этическим или другим качествам занимаемой должности. Требования, предъявляемые к кандидатам на занятие определенных должностей, перечислены в отраслевом законодательстве, поэтому сложностей в правоприменении возникать не должно. По нашему мнению, ведение Реестра лиц, уволенных в связи с утратой доверия, предполагается не для будущих работодателей этого лица, а для широкого круга лиц, фактически неограниченного, с целью получения информации о совершенном коррупционном правонарушении, то есть норма направлена исключительно на

профилактические цели и, как мы уже заметили, реализацию принципов открытости (прозрачности) деятельности государственных и муниципальных органов, иных организаций, гласности и приоритетном применении мер предупреждения коррупции. В связи с этим, по нашему мнению, внесение сведений в Реестр не является дополнительной мерой наказания за дисциплинарный проступок и не влечет автоматически ограничения конституционного права занимать определенные должности. Оно является последствием дисциплинарного взыскания в виде увольнения в связи с утратой доверия и сохраняется на протяжении 5 лет, в то время как само взыскание является бессрочным в отличие от других дисциплинарных взысканий.

Справедливости ради заметим, что в литературе высказаны и иные мнения относительно природы анализируемой меры. Так, М.В. Пресняков и С.Е. Чаннов [3, с. 170] полагают, что «по своей природе данная мера не может рассматриваться ни как дополнительное дисциплинарное взыскание, ни как составляющая дисциплинарного взыскания в виде увольнения в связи с утратой доверия, а представляет собой меру дисциплинарного принуждения предупредительного характера», целью которой является информирование потенциальных новых работодателей о коррупционных действиях претендента по прежнему месту службы. В то же время авторы ставят под сомнение превентивную функцию Реестра, поскольку «возможность возобновления служебной деятельности больше зависит от усмотрения конкретного должностного лица, чем от факта совершения коррупционного правонарушения» [3, с. 175]. Поддерживая отчасти приведенную точку зрения, подчеркнем еще раз профилактическое значение указанной меры в системе антикоррупционной деятельности работодателя, который обязан проверить деловые и моральные качества будущего сотрудника и принять решение о возможности приема на работу хотя бы и в отсутствии прямого запрета этим лицам занимать определенные должности.

3. Результаты мониторинга формирования реестра лиц, уволенных в связи с утратой доверия

Реестр ведется с 7 марта 2018 года и постоянно пополняется. К началу мониторинга в феврале 2020 года в реестре насчитывалось 1967 лиц, к моменту создания статьи на 10 ноября 2022 года – 3497.

Изучение всех позиций Реестра позволило сделать некоторые выводы о его формировании и ведении, а также о некоторых особенностях правоприменения в сфере увольнения лиц в связи с утратой доверия за совершение коррупционных правонарушений.

Лица, уволенные в связи с утратой доверия, в подавляющем большинстве случаев занимали следующие должности:

1. Депутат (58%);
2. Судебный пристав (11%);
3. Старший участковый уполномоченный полиции (3%);
4. Старший оперуполномоченный (2%);
5. Инспектор ДПС (2%).

В остальных случаях данные лица являлись:

1. Начальниками различных отделов (начальник межрегионального отдела энергетического надзора, начальник отдела по управлению имуществом, начальник боевого отделения, начальник отдела надзорной деятельности и профилактической работы, начальник регистрационно-экзаменационного отделения ОГИБДД, начальник отряда отдела по воспитательной работе с осужденными, начальник управления жилищно-коммунального хозяйства и инженерной инфраструктуры, начальник отдела геологии и лицензирования и т.д.);

2. Заместителями начальников (заместитель начальника Главного управления «Государственная жилищная инспекция Челябинской области», заместитель начальника Управления лесами, заместитель начальника координационного управления - заведующий отделом контрольных мероприятий и т.д.);

3. Председателями Собраний депутатов (председатель Коболдинского сельского Совета народных депутатов);

4. Специалистами в той или иной области (ведущий специалист по охране труда и социального развития, ведущий специалист-эксперт отдела иммиграционного контроля Управления по вопросам миграции МВД);

5. Государственными инспекторами (государственный инспектор отдела государственного контроля, надзора и охраны водных биологических ресурсов и среды их обитания, главный государственный таможенный инспектор отдела специальных таможенных процедур) и другие.

Нормативные правовые акты, требования которых были нарушены, можно подразделить на следующие группы:

1. Нарушение положений частей 7.1, 7.2, 7.3, 7.4 пункта 10 части 10, части 10.1 статьи 40 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В 35 % записей Реестра имеется ссылка на то, что положения данного закона были нарушены.

2. Нарушение положений пункта 13 части 1 статьи 17, статьи 18, пункта 1 части 1 статьи 59.2, статьи 15, статьи 19, статьи 37, статьи 20 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (17% записей Реестра).

3. Нарушение положений части 5 статьи 15, части 2 статьи 27.1 Федерального закона от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» (4%).

4. Нарушение положений части 3 статьи 10, статьи 9, статьи 11, статьи 12.1, статьи 8, статьи 13.1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». При этом необходимо подчеркнуть, что ссылка исключительно на этот акт наличествует в 26% записей. В подавляющем большинстве случаев имеется ссылка на данный закон, а также на иные акты, например, на Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (51%). Данный акт в целом встречался наиболее часто, в 77% записей. Но помимо ссылки на данный закон имеются упоминания и других нормативных правовых актов субъектов РФ, например, части 3 статьи 12.4 закона Астраханской области от 28 мая 2008 г. № 23/2008-ОЗ «О противодействии коррупции в Астраханской области».

1. Нарушение пункта 9 части 1 статьи 12, статьи 13, статьи 71 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (12 %).

Применялись и иные законодательные акты. Так, в одном случае наличествовала ссылка на положения Трудового кодекса, ссылка на положения закона «О представлении гражданами, претендующими на замещение отдельных муниципальных должностей в Тамбовской области, должности главы местной администрации по контракту в Тамбовской области, и лицами, замещающими отдельные муниципальные должности в Тамбовской области, должность главы местной администрации по контракту в Тамбовской области, сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и порядке проверки достоверности и полноты указанных сведений» встречалась трижды. В одном из дел отсутствовали какие-либо ссылки на нормативные акты помимо подпункта «б» пункта 3, подпункта «а» и «б» пункта 5 Положения о представлении гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими сведений о доходах, об имуществе и обяза-

тельствах имущественного характера, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 18 мая 2009 г. № 559; пункта 2.1, 2.2 и 6 Порядка представления гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы в системе МВД России, и сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, федеральными государственными гражданскими служащими системы МВД России сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, утвержденного приказом МВД России от 14 декабря 2016 г. № 838. Также единожды встретилась ссылка на статью 5.1 Закона Республики Карелия от 12 ноября 2007 г. № 1128-ЗРК «О некоторых вопросах правового положения лиц, замещающих муниципальные должности в органах местного самоуправления в Республике Карелия».

2. Наряду с законом № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» имелись ссылки на закон «О полиции».

В ходе мониторинга также установлено, что подавляющее число допускаемых государственными (муниципальными) служащими нарушений связано с непредставлением либо представлением недостоверных или неполных сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера в отношении себя и членов своей семьи. Доля соответствующих нарушений составляет приблизительно 58% от общего количества нарушений. При этом важно отметить, что данные нарушения допускаются в основном представителями органов местного самоуправления (соотношение муниципальных и государственных служащих, допустивших нарушение – 42:16).

Нарушения, связанные с непринятием мер, направленных на предотвращение или урегулирование конфликта интересов, а также с несообщением нанимателю о фактах склонения должностного лица к совершению коррупционных правонарушений допускаются реже – их доля составляет приблизительно 23%. При этом, в отличие от предыдущей категории, нарушения данной группы совершаются преимущественно служащими органов государственной власти и подведомственных им учреждений (соотношение муниципальных и государственных служащих, допустивших нарушение – 2:20).

В ходе анализа сведений, представленных в Реестре, установлено, что в ряде случаев по внесенной в реестр информации невозможно установить, за какое конкретно нарушение должностное лицо было уволено,

поскольку в обоснование увольнения приводится либо ссылка на нормативный акт в целом, либо на нормы общего характера, охватывающие несколько нарушений (например, ссылка на п. 7.1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ).

Кроме того, в ряде случаев в основания увольнения включаются нормы общего характера, не связанные напрямую с допущенным нарушением, но требующие от государственного (муниципального) служащего соблюдать установленный порядок и возлагаемые на него ограничения. Такие ссылки следует считать неинформативными и загромождающими Реестр.

Соблюдение сроков формирования Реестра. В ходе сопоставления дат увольнения должностных лиц с датами внесения их в реестр установлено, что средний срок внесения сведений в реестр составляет 85 дней. При этом заметна значительная дифференциация сроков внесения сведений в зависимости от должности, которую замещало уволенное лицо, а также от органа, в котором указанная должность замещалась. Так, для представительных органов местного самоуправления средний срок внесения сведений в реестр об уволенных должностных лицах (депутатах) составляет 114 дней. Сведения о должностных лицах администраций муниципальных образований вносятся в реестр в среднем в течение 100 дней.

Напротив, сроки внесения сведений о должностных лицах органов государственной власти, государственных учреждений и предприятий являются значительно меньшими. Средний срок по всем должностным лицам указанной категории составляет 40 дней. При этом для сотрудников территориальных подразделений федеральных органов исполнительной власти такой срок составляет 36 дней.

Минимальный срок внесения сведения в рассматриваемом диапазоне составил 14 дней (для главы администрации муниципального образования, а также для заместителя директора по безопасности мореплавания Сахалинского филиала ФГУП «Росморпорт»). Максимальный срок внесения сведений составил 369 дней (для депутата Совета депутатов сельского поселения «село Ачайваям» Олюторского муниципального района Камчатского края).

В то же время уже начала складываться судебная практика обжалования увольнений в связи с утратой доверия и включения в Реестр. Проведенный Трунцевским Ю.В. [4, 160-171] анализ судебной практики по исковым заявлениям «о признании приказа об увольнении государственного гражданского служащего по причине утраты доверия незаконным и восстановлении на работе», а также «взыскании среднего заработка за время вынужденного прогула, компенсации морального вреда», «о признании незаконными приказа о проведении проверки, использования персональных данных, доклада по результатам проверки,

результатов проверки» позволил сформулировать учитываемые судами обстоятельства (основания) принятия представителем нанимателя решения об освобождении от замещаемой должности и увольнении гражданского служащего по причине утраты доверия, признанные судами законными и незаконными. Результаты анализа свидетельствуют о формальных в ряде случаев проверках совершения государственными служащими коррупционных правонарушений и принятии в результате этого незаконных решений об увольнении в связи с утратой доверия и, соответственно, внесения в Реестр, что влечет нарушение трудовых прав граждан и угрозу их деловой и моральной репутации.

Выводы

Перечень превентивных мер противодействия коррупции в Российской Федерации после принятия закона о противодействии коррупции и Национальной стратегии противодействия коррупции продолжает расширяться. Существенную роль в профилактике коррупции играет введенный в 2011 году институт увольнения государственных и муниципальных служащих, а также иных лиц, в связи с утратой доверия за совершение коррупционных правонарушений. Дополнительной профилактической мерой и способом реализации такого принципа противодействия коррупции, как публичность и открытость деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, является ведение с 2018 года открытого Реестра лиц, уволенных в связи с утратой доверия за совершение коррупционных правонарушений. Внесение в указанный Реестр влечет для граждан существенные последствия, связанные с поражением их деловой и моральной репутации, поэтому процедуры привлечения к дисциплинарной ответственности за совершение коррупционных правонарушений требуют уточнения и неукоснительного соблюдения их работодателем.

Список использованных источников

1. Ильяков А. Д. Конституционность практики включения в Реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия // Современное право. 2019. № 3.
2. Конов А. Основные подходы к регулированию «вращающейся двери»: международный опыт // <https://panedia.ru/text/80/263/48988.php>
3. Пресняков М. В., Чаннов С. Е. Реестр лиц, уволенных с государственной и муниципальной службы в связи с утратой доверия: вопросы эффективности // Журнал российского права. 2020. № 10.
4. Трунцевский Ю. В. Дисциплинарная и судебная практика по делам об увольнении за коррупционные правонарушения в связи с утратой доверия // Журнал российского права. 2020. № 11.

Н. В. Лантух

кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Статья посвящена исследованию и обобщению теоретических знаний о гарантиях прав участников уголовного судопроизводства в современном российском уголовном процессе. Автор статьи указывает, что несмотря на большое количество научных исследований в сфере гарантий прав личности, высокую значимость полученных теоретических результатов, в настоящее время остается актуальным вопрос о содержании самого понятия «гарантии», используемого в теории права и науке уголовного процесса. Кроме того, существует необходимость в дальнейшем совершенствовании уголовно-процессуальных средств обеспечения прав субъектов уголовного процесса.

Ключевые слова: уголовный процесс, участники уголовного судопроизводства, принципы уголовного судопроизводства, права и законные интересы, уголовно-процессуальные гарантии.

Natalia V. Lantukh

Candidate of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Criminal Procedure,
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

EVOLUTION OF THE SYSTEM OF CRIMINAL PROCEDURAL GUARANTEES OF THE RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article is devoted to the study and generalization of theoretical knowledge about the guarantees of the rights of participants in criminal proceedings in modern Russian criminal proceedings. The author of the article points out that despite a large number of scientific studies in the field of guarantees of individual rights, the high significance of the theoretical results obtained, the question of the content of the very concept of "guarantees" used in the theory of law and the science of criminal procedure remains relevant at present. In addition, there is a need for further improvement of criminal procedural means to ensure the rights of subjects of criminal proceedings.

Keywords: criminal proceedings; participants in criminal proceedings, principles of criminal proceedings, rights and legitimate interests, criminal procedural guarantees.

Проблема правовых гарантий является важнейшей в юридической науке и выступает одним из направлений научных исследований, имеющих межотраслевой характер.

По словам Н.С. Алексеева, В.Г. Даева, Л.Д. Кокорева, исследование различных вопросов уголовно-процессуальных гарантий всегда имело своей целью повышение эффективности судопроизводства и охрану интересов личности в уголовном процессе. Первоначально исследование указанной проблематики в основном сводилось к изучению конкретных процессуальных средств, выступающих в качестве правовых гарантий, а с течением времени получили свое развитие общие проблемы процессуальных гарантий, их сущность, система, виды, классификация и содержание [1, с. 56-57].

Формирование понятия уголовно-процессуальных гарантий происходило поэтапно. На первом этапе была декларирована всеобщая значимость гарантий правосудия и обязательность установления истины по уголовному делу, что являлось проекцией идеи общности интересов государства и личности. В середине XX века в юридической литературе была высказана мысль, что советской процессуальной науке следует отказаться от классификации гарантий на гарантии правосудия и прав личности и установить единое понятие гарантий правосудия, которое включает в себя понятие гарантий прав личности [9, с. 182]. При этом приоритет отдавался государственным интересам, однако ставился вопрос о недопустимости их гарантированности за счет гарантий прав личности. Поэтому в теории уголовного процесса осуществлялись попытки исследования разных аспектов как гарантий правосудия, так и гарантий прав личности. В юридической литературе также отмечалось, что принципиальное единство общественных и личных интересов не исключает возможности их несовпадения, порождаемой различными причинами [8, с. 102-104]. С другой стороны, эти виды гарантий не могут быть противопоставлены друг другу, так как с признанием приоритета прав личности по отношению к интересам государства, следует помнить о том, что реализация личных прав и законных интересов без участия государства невозможна. Исследования процессуальных гарантий прав и интересов личности не только в аспекте единства интересов правосудия и интересов личности, но и с учетом конфликтных ситуаций между ними должны содействовать более глубокому и всестороннему анализу общей проблемы процессуальных гарантий.

В процессуальной литературе общепринято определять гарантии как установленные законом средства и способы, содействующие успешному осуществлению правосудия, защите прав и законных интересов

личности. Однако по вопросу о том, какова их сущность, в чем конкретно проявляются эти средства, высказаны самые различные суждения. Некоторые из них характеризуются стремлением найти однозначные понятия гарантий, показать одно, решающее средство в качестве гарантий [1, с. 58].

Так, Е. Г. Мартынич, В. П. Радьков, В. Е. Юрченко относили к процессуальным гарантиям «обязанности суда, прокурора, следователя, органа дознания и основанную на законе деятельность правоохранительных органов, направленную на обеспечение прав и законных интересов личности» [7, с. 28]. Э.Ф. Куцова видела сущность процессуальных гарантий в правах и обязанностях должностных лиц, органов и граждан, участвующих в уголовном судопроизводстве [5, с. 128].

На наш взгляд, отнесение к процессуальным гарантиям прав участников процесса спорно, поскольку наличие прав само по себе ничего не гарантирует, и именно права выступают объектом гарантий. Хотя следует признать, что в системе прав одни из них служат гарантиями других. Так, право обвиняемого на защиту обеспечивается возможностью приглашения им адвоката в качестве защитника. В то же время участие защитника обеспечивает реализацию принципа состязательности судопроизводства. Указанный принцип является гарантией объективного и справедливого разрешения дела, т. е. гарантией правосудия.

Т. Н. Добровольская рассматривала уголовно-процессуальные гарантии как «установленные нормами уголовно-процессуального закона различные по своему конкретному содержанию средства, в совокупности своей обеспечивающие участвующим в деле лицам возможность реализовать предоставленные им права» [3, с. 133].

В. В. Лазарева, В. В. Иванов, А. К. Утарбаев полагают, что «к числу наиболее существенных гарантий прав личности в уголовном процессе следует отнести принципы уголовного процесса, а также обязанности следователя, дознавателя, прокурора и суда, поскольку именно они обеспечивают реализацию прав потерпевшим, подозреваемым, обвиняемым» [6, с. 75].

А. А. Козявин понимает под уголовно-процессуальными гарантиями специальные правовые средства, обеспечивающие реализацию прав участников уголовного процесса, а равно выполнение ими обязанностей». При этом к уголовно-процессуальным гарантиям он относит конкретные процессуальные права и обязанности участников процесса, нормы уголовно-процессуального права, принципы уголовного процесса, процессуальную форму и уголовно-процессуальные институты, а также в целом уголовный процесс [4, с. 142]. Представляется, что такой

подход к процессуальным гарантиям отождествляет гарантии с самим процессом. Поэтому в юридической науке предпринимаются попытки найти иной подход к определению сущности процессуальных гарантий, показать в качестве гарантий одну или несколько сторон уголовного процесса, а не весь процесс в разных аспектах.

В. А. Семенцов, О. В. Гладышева, Х. М. Лукожев предлагают следующее определение: «уголовно-процессуальные гарантии – это закрепленные в законе средства и способы, фактически обеспечивающие возможности реализации, охраны, защиты и восстановления прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства» [2, с. 20].

Таким образом, в качестве гарантий различные юристы рассматривают уголовно-процессуальные нормы, права участников судопроизводства, процессуальные обязанности должностных лиц и органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, порядок деятельности государственных органов и должностных лиц и др. Многие авторы исследуют в качестве процессуальных гарантий не одно процессуальное средство, а систему средств, в частности правовые нормы, принципы, процессуальные институты; при этом предлагается различная система таких средств.

Среди процессуальных гарантий часто называют деятельность должностных лиц и органов, осуществляющих судопроизводство. В этом аспекте следует высказать мысль, что собственно процессуальная деятельность выступает средством, обеспечивающим реализацию гарантий, но не самой гарантией. Также необходимо признать несостоятельной точку зрения о том, что процессуальная форма может рассматриваться в качестве одной из уголовно-процессуальных гарантий.

В области уголовно-процессуального законодательства лежит значительная часть специальных конституционных гарантий. Так, к специальным конституционным гарантиям применительно к сфере уголовного судопроизводства, необходимо отнести:

- гарантии подсудности;
- гарантия права на квалифицированную юридическую помощь;
- презумпция невиновности;
- запрет повторного осуждения за одно и то же преступление;
- недействительность незаконно полученных доказательств;
- гарантии права на пересмотр приговора;
- гарантия от самообвинения;
- гарантии прав пострадавших от преступления;
- запрет обратной силы закона.

Некоторые из приведенных гарантий могут быть одинаково применимы для участников, имеющих различные процессуальные статусы [6, с. 42-43].

Очевидно, что построение системы уголовно-процессуальных гарантий тесно связано с установленной в законе системой принципов уголовного судопроизводства, а также в определенной степени должно учитывать особенности процессуального статуса участников процесса. Поэтому формирование и развитие на протяжении последних десятилетий института гарантий в уголовном процессе происходило в соответствии с теми основополагающими идеями, которые были заложены в качестве приоритетных в сфере уголовного процесса, а также изменениями, определяющими роль и процессуальные права участников уголовного судопроизводства.

Так, с появлением в современном УПК РФ таких принципов, как назначение уголовного судопроизводства, состязательность процесса, а также ряда конституционных принципов возникла необходимость в установлении на законодательном уровне и правовых средств их обеспечения. Правда, процесс этот был еще начат в 90-х годах, когда были возрождены процессуальные правила, дающие возможность обвиняемому обжаловать избрание меры пресечения в виде заключения под стражу, требовать участия в деле адвоката на самых ранних этапах производства по делу и при принятии важнейших процессуальных решений, отказаться от дачи показаний против себя или близких родственников (как и иным участникам процесса), использовать право на рассмотрение дел судом с участием присяжных заседателей. Несколько позднее на законодательном уровне были расширены гарантии по заявлению ходатайств и жалоб в досудебном и судебном производствах, получил свое воплощение и развитие институт судебного контроля, появились дополнительные формы проверки и пересмотра судебных решений.

Классическая англо-американская доктрина гарантий прав обвиняемого предполагает: 1) право быть поставленным в известность о предмете и основании обвинения; 2) право иметь защитника; 3) право на гласный и скорый суд; 4) право на добросовестное и беспристрастное жюри; 5) право давать показание в свое оправдание и не быть принуждаемым к показанию против самого себя; 6) презумпция невиновности и право быть осужденным лишь при отсутствии разумного сомнения в виновности; 7) право очной ставки со свидетелем, показывающим против обвиняемого; 8) право не быть дважды подвергнутым опасности осуждения за одно и то же деяние; 9) право на вторую инстанцию.

Действующий УПК РФ для обеспечения прав подозреваемых и лиц, в отношении которых имеются улики, закрепил следующие гарантии:

1. подозреваемым признается не только задержанный и лицо, в отношении которого избрана мера пресечения до предъявления обвинения, но и лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело либо лицо, уведомленное о подозрении в совершении преступления, если по делу, возбужденному по факту, а не против конкретного лица, осуществляется дознание или дознание в сокращенной форме (п. 1, 4 ч. 1 ст. 46 УПК);

2. разъяснение прав и обязанностей, предусмотренных УПК РФ, всем лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, в том числе и лицу, в отношении которого имеются улики, а также обеспечение осуществления этих прав в той части, в какой процессуальные действия и решения затрагивают их интересы (не свидетельствовать против себя, супруга и близких родственников, пользоваться услугами адвоката, обжаловать незаконные и необоснованные действия и решения следователя, дознавателя в предусмотренном УПК РФ порядке (ч. 1 ст. 144 УПК РФ);

3. обеспечение возможности защиты самостоятельно или с помощью избранного или назначенного за счет средств федерального бюджета защитника, который имеет право допуска с момента осуществления всякого рода принуждения, ограничения прав личности (п. 5 ч. 3 ст. 49 УПК);

4. получение копии постановления о возбуждении уголовного дела, избрании меры пресечения, протокола задержания; ознакомление с протоколами следственных действий, произведенных с его участием с возможностью вносить в них замечания;

5. права подозреваемого на участие в следственных действиях, проводимых по его ходатайству или ходатайству его защитника

6. право подозреваемого знать о возможности производства дознания в сокращенной форме и ходатайствовать о таковом в порядке, предусмотренном Главой 32¹ УПК РФ [4, с. 230-235].

Гарантиями прав обвиняемого являются:

1. права по участию в доказывании и на отказ от дачи показаний;

2. обязанность дознавателя, следователя, руководителя следственного органа удовлетворить любое ходатайство обвиняемого о производстве экспертизы и иных следственных действий или о допросе свидетелей, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для дела (ст. 7, 159 УПК РФ);

3. право пользоваться помощью защитника;

4. право на свидетельский иммунитет и его гарантия, закрепленная п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК, заключающаяся в категорическом признании

недопустимым доказательством показаний обвиняемого, данных без участия защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные в суде;

5. право ходатайствовать о применении мер защиты;
6. право участвовать в следственных действиях, проводимых по ходатайству обвиняемого или его защитника;
7. право знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием, подавать на них замечания, а также с постановлениями о назначении экспертиз и заключениями экспертов;
8. право на заявление в присутствии и после консультации с защитником письменного ходатайства на имя прокурора о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве с органами следствия и прокурором (глава 401 УПК РФ);
9. наличие ревизионного начала при пересмотре судебных решений;
10. наличие трех форм пересмотра вступивших в законную силу приговоров, постановлений и определений суда;
11. правило о недопустимости поворота к худшему;
12. признание и реализация права на реабилитацию (гл. 18 УПК РФ) и др.

Для потерпевшего установлены следующие уголовно-процессуальные гарантии:

- 1) гарантии при подаче заявления и участии на стадии возбуждения уголовного дела (ст. 140, ч. 1 и ч.1¹ ст. 144, ч. 2 ст. 145, ч.5 ст. 148 УПК РФ);
- 2) гарантии права на subsidiarное либо самостоятельное уголовное преследование (ч. 2 ст. 20, ст. 25, ст. 42, ст. 43, ст. 318, ст. 321 и др. статьи УПК РФ);
- 3) обеспечение доступа к правосудию;
- 4) гарантии оказания квалифицированной юридической помощи;
- 5) гарантии возмещения вреда, причиненного преступлением;
- 6) гарантии личной безопасности (п. 3, 4 ст. 5, ч. 9 ст. 166, ч. 8 ст. 193, ч. 5 ст. 278 УПК РФ и др.);
- 7) гарантии в сфере подачи ходатайств и жалоб в различных стадиях уголовного процесса;
- 8) гарантии при пересмотре судебных решений и др. [6, с.78-80].

Расширение и совершенствование уголовно-процессуальных гарантий должно осуществляться посредством строгого соблюдения принципов и процедурных правил, надлежащего исполнения обязанностей властными субъектами уголовно-процессуальной деятельности.

Значение уголовно-процессуальных гарантий прав участников уголовного судопроизводства состоит в том, что с их помощью участники уголовного процесса получают реальную возможность осуществлять предоставленные уголовно-процессуальным законом права и защищать свои законные интересы путем активного участия в производстве по уголовному делу.

Процесс институционализации уголовно-процессуальных гарантий не завершен. В настоящее время основными проблемными аспектами в данной сфере выступают:

- 1) четкое определение оснований признания лица подозреваемым, а также потерпевшим;
- 2) совершенствование процессуального механизма при применении мер уголовно-процессуального принуждения;
- 3) способы практической реализации возмещения вреда, причиненного преступлением;
- 4) правовое регулирование и реальное обеспечение мер безопасности участников уголовного процесса;
- 5) усиление эффективности судебного контроля, прокурорского надзора и ведомственного контроля;
- 6) расширение возможностей по обеспечению прав различных участников на оказание им квалифицированной юридической помощи;
- 7) усиление гарантий для участников уголовного процесса в части доказывания и при производстве следственных и судебных действий.

Список использованных источников

1. Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса Воронеж, 1980.
2. Гладышева О. В., Лукожев Х. М., Семенцов В. А. Гарантии прав участников уголовного судопроизводства: проблемы и возможные пути их решения: монография. М., 2013.
3. Добровольская Т. Н. Гарантии прав граждан в советском уголовном судопроизводстве // Советское государство и право. 1980, № 2.
4. Козявин А. А. Гарантии прав личности в уголовном процессе: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Курск, 2013.
5. Куцова Э. Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. М., 1973.
6. Лазарева В. А., Иванов В. В., Утарбаев А. К. Защита прав личности в уголовном процессе России: учебное пособие для магистров. М., 2014.
7. Мартынич Е. Г., Радьков В. П., Юрченко В. Е. Охрана прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве. Кишинев, 1982.

8. Мотовиловкер Я. О. О гарантиях интересов личности и правосудия // Гарантии прав личности в социалистическом уголовном праве и процессе. Ярославль, 1977.
9. Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956.
10. Строгович М. С. О правах личности в советском уголовном судопроизводстве // Советское государство и право. 1976. № 10.

Л. В. Майорова

кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Сибирский федеральный университет

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Статья посвящена актуальным проблемам и перспективам развития института электронных доказательств в уголовном процессе. В статье анализируются доктринальные подходы к определению понятия электронных доказательств в уголовном процессе с учетом возросшей чувствительности к защите законных прав и интересов участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовный процесс; судебное разбирательство; предварительное расследование; следователь; право обвиняемого на защиту; электронные доказательства

Ludmila V. Maiorova

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of
Criminal Procedure and Criminalistics, Siberian Federal University

IMPROVEMENT OF THE ELECTRONIC EVIDENCE LEGAL REGULATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The paper is devoted to topical problems and prospects for the development of the institution of electronic evidence in criminal proceedings. The study analyzes doctrinal approaches to the definition of the concept of electronic evidence in criminal proceedings, taking into account the increased sensitivity to the protection of the legitimate rights and interests of participants in criminal proceedings.

Keywords: criminal procedure; trial; preliminary investigation; investigator; the right of the accused to defense; electronic evidence

Цифровизация и развитие права в современном мире – это неразрывно связанные ценности, нуждающиеся в постоянном поддержании баланса между ними.

Дискуссионность в вопросах цифровизации только нарастает как среди ученых, так и практиков. При этом область проводимых исследований расширяется с учетом потребностей соответствующего периода развития.

При всех положительных сторонах правовой регламентации технологического прогресса актуальным остается вопрос обеспечения за-

щиты данных, в том числе с точки зрения информационной безопасности общества и государства. При этом, с одной стороны, сбор, накопление, хранение и обработка данных посредством цифровых технологий жизненно важно для государства (мощный инструмент в его руках), а, с другой – для человека и гражданина, его права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени.

Цифровизация уголовного судопроизводства в определенной степени протекает более медленно, чем цифровизация других сфер жизни общества, хотя ряд стран быстрыми темпами развивается в данном направлении (Нидерланды, США и др.).

Уголовное судопроизводство в России консервативно и сложно поддается современным тенденциям цифровизации, ввиду особой важности приоритета в нем человека над цифрой. Однако элементы цифровизации уже коснулись современного уголовно-процессуального законодательства и практики его применения, что неизбежно под влиянием развития общественных отношений, связанных с использованием цифровых технологий, а также появления новых видов IT-преступлений.

Основополагающие принципы гуманизма и законности из общих норм процессуального права лежат в основе регулирования в сфере электронного правосудия и являются его неотделимой частью. Целый ряд исследователей отмечает, что расширение возможностей информационных технологий уголовного процесса путем совершенствования техники видеоконференций (проведение с использованием данной технологии таких следственных действий, как допрос, очная ставка, опознание, частичное упразднение института понятых), должно осуществляться при решении вопросов, связанных с обеспечением достоверности и допустимости полученной таким образом информации, ее безопасности и сохранности, тайны следствия, с соблюдением прав и законных интересов человека и гражданина [2, с. 27-28].

К системе электронного правосудия нельзя подходить с позиции построения "черного ящика" (мы знаем, что происходит на входе и выходе, но не знаем, что происходит внутри), все действия, совершаемые с электронными документами, должны быть законодательно регламентированы с учетом основополагающих принципов судебной системы, законности, состязательности сторон, защиты информации от несанкционированного доступа [7, с. 7-9].

Цифровизация в уголовном судопроизводстве представляет собой процесс внедрения в уголовно-процессуальную деятельность цифровых

технологий в виде технических устройств, приспособлений, позволяющих получать и обрабатывать информацию в цифровой форме, а также осуществлять ее хранение и передачу.

Нормативно-правовая база развития электронного правосудия постепенно формируется. Так, в 2016 году был принят Федеральный закон N 220-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти". Можно говорить о динамике российского правотворчества в период пандемии коронавируса, оказавшей заметное влияние на правовую систему государства.

Российским уголовно-процессуальным законом регламентированы: применение видеоконференц-связи (например, ст. 240, 278.1 УПК РФ); порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве (ст. 474.1 УПК РФ); особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий (ст. 81.1, 164.1 УПК РФ). Все это свидетельствует о поступательном развитии цифровых форм в уголовном процессе. Современная уголовно-процессуальная доктрина позволяет говорить не просто о применении информационно-коммуникационных технологий при производстве следственных действий, использовании электронных носителей информации в качестве доказательств в уголовном процессе, а об уголовном деле в электронном формате сквозь призму уже имеющегося опыта зарубежных стран.

В период пандемии коронавируса в Великобритании было принято положение о проведении удаленных судебных заседаний. Оно предоставляет судьям право самостоятельного выбора формата судебного заседания, исходя из интересов правосудия, с учетом специфики рассматриваемых вопросов, положения и потребностей участников производства и т.п. Возможны онлайн, очный и гибридный форматы судебного разбирательства.

В США удаленный доступ к правосудию технически был обеспечен с использованием платформы Zoom, и даже YouTube. Судьями обсуждались вопросы о соблюдении гласности (открытости) судебного заседания. Надо сказать, что в США есть опыт трансляции слушаний посредством YouTube. По окончании судебного заседания видео должно удаляться с канала, поскольку по закону просмотр видеозаписи, соответственно ее копирование и хранение другими лицами запрещено.

УПК Нидерландов также регламентирует порядок хранения и использования цифровой информации при производстве расследования по уголовному делу; записи, хранения и уничтожения конфиденциальной

информации с использованием технических средств; производства допроса по видеоконференц-связи (ст. 131а), в том числе в рамках международного сотрудничества по уголовным делам (ст. 513а); применения информационных технологий при производстве следственных и других процессуальных действия для собирания доказательств.

Уголовно-процессуальное законодательство Нидерландов содержит понятийный аппарат, раскрывающий понятия цифровых терминов, таких как: электронная подпись, провайдер коммуникативных услуг, пользователь услуг связи.

УПК Республики Казахстан в ст. 213 предусмотрен широкий спектр оснований для производства дистанционного допроса, чем отличается от регулирования особенностей допроса свидетеля путем использования систем видеоконференц-связи (ст. 278.1 УПК РФ). Помимо затруднений или невозможности прибытия, финансовых затрат и необходимости обеспечения безопасности лиц, выделены еще такие основания, как: допрос несовершеннолетних свидетелей и потерпевших; обеспечение соблюдения сроков досудебного расследования; наличие причин, дающих основания полагать, что допрос будет затруднен или связан с излишними затратами. Важным является обеспечение законодательного регулирования защиты законных прав и интересов. Например, в ч. 2 ст. 213 УПК Республики Казахстан провозглашено, что использование при дистанционном допросе научно-технических средств и технологий должно обеспечивать надлежащее качество изображения и звука, а также информационную безопасность [1, с. 5].

В мире процессы информатизация и цифровизация протекают по-разному: стремительно, прогрессивно, революционно или, напротив, медленно и поступательно, под воздействием различных факторов (экономических, политических, идеологических и т.д.).

Цифровизация не является веянием моды, скорее это закономерный процесс, который не зависит от желания субъектов уголовно-процессуальных правоотношений. По мнению О.А. Зайцева научные исследования в области электронных форм фиксации, хранения, передачи и обработки информации особенно актуальны сегодня, а процесс цифровизации, проникающий в уголовно-процессуальную деятельность неизбежно оказывает влияние на формирование доказательств по уголовному делу [5, с. 42].

Сегодня основной способ фиксации хода процессуальных, в частности, следственных действий представляет собой формирование бумажных носителей информации. Соответствующие технические сред-

ства выполняют здесь, скорее, второстепенную роль. Некоторые исследователи полагают, что переход на электронный способ отображения процессуальной деятельности позволит оптимизировать работу участников уголовного процесса, повысить качество выполнения поставленных задач [4, с. 28]. В перспективе технические средства копирования, хранения, передачи электронной информации сделают ненужными бумажные уголовно-процессуальные документы, то есть возможен переход исключительно на электронный документооборот [8, с. 188].

Соответственно, мы согласимся с тем, что «...необходимо регулирование, в первую очередь, основных начал проведения следственных действий и иной деятельности с использованием информационных технологий и электронных документов путем формулирования норм о гарантиях подлинности электронных доказательств, например, о ее неизменности, защите от возможных посягательств и доступности для последующего изучения, депонировании электронных копий, обязательном участии специалиста при проведении следственных или судебных действий, связанных с копированием, депонированием, осмотром, изъятием электронной информации» [4, с. 166].

В настоящее время достаточно активно обсуждаются варианты включения в УПК РФ норм, регламентирующих новый вид доказательств - "электронные доказательства". Полагаем, что вопрос о "процессуализации" "электронных доказательств" должен решаться не через создание нового источника доказательств в следственной системе доказательств, а через смену парадигмы доказательственного права: должна быть создана система уголовно-процессуальных доказательств состязательного уголовного судопроизводства.

Применение новых технологий фиксации доказательственной информации потребует выработки и новых технических и процессуальных средств по обеспечению допустимости таких доказательств.

Сейчас на повестке дня проблема внедрения информационных технологий в процедуру доказывания.

Термин цифровые или электронные доказательства отсутствует в законодательстве, но интенсивно анализируется доктринально и используется юристами-практиками.

Таким образом, хотя цифровые доказательства уже не редкость, их специфика в собирании, проверке и оценке не регламентируется ни законом, ни судебной практикой и не устанавливает четких критериев для их определения, так что существует разное понимание по поводу использования цифровых доказательств и, следовательно, возможно большое количество решений.

Список использованных источников

1. Антонович Е. К. Использование цифровых технологий при допросе свидетелей на досудебных стадиях уголовного судопроизводства (сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и законодательства некоторых иностранных государств // Актуальные проблемы российского права. 2019. N 6.
2. Антонович Е. К. Электронное правосудие по уголовным делам в Нидерландах: современное состояние и перспективы // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. N 10. (74).
3. Воронин М. И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // Lex russica. 2019. N 7.
4. Григорьев В. Н., Медведева М. О. Информационные технологии как предмет уголовно-процессуального регулирования / Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве. М., 2018.
5. Зайцев О. А. Особенности использования электронной информации в качестве доказательств по уголовному делу: сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. N 4.
6. Зайцев О. А., Григорьев В. Н., Медведева М. О. О перспективах реформирования уголовного процесса на базе внедрения информационных тех / Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве: монография. М., 2018.
7. Кириллов А. Е. Процессуальные основы электронного правосудия // Вестник гражданского процесса, 2018, N 1. С.7-9
8. Познанский Ю. Н. Электронное уголовное дело в решении проблемы расследования уголовного дела в разумные сроки / Труды академии управления МВД России. 2015. № 1(33).

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ И ПАРАДИГМА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В статье анализируются причины отсутствия единообразного понимания учёными сущности состязательности. Делается вывод о том, что при решении вопросов построения состязательного уголовного судопроизводства следует исходить из лексического значения слова «состязание», сущности и назначения уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: состязательность, суд, стороны, итоговое решение.

Larisa A. Morgacheva

Lecturer,
Voronezh State University

LEGAL REGULATION AND PARADIGM OF COMPETITIVENESS CRIMINAL PROCEDURE

The article analyzes the reasons for the lack of a uniform understanding of the essence of competitiveness proceedings by scientists. The conclusion is made that in solving the issues of competitiveness criminal proceedings we should proceed from the lexical meaning of the word "competition", the essence and purpose of criminal proceedings.

Keywords: competitiveness, court, the parties, equality, final decision.

Принятие и введение в действие Уголовного процессуального кодекса Российской Федерации (в дальнейшем УПК РФ) ознаменовало новую эру в отечественной науке уголовного процесса. Оказалось, что многие положения этого закона далеки от совершенства. Одни обоснованно критикуются учёными, другие становятся предметом рассмотрения в Конституционном Суде Российской Федерации. Кроме того, текст УПК РФ подвергся многочисленным изменениям и дополнениям. Но такое положение вполне объяснимо. Принятие УПК РФ проводилось в сложных политических и экономических условиях конца XX века. Всё это не могло не отразиться на качестве его норм. Сегодня, как и 40 лет назад представители научных Санкт-петербургской и Воронежской школ уголовного процесса Н. С. Алексеев, В. Г. Даев и Л. Д. Кокорев в коллективной монографии «Очерк развития науки советского уголовного процесса» «...взяли на себя труд проанализировать развитие уго-

ловно-процессуальной науки за годы после принятия...» Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик и Уголовного процессуального кодекса РСФСР [1, с. 6], мы предприняли попытку дать анализ положений УПК РФ, вызвавших оживлённые дискуссии в науке, а также основанных на них выводов учёных.

Итак, УПК РФ закрепил принцип состязательности сторон. Несмотря на то, что феномен состязательности активно исследовался в науке уголовного процесса в связи провозглашением авторами Концепции судебной реформы в РСФСР в 1991 году идеи о внедрении в уголовный процесс «подлинной состязательности» [5], закреплением принципа состязательности и равенства сторон в 1992 г. в Конституции России 1978 г. и в Конституции РФ 1993 г., редакция статьи 15 УПК РФ и реализация её положений в тексте закона возвала к жизни новые научные споры. Основными обсуждаемыми проблемами являются вопросы о сущности состязательности, о реализации положений принципа состязательности сторон в нормах УПК РФ, регулирующих досудебное производство, доказательственную деятельность сторон и суда.

В октябре 2019 года, спустя почти 20 лет после принятия УПК РФ, на юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова была проведена масштабная конференция «Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности: к 125-летию со дня рождения М.С. Строговича». Здесь учёные представляли своё видение состязательного уголовного судопроизводства, но к единому знаменателю по многим принципиальным вопросам так и не пришли. Кроме того, высказывались диаметрально противоположные, а зачастую неожиданные суждения. В частности, профессор А. В. Победкин заключил: «Статью 15 из УПК было бы целесообразно исключить» [9, с. 83]. Для наглядности остроты проблемы можно привести также следующие мнения видных учёных. Так, одни полагают, что состязательность несовместима с публичностью уголовного судопроизводства, другие – что нет оснований для их антагонистического противопоставления [8, с. 49]. Л.М. Володина считает, что в российский уголовный процесс внедрена англосаксонская модель состязательности [3, с. 85], но Н. Г. Стойко утверждает, что «российский уголовный процесс в настоящее время полностью соответствует идеальной современной инквизиционной (следственной) модели» [12, с. 65]. УПК РФ относит следователя к стороне обвинения, но, несмотря на это, А. В. Пилюк пишет, что «следователь – это не обвинитель» [8, с. 48], А. В. Победкин указывает, что «следователь – своеобразный судья» [9, с. 81] и что «даже в суде состязательность – это не спор», а «судья-следователь» [9, с. 82].

Проблематика состязательности является одной из наиболее ярких в науке уголовного процесса. Собственное её изучение заставило автора попытаться найти ответы на вопросы - почему же учёные так и не приходят к единодушному мнению по многим вопросам состязательного построения уголовного судопроизводства, в чём камень преткновения научной парадигмы состязательности и есть ли решение данной научной проблемы?

Первая причина непрекращающихся споров состоит в том, что при определении сущности состязательности и оценке её реализации в нормах УПК РФ учёные опираются на совершенно разные научные категории. У исследований нет единой отправной точки. Так, одни авторы исходят из учения о типах судопроизводства, другие - из содержания принципа состязательности, третьи - из лексического значения слов «состязание», «спор». Вторая причина обусловлена тем, что сами по себе понятия тип уголовного процесса, принцип состязательности, уголовно-процессуальные функции, стороны, равноправие, даже понятие уголовного процесса, его цели и задачи являются предметом самостоятельных научных исследований и не определяются учёными однозначно. Получается, что в науке идёт попытка раскрыть неизвестное через неизвестное, что не допустимо.

Тем не менее, как верно заметил А. В. Пиюк, в любой науке имеются фундаментальные положения, на которых и строится данная наука [8, с. 48]. Представляется, что при исследовании проблематики состязательности таким положением следует считать «золотое правило толкования», согласно которому словам и выражениям закона следует придавать то значение, которое они имеют в соответствующем литературном языке. От обычного словоупотребления можно отойти тогда, когда оно приводит к абсурдным результатам либо законодатель иным образом определил его значение [13, с. 39]. В. М. Савицкий писал, что использование общеупотребимых слов в законе возможно только в том значении, которое они имеют в литературном языке [11, с. 22]. Исключения могут быть в том случае, если закон определяет иной смысл данного слова. Что касается слова состязательность, которое используется в ст. 15 УПК РФ, то мы видим, что уголовно-процессуальный закон не придает особого процессуального смысла данному слову. Его содержание не раскрывается в ст. 5 УПК РФ, где дается определение основных понятий, используемых в кодексе. Следовательно, слово «состязательность» в УПК РФ используется в общеупотребительном смысле. Это, отнюдь, не означает, что смысл слова «состязательность» тождественен содержанию разрабатываемых наукой уголовного процесса понятий таких как «принцип

состязательности», «состязательный тип судопроизводства», «состязательная форма» и др., смысл которых определяется смыслом основного слова, например, принцип, форма и смыслом слова «состязательность».

Существительное «состязательность» обозначает субстантивированный признак предмета, мотивированный качественным прилагательным «состязательный» и является производным от слова «состязание». В основе слова «состязательность» лежат компоненты слова «состязание», а также иные компоненты, зависящие от смысла и особенностей определяемого ими явления. Состязательным может характеризоваться любое явление действительности, сущность самого явления может быть отлична от сущности признака. Сравним: состязательное судопроизводство, состязательность сторон, принцип состязательности, спортивная состязательность, дух состязательности, состязательность хозяйствующих субъектов и т. д. Поэтому судопроизводство не следует отождествлять с состязанием. Судопроизводство может быть состязательным, но может таковым и не быть. Розыскной процесс является тому подтверждением. С. Д. Шестакова верно заметила, что состязательность – это свойство, характеризующее судопроизводство в целом, отдельные его стадии либо конкретные процессуальные действия [14, с. 38].

Состязание - это форма деятельности, при которой участвующие стремятся превзойти друг друга [7, с. 740]. Какие компоненты мыслятся при употреблении этого слова? Думается к ним следует отнести: 1) наличие субъекта, который принял решение о состязании; 2) наличие субъекта, которого нужно превзойти; 3) стремление (желание своим поведением) субъекта оказаться выше, сильнее в каком-нибудь отношении; 4) наличие предмета, в чем следует превзойти (какой-либо вид деятельности, способностей и т. д.); 5) наличие результата состязания; 6) наличие правил, определяющих ход состязания, порядок определения и закрепления его результатов и т. п.

Внутренне содержание состязательности (субъекты, предмет и правила деятельности) зависит от сути этого явления. Есть ли место состязанию в современном российском уголовном процессе? Нормы УПК РФ позволяют дать уверенный утвердительный ответ. Закон содержит нормы, которые дают возможность субъектам состязаться, определяет круг таких субъектов и предмет состязания, а также правила самого состязания, определения и закрепления его результатов.

Предмет уголовно-процессуального состязания. Это деятельность, направленная на принятие решения, отвечающего законным интересам лиц, чьи права и законные интересы поставлены под охрану уго-

ловно-процессуального закона, начиная с момента принятия информации о преступлении и заканчивая итоговым решением, включая все стадии пересмотра и стадию исполнения приговора. Предмет процессуального состязания не сводится лишь к заявлению отводов и ходатайств, представлению доказательств, участию в их исследовании, выступлении в судебных прениях, представлению суду письменных формулировок по вопросам, указанным в пунктах 1 - 6 части первой статьи 299 УПК РФ, на рассмотрение иных вопросов, возникающих в ходе судебного разбирательства перед лицом суда, как это указано в ст. 244 УПК РФ. Из УПК РФ отчётливо явствует, что лица, чьи законные интересы и права могут быть затронуты уголовно-процессуальными решениями или действиями наделяются широкими возможностями для того, чтобы добиться вынесения такого решения, которое защитит их законный интерес, а, по сути, возможностью состязаться. Ведь процессуальные решения отличаются многовариантностью. Всё разнообразие действий либо бездействие, дозволенное нормами УПК РФ и направленное на вынесение решения, отвечающего законным интересам лица и составляет предмет уголовно-процессуального состязания (ст. ст. 22, 37-55, 86, 106.1-108, 115, 119-127, 141, 142, 189, 198, 234-239, 244, 273-294, 289.1, 389.13, 389.14, 401.2 и др. УПК РФ).

Субъекты уголовно-процессуального состязания. Уголовно-процессуальный закон установил возможность защищать свои права и законные интересы всем лицам, заинтересованным как в исходе уголовного дела, так и в принятии решений, затрагивающих конституционные права и свободы личности (ст. ст. 6, 22, 37-55, 119, 123, 125, 141, 142, 289.1, 401.2 и др. УПК РФ).

Результат уголовно-процессуального состязания. Это уголовно-процессуальное решение, в котором разрешены правовые вопросы (уголовно-правовые, гражданско-правовые, уголовно-процессуальные). Вопросы, подлежащие разрешению, порядок принятия решения также чётко обозначены в УПК РФ (ст. ст. 17, 73, 88, 118, 122, 124, 125, 145, 236, 299, 306, 308, 309 и др.).

Кроме прав, дающих возможность различным субъектам защищать свою позицию при принятии тех или иных процессуальных решений (состязаться), уголовно-процессуальный закон устанавливает правила, определяющие ход процессуального состязания (стадийность судопроизводства, порядок рассмотрения сообщения о преступлении, последовательность действий должностных лиц, порядок рассмотрения ходатайств и жалоб, порядок судебного заседания и т.п.), а также правила, обеспечивающие справедливость процессуального состязания, без

которых его смысл сводится на нет. К ним следует отнести как основополагающие положения об отделении суда от сторон, о равноправии сторон, так и частные нормы, направленные на реализацию этих положений (ст. ст. 8, 8.1, 14, 15, 16, 29, 125, 159, 228, 243, 244, 298 и др. УПК РФ).

Таким образом, УПК РФ пронизан нормами, стимулирующими состязательную деятельность лиц, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства и стремящихся к тому, чтобы добиться вынесения решения, защищающего их права и законные интересы, нормами, регулирующими ход и результаты процессуального состязания, а также нормами, обеспечивающими справедливость процессуального состязания.

В этом ракурсе уголовный процесс современной России можно охарактеризовать как состязательный, и состязательность характерна для всех стадий судопроизводства, при этом, несмотря на то, что его система совершенно не соответствует англосаксонской системе судопроизводства, которую традиционно называют состязательной. И, тем не менее, такой же позиции придерживается Конституционный суд Российской Федерации и многие учёные. Так, О. Я. Баев ещё в 2006 году, рассматривая вопрос о действии принципа состязательности в досудебном производстве и ссылаясь на лексическое значение слова «состязаться», весьма аргументировано отвечает на многие спорные вопросы и убеждает нас в том, что состязаться в досудебном производстве стороны могут друг перед другом, что закон верно относит следователя к стороне обвинения и, что, прекращая уголовное дело, следователь его не разрешает, а констатирует отсутствие оснований для продолжения уголовного преследования, что состязательность в досудебном производстве существует как в непосредственном, так и в опосредованном виде и т.д. [2, с. 5-20]. Такой же подход развивает в своей диссертации М. Э. Романовский [10, с. 9-12]. Соглашаясь с выводами О. Я. Баева, строит своё исследование автор при рассмотрении вопроса о состязательности и паритете сторон в досудебном производстве [6, с. 397-401]. Точка зрения, согласно которой в уголовном судопроизводстве через состязательную деятельность (участие в доказывании, в инициировании, обсуждении процессуальных решений и т.п.) различные участники уголовного процесса отстаивают свои законные интересы на протяжении всего судопроизводства, а разделение функций обвинения, защиты, разрешения уголовного дела и равноправие сторон – это условия, без которых состязание невозможно или бессмысленно, получает всё большее распространение в науке уголовного процесса [4, с. 287].

Список использованных источников

1. Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки уголовного процесса. Воронеж, 1980.
2. Баев О. Я. Прокурор как субъект уголовного преследования. Научно-практическое пособие. М., 2006.
3. Володина Л. М. О состязательности в смешанном уголовном процессе // Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности: к 125-летию со дня рождения М.С. Строговича: материалы конференции 24-25 октября 2019 г. Москва. М., 2020.
4. Горский В. В., Горский М. В. Влияние идей М. С. Строговича на формирование принципа состязательности в уголовном судопроизводстве // Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности: к 125-летию со дня рождения М. С. Строговича: материалы конференции 24-25 октября 2019 г. Москва. М., 2020.
5. Концепция судебной реформы: принята Постановлением Верховного Совета РСФСР 24 октября 1991 года // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.
6. Моргачёва Л. А. О состязательности и паритете сторон в досудебном производстве уголовного процесса России // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Право. Воронеж, 2009. Вып. 2 (7).
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
8. Пиук А. В. К вопросу о природе и сущности современного российского уголовного процесса // Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности: к 125-летию со дня рождения М.С. Строговича: материалы конференции 24-25 октября 2019 г. Москва. М., 2020.
9. Победкин А. В. Традиции доказывания в отечественном уголовном процессе (почему состязательность не принцип уголовного процесса) // Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности: к 125-летию со дня рождения М. С. Строговича: материалы конференции 24-25 октября 2019 г. Москва. М., 2020.
10. Романовский М. Э. Равенство прав сторон в досудебном производстве по уголовным делам. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006.
11. Савицкий В. М. Язык процессуального закона (вопросы терминологии). М., 1987.
12. Стойко Н. Г. Российский уголовный процесс в контексте универсального деления судопроизводства на континентальный (следственный) и англосаксонский (состязательный) виды // Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности: к 125-летию со дня рождения М. С. Строговича: материалы конференции 24-25 октября 2019 г. Москва. М., 2020.
13. Черданцев А. Ф. Толкование советского права. М., 1979.
14. Шестакова С. Д. Состязательность уголовного процесса. СПб., 2001.

Н. Е. Муллахметова,

кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры организации судебной и прокурорской деятельности
Смоленского государственного университета

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ПОТЕРПЕВШИХ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ В СВЕТЕ ДВАДЦАТИЛЕТИЯ ДЕЙСТВИЯ УПК РФ

Статья посвящена анализу изменений уголовно-процессуального закона в части обеспечения прав и законных интересов потерпевших. Автор рассматривает вопросы понятия потерпевшего, момента его надления данным процессуальным статусом, обеспечения права на доступ к правосудию и возмещения причиненного преступлением вреда. Рассматриваются внесенные за последние два десятилетия изменения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, а также разъяснения отдельных его положений Конституционным Судом РФ и Пленумом Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: потерпевший, уголовный процесс, жертва преступления

Natalia Mullakhmetova

Ph.D. in Law, Associate Professor,
Department of Organization of Judicial and Prosecutorial Activities, Smolensk
State University

ENSURING THE RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF VICTIMS IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE LIGHT OF THE TWENTY YEARS OF THE CPC OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article is devoted to the analysis of changes in the criminal procedure law in terms of ensuring the rights and legitimate interests of victims. The author considers the issues of the concept of the victim, the moment of his vesting with this procedural status, ensuring the right to access to justice and compensation for the harm caused by the crime. The amendments made to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation over the past two decades, as well as clarifications of its individual provisions by the Constitutional Court of the Russian Federation and the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, are considered.

Keywords: victim, criminal process, victim of a crime

Начиная с девяностых годов прошлого столетия, после утверждения Концепции судебной реформы и принятия Конституции РФ, законодательная деятельность в России была направлена на обеспечение незыблемости основных прав и свобод человека, на достижение баланса

между интересами государства и граждан. За это время были разработаны важнейшие нормативные акты, касающиеся гражданского, арбитражного, уголовного судопроизводства. В 2001 году после долгих и оживленных дискуссий был принят Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ).

В июле 2022 года исполняется двадцать лет с момента вступления УПК РФ в законную силу, и за этот период в него было внесено более 250 изменений и дополнений. В ряде случаев это связано с объективной необходимостью совершенствования правового регулирования в условиях изменяющейся политической, экономической и криминальной обстановки, но зачастую обусловлено нечеткостью законодательных формулировок. В научной среде высказываются идеи о необходимости принятия нового УПК РФ, поскольку внесение разрозненных поправок не позволяет выдержать четкую и целенаправленную концепцию реформирования законодательства [2].

Настало время осмыслить эффективность действующего УПК РФ, оценить законодательные изменения, которые были внесены за эти годы, и обозначить проблемы, которые так и не решены на сегодняшний день.

В качестве одного из принципиальных положений в ст. 6 УПК РФ провозглашено то, что уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. В последние годы проблемам защиты жертв преступлений уделяется много внимания, о чем свидетельствует, например, принятие Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» от 20.08.2004. с соответствующими подзаконными актами, Федерального закона от 28.12.2013 № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве», принятие Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве». Но, несмотря на такой интерес законодателя и правоприменителя, нельзя констатировать, что жертвы преступных посягательств в России достаточно защищены. По-прежнему актуальными являются вопросы возмещения вреда, причиненного преступлением, оказания потерпевшим юридической помощи, обеспечения их доступа к правосудию и др.

По данным статистики МВД РФ потерпевшими от преступлений в 2021 году стали 1 588 482 человек, из них 255505 – юридические лица,

645 288 – женщины и 112 387 – несовершеннолетних, погибло в результате совершения преступлений 23284 человека (Официальный сайт МВД РФ. Открытые данные. Информация о преступлениях, по которым имеются потерпевшие. [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/открытые-данные/7727739372-MVDGIAC310> (дата обращения: 08.06.2022).

За этими цифрами стоят не только значительные суммы причиненного имущественного вреда, но и тяжелые нравственные страдания, сломанные жизни, утраченное здоровье, потери близких людей. Нераскрытые преступления, отсутствие возможности добиться справедливого приговора или иного судебного решения, возместить причиненный вред – все это приводит к утрате доверия к правоохранительной системе, государству в целом, к правовому нигилизму.

Остановимся на некоторых вопросах, связанных с процессуальным статусом потерпевшего, которые потребовали внесения изменений в УПК РФ, а также разъяснений Конституционного Суда и Верховного Суда РФ. Начнем с определения потерпевшего и с момента его появления в уголовном процессе.

Согласно ст. 42 УПК РФ для признания лица потерпевшим необходимо установить факт причинения ему вреда преступлением. В научной литературе ведется спор по поводу реальности или потенциальности причинения вреда. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» разъяснил: «если совершенное преступление являлось неоконченным (приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению или покушение на преступление), суду при решении вопроса о признании лица потерпевшим следует установить, в чем выразился причиненный ему вред. При этом не исключается возможность причинения такому лицу морального вреда в случаях, когда неоконченное преступление было направлено против конкретного лица» (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. 2010. 7 июля).

Приготовление и покушение считаются неоконченным преступлением, подчеркнем: именно преступлением, и потерпевший от такого деяния вполне может быть, ибо общественная опасность содеянного заключается не только в причинении вреда, но и в реальной угрозе его причинения. С. В. Анощенкова пишет: «Для уголовного процесса важно, что одно лицо совершает преступление в отношении другого лица. Первого

нужно привлечь к уголовной ответственности, а второго защитить. Вредоносен сам факт совершения преступления, которое может быть, как оконченным, так и неоконченным, состав его может быть, как материальным, так и формальным. Соответственно, уголовно-правовое понятие потерпевшего должно предусматривать реальное и потенциальное причинение вреда [1]. Полагаем, что вывод о том лишь реальном причинении вреда потерпевшему ошибочен, на практике это может привести к необоснованному сужению круга лиц, признаваемых потерпевшими.

До принятия Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 17 оставался открытым вопрос о возможности наделения правами потерпевшего лица, в отношении которого совершено общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, не являющееся преступлением с точки зрения уголовного права. Полагаем, что с учетом приведенных в абз. 3 п. 2 названного ППВС РФ положений в ст. 42 УПК РФ следует внести соответствующие дополнения.

Еще один вопрос, который потребовал обращения в Конституционный Суд РФ, а также разъяснений Пленума Верховного Суда РФ - приобретение статуса потерпевшего в уголовном процессе по делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица. Согласно ч. 8 ст. 42 УПК РФ в этом случае права потерпевшего переходят к одному из его близких родственников. Конституционный Суд РФ в Определении от 18.01.2005. № 131-О (Определение Конституционного Суда РФ от 18.01.2005. № 131-О по запросу Волгоградского гарнизонного военного суда о проверке конституционности части восьмой статьи 42 УПК РФ // Российская газета. 2005. 15 июня) разъяснил, что положение части восьмой ст. 42 УПК РФ не может рассматриваться как исключающее возможность наделения правами потерпевшего более одного близкого родственника лица, чья смерть наступила в результате преступления. Позже Верховный Суд РФ в п. 5 ППВС РФ № 17 также обратил на это внимание, указав, что «если преступлением затрагиваются права и законные интересы сразу нескольких лиц, являющихся близкими родственниками погибшего, и они настаивают на предоставлении им прав потерпевшего, эти лица могут быть признаны потерпевшими с обязательным приведением судом мотивов такого решения».

Итак, даже само понятие потерпевшего вызвало неоднозначное понимание, остались проблемы и сейчас. В подтверждение этого можно привести совсем свежее Постановление Конституционного Суда РФ от 12.05.2022 № 18-П, в котором разрешен вопрос о наделении правами по-

терпевшего осужденного по уголовному делу, по которому были сфальсифицированы доказательства (Постановление Конституционного Суда РФ от 12.05.2022 № 18-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.О. Никитина» // Российская газета. 2022. 27 мая).

УПК РФ в первоначальной редакции ст. 42 не определял каких-либо сроков признания лица потерпевшим, что в ряде случаев приводило к нарушению прав жертв преступлений, когда следователи выносили соответствующее постановление со значительным опозданием, лишая тем самым потерпевшего возможности своевременно воспользоваться своими правами. На эту проблему обратил внимание Уполномоченный по правам человека в РФ еще в 2008 году: «Срок принятия постановления о признании потерпевшим законом не установлен. В силу этого пострадавший от преступления зачастую признается потерпевшим только на завершающей стадии досудебного производства. До тех пор пока его не признают потерпевшим, пострадавший от преступления рассматривается в качестве заявителя. Это, в свою очередь, ведет к нарушению права пострадавшего на получение информации о ходе и результатах предварительного расследования, на предоставление предметов и документов, подтверждающих его заявление о преступлении, и др.» (см.: Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений: специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Российская газета. 2008. 4 июня). Но законодательно этот вопрос был разрешен не сразу. Так, Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в российский уголовный процесс была введена сокращенная форма дознания. И в ч. 2 ст. 226.3 УПК РФ содержалась следующая формулировка: «Физическое или юридическое лицо, которому преступлением причинен вред, не позднее 3 суток со дня возбуждения уголовного дела признается потерпевшим и наделяется всеми правами, предусмотренными статьей 42 настоящего Кодекса». Однако с принятием Федерального закона от 28.12.2013 № 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» данное положение утратило силу, но вместо него в ст. 42 УПК РФ были внесены изменения, которые расширили права потерпевших по всем категориям дел, а не только по тем, где применяется сокращенная форма дознания. Теперь в части первой ст. 42 УПК РФ указывается на незамедлительность признания лица

потерпевшим после установления сведений о лице, которому преступлением причинен вред.

Правоприменительная практика знает примеры того, когда в деле фигурируют в качестве потерпевших лица, которые на самом деле не должны были признаваться таковыми. Это создает ряд проблем, связанных с извещениями таких лиц, с обеспечением их явки в суд, с необходимостью получения их согласия на принятие ряда процессуальных решений. Поэтому должен быть механизм, позволяющий прекратить участие лица в качестве потерпевшего. В п. 4 ППВС РФ № 17 разъясняется, что «когда по поступившему в суд уголовному делу будет установлено, что лицо признано потерпевшим без достаточных к тому оснований, предусмотренных статьей 42 УПК РФ, суд выносит постановление (определение) о том, что такое лицо ошибочно признано потерпевшим по данному делу, и разъясняет ему право на обжалование принятого судом решения в кассационном (апелляционном) порядке». Представляется, что данное положение должно быть прямо закреплено в УПК РФ, а не содержаться в акте толкования закона.

Положительные перемены в регламентации процессуального статуса потерпевшего произошли в связи с принятием уже упомянутого Федерального закона от 28.12.2013 № 432-ФЗ. Они коснулись и мер обеспечения безопасности в уголовном судопроизводстве. Закон предоставил потерпевшему право получать в информацию о прибытии осужденного к лишению свободы к месту отбывания наказания, о выездах осужденного за пределы учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, о времени освобождения осужденного из мест лишения свободы в случае, если потерпевший или его законный представитель сделает соответствующее заявление до окончания прений сторон (п. 21.1 ч. 2 ст. 42 УПК РФ). Позже Федеральным законом от 30.03.2015 № 62-ФЗ этот пункт был уточнен.

Пункт 12 ч. 2 ст. 42 УПК РФ в первоначальной редакции предоставлял потерпевшему право знакомиться со всеми материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования. Хотя прекращение уголовного дела в процессуальной литературе традиционно рассматривается как форма окончания предварительного расследования, законодатель Федеральным законом № 432 счел необходимым дополнить названный пункт словами «в том числе в случае прекращения уголовного дела».

Следует особо отметить, что названным Федеральным законом были внесены существенные изменения по обеспечению права потер-

певшего на возмещение причиненного преступлением вреда. Законодатель предусмотрел нормы, стимулирующие лицо, совершившее преступление, возмещать причиненный вред. В частности, изменена ч. 1 ст. 79 УК РФ: лицо, отбывающее содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы или лишение свободы, подлежит условно-досрочному освобождению, если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания, а также возместило вред (полностью или частично), причиненный преступлением, в размере, определенном решением суда. Кроме того, в ст. 74 УК РФ об отмене условного осуждения включена ч. 2.1: «Если условно осужденный в течение продленного испытательного срока в связи с его уклонением от возмещения вреда, причиненного преступлением, в размере, определенном решением суда, систематически уклоняется от возмещения указанного вреда, суд по представлению органа, указанного в части первой настоящей статьи, также может вынести решение об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда». Условие о возмещении причиненного преступлением вреда полностью или в части включено также в ст. 80 УК РФ - замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания, а также в ч. 5 ст. 86 УК РФ о досрочном снятии судимости.

Наряду с правами, изменения в УПК РФ, внесенные Федеральным законом от 28 декабря 2013 года, расширили и перечень запретов для потерпевшего: теперь он не вправе уклоняться от прохождения освидетельствования, от производства в отношении его судебной экспертизы в случаях, когда не требуется его согласие, или от предоставления образцов почерка и иных образцов для сравнительного исследования (п. 4 ч. 5 ст. 42 УПК РФ). Необходимость включения данной нормы объясняется тем, что принцип публичности требует от правоохранительных органов принятия мер по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления (ч. 2 ст. 21 УПК РФ). Учитывая, что на практике имеют место случаи заведомо ложных доносов о совершении преступлений, появления в уголовном деле недобросовестных потерпевших, законом должны быть предусмотрены механизмы, позволяющие разоблачить инсценировку преступления, выявить т.н. «лжепотерпевших», пресечь случаи злоупотребления правами.

В соответствии с Федеральным законом № 432 потерпевший получил больше прав при назначении и производстве экспертизы. Ранее УПК РФ в ч. 2 ст. 198 предусматривал право потерпевшего знакомиться с экспертным заключением только в том случае, если судебная экспер-

тиза проводилась в отношении него самого (или если экспертиза проводилась по ходатайству потерпевшего – ч. 2 ст. 206 УПК РФ), что ставило его в неравное положение по сравнению с обвиняемым. Теперь право знакомиться с заключением эксперта потерпевшему предоставляется во всех случаях сразу после его получения. Были и другие существенные изменения в УПК РФ: уточнен перечень копий постановлений, которые вправе получать потерпевший (п. 13 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), предусмотрено обязательное обеспечение потерпевшего помощью адвоката-представителя в определенных случаях (ч. 2.1 ст. 45 УПК РФ), появилась статья об обязательности принятия мер обеспечения гражданского иска (ст. 160.1 УПК РФ) и др.

Итак, можно сделать вывод, что в целом наблюдается положительная динамика в регламентации процессуального положения лиц, пострадавших от преступлений. Однако несмотря на обозначенные важные изменения УПК РФ на практике все еще возникают проблемы обеспечения прав и законных интересов потерпевшего. Так, в 2021 году в защиту прав заявителей о совершенных в отношении них преступлений и лиц, признанных потерпевшими по уголовным делам, в аппарат Уполномоченного по правам человека в РФ поступило 4931 обращение, что почти на треть больше, чем в 2020 году. По-прежнему выявляются факты нарушения прав жертв преступлений при необоснованных отказах в возбуждении уголовного дела, несоблюдения принципа разумного срока судопроизводства, допущения фактов волокиты, отсутствия уведомлений о принятых процессуальных решениях. Существующие механизмы возмещения вреда, причиненного преступлением, не достаточно эффективны (Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ за 2021 год. [Электронный ресурс]. URL: https://ombudsmanrf.org/news/novosti_upolnomochennogo/view/opublikovan_doklad_o_deyatelnosti_upolnomochennogo_po_pravam_cheloveka_v_rossijskoj_federacii_za_2021 (дата обращения: 08.06.2022.).

Представляется, что эффективность обеспечения прав и законных интересов потерпевших зависит не только от состояния нормативной базы, но и от правильного применения закона, от квалификации и добросовестности лиц, в чьем производстве находится дело. Ведь многие из выявленных нарушений прав потерпевших связаны не с противоречиями и пробелами процессуального законодательства, а с несоблюдением его положений. Вместе с тем, необходимо продолжать разработки и в плане совершенствования законодательства по защите жертв преступле-

ний, в том числе по оптимизации производства по делам частного обвинения, процедуры примирения сторон, по созданию действенных механизмов возмещения причиненного преступлением вреда.

Список использованных источников

1. Анощенко С. В. Уголовно-правовое учение о потерпевшем. [Электронный ресурс]. URL: <https://lawbook.online/prestupleniy-kategorii/ugolovno-pravovoe-uchenie-poterpevshem.html> (дата обращения: 08.06.2022).
2. Балакшин В. С. Еще три аргумента в пользу принятия нового Уголовно-процессуального кодекса РФ // Вестник Уральского юридического института МВД РФ. 2017. № 3.

О. Н. Надоненко

кандидат юридических наук,
доцент кафедры криминалистики
Екатеринбургского филиала
Московской Академии
Следственного комитета Российской Федерации

ДОПРОС СПЕЦИАЛИСТА – МИФИЧЕСКОЕ СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЙСТВИЕ ИЛИ ...

Современное состояние уголовно-процессуальной регламентации участия лиц, обладающих специальными знаниями, в статусе специалиста в предварительном и судебном следствии недостаточно полно проработано. В статье анализируется существующая ситуация вокруг следственного действия «допрос специалиста». Предлагаются изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Ключевые слова: допрос специалиста, допрос свидетеля, предварительное расследование, судебное разбирательство.

Olga N. Nadonenko

PhD in Law , Associate Professor, Department of Criminology,
Ekaterinburg branch of FSSEI HI "Moscow Academy
of the Investigative Committee of the Russian Federation"

THE INTERROGATION OF A SPECIALIST IS A MYTHICAL INVESTIGATIVE ACTION OR ...

The current state of the criminal procedural regulation of the participation of persons with special knowledge in the status of a specialist in the preliminary and judicial investigation is not fully developed. The article analyzes the current situation around the investigative action "interrogation of a specialist". Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are proposed.

Keywords: interrogation of a specialist, interrogation of a witness, preliminary investigation, trial.

Мир вокруг нас сложен и многообразен. В целях его познания, организации своего существования в нем, человечество, стремясь к прогрессивному развитию, не может игнорировать процессы разделения труда, специализации индивидов. Человек может обладать энциклопедическими познаниями и считать себя Теофрастом современного мира, но даже в этом случае он не будет знать всей специфики, всех тонкостей каждой отдельно взятой области своих знаний. «Сегодня доктор биологических наук, как правило, не знает всего, что известно более узким специалистам, скажем, о нервной системе кальмара!» [7, с.39]. Именно

поэтому в различных областях человеческого общества наряду с понятием «специалист» существует и его градация «узкий специалист». Человек, в процессе своей как профессиональной, так и повседневной деятельности, постоянно обращается за помощью к другим людям, специалистам в иных областях науки, техники, искусства. Человеческое общество в настоящем не может существовать без надлежащего уровня кооперации своих членов. А эта кооперация в свою очередь должна быть регламентирована теми или иными нормами.

В процесс расследования оказываются вовлеченными большое количество людей, исполняющих самые разнообразные функции, их совместная работа призвана охранять законные права всех членов нашего общества. И специалист, в процессуальном понимании данного термина как статуса, вносит в него свой вклад. Однако, как показывает анализ уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, участие специалиста в расследовании в недостаточной мере урегулировано его нормами. Положение специалиста в уголовном судопроизводстве в качестве технического помощника следователя при производстве ряда следственных действий достаточно полно представлено в УПК РФ, но последующее развитие процессуальных норм в направлении придания специалисту также статуса научного консультанта осталось незавершенным. В частности все положения ст.80 УПК РФ, относящиеся к специалисту, вызывают в научных и практических кругах весьма бурные дискуссии, причиной которых, по сути, является незавершенность регламента тех понятий, которые в ней заявлены [2; 5; 12]. Вызывает недоумение тот факт, что в уголовно-процессуальном законодательстве судебной экспертизе выделена целая глава, содержащая 13 статей (гл.27, ст.ст.195-207), в то время как заключению специалиста, равно как и показаниям специалиста не посвящено ни одной последующей самостоятельной нормы.

УПК РФ регламентирует различные аспекты, связанные с заключением эксперта и его показаниями, в том числе порядок назначения судебной экспертизы, права участников процесса при ее производстве, структуру заключения судебной экспертизы, особенности допроса эксперта, а также формы судебных экспертиз (комплексная и комиссионная, дополнительная и повторная). Отсутствие же аналогичного раздела, посвященного заключению специалиста, лишь порождает не только теоретические, но и практические споры, которые, зачастую, весьма негативно сказываются на процессе предварительного следствия и судебного разбирательства.

Пожалуй, наиболее ярко дискуссионность, а следовательно и неопределенность положений, связанных со специалистом, проявляется в вопросе допроса специалиста. Прежде всего, это выражается в том, что в действующем уголовно-процессуальном кодексе отсутствует такое следственное действие, как допрос специалиста. В тоже время о том, что допрос специалиста возможен, нам сообщается двумя нормами УПК РФ, а именно ч. 4 ст. 80 и ч. 4 ст. 271.

Тот факт, что «допрос специалиста» отсутствует в уголовно-процессуальном кодексе как следственное действие, например, подводит ряд исследователей к высказыванию о том, что оно недопустимо в принципе и проводить его незаконно: «получается некий нонсенс или двойной стандарт: во время следствия допросить специалиста в качестве специалиста нельзя, а в суде можно. Но порядок проведения допроса специалиста не закреплен в разделе VII и в главе 37 УПК РФ, что является прямым запретом этого следственного действия» [3, с.55] Правда, это мнение не нашло широкой поддержки в научных кругах, и большинство ученых, равно как и практических работников дискутируют о порядке проведения данного следственного действия и того, о чем можно допрашивать специалиста, не оспаривая факта законности допроса специалиста.

Пожалуй единственная официальная версия о порядке проведения следственного действия «допрос специалиста» была изложена в материалах Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 28 от 21 декабря 2010г. «О судебной экспертизе по уголовным делам» в пункте № 21. Согласно этому документу порядок проведения допроса специалиста должен был соответствовать положениям допроса свидетеля. Автор статьи солидарен с учеными, которые высказываются против такого подхода [4, с. 95], соглашаясь с тем, что «учитывая существенные различия в процессуальном статусе специалиста и свидетеля, можно констатировать, что сущность их показаний также различна: свидетели дают свои показания на основе воспринятой ими информации и наблюдений, а специалисты – на основе имеющихся у них специальных знаний» [13, с. 219]. Порядок, предложенный Пленумом ВС существенно ограничивал возможности показаний специалиста в ходе допроса и вступал в противоречие с нормой ч. 1 ст. 58 УПК РФ, закрепляющей за специалистом право давать разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию, равно как и с содержанием ч. 4 ст. 80 УПК РФ.

В настоящее время Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2021 г. № 22 указанный пункт ис-

ключен из материалов Постановления Пленума ВС РФ № 28 от 21 декабря 2010 года. При этом Верховным Судом РФ не было дано иной рекомендации по процедуре допроса специалиста.

В научной среде присутствует мнение о том, что специалиста следует допрашивать по правилам допроса эксперта. Такого взгляда на рассматриваемую проблему придерживается, например, В.Л. Будников [11, с. 547]. Однако, мы не можем согласиться и с этой позицией, поскольку также, как было отмечено ранее в отношении свидетеля, эксперт и специалист обладают различными процессуальными статусами. Эксперт может быть допрошен только для дачи разъяснений своего заключения (ст. 205 УПК РФ), в то время как специалист может давать показания по любому вопросу, который относится к его компетенции, не выходит за пределы его специальных познаний. С этой позицией согласны и другие авторы [8, с. 97].

Нам не понятно, зачем сведущее лицо наделять процессуальными полномочиями, придавать ему процессуальный статус «специалист», а затем придумывать к какому другому процессуальному статусу его можно отнести. Каждый участник процесса имеет свои права, обязанности, так сказать свои полномочия. Именно поэтому мы наблюдаем в уголовно-правовом поле свойственную ему специализацию, например, в форме потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого, свидетеля, эксперта, специалиста.

Уже более 10 лет научное сообщество предлагает внести изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части регламентации деятельности специалиста. Ученые и практики предлагают различные варианты внесения данных изменений, например, в виде расширения ст. 205 как «Допрос эксперта и специалиста» [1, с. 221; 4, с. 97]; добавления в кодекс новой главы 27¹ «Заключение и допрос специалиста» [10, с. 177]; либо введения самостоятельной нормы «Допрос специалиста» в виде ст. 191.1 [6, с. 39; 9, с. 16-17]. При этом внутреннее содержание этих предложений практически одинаковое:

- инициатором допроса специалиста может выступать следователь по собственной инициативе или по ходатайству сторон;
- порядок вызова на допрос осуществляется в соответствии со ст. 188 УПК РФ;
- обязательна процедура установления личности и подтверждения компетентности сведущего лица для признания его «судебным специалистом»;
- при допросе специалиста имеют право присутствовать и задавать ему вопросы лица, инициировавшие его проведения;

– специалист может быть допрошен независимо от данных им ранее консультаций, заключений. Предметом допроса могут быть разъяснения данных ранее консультаций, заключений, проверка заключения эксперта или разъяснение иных вопросов, входящих в его компетенцию и относящихся к расследуемому событию;

– порядок составления протокола допроса регламентируется ст.ст. 166, 167, 190 УПК РФ.

Полагаем, что данные предложения представителей науки и практики заслуживают самого пристального внимания со стороны законодателей. Уголовно процессуальный кодекс не должен быть логической игрой, в которой участники из полученных фрагментов должны суметь собрать слово «законность». Участие специалиста в уголовном процессе требует соответствующей регламентации со стороны закона путем написания не единичных разрозненных норм, а полноценного комплекса положений, позволяющих ему эффективно оказывать помощь в ходе предварительного и судебного следствия.

Список использованных источников

1. Белкин А. Р. УПК РФ: отменить нельзя поправить?: в 2т. Т.2: Досудебное производство. 2-е изд., испр. и доп. М., 2021.
2. Варданян А. В. Современные проблемы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Юристы-Правоведы. 2019. № 2 (89).
3. Гришина Е. П., Абросимов И. В. Специалист как сведущее лицо и участник процесса доказывания в уголовном судопроизводстве // Современное право. 2005. № 8. [Электронный источник] URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47980537> (дата обращения 08.06.2022)
4. Дьяконова О. Г., Лазарева Л. В. Допрос специалиста: нормативное регулирование // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2021. № 3.
5. Коблев Р.П. Заключение специалиста как доказательство защиты: сложности для адвокатов // Уголовный процесс. 2017. № 6.
6. Лазарева Л. В. Допрос специалиста в уголовном судопроизводстве: необходимо законодательное регулирование // Российская юстиция. 2009. № 3.
7. Левитин Д. Организованный ум. Как мыслить и принимать решения в эпоху информационной перегрузки / пер. с англ. Н. Брагиной, Т. Землеруб; [науч. ред. К. Пахорукова, В. Артюхин]. М., 2019.
8. Осодоева Н. В. Производство допроса эксперта и специалиста в судебном заседании // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 9-6.
9. Савицкая И. Г. Формы участия специалиста в уголовном судопроизводстве: автореф. дисс. канд. юр. наук. Владимир, 2012.

10. Татьяна Л. Г., Кузнецов Е. И. Допрос специалиста в уголовном судопроизводстве // Вестник ЮУрГУ. 2006. № 13. Серия Право, Вып. 8, Том. 1.
11. Уголовный процесс Российской Федерации: учебник / отв. ред. проф. А. П. Кругликов. М., 2010.
12. Шапиро Л. Г. Проблемы правового регулирования института заключения специалиста в уголовном судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 4 (105). [электронный источник]. URL: <http://www.xn--80af5bzc.xn--p1ai/documents/vestnik/04-2015.pdf>
13. Шапиро Л. Г. К вопросу о получении показаний специалиста при расследовании преступлений // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 5 (118).

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДОПУСТИМОСТИ ПОКАЗАНИЙ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье исследуются наиболее актуальные аспекты допустимости показаний в современном российском уголовном процессе. Критикуя данное в законе определение самого понятия показаний, автор выступает за расширительное его толкования, как относимых сведений, сообщенных лицом не только в ходе допроса, но и других следственных действий. Предложен более гибкий подход к последствиям нарушения процедуры при собирании показаний, обращено внимание на требование надлежащего источника собственной осведомленности допрашиваемого об обстоятельствах дела, указывается на необходимость уточнения правил оглашения показаний неявившихся лиц в суде.

Ключевые слова: доказательственное право; показания участников процесса; допустимость доказательств; процесс доказывания

Sergey A. Novikov

PhD in Legal Science, Associate Professor,
Department of Criminal Procedure and Criminalistics,
St. Petersburg State University

TOPICAL ISSUES OF THE ADMISSIBILITY OF TESTIMONY IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCESS

The article examines the most relevant aspects of the admissibility of testimony in modern Russian criminal proceedings. Criticizing the definition of the very concept of testimony given in the law, the author advocates its broad interpretation as relevant information reported by a person not only during interrogation, but also other investigative actions. A more flexible approach to the consequences of a violation of the procedure when collecting testimony is proposed, attention is drawn to the requirement of a proper source of the interrogated person's own awareness of the circumstances of the case, the need to clarify the rules for the announcement of the testimony of non-appearing persons in court is indicated.

Keywords: evidentiary law; testimony of participants in the process; admissibility of evidence; the process of proof

Показания участников уголовного судопроизводства играют в уголовном процессе особую роль; они не только способствуют точному установлению обстоятельств дела, но и выступают действенным сред-

ством защиты подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим своих интересов. Практически ни одно расследование не обходится без показаний; с учетом их значения в процессе доказывания особенно важно, чтобы показания отвечали критерию допустимости, характеризующему их доброкачественность. Некоторые, наиболее актуальные вопросы допустимости показаний в современном российском уголовном процессе и будут нами ниже рассмотрены.

Начнем с вопроса о том, что вообще представляют собой показания того или иного участника уголовного процесса: подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля? Обратившись к статьям 76 – 79 УПК РФ, можно прийти к ошибочному выводу, что это – лишь сведения, сообщенные соответствующим участником в ходе его допроса. Между тем, допрос – хотя и основное, но не единственное средство получения показаний. Очная ставка, предъявление для опознания, проверка показаний на месте – вот те следственные действия, обязательным элементом которых также выступает дача их участниками показаний.

Ответить на вопрос о процессуальной форме сведений, сообщаемых участниками других следственных действий, таких как осмотр, обыск, освидетельствование, следственный эксперимент, сложнее. Не все процессуалисты допускают их использование в доказывании [2, с. 17]. Между тем, на наш взгляд, такие сведения тоже нужно относить к показаниям. Свою позицию автор неоднократно мотивировал ранее [6, с. 79]; к схожим выводам пришли и другие ученые [9, с. 17]. Косвенно об этом же свидетельствуют положения ч. 5 ст. 164 УПК РФ, предписывающие следователю при привлечении к участию в следственных действиях потерпевшего или свидетеля не просто разъяснить им порядок их производства, но и предупредить об ответственности по ст. 307 и 308 УК РФ. Также для признания полученных сведений допустимыми следователь должен выполнить предписания ч. 2 ст. 11 УПК РФ, то есть своевременно предупредить лиц, обладающих свидетельским иммунитетом и согласных дать показания, о том, что последние могут использоваться в качестве доказательств в ходе дальнейшего производства по уголовному делу.

Изучение правоприменительной практики подтверждает вывод о том, что суды, убедившись в соблюдении изложенных выше требований, нередко достаточно лояльно относятся к использованию в доказывании сведений, сообщаемых участниками упомянутых следственных действий. В частности, признание допустимыми сведений, сообщенных участниками следственного эксперимента, можно встретить в практике

Верховного Суда РФ (см., например, Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 4 февраля 2004 г. №832п03).

Тем не менее, чтобы допустимость полученных таким образом сведений не подвергалась сомнению, законодателю следует уточнить легальное определение показаний (расширив его за счет других следственных действий) и, наряду с этим, уточнить правила производства конкретных следственных действий, предусмотрев, например, в статье 182 УПК РФ, регламентирующей производство обыска, право следователя задавать вопросы его участникам по поводу обнаруженных лиц или предметов. Кстати, суд, производящий в ходе судебного следствия осмотр местности или помещения, прямо наделен подобным правом: согласно ч. 2 ст. 287 УПК РФ, по прибытии на место осмотра суд приступает к его производству, при этом подсудимому, потерпевшему, свидетелям и другим лицам могут быть заданы вопросы в связи с осмотром.

Второй важный (и взаимосвязанный с первым!) аспект допустимости показаний, как и любых доказательств, – строгое соблюдение закона при их получении. Однако здесь, оценивая п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, необходима определенная дифференциация. Неслучайно, по справедливому наблюдению Н. П. Кирилловой, безусловное требование о недопустимости полученных с нарушением закона доказательств как в теории, так и на практике толкуется неоднозначно; различный подход сторон к оценке доказательств с точки зрения их допустимости – распространенное и объяснимое явление [3, с. 48-49].

Дело в том, что в ряде случаев допущенное нарушение может быть оценено как незначительное и восполняемое. Так, если, не выполнив требований п. 3 ч. 3 ст. 166 УПК РФ, следователь ограничится указанием в протоколе допроса фамилии и инициалов кого-либо из участников допроса, не отразив их полных имени и отчества, налицо будет нарушение закона, которое, впрочем, не приведет к признанию зафиксированных в протоколе показаний недопустимыми. Известны случаи, когда *нарушением, носящим формальный характер и устранимым в ходе судебного заседания*, т.е. не влекущим недопустимости показаний, признавалось отсутствие в протоколе точного наименования применявшегося для видеозаписи показаний технического средства (см. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 31 июля 2012 г. № 89-о12-30СП).

Сказанное демонстрирует необходимость более гибкого, дифференцированного подхода к последствиям незначительных нарушений уголовно-процессуальной формы при собирании доказательств (в том

числе, применительно к показаниям), что требует законодательного закрепления. Ориентируясь в этом вопросе на казахстанскую модель, можно предложить следующую формулировку п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ: «иные доказательства, полученные с нарушениями требований настоящего Кодекса, которые путем лишения или стеснения гарантированных законом прав участников процесса или нарушением иных правил уголовного процесса повлияли или могли повлиять на достоверность полученных сведений».

Одновременно, для исключения всякой неопределенности в вопросах «существенности» нарушений закона при установленных фактах применения принуждения в процессе получения показаний, ч. 2 ст. 75 УПК РФ с перечнем недопустимых доказательств потребуется дополнить пунктом 2.4 следующего содержания: «показания участников уголовного судопроизводства, данные ими под воздействием насилия, издевательств, пытки или иного принуждения, осуществленного путем применения угроз, шантажа или иных незаконных действий, со стороны следователя, дознавателя, прокурора, судьи, а равно другого лица с ведома или молчаливого согласия следователя, дознавателя, прокурора или судьи».

Третий существенный аспект допустимости показаний участников процесса – надлежащий источник их собственной осведомленности об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела.

Так, в силу п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ недопустимы показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности. Приведенные нормативные предписания совершенно обоснованы, но за одним уточнением, - в подобной ситуации также недопустимы показания подозреваемого и обвиняемого. Умолчание об этом законодателя является пробелом, требующим устранения, на что нами уже указывалось ранее [8, с. 42].

Недопустимы сведения, полученные в ходе допроса и других следственных действий, о факте представления подозреваемым, обвиняемым специальной декларации и о содержании такой декларации (п. 2.2, 2.3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ).

При признании показаний недопустимыми их содержание не может восполняться путем допроса следователя, дознавателя, производившего соответствующий допрос или другое следственное действие. Согласно правовым позициям Конституционного Суда РФ, положения уголовно-процессуального законодательства не могут рассматриваться как позволяющие суду допрашивать этих должностных лиц о содержании

показаний, данных в ходе досудебного производства подозреваемым или обвиняемым (Определение от 6 февраля 2004 года N 44-О), или как допускающие подмену результатов следственных действий, проведение которых было необходимым при осуществлении досудебного производства, показаниями этих должностных лиц (определения от 25 ноября 2020 года N 2617-О и от 26 апреля 2021 года N 853-О). Хотя, по оценкам исследователей, такое требование не всегда исполняется правоприменителями [10, с. 264].

Наконец, последний аспект допустимости показаний, который будет нами затронут, касается тех ситуаций, когда показания участников процесса, полученные в ходе досудебного производства в полном соответствии с требованиями закона, затем, в ходе судебного следствия, либо прямо признаются недопустимыми, либо фактически не могут быть оглашены и, соответственно, использованы для обоснования приговора. По справедливому замечанию Ю. П. Боруленкова, в этих случаях УПК РФ ограничивает сторону обвинения в возможности предоставления суду доказательств, которые на момент формирования и судебного заседания являются законными; тем самым, «обозначена категория доказательств, которые можно назвать *условно-допустимыми*» [1, с. 15].

Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Во-первых, в силу п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ недопустимы показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде. На ошибочность такого подхода мы не раз указывали ранее [5]; нашу позицию поддержали и другие авторы [4, с. 112]. Сейчас лишь повторим, что неверно лишать суд возможности самостоятельно исследовать причины неподтверждения подсудимым ранее сообщенных им сведений и дать им обоснованную оценку. Если нарушений закона при получении показаний не было, и обвиняемый выразил желание дать их без участия защитника, то сообщенные им сведения должны оставаться допустимыми не только в ходе дальнейшего предварительного расследования, но и до самого завершения производства по делу.

Во-вторых, действующее российское законодательство устанавливает весьма серьезные ограничения для оглашения в суде ранее полученных показаний в случае неявки давших их лиц. Так, в силу ч. 2.1 ст. 281 УПК, если свидетель (потерпевший) вследствие тяжелой болезни, стихийного бедствия или другого указанного в законе чрезвычайного обстоятельства не явится в суд, то огласить его показания можно

будет лишь при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами. Однако подобный, чрезмерно суровый, на наш взгляд, подход также ошибочен и зачастую нелогичен.

Для иллюстрации представим две схожих ситуации: в первой потерпевший, дав подробные показания в отношении напавшего на него преступника, затем умирает; во второй потерпевший, дав такие же показания, впадает в кому. В настоящее время в первом случае показания потерпевшего могут использоваться без всяких ограничений, во втором же – не подлежат оглашению (если только потерпевший не умрет или не выздоровеет!).

При этом мы ни в коей мере не умаляем значения предоставляемой обвиняемому возможности допрашивать показывающих против него лиц, что выступает неотъемлемой частью права каждого на справедливое судебное разбирательство (п/п. «d» п. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.). Разумеется, в отсутствие чрезвычайных обстоятельств такое право должно неуклонно обеспечиваться. Однако при наличии упомянутых обстоятельств требуется поиск более гибких решений. Полагаем, опираясь, в том числе, на практику ЕСПЧ, что должно сохраняться два важных условия оглашения в суде и использования в дальнейшем доказывании показаний неявившихся лиц: 1) правоприменители предприняли исчерпывающие меры для обеспечения явки такого лица в суд; 2) выводы суда о виновности подсудимого не будут основаны исключительно или главным образом (в решающей степени) на оглашаемых сведениях, если обвиняемый (подсудимый) ранее не имел возможности оспорить соответствующие показания [7, с. 146-147]. Такие изменения требуется внести в УПК РФ.

В завершении еще раз подчеркнем – вопросы допустимости показаний имеют огромное значение; их правильное разрешение чрезвычайно важно как для достижения интересов правосудия, так и для защиты прав и законных интересов граждан. Надеемся, что высказанные предложения будут услышаны законодателем и учтены при дальнейшем совершенствовании доказательственного права.

Список использованных источников

1. Боруленков Ю. П. Допустимость доказательств: время перемен? // Уголовное судопроизводство. 2013. № 3.
2. Власенко Н. В., Степанов Н. В. Сущность и тактика проверки показаний на месте. М., 2004.

3. Кириллова Н. П. Следственные ошибки и допустимость доказательств // КриминалистЪ. 2009. №2 (5).
4. Костенко Р. В. Некоторые проблемы законодательной регламентации допустимости доказательств в УПК РФ // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 6.
5. Новиков С. А. К вопросу о допустимости показаний обвиняемого, данных им в отсутствие защитника // Российский следователь. 2003. № 4.
6. Новиков С. А. Показания свидетеля в российском уголовном процессе: совершенствование правового регулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2013. № 1.
7. Новиков С. А. Очная ставка: зачем, когда, как? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 5.
8. Новиков С. А. Показания обвиняемого в уголовном процессе России: проблемы допустимости // Российская юстиция. 2014. № 2.
9. Россинский С. Б. Проблемы соотношения результатов невербальных следственных и судебных действий с показаниями по уголовному делу // Российский следователь. 2013. № 16.
10. Стойко Н. Г. Законность, обоснованность и мотивированность приговора: уголовно-процессуальный анализ на примере одного дела // В сборнике: Проверка законности и обоснованности судебных решений в уголовном процессе. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Под редакцией К.Б. Калиновского. СПб., 2021.

доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы,
ст. преподаватель кафедры лингвистики и перевода
Южно-Уральского государственного университета (НИУ)

КОМПЕТЕНТНОСТЬ ЭКСПЕРТА-ЛИНГВИСТА КАК КРИТЕРИЙ ДОПУСТИМОСТИ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Статья посвящена проблеме оценки компетентности эксперта-лингвиста, которая является важным формальным признаком допустимости заключения судебной лингвистической экспертизы. Компетентность складывается из знаний фундаментальной науки, научных основ и процессуальной регламентации судебной экспертизы и знания экспертных методик. Требования к компетентности должны быть одинаковыми как для государственных, так и для негосударственных экспертов. Формально при оценке компетентности эксперта-лингвиста достаточно ограничиться проверкой двух документов: диплома о высшем лингвистическом/филологическом образовании и удостоверения о повышении квалификации и/или диплома о профессиональной переподготовке.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза; допустимость заключения эксперта; эксперт-лингвист; компетентность эксперта

Natalie P. Papoyan

Department of Criminal Procedures, Criminal Science and Forensic Enquiry
Department of Linguistics and Translation Studies,
South Ural State University

LINGUIST'S COMPETENCE AS A CRITERION FOR THE ADMISSIBILITY OF FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE

The paper is devoted to the problem of assessing the competence of an expert linguist, which is an important formal characteristic of the admissibility of the conclusion of a forensic linguistic examination. Competence consists of knowledge of fundamental science, scientific foundations and procedural regulation of forensic examination and knowledge of expert methods. The competence requirements should be the same for both State and non-State experts. Formally, when assessing the competence of a linguist expert, it is enough to check two documents: a diploma of higher linguistic/philological education and a certificate of advanced training and/or a diploma of professional retraining.

Keywords: forensic linguistic expertise; expert linguist; admissibility of the expert conclusion; expert's competence

За последний год интерес к проблеме оценки судебной лингвистической экспертизы значительно вырос. Это обусловлено, во-первых, внесением дополнений в Уголовный кодекс РФ в виде статей 207.3, 284.2, в связи с чем возникла необходимость использования специальных лингвистических знаний при разрешении вопросов по уголовным делам, возбужденным по новым и измененным статьям. Во-вторых, статистика преступности в России характеризуется значительным ростом зарегистрированных преступлений экстремистской направленности (+28,8% АППГ согласно portalу правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ), при расследовании которых довольно часто назначается судебная лингвистическая экспертиза. В-третьих, в судебной практике появились примеры вынесения приговоров по уголовным делам на основании лингвистических и психолого-лингвистических экспертиз, проведенных неквалифицированными экспертами, что приводит к отмене итоговых судебных решений по таким уголовным делам и направлению их обратно в следственные органы для производства дополнительного следствия. В совокупности с тем, что оценка всех видов экспертиз, исследующих продукт речевой деятельности человека, всегда вызывала наибольшие сложности у субъектов доказывания, становится очевидным, что проблема оценки судебной лингвистической экспертизы требует незамедлительного и именно практического решения. Считаем, что первоочередным этапом решения данной задачи должно стать установление перечня формальных признаков компетентности эксперта-лингвиста.

Судебная лингвистическая экспертиза – это процессуальное действие, состоящее из исследования текста и завершающееся дачей письменного заключения эксперта по вопросам, разрешение которых требует применения специальных лингвистических знаний, в целях установления фактов и обстоятельств, имеющих значение доказательств [1, с. 48]. В отличие от судебной автороведческой (идентификация лица по тексту) и фоноскопической/фонографической экспертиз (идентификация лица по голосу и речи), основной экспертной задачей судебной лингвистической экспертизы является исследование письменного или устного текста в целях решения вопросов смыслового понимания.

В соответствии со ст. 88 УПК РФ каждое доказательство подлежит оценке следователем, дознавателем, судьей с точки зрения относимости, допустимости, достоверности. Общие положения процессуальной оценки заключения эксперта достаточно проработаны. В практической деятельности субъекты доказывания используют перечень критериев, обозначенных в работах А. В. Кудрявцевой, Е. Р. Россинской, Е. И. Галяшиной [2; 3]. Оценка допустимости доказательства относится

преимущественно к форме, определяется соблюдением формальных правил. Как справедливо отмечает Кудрявцева А.В. «в настоящее время требование допустимости излишне формализовано, что иногда приводит к неэффективности уголовного судопроизводства» [4, с.19].

Вместе с тем положительным свойством формальной природы допустимости доказательств является то, что форма всегда поддается однозначной оценке. Это особенно важно при оценке заключения эксперта, которая представляется сложным процессом для субъекта доказывания вследствие того, что он не обладает положенными в основу проведенного исследования и формулирования выводов специальными знаниями. Считаю, что разумно воспользоваться формальным подходом на начальных этапах оценки допустимости заключения эксперта-лингвиста.

Доказательства, полученные с нарушением требований уголовно-процессуального закона, являются недопустимыми (ст. 75 УПК РФ). При оценке допустимости заключения эксперта не вызывает особой сложности оценка соблюдения процессуальных аспектов назначения, проведения экспертизы и получения экспертного заключения. Полагаю, что на следующем этапе необходимо проверить компетентность эксперта, проводившего экспертизу, так как согласно ст. 70 УПК РФ «эксперт не может принимать участие в производстве по уголовному делу если обнаружится его некомпетентность». Следовательно, некомпетентность эксперта является формальным основанием признания экспертного заключения недопустимым доказательством.

При выявлении некомпетентности эксперта, проводившего судебную лингвистическую экспертизу, нет необходимости продолжать дальнейшую оценку экспертного заключения на предмет обоснованности выводов, наличия логических ошибок и так далее. Что освободит субъект доказывания от лишней работы и позволит, в случае выявления недопустимости экспертного заключения на основании некомпетентности эксперта, назначить повторную экспертизу другому эксперту без дополнительных проволочек. Если существует возможность проверить компетентность эксперта до поручения ему проведения экспертизы, то это следует сделать, воспользовавшись предлагаемыми далее рекомендациями. Они будут универсальными для любого этапа, на котором требуется оценить компетентность эксперта-лингвиста.

Начать хотелось бы с того, что в понятии «судебный эксперт» заключен определенный законом процессуальный статус. Тем не менее повсеместно «экспертами» себя называют лица, обладающие специаль-

ными знаниями, привлеченные стороной защиты для разъяснения вопросов, входящих в их профессиональную компетенцию. Такие лица с процессуальной точки зрения являются «специалистами», тем не менее пишут «заключения эксперта», сами себе разъясняют права и обязанности и дают подписку об ответственности за дачу заведомо ложного заключения. Именуя себя «экспертами» они ошибаются сами и вводят в заблуждение участников процесса. Наиболее часто такие ошибки допускают лингвисты, филологи, литературоведы не знакомые с юриспруденцией в общем и теорией судебной экспертизы в частности.

Как вводят в заблуждение своего подзащитного и защитники, приравнивающие к заключению эксперта, заключение специалиста, являющегося по сути рецензией на имеющееся в деле экспертное заключение, и не содержащего какого-либо исследования объектов.

Экспертом является только такое лицо, обладающее специальными знаниями, которое назначено для производства судебной экспертизы и дачи заключения (ст. 57 УПК РФ).

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. N 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» определяет 3 категории экспертов:

– «должность эксперта в государственных судебно-экспертных учреждениях может занимать гражданин РФ, имеющий высшее профессиональное образование и прошедший последующую подготовку по конкретной экспертной специальности в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти»;

– «эксперт негосударственного судебно-экспертного учреждения - некоммерческой организации (некоммерческого партнерства, частного учреждения или автономной некоммерческой организации), созданной в соответствии с Гражданским кодексом РФ и Федеральным законом «О некоммерческих организациях», осуществляющие судебно-экспертную деятельность в соответствии с принятыми ими уставами» (Следует обращать пристальное внимание на организационно-правовую форму организации. Как отмечает Е. И. Галяшина «Нередко коммерческие организации (ООО, ЗАО) также представляют себя на рынке экспертных услуг в качестве негосударственных судебно-экспертных учреждений, хотя цели судебно-экспертной деятельности несовместимы с основной целью предпринимательской деятельности – извлечением прибыли. Это нередко приводит к ошибкам в привлечении в качестве экспертов лиц, не обладающих надлежащими компетенциями для решения вопросов судебной лингвистической экспертизы»);

– «лицо, не работающее в судебно-экспертных учреждениях».

Несмотря на то, что законодательно наименование данных категорий не зафиксировано, в научной литературе и практической деятельности устоялись термины «государственный эксперт» для первой категории экспертов, «негосударственный эксперт» – для второй и третьей.

Согласимся с определением компетентности, предложенным Т.Ф. Моисеевой: «Компетентность эксперта складывается из знаний в области фундаментальной для каждого рода экспертиз науки, научных основ и процессуальной регламентации судебной экспертизы и знания экспертных методик. Каждый из указанных компонентов влияет на качество экспертного исследования». Компетентность – это главное требование к лицу, привлекаемому к производству судебной экспертизы, независимо от его профессионального статуса, поэтому и требования к аттестации на право производства судебной экспертизы должны быть одинаковы как для государственных, так и для негосударственных экспертов [5, с. 32]. Действительно предложение ряда авторов [6; 7; 8] об установлении единых критериев оценки экспертной компетентности путем распространения квалификационных требований, установленных для государственных экспертов на негосударственных экспертов, представляется единственно возможным путем решения проблемы. Именно такого законодательного решения ожидают от федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», находящегося на рассмотрении в Совете Федераций. Но в ситуации действующего законодательства существует острая необходимость в определении перечня критериев компетентности эксперта-лингвиста и перечислении формальных признаков их подтверждающих.

В государственных экспертных учреждениях систем МВД, ФСБ и Минюста действуют положения об аттестации экспертов на право самостоятельного производства судебных экспертиз и порядке пересмотра уровня их квалификации. Вследствие чего формальным признаком компетентности государственного эксперта-лингвиста является прохождение им аттестации на право самостоятельного производства судебных лингвистических экспертиз в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти.

При оценке допустимости экспертного заключения государственного эксперта-лингвиста во время проверки документов следует обращать внимание на следующее. Первое, это сроки получения свидетельства на право самостоятельного производства экспертиз или подтвер-

ждения уровня квалификации. Необходимо проверить, чтобы дата окончания производства экспертизы была не позднее даты выдачи свидетельства или даты подтверждения уровня квалификации эксперта плюс 5 лет. Если на момент производства экспертизы свидетельства не имеется или срок действия свидетельства истек, судебная лингвистическая экспертиза должна проводиться в комиссии с экспертом, имеющим действующее свидетельство на право самостоятельного производства судебных лингвистических экспертиз. И второй наиболее важный момент: наименование специализации, по которой выдано свидетельство на право самостоятельного производства экспертиз, должно соответствовать роду/виду судебной лингвистической экспертизы. Регламентированы следующие наименования:

МВД РФ: Лингвистическая «Исследование текста в целях решения вопросов смыслового понимания» (Приказ МВД РФ от 14 января 2005 г. N 21 «Об аттестации экспертов на право самостоятельного производства судебных экспертиз и о порядке пересмотра уровня их профессиональной подготовки»);

Минюст РФ: Лингвистическая «Исследование продуктов речевой деятельности» (Приказ Минюста РФ от 27 декабря 2012 г. N 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России»);

ФСБ РФ: Лингвистическая «Типовые задачи, решаемые при производстве лингвистических экспертиз: интерпретация смысла высказываний и их лингвистическая квалификация, в частности, выявление в текстах высказываний экстремистской и террористической направленности» (Приказ ФСБ РФ от 23 июня 2011 г. N 277 «Об организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности»).

Если в свидетельстве указаны только специализации «Идентификация автора по тексту», «Идентификация лиц по фонограммам речи», «Исследование голоса и звучащей речи», «Исследование письменной речи с целью установления авторства» и т.п., то эксперт-лингвист не обладает необходимой компетенцией для производства судебной лингвистической экспертизы, следовательно, его экспертное заключение является недопустимым доказательством.

Требования к экспертам-лингвистам, не являющимся государственными экспертами, касающиеся их квалификации, профессионального образования, должны быть такими же. Это следует из системного и взаимосвязанного рассмотрения ст. 8 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», где сказано, что эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме, и статьи 41 того же закона, которая распространяет на судебно-экспертную деятельность лиц, производящих судебную экспертизу вне государственных судебно-экспертных учреждений и обладающих специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, но не являющихся государственными судебными экспертами, действие ст. 2, 3, 4, 6–8, 16 и 17, ч. 2 ст. 18, ст. 24 и 25 упомянутого Федерального закона [1, с. 30].

В практической деятельности оценка компетентности негосударственных экспертов производится по формальным основаниям - наличие соответствующего образования, ученой степени и ученого звания, стаж работы и т.п. Эти сведения обязательно содержатся во вводной части заключения эксперта и вполне доступны для заинтересованных участников уголовного судопроизводства. Однако в случае с судебной лингвистической экспертизой анализ этой информации не всегда позволяет однозначно оценить компетентность эксперта-лингвиста. Даже простая казалась бы оценка наличия «соответствующего образования» ставит в тупик. Соответствующее образование это какое? Филолог, лингвист, журналист, учитель русского языка и литературы, а может юрист, судебный эксперт или конфликтолог?

Обратимся к примерам из судебной практики. Стали известны случаи, когда судебные лингвистические экспертизы проводились экспертами, не имеющими базового лингвистического образования. Например, некий Д. Михеев, будучи директором АНО «Центр содействия развитию гуманитарных экспертиз «Независимый эксперт», единолично проводил психолого-лингвистические экспертизы по постановлениям следователей ФСБ РФ. Выводы проведенных им экспертиз легли в основу ряда дел экстремистской направленности. При этом Д. Михеев получил степень бакалавра по специализации «Конфликтология», прошел ряд курсов повышения квалификации по программам судебной лингвистической экспертизы. Министерство юстиции РФ в ответ на запросы адвокатов, подтвердило, что данный эксперт не имеет квалификации для проведения судебных психолого-лингвистических экспертиз в связи с отсутствием базового филологического образования. Этот пример далеко не единичен. В

условиях большой потребности органов следствия в исследованиях смыслового наполнения письменных текстов или устных высказываний, «лингвистические экспертизы» довольно смело пишут юристы, психологи, социологи и даже дизайнеры по образованию. Кандидаты и доктора юридических и педагогических наук проводят «юридико-лингвистическое исследование» и отвечают на вопросы «Направлена ли вышеуказанная информация на негативную оценку деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации» или «Содержатся ли в представленных материалах лингвистические признаки побуждения пользователя к совершению каких-либо действий?» и т.д. Как справедливо отмечает Е. И. Галяшина: «Каждый говорящий или пишущий по-русски, не говоря уже о лицах, получивших филологическое образование, полагает себя сведущим лицом в вопросах родного языка» [9, с. 111].

Приняв во внимание негативные примеры, описанные выше, определим первоначальные формальные признаки компетентности негосударственного эксперта, а именно список специальностей высшего профильного образования, при обучении на которых получают лингвистические знания (Приказ Росстандарта от 08 декабря 2016 N 2007-ст «ОК 009-2016. Общероссийский классификатор специальностей по образованию»):

Бакалавриат

44.00.00 Образование и педагогические науки: 44.03.01 Педагогическое образование (направления «Русский язык», «Русский язык и литература»)

45.00.00 Языкознание и литературоведение: 45.03.01 Филология (направления «Русский язык», «Русский язык и литература»); 45.03.02 Лингвистика; 45.03.03 Фундаментальная и прикладная лингвистика

Магистратура

44.00.00 Образование и педагогические науки: 44.04.01 Педагогическое образование (направления «Русский язык», «Русский язык и литература»)

45.00.00 Языкознание и литературоведение: 45.03.01 Филология (направления «Русский язык», «Русский язык и литература»); 45.03.02 Лингвистика; 45.03.03 Фундаментальная и прикладная лингвистика

Специалитет

40.00.00 Юриспруденция: 40.05.03 Судебная экспертиза (Специализация №5 Речеведческие экспертизы)

45.00.00 Языкознание и литературоведение: 45.05.01 Перевод и переводоведение.

Соответственно негосударственный эксперт-лингвист должен по требованию субъекта доказывания предоставить документ, подтвержда-

ющий наличие у него высшего профильного образования, а именно Диплом об освоении программы Бакалавриата, Магистратуры, Специалиста по указанным выше специальностям.

Однако вернемся к определению компетентности и убедимся, что обладание фундаментальными лингвистическими знаниями не единственный критерий, который делает лингвиста экспертом, в отличие от лингвиста-специалиста. Дополнительно к базовому образованию необходимо знание «научных основ и процессуальной регламентации судебной экспертизы и знания экспертных методик». Исключением, пожалуй, является специальность 40.05.03 Судебная экспертиза: Специализация № 5 Речеведческие экспертизы, в учебном плане которой наряду с изучением анализа языкового материала и различных типов языковых единиц, закономерностей развития грамматических систем, основ организации семантики слова, синтаксиса предложения и текста, имеется изучение основ криминологии и судебной экспертизы, правового регулирования процессуальных отношений, а также частной теории судебной фоноскопической, лингвистической, психолингвистической, автороведческой, почерковедческой экспертизы, типовых судебно-экспертных методик и программно-аппаратных средств разных видов судебной экспертизы.

На практике приобретение профессии эксперта-лингвиста - процесс довольно длительный и ответственный, он состоит в освоении лицом, имеющим высшее образование, программы дополнительной подготовки, которая включает разделы по частной теории судебной лингвистической экспертизы и по методикам исследования продуктов речевой деятельности для решения ее родовых и видовых задач [1, с. 33].

Получение лингвистом дополнительного профессионального образования реализуется в форме профессиональной переподготовки или повышения квалификации по дополнительным образовательным программам, названия которых могут варьироваться в зависимости от учебного заведения: «Судебная лингвистическая экспертиза», «Судебная лингвистическая экспертиза и комплексная экспертиза по делам, связанным с проявлением экстремизма и терроризма», «Анализ продуктов речевой деятельности в судебной экспертизе» и т.п. (п. 6 ст. 76 Федерального закона от 29 декабря 2012 N273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»). Содержание дополнительной профессиональной программы определяется образовательной программой, разработанной и утвержденной организацией, осуществляющей образовательную деятельность).

Обязательно наличие у учебного заведения лицензии на ведение образовательной деятельности. Документами, свидетельствующими о получении дополнительного профессионального образования по программам, относящимся к теории лингвистической экспертизы, является Удостоверение о повышении квалификации и/или Диплом о профессиональной переподготовке по перечисленным выше и подобным программам, а также Свидетельство на право самостоятельного производства судебных лингвистических экспертиз. Для подтверждения компетентности негосударственного эксперта, бывшего сотрудника МВД РФ, Минюста РФ допускается использование свидетельств на право самостоятельного производства судебных экспертиз, полученных во время прохождения службы в федеральных органах исполнительной власти, до истечения срока действия

Пристальное внимание следует обратить на следующий момент, к документам, подтверждающим получение дополнительного профессионального образования (равно и наличие соответствующей квалификации и компетентности) не относятся: удостоверения членства лингвиста в каких-либо ассоциациях экспертов; сертификаты соответствия эксперта, зарегистрированные в системе добровольной сертификации судебных экспертов и экспертных учреждений; свидетельства о подтверждении компетентности экспертной организации и т.п. В сертификате соответствия эксперта имеется формулировка «Настоящий сертификат удостоверяет, что ФИО сертифицирован(а) в соответствии с правилами системы добровольной сертификации деятельности экспертов в области судебной экспертизы и имеет право самостоятельного производства судебных лингвистических экспертиз», также имеется регистрационный номер в Реестре зарегистрированных систем добровольной сертификации, что выглядит довольно солидно и, казалось бы, снимает дальнейшие вопросы о компетентности эксперта-лингвиста. Тем не менее следует выяснить, что такое система добровольной сертификации судебных экспертов и экспертных учреждений и действительно ли данные сертификаты подтверждают компетентность эксперта-лингвиста.

Ведение единого реестра зарегистрированных систем добровольной сертификации осуществляет Росстандарт на основании Положения о Федеральном агентстве по техническому регулированию и метрологии, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 17 июня 2004 г. №294; Постановления Правительства Российской Федерации от 23 января 2004 г. №32 «О регистрации и размере платы за регистрацию системы добровольной сертификации». Согласно указанным документам «Система добровольной сертификации может

быть создана юридическим лицом и (или) индивидуальным предпринимателем или несколькими юридическими лицами и (или) индивидуальными предпринимателями. Лицо или лица, создавшие систему добровольной сертификации, устанавливают перечень объектов, подлежащих сертификации, и их характеристик, на соответствие которым осуществляется добровольная сертификация, правила выполнения предусмотренных данной системой добровольной сертификации работ и порядок их оплаты, определяют участников данной системы добровольной сертификации» [11]. Объекты, подлежащие сертификации могут быть совершенно разнообразными: корма животного происхождения, глютен, шроты, досуг и отдых детей, изделия из древесно-полимерных композиций, мясорубки бытовые и многое другое.

Организация, создающая систему добровольной сертификации экспертов и организаций, осуществляющих деятельность в области судебной экспертизы, сама устанавливает правила функционирования системы добровольной сертификации, правила могут быть любыми. Мониторинг систем добровольной сертификации судебных экспертов показал, что в одних системах для получения сертификата соответствия эксперта достаточно предоставить копию диплома о высшем образовании и оплатить участие. В других системах, например, в ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, правилами определен строгий порядок получения сертификата, а именно наличие высшего профильного образования согласно Перечню; опыт работы, связанной с судебной экспертизой; прохождение экспериментальной проверки эксперта с помощью его тестирования экспертной комиссией, а также осуществление инспекционного контроля компетентности судебных экспертов, сертифицированных в системе. Согласно порядку проведения сертификации судебных экспертов в НОЦ «Гильдия» предусматривается обязательное прохождение заявителем обучения по утвержденным программам подготовки (переподготовки) и/или повышения квалификации, а для продления срока действия выданных ранее сертификатов – предоставление практических экспертных исследований и справки заверенной работодателем о количестве выполненных экспертных исследований за последний год (Приказ Минюста РФ от 18 апреля 2018 г. N 86/1-1 «О Перечне специальностей высшего профильного образования в Системе добровольной сертификации методического обеспечения судебной экспертизы»).

Аналогично происходит сертификация экспертных учреждений и экспертных методик: на добровольной основе и по произвольным правилам. При этом имеются примеры выдачи сертификатов соответствия

требованиям Системы добровольной сертификации организаций, осуществляющих деятельность в области судебной экспертизы, Обществам с ограниченной ответственностью, которые являются коммерческими организациями по своей организационно-правовой форме, что противоречит сущности судебного экспертного учреждения.

Таким образом, не следует оценивать сертификат соответствия эксперта или экспертного учреждения как документ, который однозначно свидетельствует о компетентности эксперта.

Компетентность судебного эксперта-лингвиста является важным формальным признаком допустимости заключения судебной лингвистической экспертизы. Компетентность складывается из знаний фундаментальной науки (что подтверждается наличием базового высшего образования), научных основ и процессуальной регламентации судебной экспертизы и знания экспертных методик (что подтверждается прохождением программ дополнительного образования: профессиональной переподготовки и повышения квалификации). Формально при оценке компетентности эксперта-лингвиста достаточно ограничиться проверкой двух документов: диплома о высшем лингвистическом/филологическом образовании и свидетельства на право производства судебных лингвистических экспертиз – для государственного эксперта; диплома о высшем лингвистическом/филологическом образовании и удостоверения о повышении квалификации и/или диплома о профессиональной переподготовке (по программам «Судебная лингвистическая экспертиза») – для негосударственного эксперта.

Список использованных источников

1. Галяшина Е. И. Судебная лингвистическая экспертиза: учебник. М., 2021.
2. Кудрявцева А. В. Судебная экспертиза как институт уголовно-процессуального права: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Санкт-Петербург, 2001.
3. Россинская Е. Р. Настольная книга судьи: судебная экспертиза: Типичные вопросы и нестандартные ситуации: судебно-экспертные учреждения, назначение экспертизы в суде, типичные экспертные ошибки, заключение эксперта, порядок проведения экспертиз Москва, 2013.
4. Кудрявцева А. В. Допустимость доказательств есть важная категория теории доказывания // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 3(84).
5. Моисеева Т. Ф. Компетентность судебного эксперта как определяющий фактор предупреждения экспертных ошибок // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3.

6. Петрухина А. Н., Попова В. В. Компетентность эксперта в уголовном судопроизводстве // Право и государство: теория и практика. 2019. № 4(172).
7. Зайцева Е. А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства. Москва, 2010.
8. Зайцев Р. В. Криминалистические экспертизы как средство получения и проверки доказательств по уголовным делам: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2008.
9. Галяшина Е. И. Разграничение деятельности судебного эксперта-лингвиста и лингвиста-аналитика: компетенции, методы и технологии // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2019. Т. 1. № 15.
10. Добровольное подтверждение соответствия / [Электронный ресурс] // Росстандарт. Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии: [сайт]. URL: <https://www.rst.gov.ru/portal/gost/home/activity/compliance/VoluntaryAcnowledgement> (дата обращения: 05.09.2022)

В. В. Петров,

кандидат медицинских наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Санкт-Петербургского государственного университета

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ «ПРОЦЕССА ШЕСТНАДЦАТИ»

В статье рассматриваются некоторые вопросы, связанные с прошедшим в июне 1945 года судебным процессом, который в истории известен под названием «Процесс шестнадцати». На основании данных, имеющих в доступной для изучения литературе, показано, что деятельность «Армии Крайовой» и ее руководителей была направлена против СССР. В статье также показано, что несмотря на многочисленные преступления, приговор по «Процессу шестнадцати» руководителей «Армии Крайовой» был весьма мягким. Данное обстоятельство являлось признаком стремления СССР установить дружеские отношения с Польшей.

Ключевые слова: уголовный процесс, российско-польские отношения, «Армия Крайова», исторические уголовные дела, «Процесс шестнадцати».

Vadim V. Petrov

PhD. in Medical Sciences,
Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics
of St. Petersburg State University

SELECTED ASPECTS OF “THE SIXTEEN PEOPLE TRIAL”

The article discusses some of the issues related to the June 1945 trial, named «The Sixteen People Trial». The author proves that the activities of the Home Army and its leaders were directed against the USSR. It is emphasized that despite the numerous crimes of the 16 leaders of the “Armiya Krayova”, the sentence against them was very lenient. This circumstance was a sign of the desire of the USSR to establish friendly relations with Poland.

Keywords: criminal procedure, Russian-Polish relations, «Armiya Krayova», historical criminal cases, «The Sixteen People Trial».

Настоящее время характеризуется тем, что многие страны Запада сплотились в своем резко негативном видении Специальной военной операции (СВО) Российской Федерации на Украине. В ряду ярых противников России одну из самых активных первых скрипок играет член НАТО Польша. Следует заметить, что в европейской истории Польша уже давно как стремилась играть, так и часто с самозабвением играла роль активного западного тарана против нашей страны. В частности, историкам слишком хорошо известна роль правительственных структур Польши в проведении антисоветской политики периода 1920 - 1945 годов. А для «Правительства Польши в изгнании», существовавшего в

1939 - 1990 годах, проведение антисоветской политики также было постоянным и вполне естественным состоянием. Если брать проблему в более широком плане, то необходимо вспомнить о стабильно антироссийской направленности политики всех польских государственных образований, что ярко проявлялось начиная еще с XI века. Рассмотрение всего комплекса истории отношений между Российским и Польским государствами в период XI - первой половины XX веков не входит в тематику настоящей работы. Остановимся лишь на некоторых, с нашей точки зрения важных моментах.

Бывший министр иностранных дел Российской империи в 1910 - 1916 годах С. Д. Сазонов, касаясь состояния российско-польских отношений к началу XIX века, с горечью констатировал: «Между Россией и Польшей лежало, как зияющая пропасть, три века почти непрерывной войны, в которой Польша часто играла роль нападавшей стороны и нередко бывала победительницей. Между русскими и поляками было пролито слишком много братской крови, чтобы их примирение могло состояться иначе, как на началах высшей справедливости и полного признания взаимных исторических прав.» [4, с. 369]. Описывая исторические события первой трети XIX века, военный историк А. А. Керсновский подчеркнул то обстоятельство, что немалую отрицательную роль в российско-польских отношениях сыграла, в том числе, германская политика. Мнение А. А. Керсновского по данному вопросу выражено им в следующих словах: «На Венском конгрессе от России отбирается Галиция, незадолго до того ею полученная, а в обмен дается герцогство Варшавское, чем предусмотрительно, к вящей славе германизма, в состав России вводится враждебный ей польский элемент.» [1, с. 196].

В XX веке же отношения между Польшей и РСФСР, в дальнейшем и СССР, стали особенно напряженными в период с 1919 по 1939 годы. Этому первоначально способствовала политика Ю. К. Пилсудского, а с 1935 года не менее, если не более, враждебная по отношению к СССР политика его последователей. С сентября 1939 г. по декабрь 1990 года такую же враждебную политику, за исключением короткого периода 1941 - 1943 гг., проводило в отношении СССР аналогичную враждебную политику «Правительство Польши в изгнании». В своих крайних проявлениях данная политика проявлялась в виде различных видов открытых боевых действий «Армии Крайовой», включая террористические акты, в отношении бойцов и командиров Красной Армии, а также должностных лиц гражданской власти и мирного населения СССР, о чем будет сказано далее.

Вообще российско-польские отношения, даже в относительно мирные периоды, всегда были довольно сложными. На протяжении довольно продолжительного времени и Россия и Польша веков являлись конкурентами в отношении территорий, на которых сейчас находятся Украина, Белоруссия и Литва. Вспомним, что Польша давно претендовала на российские земли вплоть до Смоленска. А сам этот город некоторое время даже находился под властью польского государства. Верхней точкой противостояния между Россией и Польшей явились события начала XVII века, известные в отечественной истории под названием «Смутное время». В этот период вследствие крайне враждебных действий Польши встало под вопрос даже само существование России как суверенного государства. Исследователь А. Сидорчик считает, что и в начале XX века власти Польши продолжали организовывать агрессивную, откровенно завоевательную политику. При этом, наряду с другими государствами, основной ее целью являлась именно Россия. «Новая Польша провозгласила себя «Второй Речью Посполитой» неслучайно. Пилсудский и его единомышленники ставили задачу восстановления государства в границах 1772 года. Это делало конфликты с соседями на востоке неизбежными. Поляки претендовали на территории Украины, Белоруссии и Литвы, ранее входившие в Российскую и Австро-Венгерскую империи.» [5].

В современном мире являются широко распространенными два взгляда. Сущность первого из них состоит в том, что И. В. Сталин всегда и везде сугубо отрицательно относился к полякам. Согласно же другому взгляду, в СССР периода правления того же Сталина приговоры судов по уголовным делам отличались чрезмерной суровостью.

Но углубленное изучение истории нашей страны приводит к тому, что становится очевидной ложность обоих указанных взглядов. Данное положение можно проиллюстрировать на примере к настоящему времени уже основательно забытому уголовному делу, известному в истории под названием «Процесс шестнадцати». Это уголовное дело было рассмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР в период с 18 по 21 июня 1945 года.

«Процесс шестнадцати» имеет следующую предысторию. Как известно, освобождение Польши от гитлеровской оккупации началось в июле 1944 года, когда части Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА) вступили на ее территорию. В конце июня 1944 года советскими войсками была начата операция «Багратион». В ходе данной операции РККА удалось разгромить большое количество немецких войск, дисло-

цированных на территориях Литвы и Белоруссии. Войска Первого Белорусского фронта 20 июля 1944 года форсировали реку Буг, являвшейся границей СССР. 2-ая танковая армия РККА, развивая быстрое наступление, уже 25 июля 1944 года взяла город Люблин. Наступление на город Люблин было продиктовано не только чисто военными задачами по быстрейшему прорыву к реке Висле и далее к Варшаве. Данное наступление одновременно решало и важную политическую задачу, вытекающую из следующей ситуации. Несколькими днями ранее, 21 июля 1944 года, Крайова Рада Народова собралась в первом освобожденном РККА польском городе Хелме. На своем заседании она учредила Польский комитет национального освобождения (ПКНО). А для ПКНО была необходима столица на территории Польши. Для этой цели Люблин подходил в гораздо большей степени, нежели Хелм. Создание нового правительства Польши осуществлялось быстрыми темпами. 26 июля 1944 года между СССР и ПКНО было подписано соглашение. Это соглашение признавало в Польше только власть ПКНО и никакую другую.

Уже к концу января 1945 года практически вся территория Польши, включая ее западные районы, была освобождена Красной Армией. В ходе освобождения указанной территории «Армия Крайова», которая подчинялась польскому правительству в изгнании, не считалась РККА в качестве союзной силы. Справедливости ради следует отметить, что подразделения «Армии Крайовой» оказали небольшую помощь Красной Армии при взятии ею городов Люблина и Львова. Но в целом по отношению к СССР «Армия Крайова» занимала явно враждебную позицию. В ходе освобождения территории Польши бойцам «Армии Крайовой» предлагалось вступить в Войско Польское; отказывавшихся разоружали и интернировали.

Считается, что в 1945 году «Армия Крайова» насчитывала около 35 тысяч человек. Ее подразделения перешли к тактике партизанских действий против нового правительства Польши. Борьба с «Армией Крайовой» привела к тому, что в борьбе с ней погибли около 15 тысяч сторонников ПКНО.

Формально «Армия Крайова» была распущена ее командованием 15 января 1945 года. Несмотря на это обстоятельство, значительная часть «аковцев» перешла на нелегальное положение. При этом «аковцы» продолжили вооруженную борьбу как против правительственных структур Народной Польши, так и против Красной Армии, а также против советских граждан.

На фоне всех событий периода конца 1944 - начала 1945 годов Советский Союз имел естественную заинтересованность в том, чтобы на

месте старой, враждебной, возникла бы новая, дружественная ему Польша. Для этого, И. В. Сталин, в процессе Ялтинской и Потсдамской конференций СССР, США и Англии настоял на передаче Польше значительных восточных территорий Германии со всеми их значительными материальными ресурсами. Правительство Польши в изгнании всячески интриговало против данного предложения, лелея надежду на будущий военный союз Польши и Германии, направленный против СССР.

В коренных интересах советского и польского народов, еще до завершения войны с гитлеровской Германией, 21 апреля 1945 года был подписан Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Советским Союзом и Польской республикой. При подписании этого Договора, И. В. Сталин произнес речь, в которой он произнес следующие слова: «Я думаю, что Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Советским Союзом и Польшей, который мы только что подписали, имеет большое историческое значение. Значение этого Договора заключается, прежде всего, в том, что он знаменует собой коренной поворот в отношениях между Советским Союзом и Польшей в сторону союза и дружбы, который сложился в ходе нынешней освободительной войны против Германии и который получает теперь формальное закрепление в этом Договоре.» [6, с. 182].

Кроме указанного, И. В. Сталин подчеркнул и другие аспекты значения подписанного Договора: «Значение настоящего Договора заключается в том, что он кладет конец и заколачивает в гроб эти старые отношения между нашими странами и создает реальную базу для замены старых недружелюбных отношений отношениями союза и дружбы между Советским Союзом и Польшей. ...

Значение настоящего Договора состоит в том, что он ликвидирует старую и пагубную политику игры между Германией и Советским Союзом и заменяет ее политикой союза и дружбы между Польшей и ее восточным соседом.» [6, с. 182-183].

В своей речи И. В. Сталин отметил также и наличие у Договора международных аспектов: «Настоящий Договор имеет еще большое международное значение. Пока не было союза между нашими странами, Германия имела возможность использовать отсутствие единого фронта между нами, могла противопоставлять Польшу Советскому Союзу и наоборот» [6, с. 183 - 184]. Из всех приведенных выше слов можно сделать совершенно очевидный вывод о том, что выступая при заключении 21 апреля 1945 года указанного советско-польского Договора, И. В. Сталин в качестве его основных целей имел в виду прежде всего именно

перевод отношений между СССР и Польшей из враждебного в сугубо дружественное русло.

Является вполне естественным, что Советский Союз не мог мириться с преступной деятельностью «Армии Крайовой» как на своей территории, так и на освобождаемых Красной Армией территориях Польши. 27 марта 1945 года в городе Прушкове (ныне, Прушков) органами НКВД в результате проведенной спецоперации были арестованы многие руководители «Армии Крайовой» во главе с ее последним командующим бригадным генералом Л. Б. Окулицким.

Предварительное расследование преступной деятельности лиц из числа руководства «Армии Крайовой» проходило довольно быстро. Оно было завершено к десятым числам июня 1945 года. При завершении предварительного расследования уголовное дело получило название «Об организаторах, руководителях и участниках польского подполья в тылу Красной Армии на территории Польши, Литвы и западных районов Белоруссии и Украины». Дело предполагалось рассмотреть в открытом заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР и начать его рассмотрение 18 июня 1945 года. Незадолго до этого, 12 июня 1945 года, ввиду их особой политической значимости, вопросы подготовки к судебному заседанию по данному делу рассматривались в рабочем кабинете И. В. Сталина с участием, в частности, первого заместителя наркома иностранных дел СССР и политсоветника при Главном начальствующем СВАГ

А. Я. Вышинского, прокурора Украинской ССР Р. А. Руденко и начальника Следственной части по особо важным делам НКГБ СССР Л. Е. Влодзимирского. Судя по тетрадам и журналам записей лиц, принятых И. В. Сталиным, все указанные лица были приняты им одновременно в промежуток с 21 часа 40 минут до 22 часов 10 минут. [3, с. 456]. Является интересным тот факт, что А. Я. Вышинский в мае - июне 1945 года, то есть всего за два месяца, был принят И. В. Сталиным в общей сложности целых 18 раз. [См.: 3, с. 590]. Очевидно, что такая частота встреч Сталина и Вышинского была связана не только с «Процессом шестнадцати», но прежде всего с предстоящими в скором времени Потсдамской конференцией и началом Нюрнбергского процесса. Р. А. Руденко был на приеме у И. В. Сталина пять раз в период 1945 - 1952 годов. А упомянутый Л. Е. Влодзимирский ни до, ни после 12 июня 1945 года на приеме у И. В. Сталина не был. Согласно данным В. Н. Киселева, на приеме в кабинете Сталина в 1945 году А. Я. Вышинский был 61 раз с общей продолжительностью пребывания 4775 минут, а Л. Е. Влодзимирский - всего 1 раз на протяжении 30 минут. [См.: 2, с. 359 - 360].

Согласно собранным в ходе предварительного следствия сведениям, причем, заметим, что неполным, «в результате террористической деятельности отрядов «Армии Крайовой» только за период с 28 июля по 31 декабря 1944 года было убито 277 и ранено 94 бойца и офицера Красной Армии, в том числе: убито и ранено офицеров - 77, сержантов - 87, бойцов - 297 человек. С 1 января по 30 мая 1945 года убито 317 человек и ранено 125 человек офицеров и бойцов Красной Армии.» [7, с. 14]. Таким образом, за период с 28 июля 1944 г. по 31 мая 1945 г., иными словами, всего за 10 месяцев, военными «Армии Крайовой» было убито 594, а ранено 219 бойцов и офицеров РККА. Таким образом, за указанный период времени общие потери РККА от действий «Армии Крайовой» составили, подчеркнем, что по неполным данным, 813 бойцов и офицеров. Обратим внимание также на такой факт, что при этом соотношение убитых и раненых военнослужащих Красной Армии составило $594 : 219 = 2,71$, что является весьма большим показателем для боестолкновений. На наш взгляд, данное обстоятельство свидетельствует об имеющейся у отрядов «Армии Крайовой» ориентированности именно на убийства военнослужащих РККА, а не на причинение им ранений.

При этом, государственное обвинение, очевидно, под влиянием позиции И. В. Сталина, не требовало в ходе «Процесса шестнадцати» самых жестких мер наказания для подсудимых.

Здесь будет уместным привести фрагмент из речи Главного военного Прокурора Красной Армии Н. П. Афанасьева. «Я считаю возможным ограничиться применением к ним лишения свободы, а не расстрела главным образом потому, что мы сейчас переживаем радостные дни великих побед, одержанных нашим народом и его Красной Армией.» [7, с. 227].

В своей обвинительной речи Главный военный Прокурор Красной Армии Н. П. Афанасьев выделил раздел с характерным названием: «План подготовки военного выступления с Германией против СССР» - [См.: 7, с. 223 - 226].

В этой же обвинительной речи Н. П. Афанасьев воспроизвел показания свидетеля Урбановича о деятельности «Армии Крайовой», которые тот дал в ходе судебного заседания. Так, на вопрос государственного обвинителя «Урбанович ответил: «при немцах - карательные экспедиции «АК» и немцев против советских партизан, а после изгнания немцев - против Красной Армии». В этих немногих словах очень точно изложена деятельность «Армии Крайовой». ...» [7, с. 224].

Командование «Армии Крайовой» и подпольное «правительство Польши» всячески старались проводить политику фактически в интересах гитлеровской Германии, которая в январе - мае 1945 года еще вела боевые

действия и против СССР и против английских войск. В этих целях «Армия Крайова» и подпольное «правительство Польши», в частности, осуществляли массированные дезинформационные мероприятия. Для этого они согласовано «направляли клеветническую информацию в Лондон с целью дезинформировать Британское правительство о действительном положении в Польше, всякими путями старались вызвать недоверие к Советскому Союзу, неприязнь к Красной Армии.» [7, с. 225].

В мотивировочной части приговора Военная коллегия Верховного Суда СССР указала: «При определении меры наказания подсудимым Военная коллегия Верховного суда Союза ССР, принимая во внимание все обстоятельства настоящего дела, исходит также из факта победоносного завершения Советским Союзом Великой Отечественной войны. Учитывая, что в условиях перехода к мирному строительству применение суровых мер наказания вплоть до расстрела, предусмотренных предъявленными подсудимым статьями Уголовного Кодекса не вызывается необходимо, Военная коллегия Верховного Суда Союза ССР -

ПРИГОВОРИЛА: ...» [7, с. 276-277].

Заметим, что 18 - 21 июня 1945 года перед судом предстали только 15 человек. Один из шестнадцати обвиняемых по делу, Антоний Пайдак, был в это время болен и осужден позднее. Несмотря на предъявленные подсудимым тяжкие обвинения, приговор оказался довольно мягким. К самому большому сроку лишения свободы 10 лет приговорили главного обвиняемого Л. Окулицкого. Четырех обвиняемых приговорили к срокам от 8 до 5 лет лишения свободы. Двоих - к 1,5 и 1 году лишения свободы. Шестерых - к срокам от 8 до 4 месяцев лишения свободы. Трое обвиняемых, Кобылянский К., Михаловский С. и Стемлер Ю., судом были оправданы. Интересно отметить, что несколько человек из числа подсудимых впоследствии были осуждены уже в Польше.

Такой довольно мягкий приговор для всех подсудимых явно свидетельствовал о гуманности и миролюбии советского правосудия в отношении лиц, принадлежащим к сугубо недружественным к СССР представителям польского политического руководства того времени. Причем политического руководства, ориентированного не на СССР, а в основном на Великобританию.

Список использованных источников

1. Керсновский А. А. История русской армии. В 4 томах. Том 1. М., 1992.
2. Киселев В. Н. Встречи Сталина. В кабинете у Верховного. М., 2019.
3. На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924 - 1953 гг). Справочник / Научный редактор А. А. Чернобаев. М., 2010.

4. Сазонов С. Д. Воспоминания. М., 1991.
5. Сидорчик Андрей. Под «Волчьим солнцем». Реальная история отношений СССР и Польши в 10 частях. URL: https://aif.ru/society/history/pod_volchim_solncem_realnaya_istoriya_ot_nosheniy_ssr_i_polshi_v_10_chastyah (Дата обращения 07.10.2022 г.).
6. Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Издание пятое. М., 1952.
7. Судебный отчет по делу об организаторах, руководителях и участниках польского подполья в тылу Красной Армии на территории Польши, Литвы и западных районов Белоруссии и Украины, рассмотренному Военной коллегией Верховного Суда Союза ССР 18 - 21 июня 1945 г. (стенографический отчет). М., 1945.

Я. М. Плошкина

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики,
Сибирский федеральный университет

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СПОСОБЫ РАЗРЕШЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО КОНФЛИКТА В РОССИЙСКОМ И ГЕРМАНСКОМ УГОЛОВНЫХ ПРОЦЕССАХ

В статье исследуются альтернативные способы разрешения уголовно-правового конфликта в российском и германском уголовных процессах. С учетом германского опыта в части разнообразных оснований прекращения уголовного преследования на основе принципа целесообразности сформулированы предложения по совершенствованию альтернативных способов разрешения конфликта в российском уголовном процессе.

Ключевые слова: уголовный процесс, прекращение уголовного преследования; нереабилитирующие основания, германский уголовный процесс, принцип целесообразности, прекращение производства по уголовному делу.

Yana M. Ploshkina

PhD in Law, associate professor of the department of criminal procedure and
criminalistics,
Siberian Federal University

ALTERNATIVE WAYS TO RESOLUTION THE CRIMINAL- LEGAL CONFLICT IN THE RUSSIAN AND GERMAN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article explores alternative ways of resolving the criminal-legal conflict in Russian and German criminal proceedings. Taking into account the German experience in terms of various grounds for terminating criminal proceeding on the basis of the principle of expediency, proposals are formulated to improve alternative ways to resolution the criminal-legal conflict in the Russian criminal proceeding

Keywords: criminal proceeding, termination of criminal prosecution, non-rehabilitating grounds, German criminal proceeding, the principle of expediency, termination of criminal proceeding,

Современный мир сталкивается с проблемами: количество осужденных лиц, а также лиц, имеющих на момент совершения уголовного наказуемого деяния неснятые и непогашенные судимости, не сокращается значительно, вместе с тем разрастается аппарат сотрудников, осуществляющих уголовное преследование, повышается нагрузка на судебную систему, увеличиваются сроки рассмотрения уголовных дел.

Например, в России согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ количество осужденных лиц за пять лет существенно не уменьшилось, хотя тенденция к этому прослеживается: в 2021 г. составило 565317 человек, в 2020 г. – 530998 чел., в 2019 г. – 598214 чел., в 2018 г. - 658291 чел., в 2017 г. – 697054 чел.; аналогичная ситуация наблюдается с количеством осужденных, имевших неснятые и непогашенные судимости: в 2021 г. – 212591 человек, в 2020 г. - 204792 чел., в 2019 г. – 222225 чел., в 2018 г. - 231583 чел., в 2017 г. - 224115 чел. № 11.2 («Отчет о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений УК РФ»). Сводные статистические сведения Судебного департамента при Верховном Суде РФ о состоянии судимости в России за 2017 по 2021 годы. См. <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения 8.06.2022)).

Одним из вариантов решения обозначенных выше проблем является расширение в уголовном процессе альтернативных способов разрешения уголовно-правового конфликта помимо принуждения или угрозы его применения. Альтернативные способы в уголовном процессе направлены на поиск решений, удовлетворяющих всех участников уголовно-правового конфликта, позволяющих учитывать реальные нужды потерпевших, а также интересы обвиняемого, сократить количество осужденных и прекратить уголовное преследование на начальном этапе расследования без постановления приговора суда. Это способствует не только процессуальной экономии, гибкости уголовной юстиции без каких-либо потерь в эффективности, но и достижению наилучшего превентивного эффекта за счет ускорения производства, снисхождения к лицу, совершившему уголовно наказуемое деяние, и предотвращения стигматизации. В связи с этим в мире усиливается тенденция закрепления на уровне закона поощрительных норм, стимулирующих одобряемое правом поведение обвиняемого. Попытки поиска альтернативных способов разрешения уголовно-правового конфликта или альтернатив уголовному преследованию предпринимались как и в России, так и за рубежом, и чаще данные способы развиваются в рамках восстановительной юстиции [2, с. 25; 4, с. 223; 6, с. 161].

В России альтернативные способы разрешения уголовно-правового конфликта воплощены в уголовно-правовом институте освобождения от уголовной ответственности, который в уголовном процессе проявляется в нереабилитирующих основаниях прекращения уголовного дела/преследования [3, с. 786]. К альтернативным способам прекраще-

ния уголовно-правового конфликта в процессе относятся основания прекращения уголовного дела/преследования, предусмотренные ст. 25, 25.1, 28, 28.1 и 427 УПК РФ. При этом за последнее время сфера их действия расширилась. Наряду с традиционными нереабилитирующими основаниями прекращения уголовного дела/преследования в связи с примирением сторон, деятельным раскаянием за последнее десятилетие появились новые основания. В 2016 г. появилась возможность прекратить уголовное дело/преследование в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа; в 2018 г. расширилась сфера действия такого основания как прекращение уголовного преследования в связи с возмещением ущерба, по которому прекратить уголовное преследование в настоящее время возможно не только по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, но и по делам против собственности и других видов преступлений (например, против конституционных прав и свобод человека и гражданина).

Как следует из данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ, тройку лидеров среди оснований прекращения уголовного дела/преследования образуют примирение с потерпевшим, назначение меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа и деятельное раскаяние. Абсолютным и бесспорным лидером является примирение сторон. Второе место с большим отрывом по сравнению с другими основаниями прекращения уголовного дела/преследования занимает судебный штраф. Так, российскими судами прекращено уголовных дел:

в связи с примирением с потерпевшим в 2021 г. - 99491, 2020 г. - 99115, 2019 г. – 106091, 2018 г. – 125873, 2017 г. – 135956;

в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в 2021 г. – 36679, 2020 г. – 56980, 2019 г. – 52460, 2018 г. – 33329, 2017 г. – 20692;

в связи с деятельным раскаянием в 2021 г. – 7770, 2020 г. – 7258, 2019 г. – 8889, 2018 г. – 11991, 2017 г. – 12817 (№ 10.2 «Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел». Сводные статистические сведения Судебного департамента при Верховном Суде РФ о состоянии судимости в России за 2017 по 2021 годы. См. <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения 8.06.2022)).

В отношении несовершеннолетних обвиняемых предусмотрена возможность прекращения уголовного преследования с применением принудительной меры воспитательного воздействия. Согласно статистическим сведениям Судебного департамента при Верховном Суде РФ

количество прекращенных дел в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия составило в 2021 г. – 1526, 2020 г. – 1821, в 2019 – 2320, 2018 – 2295, 2017 – 2250 (№ 10.2 «Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел. Сводные статистические сведения Судебного департамента при Верховном Суде РФ о состоянии судимости в России за 2017 по 2021 годы. См. <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения 8.06.2022)).

Полагаем, что расширение альтернативных способов решения конфликта свидетельствует о стремлении внедрить в российский уголовный процесс некоторые элементы восстановительной юстиции в части способов урегулирования конфликта между лицом, совершившим уголовно наказуемое деяние, и потерпевшим. В связи с этим интересен опыт Германии, который предусматривает разнообразные альтернативные способы урегулирования конфликта, закрепленные как в УПК ФРГ, так и в отраслевых законах, содержащих уголовно-процессуальные нормы. Кроме того, германский и российский уголовные процессы имеют много общего: оба построены на сходных началах, например, на принципе законности или легальности, т.е. обязанности возбуждать и осуществлять уголовное преследование уполномоченными должностными лицами вне зависимости от каких бы то ни было иных соображений (ст. 21 УПК РФ и §§ 152 II и 170 I УПК ФРГ).

Изначально принцип законности или легальности пронизывал весь германский уголовный процесс и предназначался для того, чтобы прокуратура в Германии как часть исполнительной власти, подчиненная монарху и поэтому не вызывающая недоверия, осуществляла преследование всех уголовно наказуемых деяний без оглядки на личность. С точки зрения теории уголовного права данному принципу соответствовала идея возмездия, согласно которой каждое нарушение уголовного закона должно быть наказано для достижения абсолютной справедливости. С развитием относительных теорий уголовного права, связывающих уголовное наказание с общественной необходимостью и целесообразностью, принцип законности или легальности утратил свою первоначальную остроту. Поэтому в настоящее время требуется дифференцированное регулирование, при котором практика осуществления уголовного преследования соответствовала бы требованиям современной уголовной политики. Таким образом, принцип целесообразности при прекращении уголовного дела/преследования играет все большее значение на практике [7, S. 124, 125].

Согласно данным Федерального ведомства статистики в ФРГ прекращение производства по уголовным делам по различным основаниям как по УПК ФРГ, так и по отраслевым германским законам, как в соответствии с принципом законности или легальности, так и принципом целесообразности образует основной пласт работы прокуратуры: с 2020 по 2017 гг. составило 57% от всех рассмотренных прокуратурой уголовных дел, а в 2016 г. – 59,7%. При этом среди всех прекращенных уголовных дел примерно половина прекращается по основаниям с учетом принципа целесообразности: с 2016 по 2020 гг. - от 48,6% до 54,5% в зависимости от года; кроме того, с каждым годом наблюдается небольшой рост в части прекращения уголовных дел в соответствии с принципом целесообразности (Согласно официальной статистике прокуратура за 2020 г. провела расследование 4996494 уголовных дел, из них 2830254 уголовных дел было прекращено по различным основаниям как по УПК ФРГ, так и по отраслевым законам (57%), из них по основаниям с учетом принципа целесообразности - 1374360 дел (48,6%); в 2019 г. из 4938651 всего расследованных уголовных дел прекращено по различным основаниям 2801111 дел (57%), из них по основаниям с учетом принципа целесообразности – 1381872 дел (49,3%); в 2018 г. из всего 4939174 расследованных дел прекращено 2804417 дел (57%), из них по основаниям с учетом принципа целесообразности – 1390009 дел (49,6%); в 2017 г. из всего 4858212 расследованных дел прекращено 2780773 дел (57%), из них по основаниям, исходя из принципа целесообразности, - 1432518 дел (51,5%); в 2016 г. из всего 5181670 расследованных дел прекращено 3091022 дел (59,7%), из них по основаниям, исходя из принципа целесообразности, - 1683822 дел (54,5%). См. Statistisches Bundesamt, Fachserie 10, Reihe 2.6, 2016-2020, 26ff - <https://www.destatis.de/DE/Themen/Staat/Justiz-Rechtspflege/Publikationen/Downloads-Gerichte/staatsanwaltschaften-2100260207004.html> (дата обращения 7.06.2022).

Предъявление публичного обвинения прокуратурой составляет сравнительно небольшой процент в сравнении с прекращением производства по уголовным делам. Так, из всего рассмотренных прокуратурой за год уголовных дел предъявление публичного обвинения составляет с 2016 по 2020 гг. от 8% до 8,7% в зависимости от года (Согласно официальной статистике прокуратура в Германии за 2020 г. провела расследование 4996494 уголовных дел, из них только 388042 дел завершились предъявлением публичного обвинения (8%); в 2019 г. из всего 4938651 расследованных уголовных дел по 418709 делам (8,5%) предъявлено публичное обвинение; в 2018 г. из 4939174 расследованных про-

куратурой уголовных дел по 423143 делам предъявлено публичное обвинение (8,6%); в 2017 г. из 4858212 расследованных уголовных дел только по 424049 делам предъявлено публичное обвинение (8,7%); в 2016 г. из 5181670 расследованных уголовных дел по 434581 делам предъявлено публичное обвинение (8,3%). См. Statistisches Bundesamt, Fachserie 10, Reihe 2.6, 2016-2020, 26ff - <https://www.destatis.de/DE/Themen/Staat/Justiz-Rechtspflege/Publikationen/Downloads-Gerichte/staatsanwaltschaften-2100260207004.html> (дата обращения 7.06.2022). Таким образом, прокуратура в количественном отношении является, прежде всего, органом, прекращающим производство по уголовным делам, и только во вторую очередь органом, предъявляющим публичное обвинение, причем данная деятельность требует значительно больше усилий [6, S. 161].

В отличие от России в Германии прекращение уголовного преследования/дела по различным основаниям значительно чаще происходит на досудебной стадии, поэтому прокуратура в отличие от суда в несколько раз чаще прекращает уголовное преследование/дело [6, S. 162], тем самым в значительной степени достигается процессуальная экономия.

Альтернативные способы урегулирования конфликта в уголовном процессе Германии связаны с разнообразными основаниями прекращения уголовного дела/преследования, исходя из принципа целесообразности, которые имеют тенденцию к расширению. В зависимости от наличия или отсутствия обременений для обвиняемого данные основания возможно подразделить на

1) основания прекращения уголовного преследования без какого-либо обременения для обвиняемого, т.е. для прекращения не требуется его позитивного постпреступного поведения:

– § 153 УПК ФРГ (вследствие незначительности преступного деяния – случай абсолютной незначительности),

– §§ 154, 154а УПК ФРГ (случаи относительной незначительности, когда речь идет о противоправных деяниях, которые кажутся незначительными в сравнении с другими совершенными уголовно наказуемыми деяниями),

– §§ 153d, 153с, 154d, 154е УПК ФРГ (данные положения УПК ФРГ предоставляют возможности прекратить производство по уголовным делам, которые хотя и не являются незначительными, но вследствие приоритета других публичных интересов государство в лице своих уполномоченных органов и должностных лиц вправе отказаться от уголовного преследования),

– §§ 45 I, 47 I №1 Закона об отправлении правосудия по делам несовершеннолетних и

2) с обременением, в которых прекращение уголовного преследования зависит от выполнения обвиняемым определенных возлагаемых на него обязанностей или предписаний:

– § 153а УПК ФРГ (отказ от уголовного преследования по уголовным проступкам при выполнении обвиняемым в определенный срок возложенных на него обязанностей или предписаний (обязанность выполнить определенную работу с целью возмещения вреда, причиненного уголовно наказуемым деянием; внести денежную сумму в пользу общественно полезного учреждения или государственной казны; выполнить другую общественно полезную работу; обязанность выплаты потерпевшему определенной денежной суммы на его содержание; приложить серьезные усилия для компенсации вреда потерпевшему и при этом возместить последствия совершенного деяния полностью или их большую часть либо серьезно стремиться к их возмещению; принять участие в социальном тренинг-курсе или в семинаре, посвященном правилам дорожного движения),

– §§ 45, 47 Закона об отправлении правосудия по делам несовершеннолетних,

– § 37 Закона о наркотических веществах [4, S. 223; 6, S. 154].

Наибольшее практическое значение имеют следующие основания прекращения уголовного преследования/дела: § 170 II (исходя из принципа законности или легальности), §§ 153, 153а УПК ФРГ и § 45 Закона об отправлении правосудия по делам несовершеннолетних. Помимо этого большое практическое значение представляют следующие основания прекращения уголовного преследования/дела прокуратурой: в случае несущественных преступных деяний, совершенных одним и тем же лицом (§ 154 УПК ФРГ), ограничение уголовного преследования отдельных частей преступного деяния или нарушений закона, совершенных в рамках одного деяния (§ 154а УПК ФРГ), и временное прекращение производства (т.е. приостановление) в связи с отсутствием обвиняемого (§ 154f УПК ФРГ) [6, S. 160].

В 2020 году в Германии прокуратурой рассмотрено 4 996 494 уголовных дел. В результате в 24% случаев было прекращено уголовное преследование без возложения на обвиняемого обязанностей, в 11% - заявлено ходатайство о принятии решения в порядке суммарного производства, в 8% - предъявлено публичное обвинение, в 3% - прекращено уголовное преследование с возложением на обвиняемого обязанностей,

в менее чем 1% - прекращено уголовное преследование в связи с невменяемостью обвиняемого, в 29% - прекращено уголовных дел в соответствии с § 170 УПК ФРГ, в 25% случаев рассмотрение завершилось иным образом.

Вместе с тем принцип целесообразности и основанные на нем основания прекращения уголовного преследования/дела значимы и для суда в особенности, когда речь идет о договоренностях, достигших между сторонами в уголовном процессе в соответствии с § 153а УПК ФРГ. При этом решения, основанные на принципе целесообразности согласно § 153а УПК ФРГ, не касаются исключительно мелкой преступности и незначительных денежных сумм. Так, было прекращено производство по уголовному делу в суде в отношении бывшего исполнительного директора «Формулы-1» Берни Экклстоуне по обвинению в дачи взятки в обмен на уплату им 100 млн. американских долларов в соответствии с § 153а II УПК ФРГ. Данное решение в германской научной литературе оценивается по-разному: как «декриминализация процесса», как государственный произвол, когда богатые могут купить себе свободу, в то время как люди без средств вынуждены предстать перед судом и понести наказание, или как потребность в процессуальной экономии [5, S. 586; 6, S. 162].

Изучая в сравнении альтернативные способы урегулирования уголовно-правового конфликта в российском и германском уголовных процессах, приходим к некоторым выводам.

1) Альтернативные способы разрешения уголовно-правового конфликта в рамках уголовного процесса базируются на принципе целесообразности, предполагающим, по общему правилу, дискреционность альтернативных способов, т.е. свободу усмотрения должностных лиц уполномоченных правоохранительных органов и суда при принятии решения о прекращении уголовного преследования/дела. Поэтому прекращение уголовного преследования/дела является правом, а не обязанностью соответствующих должностных лиц и органов, позволяющих индивидуализировать ситуацию, учесть обстоятельства дела и личность обвиняемого, спрогнозировать последующее поведение обвиняемого, вероятность рецидива и пр. В связи с этим в германском уголовном процессе абсолютное большинство оснований прекращения уголовного преследования/дела по мотивам целесообразности дискреционны за исключением только § 154е УПК ФРГ (уголовное или дисциплинарное производство в связи с ложным подозрением или оскорблением). Полагаем, что российскому законодателю следует придерживаться единообразного подхода за исключением императивных оснований прекраще-

ния уголовных дел по нормам Особенной части УК РФ, которые представляют собой частный случай деятельного раскаяния, позволяющего спасти жизнь и здоровье заложников, создать для лица, их захватившего, любые стимулы для освобождения людей. В связи с этим использование императивных норм в части прекращения уголовного преследования/дела в связи с возмещением ущерба (ст. 28.1 УПК РФ), а также при совершении уголовного проступка в связи с назначением иных мер уголовно-правового характера и применением принудительной меры воспитательного воздействия к несовершеннолетнему согласно законопроекту, внесенному Верховным Судом РФ в Государственную Думу РФ (Законопроект № 1112019-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ в связи с введением понятия уголовного проступка», внесенный Верховным Судом РФ в Государственную Думу ФС РФ 15.02.2021 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1112019-7> (дата обращения: 8.06.2022)), представляется неоправданным. Фактически таким образом сводится на нет суть альтернативных способов разрешения уголовно-правового конфликта, в основе которых лежит прежде всего возможность, право уполномоченных правоохранительных органов и суда решать вопрос о прекращении уголовного преследования/дела, исходя из конкретных обстоятельств дела.

2) Учитывая германский опыт, полагаем возможным и целесообразным изменить российскую правоприменительную практику относительно момента прекращения уголовного преследования/дела, и в большинстве случаев прекращать производство по уголовному делу не в суде, а на досудебной стадии и как можно раньше. Это позволит более эффективно и оперативно достигать следующие цели: урегулирование как можно быстрее и раньше уголовно-правового конфликта участниками, процессуальная экономия, ускорение производства, в результате чего у сотрудников правоохранительных органов и суда будет больше времени и сил на более тщательное и качественное расследование тяжких и иных преступлений, представляющих сложность в проведении расследования (например, в сфере организованной преступности), как следствие этого ежегодная экономия бюджетных средств на содержание правоохранительных органов, суда, органов и учреждений исполнения уголовных наказаний. Данное предложение, на наш взгляд, согласуется с логикой российского законодателя в части расширения сферы действия нереабилитирующих оснований прекращения уголовного преследования/дела, т.е. альтернативных способов разрешения уголовно-правового конфликта в уголовном процессе. Поэтому неслучайно в настоя-

шее время у некоторых практических работников, судей возникает вопрос: если уголовное дело уже поступило в суд, почему бы вместо его прекращения по нереабилитирующим основаниям не рассмотреть дело по существу и не вынести приговор, предусматривающий условное осуждение лица.

3) Расширение альтернативных способов урегулирования конфликта в рамках уголовного процесса позволит найти баланс между частными и публичными интересами, при этом, не умаляя как роли государства в сфере уголовного судопроизводства, где осуществление уголовного преследования является одной из важнейших функций, так и интересов потерпевшего в рамках уголовного судопроизводства и общества в целом (например, при превалировании иных публичных интересов над осуществлением уголовного преследования). Это обусловлено тем, что при альтернативных способах разрешения конфликта принимают участие как государство в лице своих уполномоченных органов и должностных лиц, общество, так и обвиняемый с потерпевшим. Расширение альтернативных способов решения конфликта в рамках уголовного процесса как в России, так и в Германии свидетельствует о стремлении законодателя внедрить в уголовный процесс некоторые элементы восстановительной юстиции в части способов урегулирования конфликта. На наш взгляд, восстановительную юстицию следует рассматривать не как альтернативную уголовному судопроизводству концепцию, а как комплементарную, дополнительную, направленную на достижение тех целей, которые существенны в каждом конкретном случае совершения уголовно наказуемого деяния, но которые труднодостижимы при унифицированном подходе к уголовному судопроизводству. Восстановительный подход в уголовном судопроизводстве должен выступать своего рода дополнительной гарантией достижения целей правосудия [1, с. 23].

Список использованных источников

1. Арутюнян А.А. Медиация в уголовном процессе. М., 2013.
2. Головки Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. Санкт-Петербург, 2002.
3. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. 2-е издание. М., 2017.
4. Beulke W., Swoboda S. Strafprozessrecht. 15.Auflage. Heidelberg. 2020.
5. Brüning, ZIS 2015, 586.
6. Ostendorf H., Brüning J. Strafprozessrecht. 4. Auflage. Baden-Baden, 2021.
7. Roxin C. Strafprozessrecht. Prüfe dein Wissen. Rechtsfälle in Frage und Antwort. 15. Auflage. München, 1997.

О. С. Поликарпова

преподаватель кафедры административной деятельности ОВД
Санкт-Петербургского университета МВД России

В. В. Адамович

курсант факультета подготовки
сотрудников для следственных подразделений
Санкт-Петербургского университета МВД России

СПОРНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ РЕАБИЛИТИРУЮЩИХ И НЕРЕАБИЛИТИРУЮЩИХ ОСНОВАНИЙ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

В статье рассмотрены процессуальные проблемы, возникающие при применении института реабилитации по российскому уголовно-процессуальному закону. В частности, определены проблемные аспекты разграничения оснований, предоставляющих участнику уголовного судопроизводства возможность восстановления его прав и законных интересов, нарушенных в результате незаконного и необоснованного уголовного преследования. Также разъяснена значимость применения частичной реабилитации лица, подвергнутого уголовному преследованию за совершение нескольких эпизодов преступлений при условии, если хотя бы по одному из инкриминируемых составов уголовно-наказуемых деяний обвинение в отношении такого лица фактически не подтвердилось. В результате, предлагаются пути разрешения выявленных противоречий в целях повышения эффективности применения института реабилитации.

Ключевые слова: прекращение уголовного преследования, реабилитация, нереабилитирующие основания.

Olga S. Polikarpova,

lecturer of the Department of Administrative Activities of the Department of Internal Affairs of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Vyacheslav V. Adamovich

cadet of the Faculty of staff training
for investigative units St. Petersburg University
of the Russian interior Ministry police Lieutenant Colonel

CONTROVERSIAL ASPECTS OF THE DISTINCTION BETWEEN REHABILITATING AND NON-REHABILITATING GROUNDS FOR TERMINATION OF CRIMINAL PROSECUTION

This article discusses the procedural problems that arise when applying the institute of rehabilitation under the Russian criminal procedure law. In particular, the problematic aspects of the differentiation of grounds that provide a participant in criminal proceedings with the opportunity to restore his rights and legitimate interests violated as a result of illegal and unjustified criminal prosecution are identified. The significance of the use of partial rehabilitation of a person subjected to criminal prosecution for committing several episodes of crimes is also explained, provided that at least one of the incriminated elements of criminally punishable acts has not actually been confirmed against such a person. As a result, the ways of resolving the identified contradictions are proposed in order to increase the effectiveness of the institute of rehabilitation.

Keywords: termination of criminal prosecution, rehabilitation, non-rehabilitating grounds.

Уголовно-процессуальное право является отраслью права, не только устанавливающей порядок осуществления производства по уголовному делу, но и защищающей права, свободы и законные интересы человека и гражданина, поскольку основой его выступают положения Конституции РФ, признаваемые такие права неотъемлемыми.

В первом же из закрепленных в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее - УПК РФ) принципе в качестве предназначения уголовного судопроизводства п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ предусмотрена защита личности от незаконного и обоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод. Именно указанный принцип играет ключевую роль в процессуальном обеспечении прав и свобод подвергнутого уголовному преследованию лица наравне с защитой прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступных посягательств, а закрепленное в ч. 4 ст. 11 УПК РФ положение предусматривает возможность восстановления прав и свобод конкретной личности, нарушенных в результате незаконных и необоснованных действий при производстве по уголовному

делу, посредством возмещения причиненного вреда, восстанавливая тем самым справедливость и указывая на безусловную значимость признания Конституцией РФ прав и свобод человека высшей ценностью.

Для реализации указанного предназначения уголовного процесса законодателем была разработана и введена в УПК РФ глава 18, предусматривающая институт реабилитации. Названный институт является сравнительно новым в уголовно-процессуальном праве России, поскольку принятым в 1960 году Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР (далее – УПК РСФСР) институт реабилитации не был предусмотрен в принципе, а само слово «реабилитация» упоминалось лишь в трех его статьях: 5, 359 и 385, только суть ее состояла лишь в реабилитации умершего.

Современное понимание дефиниции «реабилитация» сформировалось с принятием Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 8 августа 1983 г., которым была введена ст. 58.1 УПК РСФСР, предусматривающая обязанность органа дознания, следователя, прокурора и суда принимать меры по возмещению лицу ущерба, причиненного незаконными действиями органов уголовного преследования в следствии прекращения уголовного дела (уголовного преследования) по реабилитирующим основаниям или вынесения оправдательного приговора, а равно, в результате декриминализации инкриминируемого лицу преступного деяния. Полноценно институт реабилитации сформировался с вступлением в силу УПК РФ, предусмотревшим не только соответствующую самостоятельную главу, но и закрепившим в п. 34 ст. 5 УПК РФ однозначное понятие, согласно которому «реабилитация - это порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда». Сравнительно новыми явились положения УПК РФ, которые в соответствующих статьях (ст.ст. 135, 136, 138) определили виды вреда, подлежащего возмещению, и нормативно закрепили основания, дающие право на реабилитацию. Также кардинально новой по сравнению с УПК РСФСР стала ст. 139 УПК РФ, которая предусматривает возможность возмещения вреда юридическим лицам. Важной особенностью вышеуказанной ст. 58.1 УПК РСФСР являлось лишь то, что в отличие от действующей ст. 212 УПК РФ, она содержала более широкий перечень субъектов, обязанных принимать меры к реабилитации.

Рассматриваемый институт имеет большое значение в уголовном судопроизводстве, однако на практике входящие в него нормы применяются не охотно, ввиду, по мнению В. С. Латыпова, нежелания государственных органов, осуществляющих полномочия в сфере уголовно-

процессуального производства, снижать статистические показатели своей деятельности по раскрытию и расследованию преступлений показателями числа прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям относимыми к неэффективным способам разрешения уголовного дела [3, с. 198-199]. Указанная причина не единственная. Возникают в правоприменительной практике и трудности при реализации положений главы 18 УПК РФ, поскольку существуют законодательные пробелы, препятствующие нормальному функционированию данного института уголовно-процессуального права.

Так, согласно отчету Судебного Департамента при Верховном Суде РФ, число прекращения уголовного преследования по реабилитирующим основаниям судами общей юрисдикции по первой инстанции за 2018 г. составило 1722, а по другим основаниям – 191 251. За 2019 г. число реабилитированных решением суда составило – 1570, а уголовное преследование в отношении 189 851 лица прекращено по другим основаниям. За 2020 г. 1299 лиц решением суда приобрели право на реабилитацию, а в отношении 187 824 лиц уголовное преследование прекращено по другим основаниям и за 1 полугодие 2021 г. право на реабилитацию в соответствии с решением суда возникло у 559 лиц, а в отношении 85 477 уголовное преследование прекращено по иным, не реабилитирующим основаниям (Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2018 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ; Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел по первой инстанции за 12 месяцев 2019 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ).

Так, согласно приведенным данным, усматривается динамика постепенного снижения показателей признания судом за подвергнутыми уголовному преследованию лицами права на реабилитацию, но, полагаем, такое снижение показателей не указывает на повышение эффективности и качества расследования преступлений, а равно не свидетельствует о повышении ответственности правоприменителей, уполномоченных на принятие процессуального решения о возбуждении уголовного дела, что могло бы служить следствием снижения количества фактов незаконного и необоснованного уголовного преследования, а лишь связано со снижением общего числа уголовных дел, рассмотренных судами РФ по существу. Так, число рассмотренных судами общей юрисдикции первой инстанции уголовных дел за 2018 г. составило 885 793. За 2019 г. число рассмотренных судами уголовных дел составило 807 116, а за следующий – 2020 г. на 56 818 дел меньше.

Проблемы реализации института реабилитации полагаем связаны с неоднозначностью оснований, предусматривающих право лица на возмещение вреда, причиненного в результате уголовного преследования. Так, основаниями прекращения уголовного дела (преследования) являются закрепленные в ст.ст. 24-28.1 УПК РФ, а для лиц, не достигших к моменту совершения преступления совершеннолетия, в ст. 427 УПК РФ, юридические факты, которые позволяют прекратить уголовное преследование или производство по уголовному делу. Общепринятая классификация оснований прекращения уголовного дела (преследования) в российском уголовном процессе предусматривает их разделение на реабилитирующие и нереабилитирующие [1, с. 102-103].

В свою очередь, ч. 2 ст. 133 УПК РФ закрепляет значительный перечень реабилитирующих оснований, предусматривающих право лица на возмещение вреда, причиненного в результате уголовного преследования, в том числе отсылая к п.п. 1, 2, 5, 6 ч. 1 ст. 24 и п.п. 1, 4, 5, 6 ч. 1 ст. 27 УПК РФ. Однако, в соответствии с ч. 2 ст. 212 УПК РФ следователь или прокурор обязаны принять меры по реабилитации лица только при прекращении уголовного дела по основаниям, предусмотренным п.п. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ. Если следовать такой логике законодателя, то все остальные основания прекращения уголовного дела являются нереабилитирующими, что вступает в противоречие с положениями ч. 2 ст. 133 УПК РФ, поскольку ее п. 3 предусматривает более расширенный перечень оснований для реабилитации лица. В связи с выявленными несоответствиями, институт реабилитации не может функционировать эффективно, что обусловлено возможностью расценивания правоприменителем одних и тех же оснований в качестве как реабилитирующих, так и не предоставляющих права на реабилитацию.

Кроме того, не оправдано отсутствие указания в ч. 2 ст. 212 УПК РФ на такого участника со стороны обвинения как дознаватель, то есть должностное лицо, осуществляющее предварительное расследование в форме дознания, поскольку ч. 1 ст. 134 УПК РФ предусматривает признание дознавателем права на реабилитацию при вынесении постановления о прекращении уголовного преследования.

Приведенные нами пробелы УПК РФ являются неоправданным упущением со стороны законодателя, поскольку не позволяют в полной мере обеспечить реализацию предназначения уголовного судопроизводства, закрепленного в п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ. Таким образом, считаем необходимым пересмотреть существующую редакцию ст. 212 УПК РФ, расширив перечень оснований, приведя его в соответствие с ч. 2 ст. 133

УПК РФ, согласно которым следователь и прокурор должны принимать меры по реабилитации лица, и включить в перечень должностных лиц, обязанных принимать такие меры, дознавателя, поскольку принимаемые им процессуальные решения также способны ущемить права участника процесса, порождающие необходимость в их восстановлении. В связи с чем, предлагаем ч. 2 ст. 212 УПК РФ изложить в следующей редакции: «В случаях прекращения уголовного дела по основаниям, предусмотренным пунктами 1, 2, 5 и 6 части первой статьи 24 УПК РФ, пунктами 1, 4-6 части первой статьи 27 настоящего Кодекса, следователь, дознаватель или прокурор принимает предусмотренные главой 18 настоящего Кодекса меры по реабилитации лица». Предложенная нами редакция ч. 2 ст. 212 УПК РФ позволит упорядочить основания прекращения уголовного дела (уголовного преследования) посредством строгого их разграничения на реабилитирующие и нереабилитирующие, а также обеспечить реализацию предназначения уголовного судопроизводства соответствующими участниками процесса.

Следующее, весьма существенное противоречие, также связано с положениями ст. 133 УПК РФ и состоит оно в отнесении ч. 4 указанной нормы к нереабилитирующим основаниям в том числе отмену или изменение примененных в отношении лица мер уголовно - процессуального принуждения либо постановленного обвинительного приговора в связи с истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности, в то время, как п. 4 ч. 2 ст. 133 УПК РФ предусматривает в качестве оснований для реабилитации лица полную или частичную отмену вступившего в законную силу обвинительного приговора суда и прекращения уголовного дела по основаниям, предусмотренным пунктами 1 и 2 части первой статьи 27 УПК РФ, при этом последний из указанных пунктов данной статьи корреспондирует к предусмотренным п.п. 1-6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ основаниям прекращения уголовного дела, одно из которых и состоит в истечении сроков давности уголовного преследования (п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), не являющегося по смыслу ч. 4 ст. 133 УПК РФ реабилитирующим основанием. Подобное приравнение положениями ст. 133 УПК РФ с учетом содержания отсылочных норм нереабилитирующих оснований к реабилитирующим указывает на необходимость внесения изменений в п. 4 ч. 2 ст. 133 УПК РФ в целях исключения из его содержания истечения сроков давности уголовного преследования в связи с недопустимостью предоставления права на реабилитацию указанным основанием.

Важным процессуальным вопросом остается и возможность частичной реабилитации подвергнутого уголовному преследованию лица.

Так, ч. 3 ст. 133 УПК РФ допускает восстановление нарушенных прав лица, незаконно подвергнутого мерам уголовно-процессуального принуждения в ходе осуществления производства по уголовному делу. Однако, позиция Верховного Суда РФ в данном вопросе существенно отличается от указанной нормы УПК РФ, что подтверждается разъяснениями Верховного Суда РФ, изложенными в п. 4 Постановления от 29.11.2011 № 17(О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2011 № 17 (в ред. от 28.06.2022) // Рос. газ. 2011. № 273. Далее, по – ППВС РФ от 29.11.2011 № 17), согласно которому, решения, уменьшающие объем обвинения, но не исключаяющие его, не дают лицу права на реабилитацию. В данном случае следует отметить, что факт уменьшения объема обвинения в отношении лица, при условии, если категория преступления не изменилась, не исключает возможность применения к лицу необоснованно строгих мер процессуального принуждения, которые явно не соответствуют степени общественной опасности фактически совершенного им деяния, в связи с чем у лица также могут появляться обоснованные требования по восстановлению нарушенных прав и свобод, но Верховный Суд РФ исключает такую возможность.

В свете изложенного, возникает вопрос о толковании Верховным Судом РФ дефиниции «объем обвинения» и охватывает ли данное понятие по сути «совокупность преступлений» и «рецидив преступлений», которые подразумевают назначение лицу более строгого наказания, а, как следствие, изложенное может послужить основанием применения самой строгой меры пресечения, обоснованной в том числе возможностью лица скрыться от уголовного преследования под страхом тяжести и неотвратимости наказания. Такая позиция Верховного Суда РФ вступает в противоречие с позицией Конституционного Суда РФ, сформулированной в определении от 18.07.2006 № 279-О, из содержания которого следует, что УПК РФ не содержит норм, «исключающих возможность возмещения вреда лицу, в отношении которого было вынесено постановление (определение) о прекращении уголовного преследования по реабилитирующему основанию, по той лишь причине, что одновременно в другой части обвинения это лицо было признано виновным в совершении преступления либо уголовное преследование в отношении него было прекращено по основанию, не указанному в п.п. 2, 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ» (См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Рысевой Нины Николаевны на нарушение ее конституционных

прав статьей 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: *определение* Конституционного Суда РФ от 18.07.2006 № 279-О // СПС «КонсультантПлюс»). Из чего логично следует, что Конституционный Суд РФ допускает возможность требования лицом восстановления его нарушенных прав и свобод в случае изменения объема обвинения когда необоснованное процессуальное принуждение такого лица повлекло за собой неоправданные, чрезмерные ограничения его прав и свобод, то есть поскольку в последствии вина лица в совершении одного из преступлений не была подтверждена, значит, к лицу могли быть применены менее строгие меры процессуального принуждения. В подобных случаях суд, признавая приоритет прав и свобод личности, полагаем, должен подробно изучить обстоятельства конкретного уголовного дела при рассмотрении требования о признании за лицом права частичной реабилитации и возмещения вреда, если таковой был причинен ему уголовным преследованием по обвинению, ряд эпизодов преступной деятельности из которого не были подтверждены в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства. Приведенный нами подход к реализации права на реабилитацию позволит повысить эффективность одноименного института и гуманизацию уголовного судопроизводства РФ.

Вместе с тем, Верховный Суд РФ в постановлении от 29.11.2011 № 17 указывает и на возможность разрешения в порядке, предусмотренном главой 18 УПК РФ, вопросов, связанных с возмещением вреда, причиненного применением меры пресечения в виде заключения под стражу, отмененной в последствии в связи с изменением квалификации инкриминируемого лицу деяния. То есть, Верховный Суд РФ все же ссылается на главу УПК РФ, посвященную вопросам реабилитации лица при условии прекращения уголовного преследования в части, соответственно, допускает возможность восстановления нарушенных прав и свобод лица, фактически подвергнутого незаконному и необоснованному уголовно-процессуальному принуждению в части некоторых инкриминируемых ему эпизодов преступной деятельности, но лишь в случае причинения ему вреда. Однако, причиненный вред может и не иметь материальную составляющую. Например, если объем предъявленного лицу обвинения уменьшается, это может привести к нецелесообразности содержания его под стражей, в результате чего примененная к лицу мера пресечения может являться излишне для него жесткой, не отвечающей критерию соразмерности совершенному лицом деянию, в связи с чем права и свободы лица нарушаются. Нельзя не расценивать как причинение вреда незаконное и необоснованное уголовное преследование

за эпизоды преступлений, к совершению которых подвергнутое такому преследованию лицо фактически не причастно. Вместе с тем, и неправильная квалификация деяний лица, повлекшая применение в его отношении меры пресечения в виде заключения под стражу, должны расцениваться как причинение лицу вреда [4, С. 39-40].

В целях преодоления указанных правовых пробелов, необходимо внести поправки в УПК РФ, предусмотрев в ч. 1 ст. 133 право лица, подвергнутого незаконному уголовному преследованию, на возмещение вреда в случае частичного прекращения уголовного преследования или изменения тяжести обвинения, и дать более детальные разъяснения в ППВС РФ от 29.11.2011 № 17, предусмотрев возможность частичной реабилитации лица при изменении объема обвинения в сторону его смягчения, что позволит повысить эффективность и частоту применения норм главы 18 УПК РФ.

Список использованных источников

1. Веретенникова Е. В. Реабилитирующие основания в уголовном судопроизводстве России // Сибирский юридический вестник. 2012. № 1.
2. Латыпов В. С. Отдельные вопросы прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям // Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург. 27 ноября 2020 г. СПб., 2020.
3. Лютынский А. М., Морозов Р. М. Некоторые проблемы реабилитации в российском уголовном судопроизводстве // Пенитенциарная наука. 2018. № 1.
4. Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс). 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. Э. К. Кутуева. Москва, Берлин, 2020. URL https://biblioclub.ru/index.php?page=book_red&id=575462

В. Д. Пристансков

кандидат юридических наук, профессор,
кафедра уголовного процесса и криминалистики,
Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ЯТРОГЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Ятрогенные преступления совершаются в сфере регулируемых государством отношений «врач-пациент» вследствие нарушения медиками правил оказания медицинской помощи. Медицинские стандарты предусматривают перечень необходимых мероприятий по диагностике и лечению конкретных нозологических форм, в том числе, с учетом критериев, относящихся пациентов к группе риска. Поскольку признаки объективной стороны преступления характеризуют внешние проявления преступления, именно они в первую очередь становятся доступными для изучения правоприменителями. Они же определяют квалификацию преступления и рассматриваются как признаки, дифференцирующие уголовную ответственность, определяя вид и размер наказания.

Ключевые слова: ятрогенные преступления, признаки объективной стороны преступления, неадекватное оказание медицинской помощи, причинение вреда пациенту, неблагоприятные последствия оказанной медицинской помощи.

Vladimir D. Pristanskov

Candidate of Legal Sciences, Professor,
Department of Criminal Procedure and Criminalistics,
St. Petersburg State University

PROBLEMS OF ESTABLISHING THE OBJECTIVE SIDE OF THE IATROGENIC CRIME

Iatrogenic crimes are committed in the sphere of state-regulated doctor-patient relations. The reason is the violation by doctors of the rules for the provision of medical care. Medical standards provide a list of necessary measures for the diagnosis and treatment of specific nosological forms, including, taking into account the criteria relating patients to the risk group. Signs of the objective side of the crime first of all become available for study by law enforcement officers, since they characterize the external manifestations of the crime. They also determine the qualification of the crime and are considered as signs that differentiate criminal liability (determine the type and amount of punishment).

Keywords: iatrogenic crimes, the objective side of the crime, inadequate medical care, causing harm to the patient, adverse consequences.

В Основном законе Российской Федерации закреплено право граждан на получение медицинской помощи (ст. 41 Конституции РФ). Медицинская деятельность по восстановлению и сохранению здоровья граждан, по спасению жизни или улучшению ее качества – это регулируемые государством отношения между врачом и пациентом в сфере здравоохранения, в системе которых следует выделить два важных направления обеспечения общественного здоровья населения – предоставление и непосредственное оказание медицинской помощи (МП) человеку. Под медицинской помощью понимается специальная профессиональная деятельность, включающая в себя профилактику и лечение заболеваний (травм), их диагностику, уход за пациентами, их реабилитацию, наблюдение беременных, родовспоможение [1, с. 142]. Внедрение в медицину сложных технологий врачевания и эффективных, но достаточно агрессивных лекарственных препаратов значительно увеличивает риск возникновения ятрогенных (от греч. *iátrós* – врач и *gennés* – порождаемый) ситуаций. Часто причиной их являются субъективные факторы, возникающие вследствие неадекватного поведения медиков при исполнении своих профессиональных или должностных обязанностей. Если в причинении смерти или вреда пациенту усматриваются признаки преступной небрежности, преступного легкомыслия, халатности или корыстного либо иного интереса со стороны медика, то имеются основания для возбуждения уголовного дела.

По последним оценкам специалистов из разных систем здравоохранения число ятрогений имеет внушительные цифры: 1 из 10 пациентов получает нежелательные или неблагоприятные последствия во время госпитализации. На каждый летальный исход приходится 29 случаев причинения стойкого вреда здоровью и 300 пациентов, оказавшихся «на волосок от смерти». Такие пациенты не попадают в официальную статистику, но для спасения без последствий их здоровья затрачиваются значительные ресурсы [2].

Медики, допустившие неадекватное оказание пациентам медицинской помощи, повлекшее развитие ятрогенного процесса, который детерминировал наступление неблагоприятных последствий для пациента, привлекаются к уголовной ответственности с учетом характера совершенного ими противоправного деяния и тяжести причиненного вреда. Преступные посягательства на жизнь и здоровье человека, обусловленные ятрогенной ситуацией, получили криминалистическое определение как ятрогенные преступления [3, с. 633–634]. Основанием для их выделения в отдельную группу является то обстоятельство, что совершаются они вследствие неадекватного оказания медиками помощи

пациентам и имеют идентичную закономерность развития посягательства: допущенное медиком нарушение правил оказания медицинской помощи, порождает ятрогенный дефект, который обуславливает возникновение ятрогенного осложнения, развитие последнего влечет причинение вреда здоровью пациента или его смерть. Эти факторы имеют научно-практическую значимость для формирования общих основ по созданию групповой криминалистической методики выявления и расследования ятрогенных преступлений как разновидности посягательств на жизнь и здоровья человека. Согласно криминалистической классификации, осуществленной с учетом особенностей причинно-следственных отношений между событийными элементами-факторами, детерминирующими неблагоприятные последствия оказанной медицинской помощи, выделены две подгруппы:

- преступления, связанные с ненадлежащим исполнением медиками своих профессиональных или должностных обязанностей по оказанию медицинской помощи (МП) пациентам (ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118, ч. 4 ст. 122, ч. 2 ст. 293 УК РФ);

- преступления, обусловленные неправомерными действиями или бездействием медиков при оказании медицинской помощи гражданам (ст. ст. 123, 124, 159, ст. 235, ч. 2 ст. 238, ч. 3 ст. 285 УК РФ).

События ятрогенного преступления представляют собой сложное системное явление, механизм посягательства в котором запускается нарушением медиком правил оказания медицинской помощи и заканчивается причинением смерти или вреда здоровью пациента. В структуре события промежуточными нежелательными последствиями являются ятрогенный дефект (повреждение, отравление, заражение, оставление инородного предмета в организме пациента, развитие патологии на фоне неадекватного оказания медпомощи (непоказанного или противопоказанного лечения) и др., а также обусловленная дефектом ятрогения в виде осложнения, конкурирующей с основным заболеванием патологии или болезни отдаленного периода.

Системное исследование события ятрогенного происшествия направлено, прежде всего, на установление элементов объективной стороны состава преступления. Объективная сторона преступления как обязательный элемент состава преступления включает в себя признаки, характеризующие внешнее проявление преступного поведения в реальной действительности, которое доступно для наблюдения и изучения. В. Н. Кудрявцев объективную сторону преступления определяет, как «процесс общественно опасного и противоправного посягательства на охраняемые законом интересы, рассматриваемый с его внешней стороны с

точки зрения последовательного развития тех или иных событий и явлений, которые начинаются с преступного действия (бездействия) субъекта и заканчиваются наступлением преступного результата» [4, с. 9].

К объективной стороне состава преступления относятся: основные (необходимые) признаки: общественно опасное действие (бездействие), преступное последствие, причинная связь между действием (бездействием) и преступным последствием; дополнительные (факультативные) признаки: способ, обстоятельства места, обстоятельства времени, орудия, средства, обстановка совершения преступления.

Содержание признаков объективной стороны ятрогенного преступления (направленность деяния, причинение определённого рода последствий) обусловлены спецификой объекта преступления – общественными отношениями в области оказания МП и жизненно важными интересами и благами, на которые оно посягает, а именно, жизнь и здоровье человека (пациента).

Основной признак объективной стороны состава ятрогенного преступления – это противоправные, общественно опасные действия или бездействие, совершаемые медиком в процессе оказания медицинской помощи пациенту. К таким деяниям следует отнести ненадлежащее исполнение медиком своих профессиональных или должностных обязанностей, обусловленное нарушением правил осуществления медицинской деятельности по своевременному предоставлению и оказанию медицинской помощи пациенту. Основной признак объективной стороны состава ятрогенного преступления (действие или бездействие), прежде всего, свидетельствует об отклонении субъекта-медика от правил оказания МП, что влечет наступление вредных последствий для пациента.

Особенности объективной стороны состава ятрогенного преступления как внешнего поведенческого акта в реальности проявляются в ходе профессиональной деятельности медиков по оказанию помощи лицам, обратившимся к ним. Если поведение медика обусловлено ненадлежащим исполнением им своих профессиональных или служебных обязанностей, то оно противоречит Конституции РФ (ст. 41 Конституции РФ), так как не соответствует интересам пациента, и по своему содержанию медицинская помощь оказана неадекватно.

К общественно опасным деяниям субъекта ятрогенного посяательства относятся: неоказание больному медицинской помощи, ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей при ее оказании, оказание МП, не отвечающее требованиям безопасности жизни и здоровья пациента, обман либо злоупотребление его доверием из корыстных и иных побуждений, неисполнение или ненадлежащее исполнение

должностным лицом лечебного учреждения своих обязанностей или использование своих должностных полномочий вопреки интересам службы, а также бездействие в форме пассивного поведения - неисполнение медиком возложенных на него профессиональных и/или должностных обязанностей. Так, например, дежурный врач лечебного учреждения не исполнил свои профессиональные обязанности по полноценному обследованию поступившего пациента, в результате не поставил правильный клинический диагноз и назначил непоказанное лечение. Когда состояние пациента ухудшилось, и ему потребовалась специальная МП, он как лицо, наделенное на период дежурства должностными полномочиями, не принял необходимые меры к своевременному переводу пациента в специализированное лечебное учреждение. В результате было упущено время на спасение жизни больного, так как патологический процесс приобрел необратимый характер, и пациент умер. В рассмотренном случае врач подлежит ответственности за ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей по ч. 2 ст. 109 УК РФ и за неисполнение или ненадлежащее исполнение должностных обязанностей по ч. 3 ст. 293 УК РФ

Преступные последствия иначе называют преступным результатом. Они являются необходимым признаком преступления с материальным составом. Под вредными последствиями понимаются вызванные общественно опасным действием (бездействием) лица изменения в объекте преступления. Способы описания общественно опасных последствий в законе разнообразны. Исходя из определения понятия медицинской помощи, ее целью является восстановление и сохранение жизни человека, спасение его жизни, улучшение ее качества, облегчение страданий. Для ятрогенных преступлений как разновидности посягательств на жизнь и здоровье человека преступным результатом, прежде всего, является причинение вреда здоровью или смерти пациенту. Также в качестве неблагоприятных последствий признается ухудшение состояния здоровья и даже летальный исход, наступающие вследствие деяний медиков, совершенных из корыстных побуждений. К таким деяниям относятся, например, назначение и продажа дорогостоящих препаратов, не показанных или противопоказанных пациенту, путем злоупотребления его доверием (ст. 159 УК РФ) или оказание на платной основе медицинских услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ч. 2 ст. 238 УК РФ).

Структурные элементы события ятрогенного происшествия, находясь в специфичных внутрискруктурных связях, фор-

мируют сложные и многоаспектные по своему содержанию причинно-следственные отношения, исследование которых позволяет объективно установить наличие или отсутствие причинно-следственной связи между деянием субъекта и наступившими неблагоприятными последствиями.

Причинная связь характеризуется следующими признаками:

- необходимо, чтобы общественно опасное деяние предшествовало наступлению вредного последствия (хронологический признак);
- вредные последствия должны с неизбежностью наступать от совершения общественно опасного деяния (действия или бездействия).

Наличие указанных признаков означает присутствие необходимой причинной связи.

Вопрос о том, являются ли типичными для всех ятрогенных посягательств признаки последствий и причинной связи, вызывает дискуссии. Поэтому остановимся подробно на рассмотрении характерных для всех ятрогенных преступлений указанных системных элементов. Признаки неблагоприятного последствия – это вред здоровью или смерть пациента. Структура причинной связи: неадекватные действия медика, обусловленные нарушением правил оказания пациенту медпомощи, и повлекшие развитие ятрогенного процесса, ставшего доминирующей непосредственной причиной наступления неблагоприятного исхода оказанной пациенту медпомощи. Особого внимания при исследовании причинной связи заслуживает выделение и изучение ятрогенного процесса [5], включающего в себя такие важные событийные элементы криминального происшествия, как ятрогенный дефект и порожденную им ятрогенную патологию. Ятрогения является промежуточным нежелательным последствием неадекватного оказания МП, рассматриваемое экспертами ВОЗ как любые нежелательные или неблагоприятные последствия профилактических, диагностических, лечебных мероприятий, повлекшие снижение качества жизни, инвалидность, летальный исход [3].

В российском уголовном праве признается исключительно факт необходимой причинной связи. Такие причинные связи, как необходимые условия, адекватная причинность, случайная причина, считаются неприемлемыми для российского права. Между тем следует признать реальное их присутствие в отдельных ятрогенных ситуациях, что является отрицанием положения о неприемлемости этих причинных явлений в отечественном праве. При анализе обстоятельств события ятрогенного происшествия указанные виды причин часто проявляются достаточно

убедительно и тогда правоприменители вынуждены искать компромиссные решения, что не всегда соответствует принятию справедливого и законного процессуального решения. Как нам представляется разработка понятий вышеперечисленных причинных связей, альтернативных по своей сути необходимой причинной связи, способствовало бы более объективной оценке причинно-следственных отношений между факторами, детерминирующими наступление неблагоприятных исходов при оказании медицинской помощи. Также, как нам представляется, должна быть более четко выстроена и структура необходимой причинной связи с указанием присущих ей особых признаков.

Рассмотрим в качестве примера следующую ятрогенную ситуацию.

Больная К., 42 лет поступила в отделение рентгеноэндоваскулярной хирургии для решения вопроса о выполнении катетерной баллонной вальвулопластики митрального клапана. В течение последнего года ее стала беспокоить одышка. Во время первой беременности в 18 лет диагностирован митральный стеноз. Систематически наблюдалась у врача ревматолога. Эпизодов активности патологического процесса не было. Физические нагрузки переносила удовлетворительно, дважды рожала. У детей – экссудативный диатез. В детстве у больной были приступы атонической бронхиальной астмы (на пыльцу растений). Работает парикмахером, во время работы в течение дня неоднократно бывают приступы удушья на различные запахи. В клинике обследована, диагностирован митральный стеноз с площадью митрального отверстия 1.2 кв. см (норма - 4.5 кв. см). Сформулированы абсолютные показания к операции: наличие гемодинамически значимого митрального стеноза (сужение митрального отверстия). Однако при эхокардиологическом исследовании выявлена аортальная недостаточность (заброс крови из аорты в левый желудочек), для уточнения степени которой было решено перед операцией выполнить катетеризацию и ангиографию сердца. Последняя запланирована перед вальвулопластикой. Для выполнения вмешательства врач использовал контраст амниопак, при введении которого у больной развился анафилактический шок: падение артериального давления, редчайшее удушье. Больная скончалась от острой дыхательной недостаточности. На вскрытии обнаружен ревматический вальвулит без признаков активности на митральном и аортальном клапанах. Обнаружено большое количество слизи в мелких бронхах, инфильтрация стенок бронхов тучными клетками и эозинофилами, парез (значительное расширение) стенок бронхов. Причиной смерти признана гипоксическая кома (уду-

шьё) первого типа. На основе применения поэлементно-факторного анализа установлено: субъект – эндоваскулярный хирург; потерпевшая – имела высокую группу риска: экссудативный диатез, женский пол, наличие атонической бронхиальной астмы в анамнезе, приступы профессиональной астмы (работала парикмахером); оказана МП – катетеризация и ангиография сердца; нарушение правил ОМП - введение высокоаллергенного контрастного вещества (амниопак) больной, имеющей неблагоприятный аллергический анамнез, без предварительного обследования пациентки; ятрогенный дефект – аллергическое повреждение дыхательных путей; ятрогения – аллергическая гипоксическая кома; неблагоприятный исход МП – смерть вследствие механической асфиксии, обусловленной переполнением мельчайших бронхов густой слизистой мокротой.

Причинно-следственные связь между факторами, детерминировавшими наступление неблагоприятного исхода МП прямая, опосредованная, несимметричная: врач без учета известного ему аллергологического анамнеза больной использовал в нарушение существующих рекомендаций о порядке проведения катетеризации и ангиографии сердца при выполнении катетеризации и ангиографии сердца непоказанный больной контраст (амниопак) с высокой степенью аллергенности, причинивший аллергическое повреждение бронхов, повлекшее развитие гипоксической (обусловленной угнетением клеточного дыхания вследствие недостаточного поступления кислорода в ткани или блокирования дыхательных ферментов) комы первого типа (анафилактической), что обусловило механическую асфиксию (закупорку мелких бронхов слизью), явившуюся непосредственной причиной смерти больной. Признаки структуры причинно-следственной связи: прямая – без введения контраста не было бы шока; опосредованная – шок мог возникнуть только у высокоаллергизированной больной; несимметричная – введение не всякого контраста вызывает шок.

В рассмотренном случае врач совершил общественно опасные действия, а именно: в нарушение рекомендации о порядке проведения катетеризации и ангиографии сердца при выполнении катетеризации и ангиографии сердца, зная об аллергологическом анамнезе больной, предварительно не обследовал ее (относилась к группе риска), ввел больной противопоказанный ей контраст (амниопак) с высокой степенью аллергенности. Развился ятрогенный процесс, когда возникший дефект полек за собой ятрогению: аллергическое повреждение бронхов вызвало гипоксическую кому первого типа (анафилактическую), что

обусловило механическую асфиксию (закупорку мелких бронхов слизью), явившуюся непосредственной причиной смерти больной. Предпринятые медиками действия эффекта не дали, так как ятрогенный процесс быстро развился, приобретя декомпенсаторный (необратимый) характер.

Способ, обстановка, орудия, средства, место и время совершения преступления как факультативные (дополнительные) признаки объективной стороны состава преступления выполняют важную роль при квалификации преступления в качестве конститутивного или квалифицирующего признака состава преступления.

Способ совершения преступления – один из наиболее значимых факультативных признаков объективной стороны состава преступления. Следует отметить, что в уголовном законе отсутствует определение его понятия, что влечет различные его трактовки и вызывает научные дискуссии. Как факультативный признак объективной стороны преступления, способ представляет «собой образ действий, прием или систему приемов» совершаемых в определенном порядке [6, с. 67-76],

Способ ятрогенного, как и любого другого преступления, характеризуют два важных свойства, а именно: он совершается в ходе преступного поведения субъекта и обуславливает наступление преступного результата. В структуре ятрогенного посягательства, с одной стороны, способ формирует специфическое содержание противоправного и общественно опасного деяния субъекта-медика, определяя форму его внешнего проявления. А с другой стороны, именно преступное деяние медика, обусловленное неадекватным исполнением им своих профессиональных или должностных обязанностей по оказанию помощи пациенту, запускает процесс, получивший в медицине определение как «ятрогенный процесс». Его структуру образуют элементы: 1) ятрогенный дефект, возникший по причине нарушения медиком правил последовательного осуществления стадий врачебного процесса (диагностики, лечения, преемственности) или технологии выполнения медицинского мероприятия (манипуляции, процедуры, операции), когда допускается нарушение на одной из его процессуальных стадий (подготовительной, исполнительной, завершающей); 2) ятрогенная (осложнение, заболевание, болезнь отдаленного периода), развитие которой обуславливает наступление полиорганной недостаточности. При этом, независимо от того, был ли у субъекта-медика какой-то умысел или он равнодушно относился к возможности наступления неблагоприятного исхода оказанной им медпомощи, – это преступный результат его неадекватного по-

ведения по исполнению возложенных на него обязанностей. Ятрогенный процесс – как часть способа преступления представляет собой направленное развитие (механизм) конкурирующей с основным заболеванием патологии, влекущей причинение вреда или смерть пациенту. Ятрогенный процесс протекает на фоне совершения медиком неадекватных действий или бездействия для принятия мер по недопущению его дальнейшего развития и по устранению наступивших последствий (дефекта и ятрогении).

Природа ятрогенного процесса – это совокупность компенсаторных и патологических реакций организма в ответ на появление ятрогенного дефекта (повреждение, отравление, заражение, оставление инородного предмета в организме пациента, развитие патологии на фоне неадекватного ОМП). Он может быть компенсаторный (обратимый), субкомпенсаторный (частично обратимый патологический) и декомпенсаторный (необратимый патологический).

Неадекватные действия медика или его бездействие в период возникновения ятрогенного дефекта, а затем и развития обусловленной им ятрогенной патологии формируют структуру механизма причинения вреда пациенту. На стадии ятрогенного процесса врач, проявив должное внимание и заботу о состоянии пациента, обязан выявить дефект и возникшую ятрогенную патологию и принять соответствующие меры по их устранению и недопущению декомпенсаторной (необратимой) фазы развития этого явления.

Рассмотрим динамику ятрогенного процесса на следующем примере.

Больной А., 54 лет, страдающей врожденным аортальным пороком сердца, была проведена операция – имплантация (замена) клапана.

В результате отсутствия бактериологического контроля за состоянием воздуха и стен в операционной операция была проведена в условиях нарушенных санитарных норм и отсутствующей вентиляции, что привело при проведении операции к значительному дефекту МП – попаданию в рану грибковой инфекции (интраоперационная фунгемия) – аспергиллы специальной.

В послеоперационный период со стороны лечащего врача отсутствовала адекватная диагностика грибковой инфекции, а именно: у лихорадившей больной, получавшей длительное время антибактериальную терапию широко спектра действия в больших дозах и имевшей признаки "неконтролируемой инфекции" (сохранение лихорадки на восьмые сутки от начала антибактериальной полихимиотерапии) не были взяты пробы крови на грибковые среды и не был осуществлен поиск

грибкового антигена в крови. Это исследование должно проводиться на седьмые сутки от начала антибактериальной терапии. Несмотря на наличие симптомов быстрого прогрессирования гнойно-септического осложнения врачом не был осуществлен обязательный в таких случаях комплекс дифференциально-диагностических мероприятий, вследствие чего не был поставлен диагноз грибкового заражения, и поэтому не была проведена необходимая антигрибковая терапия, что привело к прогрессированию грибкового процесса в сердце и в восходящей аорте, повлекшего развитие ятрогенного заболевания – инфекционного эндокардита протезированного клапана. Последний обусловил возникновение дефекта – несовместимое с жизнью разрушение оплетки протеза, в результате чего произошло отхождение кольца протеза от фиброзного кольца клапана и сформировалась параклапанная фистула, по краям которой произошло вторичное инфицирование грибом. Это повлекло тяжелые гемодинамические расстройства: вследствие грибкового заражения аорты произошло её расширение в области крепления аортальных клапанов, что повлекло возврат всего объема крови, поступившей в аорту в левый желудочек и развития его острой диастолической перегрузки, приведшей к остановке сердца – острой сердечной недостаточности.

В приведенном случае своевременно не выявленный значительный дефект – заражение больной во время операции грибом – аспергиллой специальной перерос в критический дефект – в результате прогрессирующего грибкового процесса в сердце и в восходящей аорте произошло несовместимое с жизнью разрушение оплетки протеза, повлекшее отхождение кольца протеза от фиброзного кольца клапана.

Время совершения ятрогенного преступления – это временной период, в течение которого было совершено противоправное и общественно опасное деяние. В составах различных ятрогенных преступлений время их совершения может определяться временем совершения преступного деяния, временем наступления последствий или более сложным образом. Можно его рассматривать и как период развития ятрогенной ситуации при оказании медпомощи пациенту в разных лечебных учреждениях.

В качестве значимых признаков рассматриваемого элемента, применительно к которым необходимо исследовать обстоятельства ятрогенного посягательства, следует выделить:

– временной период, под которым понимается “отрезок” времени с момента обращения пациента к врачу за получением медицинской помощи и до наступления неблагоприятных последствий;

- время выполнения медицинского мероприятия, с которым связано возникновение дефекта медицинской помощи;
- время появления и выявления самим пациентом симптомов возникновения ятрогении;
- время обнаружения врачом симптомов ятрогении;
- время, имевшееся у врача для выявления симптомов ятрогенного процесса и принятия решения о проведении соответствующего лечения по его пресечению и устранению его последствий;
- время осуществления лечения и выполнения медицинских мероприятий по устранению ятрогенного дефекта, ятрогенной патологии и их последствий.

Данные о названных обстоятельствах позволяют проследить временную “цепочку” процесса оказания МП и развития на его фоне непосредственно ятрогенного процесса с момента возникновения ятрогенного дефекта; определить отношение врача к своим профессиональным обязанностям и состоянию пациента; установить причины появления ятрогенного дефекта, момент развития ятрогенной патологии и непосредственной причины неблагоприятного исхода; определить виновное лицо и получить необходимые доказательства, его изобличающие; установить продолжительность и окончание посягательства.

Относительно ятрогенных преступлений время посягательства связано с моментом нарушения правил оказания МП, возникновением дефекта и обусловленной им ятрогении, периодом развития последней и обусловленной ею патологии, явившейся непосредственной причиной неблагоприятного исхода. Может быть раннее или позднее наступление вредных для пациента последствий, своевременное или запоздалое их выявление и лечение. Особую сложность представляет определение времени совершения преступления, когда существует разрыв между моментом ненадлежащего исполнения медработником своих профессиональных обязанностей и моментом: а) развития ятрогении и б) наступлением неблагоприятного исхода, повлекшего смерть или причинение вреда здоровью пациента. Иногда процесс развития ятрогении от отдельного симптома до осложнения или болезни может быть длительным, что существенным образом затрудняет установление причинно-следственной связи между элементами системы преступного деяния.

Безусловно, в каждом случае преступной ятрогении важно проследить временную цепочку между временем выполнения определенного блока врачебного процесса или медицинского мероприятия в интересах пациента, временем появления у него симптомов ятрогении, временем их обнаружения и временем реагирования на них медицинского работника.

Это позволит определить отдельные свойства и признаки элементов системы преступления: психологические качества субъекта и характер его отношения к своим профессиональным обязанностям и к пациенту; динамику и характер проявления неблагоприятных последствий; способ причинения дефекта и его возможного сокрытия и др. Также это будет способствовать организации целенаправленного поиска материальных и идеальных следов преступной ятрогении и, таким образом, получения достаточных доказательств, изобличающих виновное лицо.

Место совершения посягательства. Под местом посягательства понимается то конкретное пространство, на котором действует виновный и иные лица, причастные к преступлению. Оно всегда конкретно, имеет пространственные координаты, границы, свою структуру.

Иногда место оказания МП может выступать в качестве важного фактора объективной стороны ятрогенного преступления. В качестве примера можно привести следующий ятрогенный случай.

Н., 45 лет, проводывая мужа, находящегося на лечении в неврологическом отделении стационара, пожаловалась лечащему врачу супруга на боли в пояснице. Врач, осмотрев женщину и рентгеновские снимки годовой давности, поставил диагноз пояснично-крестцовый радикулит, корешковый синдром и предложил выполнить паравerteбральную блокаду. С учётом богатого аллергического анамнеза больной (в том числе повышенная чувствительность к новокаину) для блокады использовался лидокаин. При этом блокада выполнялась непосредственно в палате, откуда попросили выйти находившихся там пациентов.

Через неделю, пациентка Н. приехала забрать мужа из стационара в связи с его выпиской. При встрече с врачом было отмечено, что эффект от блокады оказался непродолжительным и боли в пояснице возобновились. По обоюдному согласию врача и больной было решено повторить ранее выполненную процедуру. Блокада также выполнялась раствором лидокаина в палате неврологического отделения.

В отличие от предыдущего раза через несколько минут после выполнения процедуры пациентка отметила слабость и нехватку воздуха. Доктор успокоил пациентку, что это реакция на лекарство, что сейчас медсестра сделает укол кофеина и всё пройдет. Уйдя сделать распоряжение медсестре, врач в этот день больше не появился.

После ухода врача состояние больной стало стремительно ухудшаться. Появились заторможенность, жалобы на нехватку воздуха, речь становилась невнятной. Муж набрал по мобильному телефону номер заведующего отделением и информировал его о сложившейся ситуации. Заведующий ответил, что он сейчас не в больнице и попросил

мужа сходить в ординаторскую и обратиться за помощью к врачу Б., что муж и поспешил выполнить. Однако, когда спустя некоторое время он вместе с врачом Б. вернулся в палату, то застал свою жену без сознания с резко выраженным цианозом лица. Врач Б. тут же начал делать искусственное дыхание и закрытый массаж сердца, отправив мужа за помощью. Больная на каталке была срочно доставлена в реанимационное отделение, где ей был начат комплекс реанимационных мероприятий, включающий ИВЛ, внутрисердечные инъекции аналептиков, введение гормонов. Через 25 минут после начала реанимационных мероприятий была констатирована смерть пациентки.

По результатам судебно-медицинского исследования трупа пациентки причиной смерти явился анафилактический шок.

В рассмотренном случае, несмотря на целый ряд допущенных нарушений правил оказания МП, основное нарушение правил выполнения вмешательства связано с ненадлежащим местом его проведения – выполнение блокады в палате. Именно это обстоятельство в рассмотренном случае выделяет ненадлежащее место оказания МП как основной фактор преступного посягательства. Если бы процедура выполнялась в процедурном кабинете, где имеются необходимые медицинские препараты и средства для оперативного проведения в случае возникновения осложнения реанимационных мероприятий, то больной была бы своевременно оказана необходимая адекватная МП.

Местом совершения отдельных действий является более конкретное, имеющее точные координаты пространство, на котором субъект выполняет определенные криминалистически значимые деяния, связанные с исполнением им своих профессиональных обязанностей. В ЛПУ таким местом является отделение, врачебный кабинет, больничная палата, операционный блок, блок интенсивной терапии, помещение функциональной диагностики, помещение для лечения физическими методами, лаборатория и т. д. Таким местом может быть также машина скорой помощи, место нахождения или обнаружения больного или пострадавшего от аварии, дорожно-транспортного происшествия, стихийного бедствия и т. д.

При оказании МП в экстренной ситуации место совершения медработником профессиональных действий, как правило, существенным образом отличается от места оказания МП в нормальных условиях, т. е. в стационаре. Таким образом, место оказания МП имеет закономерные связи с лечебным процессом, влияя в определенной степени на качество его выполнения, а значит и на последствия. Место также влияет и на поведение субъекта, выявляя его отдельные психологические свойства,

которые в экстремальной ситуации могут обусловить выбор им неадекватной медицинской помощи пациенту, принятие необоснованного решения о его преемственности и т.д.

В рамках рассматриваемой проблемы мы выделяем также место оказания МП, обусловившей возникновение ятрогении, и место её выявления. Так, в результате неполного обследования в поликлинике больному ставится неправильный клинический диагноз заболевания и назначается непоказанное ему лечение, приводящее к нежелательным последствиям в виде ятрогенного осложнения. Последнее, став поводом для лечения в условиях стационара вследствие резкого ухудшения состояния здоровья больного, выявляется только в больнице после проведения необходимых диагностических исследований, данные которых позволяют поставить правильный диагноз основного заболевания и создавшего ему конкуренцию сопутствующего – ятрогенного осложнения.

Проявление ятрогенных последствий, имеющих латентный период развития, спустя какое-то время после оказанной МП в одном ЛПУ может быть обнаружено в другом медицинском учреждении. Таким образом, место причинения ятрогенного дефекта, обусловившего возникновение ятрогении, и место её обнаружения, будучи различны, оказываются в определенной связи с элементом системы “время посягательства”. Место посягательства имеет связь и с другими элементами системы, так как является носителем её отображения. Поэтому оно одновременно выступает и как источник информации и как объект криминалистического исследования. Установление места ятрогенного посягательства позволяет выявить субъекта, характер его действий и их следов, получить достаточные доказательства, изобличающие виновного или подтверждающие наличие обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Обстановка совершения преступления – это совокупность объективных обстоятельств, в системе которых осуществляется преступное деяние.

Обстановка может включать в себя события, которые предшествовали преступному событию, развивались одновременно с ним, и которые последовали после его окончания, будучи причинно с ним связаны или им обусловлены.

Вместе с тем имеются позиции отдельных авторов, полагающих что в генезисе неосторожных преступлений личностные особенности правонарушителей, как правило, не играют той доминирующей роли, какая принадлежит высшим обстоятельствам, т.е. факторам ситуации [7, с. 40]. По нашему мнению, подобный взгляд спорный, так как анализ

субъективной стороны преступления, особенно совершаемых в сфере профессиональной деятельности помимо мотива и цели важно исследовать элемент целеполагания, предполагающий принятие волевых решений по достижению цели. Часто именно на этом этапе психической деятельности исполнитель допускает возможность совершения небрежных или самонадеянных действий. Включение же сложных ситуаций, часто возникающих в медицинской практике, в разряд единственного, притом главного криминогенного фактора, по существу приводит к признанию фатальной неизбежности преступления при наличии определенной ятрогенной ситуации. С этим нельзя согласиться, так как в медицинской практике возникают ситуации, которые необходимо с правовой позиции оценивать, как обстоятельства, исключаяющие преступность деяния (например, крайняя необходимость, когда медпомощь оказывается в экстренной ситуации, по жизненным показаниям – ст. 39 УК РФ или обоснованный риск – ст. 41 УК РФ). Также следует отметить, как показывает анализ следственной практики по расследованию неосторожных ятрогенных преступлений, в их этиологии довольно большое участие принимают психофизиологические компоненты временного состояния личности медика, которые осложняют адекватное восприятие обстановки, а также правильный выбор решения (ч. 2 ст. 28 УК РФ «Невиновное причинение вреда»).

Неблагоприятная ситуация может возникнуть и по вине самого пациента по причине его неадекватного поведения. Речь идет о нарушении пациентом правил получения медицинской помощи. У него тоже есть обязанности, например, соблюдать предписанный режим приема лекарств, физической нагрузки, питания, не заниматься самолечением, отказаться от вредных привычек и др.

В совершении любого ятрогенного преступления, особенно неосторожного, прослеживается сложное сочетание социально-биофизиологических факторов. Индивидуальные особенности личности медика, коренящиеся как в интеллектуальной, так и волевой сферах, приводят к неосторожному причинению вреда. Сказанное, разумеется, не исключает определенную провоцирующую роль обстановки, в которой случаются ятрогенные ситуации. В генеалогии неосторожных ятрогенных преступлений, как правило, это отсутствие в лечебном учреждении четкого ведомственного контроля за качеством работы медиков, попустительство со стороны руководства к их вредным привычкам, нарушению дисциплины и т.д. Для проведения полного и объективного предварительного расследования и судебного следствия, прежде всего,

требуется анализ и осмысление личностных факторов неадекватного поведения медиков при оказании помощи пациенту [8, с. 96-102]. Первичным признаком противоправного поведения медика является отступление от правил, регламентирующих процесс предоставления и оказания медицинской помощи, обусловленное ненадлежащим исполнением им своих профессиональных или должностных обязанностей.

С точки зрения теории уголовного права действия медиков в случаях неадекватного отношения к своим профессиональным и должностным обязанностям даже в экстремальной ситуации отнести к разряду *error in facto* даже с большой натяжкой нельзя. В генезисе неосторожного преступления всегда лежит ошибка. Однако медик, сознательно нарушивший правила ОМП, несколько не ошибается, а действует вопреки этим правилам и своим обязанностям.

Очевидно, что ятрогенные преступления не следует также оправдывать сложностью процесса оказания медицинской помощи без учета волевого участия медика, его выполняющего.

Вряд ли можно оценивать действия медиков, повлекшие неблагоприятный исход оказанной пациенту помощи, исключительно как ошибочные, как это пытаются представить отдельные авторы. Действия медика, повлекшие ятрогенную ситуацию, необходимо дифференцировать с позиции причин, обусловивших их мотивацию, и их причинную связь с неблагоприятным исходом. Они могут быть различные, как с учетом: условий и времени ее оказания (в экстремальной ситуации, по жизненным показаниям и т.д.); состояния и поведения пациента (тяжесть заболевания (травмы) или ее неизлечимость, позднее обращения за медицинской помощью, самолечение, нарушение предписанного режима и т.д.; необратимости патологического процесса и др.); состояния врача (например, его психофизиологические качества, нервно-психические перегрузки) и т.п.; отношения медика к исполнению своих профессиональных и должностных обязанностей (легкомыслие, небрежность, халатность, злоупотребление и др.).

В доказывании виновности медика в совершении преступного деяния доминирующим доказательством, как правило, является заключение судебно-медицинской экспертизы, которая должна ответить на вопросы:

Имело ли место в действиях врачей и других медицинских работников несоответствие правилам оказания МП, если да, то каких именно; имелся ли дефект оказания МП, если да, то какой, на каком этапе врачебного процесса или при выполнении какого медицинского мероприя-

тия он мог возникнуть, что могло послужить причиной его возникновения; имелись ли нежелательные или неблагоприятные последствия МП (ятрогения), чем могло быть обусловлено их развитие и какова была степень и время их проявления (симптом, осложнение, конкурирующая патология); что явилось непосредственной причиной наступления неблагоприятного исхода; какими явлениями обусловлено развитие непосредственной причины неблагоприятного исхода (неадекватными действиями медицинских работников, ятрогенным дефектом, ятрогенией); какое имеется медицинское обоснование развития ятрогенного процесса, каков характер причинно-следственных отношений факторов, обусловивших его возникновение и динамику; каково медицинское обоснование причинно-следственных отношений между неадекватными действиями медицинских работников по оказанию МП пациенту и наступившим неблагоприятным исходом.

Четкое установление объективной стороны ятрогенного преступления имеет важное значение для обоснованного разграничения преступного деяния от неприступного поведения медика и позволяет принять законное и справедливое процессуальное решение.

Список использованных источников

1. Ответственность за правонарушения в медицине: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / [О. Ю. Александрова и др.]. М., 2006.
2. Мурашко М. А., Иванов И. В., Панин А. И. Безопасность пациента сегодня. URL: http://cmkee.ru/activities/scientific-activity/?ELEMENT_ID=492 (Дата обращения 05.09.2018).
3. Руководство для государственных обвинителей: криминалистический аспект деятельности / Под ред. О.Н. Коршуновой. СПб., 2003.
4. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960.
5. Антипов В. В., Антипова С. И. Ятрогения как неизбежное явление в медицине XXI века. Часть I. От врачебных ошибок к ятрогении. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yatrogeniya-kak-neizbezhnoe-yavlenie-v-meditsine-xxi-veka-chast-i-ot-vrachebnyh-oshibok-k-yatrogenii> (Дата обращения 18.11.2022).
6. Кудрявцев В. Н. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение // Советское государство и право. 1957. № 8.
7. Квашис В. Е. Профилактика неосторожных преступлений. Киев, 1981.
8. Дагель П. С. Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. М., 1977.

Ю. В. Родионова

кандидат политических наук,
доцент кафедры уголовного процесса
Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета Российской Федерации

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ РУКОВОДИТЕЛЕМ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА ВЕДОМСТВЕННОГО И ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Статья посвящена ведомственному и процессуальному контролю, осуществляемому руководителем следственного органа на первоначальном этапе досудебного производства. Рассматриваются вопросы необходимости расширения полномочий руководителя следственного органа по реализации процедуры обжалования постановлений прокурора по отмене законных и обоснованных решений следователей на стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: сообщение о преступлении, полномочия руководителя следственного органа, ведомственный контроль, процессуальный контроль, прокурор.

Julia V. Rodionova

Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Nizhny Novgorod Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

SOME ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION BY THE HEAD OF THE INVESTIGATIVE UNIT OF DEPARTMENTAL AND PROCEDURAL CONTROL AT THE STAGE OF INITIATING A CRIMINAL CASE

The article is devoted to the problems of departmental and procedural control arising for the head of the investigative unit at the initial stage of pre-trial proceedings. The author also considers the issues of the need to expand the powers of the head to implement the procedure for appealing against decisions of the prosecutor to cancel the legal and well-founded decisions of investigators at the stage of initiating a criminal case.

Key words: reporting a crime, powers of the head of the investigative unit, departmental control, procedural control, procurator.

На стадии возбуждения уголовного дела, как первоначальной стадии уголовного судопроизводства, граждане, в первую очередь, нуждаются в обеспечении их прав. Связано это с тем, что участники по сооб-

щению о преступлении не обладают процессуальным статусом подозреваемого (обвиняемого), потерпевшего (свидетеля), и, как следствие, их права не настолько обширны (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ).

Выявление нарушений на стадии возбуждения уголовного дела, затрагивающие их права, в том числе на вынесение должностным лицом законного и обоснованного решения, свидетельствует о том, что работа в данном направлении должна вестись особо тщательно и иметь предупредительный характер.

Статистика свидетельствует, что количество нарушений, выявленных на этапе приема, регистрации и рассмотрения сообщения о преступлении, за последние годы уменьшается, но слабыми темпами.

В решении коллегии Следственного комитета Российской Федерации (далее - Следственный комитет РФ) «Об итогах работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации за 2020 год и задачах на 2021 год» указано, что в 2020 году в следственные органы поступило 686,7 тысяч сообщений о преступлениях, по которым возбуждено 134,1 тысячи уголовных дел, при этом сократилось количество вынесенных следователями решений об отказе в возбуждении уголовного дела на 6,3%. Снижено количество отмененных постановлений о возбуждении уголовного дела (на 52,2%) и об отказе в возбуждении уголовного дела (на 16,3%), а также число уголовных дел, возбужденных после отмены постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела (на 29,2%).

Все это свидетельствует о том, что большую роль в выявлении и предотвращении таких нарушений играет ведомственный (процессуальный) контроль в лице руководителя следственного органа.

Такой упреждающий контроль необходим для улучшения качества производства следственных и процессуальных действий, в том числе и на первоначальном этапе. При этом опережающим фактором в руководстве следственным органом является повышение уровня следственной работы каждого сотрудника следственного органа, нацеливание руководителем его подчиненных на плодотворную работу с вынесением законных, обоснованных и мотивированных решений.

Одним из наиболее важных первоначальных решений, которое принимается следователем на данном этапе уголовного судопроизводства является постановление о возбуждении уголовного дела, и от того, насколько оно соответствует требованиям уголовного и уголовно-процессуального закона, будет зависеть полноценное расследование преступления, получение итогового результата – направления уголовного дела в суд с обвинительным заключением, и осуществление принципа неотвратимости наказания.

Однако, следует помнить, что в соответствии со ст. 146 УПК РФ для возбуждения уголовного дела необходимы законные повод и основание, то есть наличие достаточных данных, указывающих на признаки

преступления. Отсутствие таковых приводит к отмене решения о возбуждении уголовного дела. Грубейшие нарушения приводят к нанесению немалого вреда социуму, интересам государства и, как следствие, граждане формируют в себе ощущение незащищенности, недоверия к правоохранительной системе.

В случае, если постановление о возбуждении уголовного дела признается необоснованным и незаконным, то такое действие приравнивается к обвинению лиц, которые не совершали преступлений. По факту, настоящие преступники, почувствовав свою безнаказанность, будут совершать новые и более тяжкие преступления, при этом вовлекая новых участников, создавая организованные преступные группы.

С учётом изложенного процессуальный контроль в ходе досудебного производства, направленный на обеспечение законности, защиту прав граждан, своевременное выявление и устранение нарушений, должен быть приоритетным направлением деятельности руководителя следственного органа [1].

В целях процессуального контроля и недопущения нарушений на этапе реализации ст. 144, 145 УПК РФ руководитель следственного органа в первоочередном порядке должен принимать следующие решения:

- о проверке сообщения о преступлении следователем либо группой следователей;

- о необходимости личного участия в проведении проверочных мероприятий с учётом характера, общественной опасности совершенного преступления, а также требований организационно-распорядительных документов Следственного комитета РФ;

- об организации взаимодействия с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, иными правоохранительными органами, органами исполнительной власти и экспертными учреждениями.

Наряду с этим, с целью организации контроля за проведением проверочных мероприятий руководителю следственного органа следует:

- устанавливать и отражать в письменных резолюциях при утверждении плана проверки или в своих письменных указаниях сроки и порядок промежуточных докладов о ходе и результатах проверки с учётом характера и общественной опасности совершенного деяния, опыта работы и отношения к исполнению служебных обязанностей следователя, которому поручено её проведение;

- проверять и утверждать план проверки сообщения о преступлении, при необходимости давать письменные указания следователю для всестороннего и предметного изучения обстоятельств, которые будут указывать на признаки преступления, с приобщением копий этих документов к соответствующему номенклатурному делу следственного органа;

– обеспечивать контроль исполнения планов проверок сообщений о преступлении и своих письменных указаний посредством ведения соответствующих книг учёта и контроля.

Важным для процессуального контроля остается вопрос о соблюдении срока проверки сообщения о преступлении, а также его продлении.

Своевременное проведение всех следственных и процессуальных мероприятий приводит к недопущению принятия итогового решения за рамками сроков, установленных в ст. 144 УПК РФ, тем самым предотвращая в дальнейшем нарушение разумного срока.

Однако, в гонке за сокращением сроков проверки по сообщению о преступлении следует не забывать и о правах лиц, подозреваемых в совершении уголовно наказуемого деяния. Руководителю необходимо нацеливать следователей учитывать интересы таких лиц, в том числе путем привлечения адвоката, разъяснения прав подозреваемого, что не влечет законного придания ему статуса подозреваемого.

В случае необходимости продления процессуальных сроков следует требовать от следователя представления мотивированного ходатайства с обязательным указанием конкретных обстоятельств, являющихся обоснованием продления, так как подлинник приобщается к материалам проверки, а копии к соответствующему номенклатурному делу следственного органа [2].

При продлении срока проверки руководитель следственного органа должен изучить материалы, заслушать следователя, а также оценить эффективность работы следователя, выявить допущенные недостатки и нарушения, в том числе факты волокиты, приняв соответствующие меры реагирования.

В последующем руководитель следственного органа контролирует исполнение плана проверочных мероприятий и своих письменных указаний, принимать меры к устранению выявляемых недостатков.

В случае вынесения следователем постановления об отказе в возбуждении уголовного дела целесообразно использовать примерный план-схему (алгоритм) изучения и проверки материалов проверки на предмет полноты и законности, обоснованности принимаемых решений.

Напомним, что принятие следователем решения о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела, не соответствующего требованиям ч. 4 ст. 7 УПК РФ, приводит к их отмене. В большинстве случаев данный факт является следствием недостаточной упреждающей роли руководителя при осуществлении процессуального контроля.

Согласно ст. 37 УПК РФ прокурор осуществляет надзор за законностью возбуждения уголовного дела, а именно право отменять незаконные постановления следователя о возбуждении и отказе в возбуждении уголовного дела.

В связи с этим, одним из самых негативных моментов в работе руководителя следственного органа на стадии возбуждения уголовного дела является получение от прокурора постановления об отмене решения следователя или руководителя следственного органа.

В данной ситуации у руководителя есть два варианта к действию: либо установить срок дополнительной проверки, согласившись с решением прокурора, либо, в случае несогласия обеспечить подготовку и направление в срок, предусмотренный ч. 4 ст. 221 УПК РФ, вышестоящему прокурору мотивированного письма с предложением об отмене оспариваемого решения во исполнение требований п. 1.7 приказа Председателя Следственного комитета РФ от 09.01.2017 № 2 [3].

Если же прокурор вынесет требование об устранении нарушений, связанных с законностью принятого решения о возбуждении уголовного дела, то руководитель следственного органа, в случае согласия, организует дополнительно проверку по материалу с дальнейшим вынесением отказного постановления.

В противном случае, если руководитель считает, что оснований для отказа в возбуждении уголовного дела не имеется, то он нацеливает следователя обжаловать с его согласия такое решение вышестоящему прокурору.

Процедура обжалования через следователя подтверждает отсутствие реальной возможности руководителю принять решение по отстаиванию интересов следствия до возбуждения уголовного дела. Законодатель не наделил руководителя полномочиями по обжалованию решений прокурора на данном этапе в рамках процессуальной деятельности, предусмотренной ст. 124 УПК РФ.

Выводы основываются на том, что часть 4 данной нормы позволяет только следователю воспользоваться правом обжалования решений прокурора или руководителя следственного органа, поскольку данная норма закона является отсылочной и применяется в случаях, предусмотренных п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ.

Статьей 39 УПК РФ (ч.4) предусмотрены действия по вынесению руководителем мотивированного постановления о несогласии с требованиями прокурора. Однако, касаясь итоговых решений на стадии возбуждения уголовного дела, прокурор не требует устранения нарушений, а единолично отменяет постановление о возбуждении или его отказе.

Законодательную лакуну следует устранить путем внесения изменения в действующий УПК РФ о предоставлении права руководителю обжаловать решения прокурора об отмене постановлений о возбуждении уголовного дела и его отказе.

Отметим, что зачастую значительная часть решений прокурором принимается по формальным основаниям, а отсутствие в законе процедуры и права обжалования таковых приводит к существенным процессуальным издержкам следственного органа, которые могут выражаться как в затягивании принятия законного и обоснованного решения и, как следствие, увеличения нагрузки следователей по находящимся в его производстве материалов.

Помимо этого, отмена постановления об отказе в возбуждении уголовного дела лишь по формальным основаниям приводит к существенным нарушениям прав и законных интересов граждан – участников по материалу.

Приведем пример, когда отмена прокурором постановления следователя об отказе в возбуждении уголовного дела по результатам проверки факта смерти гражданки Л. [5], привела к нарушению законности, выразившейся в недоказанности участия лица в совершении преступления.

Так, в ходе проверки было установлено, что накануне произошедшего между погибшей и гражданином Д., находящимися в состоянии наркотического опьянения в квартире вышеуказанного жилого дома, возникла ссора на бытовой почве, после чего, потерпевшая, находясь на балконе в состоянии сильного эмоционального волнения, возникшего в результате произошедшей ссоры и под воздействием наркотических веществ, по собственной неосторожности при попытке перебраться на соседний балкон сорвалась и упала в низ. Гражданка Л. была доставлена в медицинское учреждение с полученными повреждениями, от которых в последующем скончалась.

Данное происшествие получило широкий общественный резонанс и общественную огласку в средствах массовой информации, сопряжённое с обвинением гражданина Д. в совершении преступных действий в отношении погибшей.

Следствием было проверено несколько версий, в том числе, как об имевшем несчастном случае с погибшей, так и о возможной причастности Д. к смерти гражданки Л.

Значительный комплекс проверочных мероприятий подтвердил непричастность гражданина Д. к смерти Л., в связи с чем было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела за отсутствием события преступления.

В связи с возросшим общественным интересом к данному материалу, постановление следователя прокурором отменено с формулировкой «неполнота проведенной проверки и необходимость приобщения детализации телефонных соединений с мобильного телефона погибшей», что предполагало возбуждение уголовного дела, так как уголовно-процессуальное законодательство предусматривает возможность получения от оператора мобильной связи информации о телефонных соединениях только в ходе предварительного следствия. В связи с невозможностью оперативно обжаловать решение прокурора, и вынести постановление, не выполнив его указания, уголовное дело было возбуждено, а по результатам расследования вынесено постановление о прекращении уголовного дела на основании п.1 ч.1 ст. 24 УПК РФ.

Приведенный пример показывает, что отсутствие реальной возможности в осуществлении руководителем следственного органа своих полномочий в полном объеме не благоволит реализации состязательности процесса на досудебной стадии, и приводит к возможности незаконного обвинения в совершении преступлений.

На основании изложенного можно сделать выводы, что введение института обжалования со стороны руководителя следственного органа решения прокурора об отмене итоговых постановлений следователя по результатам проверки, например, региональному (вышестоящему) прокурору способствовало бы не только более эффективной деятельности следственных органов, но и защите прав и свобод граждан, что в полной мере отвечает общим требованиям уголовного судопроизводства.

Согласно ст. 39 УПК руководитель наделяется полномочиями по осуществлению ведомственного и процессуального контроля, отвечает за проверку материалов по сообщениям о преступлениях, проверяет законность и обоснованность принятых решения следователем, а также самостоятельно выносить по результатам проверки постановления о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела, а в противовес этому он не наделяется функционалом по отстаиванию своей позиции в случае согласия с решением, вынесенным следователем или им самим.

Принятое в установленном законом порядке постановление о возбуждении уголовного дела - это юридический документ, который служит правовым основанием для производства следственных действий и применения мер процессуального принуждения. В связи с этим, работа руководителя следственного органа по организации и осуществлению процессуального контроля должна в полной мере реализовываться, в первую оче-

редь, на первоначальном этапе уголовного судопроизводства, в строгом соответствии с законодательством РФ, на основании процессуального документа, например, постановления о несогласии с решением прокурора.

Для устранения выявленных в действующем уголовно-процессуальном законодательстве недостатков необходимо разработать и законодательно закрепить процедуру обжалования необоснованных решений прокурора об отмене постановления о возбуждении и отказе в возбуждении уголовного дела вышестоящему прокурору.

Вместе с тем, отсутствие указанного института в уголовно-процессуальном законе не означает, что следственные органы должны вести себя пассивно во взаимоотношениях с органами прокуратуры в случае отмены.

В случае несогласия процессуальным решением прокурора об отмене постановления о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела, следователь и руководитель следственного органа должны занять активную позицию по данному вопросу, выраженную в мотивированном письме, направив его вышестоящему прокурору.

Список использованных источников

1. Ахмедов У. Н., Дутов Н. Ю. Осуществление ведомственного контроля за производством отдельных следственных действий в отношении несовершеннолетнего // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. № 4.
2. Петров М. И. Комментарий к Федеральному закону от 28 декабря 2010 г. N 403-ФЗ «О следственном комитете Российской Федерации». М., 2012.
3. Приказ Следственного комитета России от 09.01.2017 № 2. «Об организации процессуального контроля в Следственном комитете Российской Федерации». URL: Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 02.05.2017. Дата обращения 10.08.2021
4. Приговор № 1-14/2017 1-226/2016 от 24 апреля 2017 г. по делу № 1-14/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/NV3QMaLEfLB/>. Дата обращения 10.08.2021
5. Материал проверки по факту смерти Лишак Л.Б., которая последовала в помещении медицинского учреждения от телесных повреждений, полученных ею при падении с седьмого этажа многоквартирного жилого дома в 2018 году // Архив Ленинского МСО СУ по Самарской области.

Т. И. Сайфутдинов

доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе
Кыргызско-Казахского университета (Кыргызстан)

Э. С. Токторов

кандидат юридических наук, доцент
Ректор Ошского государственного юридического института
(Кыргызстан)

ФОРМЫ И ПРИНЦИПЫ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Статья посвящена актуальным проблемам и перспективам развития современного уголовного процесса Республики Таджикистан, а именно одного из его разделов «состязательности». Отсутствие в реальной действительности теоретических идеальных моделей розыскного, состязательного и смешанного процессов означает, что научное понятие состязательности, раскрывающее ее сущность, не может быть сведено исключительно к форме процесса. Данное обстоятельство ставит перед нами проблему определения этого понятия. Очевидно, что порядок уголовного судопроизводства обязательно характеризуется одной из двух противоположных правовых категорий – либо состязательностью, либо инквизиционностью. Одновременно под порядком уголовного судопроизводства понимаются различные его уровни. Следовательно, о розыске или состязательности уместно говорить применительно к указанным уровням порядка производства по делу. В тех случаях, когда в уголовном производстве процессуального действия закреплено участие и обвинителя, и обвиняемого, неотъемлемым элементом порядка его производства является определенное соотношение процессуальных статусов указанных субъектов.

Ключевые слова: уголовный процесс, судебное разбирательство, предварительное расследование, следователь, формы уголовного процесса, процессуальный интерес.

Takhir I. Saifutdinov

Dr. Sci. in Law, Professor, vice-rector for scientific work
Kyrgyz-Kazakh University (Kyrgyzstan)

Egemberdi S. Toktorov

PhD in Law, Associate Professor
Rector Osh State Law Institute (Kyrgyzstan)

FORMS AND PRINCIPLES OF COMPETITION IN THE CRIMINAL PROCESS OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

The article is devoted to topical problems and prospects for the development of the modern criminal process of the Republic of Tajikistan, namely one of its sections "adversarial". The absence in reality of theoretical ideal models of investigative, competitive and mixed processes means that the scientific concept of competitiveness, revealing its essence, cannot be reduced solely to the form of the process. This circumstance poses the problem of defining this concept. Obviously, the order of criminal proceedings is necessarily characterized by one of two opposite legal categories - either adversarial or inquisitorial. At the same time, the order of criminal proceedings refers to its various levels. Therefore, it is appropriate to speak of search or competition in relation to the indicated levels of the procedure for the proceedings. In cases where the participation of both the prosecutor and the accused is fixed in the criminal proceedings of a procedural action, an integral element of the procedure for its production is a certain ratio of the procedural statuses of these subjects.

Keywords: criminal process; trial; preliminary investigation; investigator; forms of criminal process; procedural interest.

Одним из разделов науки уголовно-процессуального права, в котором имеется термин «состязательность», является учение об исторических формах и развития уголовного судопроизводства. Поэтому освещение вопроса об исторических формах развития уголовного судопроизводства, необходимо для исследования понятия и сути состязательности. Уголовный процесс как любое другое процессуальное право обладает свое содержание и форму. Содержание уголовного процесса можно определить, как способ реализации норм уголовного процессуального права и привлечение виновного лица к ответственности за нарушения уголовно-правовых отнесений, а его форму – как структуру уголовно-процессуальной деятельности, механизм ее организации, который отражает источник движения и развития судопроизводства, а также процессуальный статус его участников. Ученые процессуалисты Таджикистана в своих исследованиях указали на признаки состязательной (обвинительной), следственной (розыскной) и смешанной форм уголовного процесса и дали краткую их содержательную характеристику. Кроме того,

И. Б. Буриев в качестве критерия разграничения состязательной и розыскной форм назвал наличие или отсутствие разделения функций между участниками производства по уголовному делу [1, с. 115]. В период Таджикской ССР исследования таджикских процессуалистов таких, как Н. А. Абдуллоева о форме уголовного судопроизводства несли на себе печать приоритетной советской идеологии [2]. В связи с этим одним из их результатов постсоветских процессуалистов независимого Таджикистана был вывод об исключительности формы советского уголовного процесса. Основные реформы последних лет в уголовном - процессуальном праве Республике Таджикистан обусловили возможность комплексного исследования исторических форм уголовного процесса, свободного от социалистической идеологии. Учение о формах уголовного процесса опирается на понятиях розыскной и состязательной моделей судопроизводства по уголовным делам. В науке уголовного процесса указанное учение занимает раздел, именуемый «исторические формы уголовного процесса», где подчеркивается, что его предметом являются формы уголовных процессов различных исторических времён. Современные ученые процессуалисты Таджикистана, Р. Р. Юлдашев, А. Э. Рахматулов, Н. А. Кудратов, в разделе «исторические формы уголовного процесса» рассматривают также формы уголовных процессов разных государств в разных годах. Форма уголовного процесса в конкретном государстве в конкретный исторический период зависит от политики, философии и уровня развития юридических наук и принятых законодательств. Будучи одной из наиболее политизированных разделов уголовно-процессуального права определенного государства активно реагирует на изменения, совершающиеся в политической деятельности государств. По утверждению И. Сабо, влияние политических факторов на процессуальные правоотношения даже сильнее, чем на материальные [3, с. 269]. Выработывая эту мысль, Ю. В. Мещеряков пришел к выводу, что государство и государственное право исторически опредмечивают и политически абстрагируют строй суда [4, с. 92]. Заметно, что научные деятели объясняют нарушение эволюционного развития от низших форм к высшим системам организации процесса, которые вытекает в результате реанимации на новых этапах истории старых архаических форм под влиянием «преимущественно политических, лишенных собственно правовой подоплеки факторов. Взаимосвязь формы уголовного процесса от философии наблюдается по двум основным направлениям. Первое характеризует связь философии и права в целом и поэтому является общим для всех отраслей права, влияя на внутригосударственную

правовую систему в общем. В основном здесь выступает проблема взаимоотношений индивида и общества, личности и государства, то или другое решение данной проблемы неизбежно отражается на формировании и развитии соответствующих процессуальных институтов, убежден И. Д. Сафаров [5, с. 195]. Второе направление, по которому господствующие в данном государстве в определенную историческую эпоху философские воззрения воздействуют на форму уголовного судопроизводства, обусловлена спецификой отрасли уголовно-процессуального права, а точнее предметом ее регулирования, т.е. уголовно-процессуальными правовыми отношениями и складывающейся в их рамках уголовно-процессуальной деятельности. Так как главным ядром последней является описание картины произошедшего в прошлом события, постольку философский подход к категории истины и решению ряда других нерешенных проблем гносеологии детерминирует форму уголовного процесса. Также есть вероятности зависимости формы, в котором протекает деятельность по раскрытию совершенных преступлений, от степени развития естественных наук, что обусловлено опять-таки познавательным характером этой деятельности. Как указывала П. С. Элькинд, появление новейших достижений научно-технического прогресса тащит за собой возникновение новых норм уголовно-процессуального права [6, с. 143]. От степени развития правовой науки во многом зависит качество правотворческого процесса, последствием которого и выступает в конечном итоге закрепленная в действующих нормативно-правовых актах конкретная форма уголовного судопроизводства. Значение уровня развития правовой науки в данном случае чрезвычайно высоко. Несмотря на наличие и политических, и философских, и естественнонаучных предпосылок, для того чтобы уголовный судопроизводства, принял демократическую, прогрессивную форму, из-за недостаточной изученности соответствующих вопросов в доктрине и низкого уровня законодательной техники потенциально возможная и объективно необходимая форма уголовного процесса своего закрепления в нормах права может и не получить. Вместе с тем при реализации правотворческой деятельности правоотношениях следует остерегаться фрагментарности, неоправданной замены реформы всей системы в целом искусственным внедрением хотя и прогрессивных, но чуждых ей элементов. Все это подводит к необходимости более подробного изучения исторических форм отечественного (Таджикского) уголовного судопроизводства. Процесс научного поиска признаков, необходимых и достаточных для нахождения формы процесса и одновременно являющихся мерами ограничения од-

ной формы процесса от другой, создавался главным образом на логическом методе индукции. Раскрытие признаков подобных форм уголовного процесса, как источник движения дела, характер разделения уголовно процессуальных функций, процессуальное положение обвиняемого и др., представляет собой результат научного анализа и сопоставления друг с другом существующих порядков судопроизводства в различных государствах в различные исторические эпохи. Надо признать, что настоящий подход в конечном итоге получил большой успех. Тем не менее его недостаточность привела к двум отрицательным моментам.

1) Научный анализ соответствующего понятия происходил в течение длительного времени, что было обусловлено допускаемым ошибочным игнорированием главных и включением посторонних случайных признаков, чем, впрочем, всегда страдает метод движения от частного к общему.

2) Существующие на современном этапе дефиниции формы уголовного процесса содержат весьма разнородные по своей природе и значению признаки последней: внутренние (органически присущие) и внешние (функциональные), причем данное обстоятельство авторами соответствующих дефиниций никак не рассматривается.

Представляется, что лишь в том случае можно добиться успеха при конструировании научного определения формы процесса, если индуктивный метод научного исследования дополнить методами причинно-следственного анализа и движения от абстрактного к конкретному на базе системного подхода. Форма всякого определения неразрывно связана с его содержанием. Содержание уголовного процессуального права составляет уголовно-процессуальная деятельность, специфика которой заключается в том, что в правоотношениях принимает участие субъект, в отношении которого имеется предположение о его виновности в совершении преступления указанное в уголовном законодательстве. Теории уголовного процессуального права определяет сторону, как «участника судопроизводства, который отстаивает перед судом определенный охраняемый законом интерес и пользуется для этого теми же правами, которыми имеет участник судопроизводства, отстаивающий противоположный интерес» [7, с. 252]. В связи с этим подавляющее большинство теоретиков процессуалистов считают, что интерес обвиняемого состоит в том, чтобы невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден, а виновный подвергнут справедливому наказанию.

По мнению автора, такой подход к определению уголовно-процессуального интереса представляется, недостаточно эффективным, по трем основаниям:

- 1) он приводит к отождествлению процессуального интереса с задачами уголовного процесса;
- 2) обуславливает абсолютное совпадение процессуальных интересов обвиняемого (как государственного, так и частного);
- 3) не разрешает противоречий между определением процессуального интереса и понятием стороны, основанном на противоположности уголовного-процессуальных интересов.

В соответствии с данным определением, ряд исследователей ученых теоретиков Таджикистана называют два признака, характеризующие сторону в процессе:

- а) наличие процессуального интереса;
- б) обладание равной с другой стороной совокупностью прав в части доказывания выводов, воплощающих этот интерес» [8, с. 319].

Анализируя понятие процессуального интереса, ученые процессуалисты ссылаются на то, что он отражает законное стремление участника процесса достичь подобного судебного решения, которое удовлетворило бы его материально-правовые притязания. В частности, по мнению большинства теоретиков процессуалистов, содержание процессуального интереса обвиняемого зависит от того, виновен ли он действительно в совершении обвиняемого ему преступления. Если виновен, то процессуальный интерес сводится к тому, чтобы добиться выяснения всех обстоятельств, смягчающих его ответственность, и назначения такого наказания, которое соответствовало бы тяжести содеянного. В случае же невиновности субъекта, обвиняемого в совершении преступления, его процессуальный интерес состоит в том, чтобы был вынесен оправдательный приговор. Суть процессуального интереса обвиняемого в том, чтобы «невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден, а виновный должен быть подвергнут справедливому наказанию» к такому выводу в своих исследованиях приходит Ш.О. Салимов [9, с. 59-62].

Как известно, в науке уголовного процессуального права нет дискуссии о том, что задачами уголовного судопроизводства являются закрепленные в качестве подобных в ст. 2 УПК РТ положения. Приведенное выше понятие «процессуальный интерес» в сущности повторяет данную норму в части таких регламентированных ею задач уголовного судопроизводства, как назначение виновному в совершении преступле-

ния закрепленное в уголовном законодательстве справедливого наказания и не привлечение к уголовной ответственности невиновного лица. В результате смысл и самостоятельное научное значение понятия процессуального интереса теряется. Если принимать процессуальный интерес как законное стремление участников процесса добиться удовлетворения личных материально-правовых притязаний, то вряд ли уместно создавать на нем определение стороны. Объяснением тому служит не только теоретическая возможность, но и неизбежная практическая реальность совпадения процессуальных интересов участников судопроизводства. И. Т. Махмудов отмечает, что интерес государственного обвинителя, призванного защищать уголовно-правовые притязания государства, состоит в том, чтобы именно виновный в совершении преступления понес наказание в строгом соответствии с уголовным законодательством, а также возместил материальный, физический и моральный вред, строго действующими нормативными актами, причиненный преступлением потерпевшему. Но совершенно то же самое, если исходить из предложенной трактовки, составляет суть процессуальных интересов обвиняемого и потерпевшего [10, с. 65]. В таком случае по мнению автора возникает дилемма, в чем суть спора между сторонами? Ответа у перечисленных выше ученых теоретиков мы не видим. В конечном итоге, недопустимо, чтобы анализируемое понятие процессуального интереса было положено в основу определения стороны и потому, что оно несомненно не стыкуется с другими элементами данной определения. Так, процессуальную заинтересованность государственного обвинителя, убедившегося в виновности обвиняемого, С. Бахриддинов видит в стремлении к тому, чтобы суд согласился с выводами обвинительного заключения и вынес обвинительный вердикт, прописав справедливое наказание [11, с. 70-81]. Напомним, что таким образом он устанавливает процессуальный интерес обвиняемого, виновного в совершении преступления. И здесь целесообразно вернуться к предложенному автору В. М. Савицким определению «охраняемый законом процессуальный интерес, противоположный интересу другой стороны». Видимо, что такая трактовка процессуальных интересов не оставляет потенциалы сопоставления процессуальных интересов обвиняемого и обвинителя. К тому же, сформулированное А. Э. Рахматуловым [12, с. 132] понятие стороны предполагает, что интерес одной из сторон обязательно должен быть «незаконным»: раз одна из сторон отстаивает «охраняемый законом процессуальный интерес» и при этом он противоположен интересу другой стороны, то интерес последней является незаконным. Автор полагает, что в соответствии с вышеуказанным, нельзя признать успешной

попытку представленного выше исследователя построить определение «процессуального интереса». Интерес поддается оценке с точки зрения законности. Сама же потребность не может быть ни законной, ни не законной. Действительно, пока те или иные процессы протекают исключительно в сознании субъекта, не имея внешнего выражения, праву они безразличны. Право не может и не должно реагировать на них. Регулирование и оценка этих процессов относятся исключительно к сфере нравственности. Теоретики обосновывают данное положение следующим образом «убийство осуждается и юристом, и моралистом, относящих свое суждение к одной и той же совокупности психологических моментов, завершившихся материальным фактом умерщвления». Несмотря на то, что заключения юриста и моралиста совпадают, отправные точки, а потому и весь ход мысли у них различны и противоположны друг другу. Для полноты этой характеристики, исследователи, Х. Х. Кориев [13, с. 251], отмечает значение внутреннего психологического момента, т.е. прежде всего на личность преступного намерения, а затем и все прочие субъективные условия дела, но все это исключительно лишь по отношению к факту убийства или причиной связи. Для правоведов лишение жизни есть нарушение права или урон, противозаконно причиненный жертве преступления и общественному порядку, но с чисто нравственной точки зрения лишение жизни не есть еще урон, а может быть, даже приобретение для убитого; убийство есть несомненный урон только для убийцы. Итак, как только соответствующие психические процесса престают быть исключительно деятельностью сознания одного субъекта и находят свое выражение вовне, становятся поведением, тем или иным образом, затрагивающим других лиц, праву подвергает их своему регулированию, разрешая или запрещая развиваться в определенных направлениях. Неравенство процессуальных возможностей рассматриваемых участников на стадии предварительного расследования обуславливается отсутствием хотя бы одного из названных функциональных признаков. При этом нужно иметь в виду, что наличие суда, как субъект разрешающего дело, и равенство государственного обвинителя и подсудимого по участию в собирании доказательств в судебном разбирательстве еще недостаточно для того, чтобы эту стадию считать состязательной, а форму процесса – смешанной. Если суд в судебном разбирательстве как субъект помимо отправления правосудия осуществляет функцию уголовного преследования, несет ответственность за всестороннее и полное исследования обстоятельств дела, то форма уголовного процесса является обвинительно-розыскной. Состязатель-

ной, инквизиционной и смешанной формами исчерпываются возможные варианты организации уголовно-процессуальной деятельности. Однако каждая из названных форм имеет определение разновидности. В зависимости от сочетания частных и публичных начал можно выделить частно-исковой состязательный уголовный процесс, который характерен для Великобритании и ее бывших колоний. Уголовное преследование рассматривается как личное дело частного лица, которое и выступает в роли обвинителя. Если у субъекта частного лица не появится желание преследовать преступника в порядке уголовного судопроизводства, то уголовное судопроизводство не начинается. Это не означает, что в частно-исковом процессе не могут участвовать государственные правоохранительные органы, например, полиция. Правоохранительные органы, наделенные обвинительной властью, участвуют в уголовном судопроизводстве, тем не менее целью такого участия является не отстаивание государственного интереса, нарушенного преступлением, а помощь потерпевшему, обеспечение его средствами к раскрытию преступления и изобличению виновного. Исключением из частно-искового порядка уголовного преследования является в ряд дел, например, дела об убийствах, о государственных преступлениях и некоторые другие категории уголовных дел, по которым уголовное преследование и поддержание обвинения в суде осуществляется от имени государства специально уполномоченным должностным лицом. Ввиду наличия указанного исключения, данную разновидность состязательного уголовного процесса теоретики процессуалисты склонны обозначать не частно-исковой, а «с преобладанием частных начал». Публично-исковой состязательный уголовный процесс характеризуется тем, что уголовное преследование начинается компетентными субъектами должностными лицами независимо от волеизъявления заинтересованных частных лиц и не подлежит прекращению даже после примирения обвиняемого с потерпевшим. Публично-исковой состязательный уголовный процесс свойственен англо-саксонской системе права. В данном случае построение уголовного судопроизводства характеризуется сочетанием его публичных начал и дискреционных полномочий прокурора, в качестве которого выступает государственный обвинитель. С другой стороны, обязанность возбуждать уголовные дела и принимать все предусмотренные нормативными актами меры к раскрытию преступления и изобличению виновных в каждом случае обнаружения признаков совершенного преступления на государственного обвинителя не возлагается. Если государственный обвинитель считает, что из-за отсутствия перспектив по

успешному собиранию улик и доказательств вероятность добиться обвинительного приговора в суде невелика, как правило, исходя из целесообразности, уголовное преследование он не возбуждает. Иное решение принимается государственным обвинителем и в случае, если, несмотря на то, что достаточная для осуждения совокупность доказательств виновности лица в совершении преступления имеется, сопоставление характера совершенного преступления и обстановки сложившихся общественных отношений в округе, находящемся под юрисдикцией соответствующего государственного обвинителя, приводит его к выводу о том, что данное преступление не представляет большой общественной опасности. Дискреционные полномочия государственного обвинителя предусмотрены уголовно-процессуальными нормами, содержащимися в таких источниках американского уголовно-процессуального права, как федеральные статуты и статуты штатов, а также в судебных прецедентах. Дискреционные полномочия государственного обвинителя предполагают также предоставление ему юридической возможности прекращения начатого уголовного преследования на любой стадии уголовного судопроизводства. В то же время нормы уголовного законодательства США защищают права потерпевшего от злоупотребления государственным обвинителем своими дискреционными полномочиями. В случае несогласия с решением государственного обвинителя не возбуждать уголовное преследование потерпевший лицо имеет право обжаловать это решение в судебные органы. Подобные правила, устанавливающие дискреционные полномочия окружного государственного обвинителя и гарантии от злоупотребления ими, существуют в США и в отношении прекращения уголовных дел.

В зависимости от особенностей процессуального положения суда рассматривающий дело можно выделить состязательный процесс с пассивным положением суда и состязательный процесс с относительно пассивным положением суда. Пассивное процессуальное положение суда рассматривающий дело как противоположность активности, инициативности означает отсутствие у него обязанности самостоятельно собирать доказательства, самому выяснять обстоятельства дела. Оно характерно для англосаксонского процессуального права. Относительно пассивное процессуальное положение суда рассматривающий дело предполагает некоторые исключения из общего правила об отсутствии у суда обязанности по собственной инициативе собирать доказательства. Таким образом, обвинительная форма уголовного процесса предполагала в целях решения правового конфликта совершение государствен-

ным обвинителем, обвиняемым и «свидетелями» определенных действий, ни в коей мере не связанных с установлением фактических обстоятельств дела.

Определяя внутреннее содержание розыскной или инквизиционной формы, автор отмечает три основные ее разновидности:

1) Инквизиционный процесс, усугубленный до крайности. Он был свойственен большинству стран находящихся в Европе стран в эпоху средневековья. Три главные процессуальные функции полностью совмещены в руках одного должностного лица – инквизитора. Инквизитор – это субъект которые одновременно и обвинитель, и защитник, и судья. Отсутствует разделение производства по делу на этапы. Оно осуществляется тайно, письменно, с использованием формальной системы доказательств.

2) Характеризуется наличием разделения уголовно-процессуальной деятельности на этапы: подготовительный этап и этап разрешения дела, по существу. При этом улики собираются одними должностными лицами, как субъект уголовного судопроизводства, а решение по делу выносится другими – так называемыми «судьями». В то же время разграничение функции уголовного преследования от функции суда не происходит ни на первом, ни на втором стадии, поскольку на подготовительном стадии, одни и те же должностные лица имеющие права, собирают улики и решают, что их достаточно для предъявления обвинения, а на стадии разрешения дела по существу «судьи» восполняют пробелы в системе обвинительных доказательств, дополняя результаты подготовительного стадии и сами же выносят решение по делу.

3) Инквизиционный процесс с элементами состязательности. Это обосновывается тем, что три главные процессуальные функции не целиком соединены в руках одного и того же субъекта – должностного лица.

В соответствии с нормативными актами обвиняемому предоставляется право возражать против предъявленного обвинения и пользоваться услугами защитника, т. е. защита от обвинения выделяется в самостоятельную процессуальную функцию, появляются активные, наделенные комплексом процессуальных прав носители функции защиты: обвиняемый и его защитник. Но этого еще недостаточно для того, чтобы было достигнуто равенство между обвиняемым и органами, осуществляющими уголовное преследование, как субъект уголовно-процессуального правоотношения поскольку они выполняют две функции – функцию уголовного преследования и функцию правосудия на подготовительном этапе производства по делу; на стадии же судебного разбирательства обе эти функции осуществляются органом осуществляющий

правосудия. Примером данной разновидности инквизиционного уголовного судопроизводства может служить модель российского уголовного процессуального права, закрепленная в действующем УПК РФ. Вместе с тем, несмотря на значительное расширение в последние годы в уголовном процессуальном праве Таджикистана состязательных начал, его форма так же продолжает оставаться «обвинительной».

По мнению автора, отсутствие в реальной действительности сформулированных теоретических моделей розыскного, состязательного и смешанного процессов означает, что научное понятие состязательности, раскрывающее ее сущность, не может быть сведено исключительно к форме процесса. В связи с чем, данное обстоятельство ставит перед учеными процессуалистами проблему определения внутреннего содержания и логического обоснования исследуемого понятия.

Список использованных источников

1. Холиков А.Г. История государства и права Таджикистана [Текст]: учебник: В 2 ч. Ч. 1. Душанбе, 2003.
2. Абдуллоев Н. А. Советский уголовный процесс. Часть 1. Душанбе, 1979.
3. Сабо И. Основы теории права: учебник / Пер. с венг.; Под ред. В.А. Туманова. М., 1974.
4. Мещеряков Ю. В. Формы уголовного судопроизводства. Л., 1990.
5. Сафаров И. Д. Правовая система государства Саманидов (1X-Хв.в.): дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 1998.
6. Элькин П. С. Цели и средства их достижений в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976.
7. Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980.
8. Алексеева Л. Б., Ларин А. М., Строгович М. С. Современный уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М., 1979.
9. Салимов Ш. О. Правовое регулирование борьбы с экономической преступностью и коррупцией в Республике Таджикистан // Государство и право. № 3. 2002.
10. Махмудов И. Т. Прокурорский надзор за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности: проблемы теории, практики и законодательной регламентации. Душанбе, 2010.
11. Бахриддинов С. Роль суда в предупреждении преступности // Государство и право. 2001. № 3.
12. Рахматулоев А. Э., Сангинов А. Б. Уголовный процесс Таджикистана. Худжанд. 2010.
13. Хобитов Б. К., Кориёв Х.Х. Тактика отдельных следственных действий. Худжанд, 2015.

Е. В. Сидоренко,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-процессуального права
Северо-Западного филиала
Российского государственного университета правосудия

НАШЕ ОТНОШЕНИЕ К ИНСТИТУТУ ОСОБОГО МНЕНИЯ СУДЬИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье обосновывается позиция о законодательном закреплении необходимости исследования аргументов особого мнения судьи и их оценки вышестоящим судом наравне с доводами жалоб и представлений сторон

Ключевые слова: особое мнение судьи, разногласие судей, тайна совещательной комнаты, пересмотр судебных решений.

Elena V. Sidorenko

PhD in Law,
Chair of criminal procedure,
Russian state University of Justice

OUR ATTITUDE TO THE INSTITUTION OF A JUDGE'S DISSENTING OPINION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article substantiates the position on the legislative consolidation of the need to study the arguments of the judge's dissenting opinion and their assessment by a higher court on a par with the arguments of the complaints and submissions of the parties

Keywords: dissenting opinion of the judge, dissent of judges, secrecy of the conference room, review of court decisions.

Институт особого мнения судей является гарантией их независимости. Право на особое мнение делает судью ответственным субъектом судебного органа. «Право на особое мнение – это защита репутации судьи, сильный профессиональный стимул, психологическая гарантия, которая позволяет ощущать личную свободу и независимость, ценность собственного решения и ответственность за свой выбор» [8].

Право судьи на особое мнение «является гарантией, ограждающей свободу и независимость проявления внутреннего убеждения судьи, в случае его несогласия с мнением большинства судей коллегии» [13, с. 164]. Оно отражает субъективный вывод судьи об истинности тех или иных обстоятельств по делу, Судья, принимая решение, имеет право на самостоятельный вывод об истинности тех обстоятельств, которые установлены в ходе судебного рассмотрения уголовного дела, «о справедливости разрешения вопросов, указанных в законе. Полноценное

особое мнение – это способ защиты профессиональной чести судьи» [5, с. 27].

Нельзя не согласиться с мнением, например, И. Гизатуллина о том, что «возможность изложения особого мнения судьей в совокупности с условиями соблюдения тайны совещания судей выступает еще и как гарантия вынесения правосудного решения по уголовному делу, что является одним из важнейших критериев эффективности правосудия» [6, с. 127].

Важным вопросом является вопрос о возможности участникам уголовного судопроизводства ознакомиться с доводами судьи, имеющим иное мнение, иначе этот институт можно рассматривать как бессмысленный. Остается только чувство собственного достоинства судьи, который может официально не согласиться с мнением большинства, способ защиты его профессиональной чести, не более того. «Ведь если этого важного элемента не будет, можно вообще не придавать никакого значения этому институту» [14, с. 30].

И надо сказать, законодатель сделал всё для того, чтобы особое мнение судьи воспринималось как сомнение, высказанное судьей в совещательной комнате в ходе обсуждения результатов судебного исследования доказательств по делу. И только.

Налицо некоторая незавершённость и неопределённость законодательной регламентации особого мнения.

Недостаточная законодательная регламентация последствий особого мнения судьи влечет за собой в определенной мере его бессмысленность.

Согласно положениям статьи 307 УПК РСФСР [12] судья имел право не согласиться с мнением большинства. Судья письменно излагал своё особое мнение, которое помещалось в конверт, приобщалось к материалам уголовного дела, о нём не объявлялось, тем более никто из участников процесса не имел возможности с ним ознакомиться. Аналогичной позиции законодатель придерживался и с введением в действие УПК РФ, изложив ее в статьях 301 и 310. Причем, нормы ст. 310 УПК РФ также носили также носили скрытый характер, так как сообщать участникам процесса о наличии особого мнения судьи не требовалось.

Многие авторы справедливо полагают, что изменения в ст. 310 УПК РФ были внесены под влиянием мнения некоторых судей Конституционного Суда РФ, которые не согласились с позицией большинства при вынесении Определения Конституционного Суда РФ от 17 января 2012 г. N 174-О-О.

Конституционный Суд РФ, отказывая в принятии к рассмотрению жалобы гр. Юдина Ю. Р. о неконституционности 310 и 312 статей УПК

РФ, обосновал свой отказ тем, что «особое мнение судьи не является актом, имеющим самостоятельное значение и определяющим права и обязанности участников уголовного судопроизводства или влекущим для них какие-либо иные процессуальные последствия». «Наличие или отсутствие особого мнения судьи не ограничивает прав обвиняемого». Далее Конституционный Суд РФ разъяснил, что «суды кассационной и надзорной инстанций вправе исследовать письменно изложенное особое мнение судьи и учесть приведенные в нем доводы при оценке правосудности принятых по уголовному делу решений» [9].

Ряд судей Конституционного Суда РФ не согласились с данным определением Конституционного Суда РФ, в особых мнениях четырех судей Конституционного Суда РФ утверждалось «о необходимости проверки конституционности положений об особом мнении и внесении соответствующих изменений в УПК РФ, так как положения закона в этой части в очень высокой степени неопределенны» [9] (Особое мнение изложили судьи Конституционного Суда РФ Г. А. Гаджиев, Г. А. Жилин, С. Д. Князев, М. И. Клеандров).

В 2013 году в ст. 310 УПК РФ были введены ч. 5 и 6, в соответствии с которыми председательствующий при провозглашении приговора объявляет о наличии особого мнения судьи, и стороны имеют право с ним ознакомиться, заявив об этом ходатайство.

Кононов А. Н. справедливо полагает, что «предусмотренная законодателем возможность ознакомления с содержанием особого мнения не только осужденного и его защитника, но и прокурора, потерпевшего, его представителя, а в случае, если особое мнение судьи связано с разрешением гражданского иска, – гражданского ответчика, гражданского истца и их представителей, свидетельствует о соблюдении баланса прав стороны обвинения и стороны защиты» [7, с. 97].

Таким образом, можно было бы говорить о том, что особое мнение судьи стало достоянием гласности, «вышло из тени», перестав носить скрытый характер.

Однако положения закона в этой части продолжают оставаться неопределенными.

В ст.ст. 301 и 310 УПК РФ, указано, что «судья, оставшийся при особом мнении по постановленному приговору, вправе письменно изложить его в совещательной комнате» (ч.5 ст. 301 УПК РФ), и одновременно, закон позволяет «изготовить его не позднее 5 суток со дня провозглашения приговора и приобщить к приговору» (ч.5 ст.310 УПК РФ), тем самым мы можем предположить, что особое мнение может быть составлено в другом месте.

«Каждое судебное решение, в том числе и постановление, должно быть законным, обоснованным и мотивированным» (ч. 4 ст. 7 УПК РФ). Исходя из этого принципа уголовного судопроизводства, особое мнение судьи также должно обладать этими свойствами. Видимо поэтому статьи 301, 310 не содержат требований к этому процессуальному документу. Аналогично не разрешен вопрос о требованиях, предъявляемых к особому мнению судьи при апелляционном рассмотрении дела. Часть 2.1 ст. 389.33 УПК РФ в этом вопросе отсылает нас к ст. 301 УПК РФ.

Если особое мнение должно быть приобщено к приговору, его необходимо рассматривать как «неотъемлемую часть приговора», значит возможность изготовления его «не позднее 5 суток со дня провозглашения приговора» и где-то вне пределов совещательной комнаты вступает в противоречие с требованием о постановлении приговора в совещательной комнате (ст. 298 УПК РФ).

«Вышестоящие судебные инстанции, рассматривая жалобы или представления, в случае наличия особого мнения судьи вправе с ним ознакомиться и дать ему оценку в своем решении» [9]. Однако, во-первых, вправе, но не обязаны, а во-вторых, вышестоящие судебные инстанции не увидят этого особого мнения в случае отсутствия жалоб или представления. А ведь особое мнение – это «законное, обоснованное и мотивированное» мнение профессионала.

Поэтому, мы не согласны с авторами пособия «Практика применения Уголовно-процессуального Кодекса РФ» под редакцией В.М.Лебедева. В пособии указано, что особое мнение может не рассматриваться вышестоящими инстанциями, которые не должны давать ему оценку в своем решении. Тем не менее, ссылаясь на упомянутое Определение Конституционного Суда РФ авторы пособия признали, что вышестоящие инстанции вправе исследовать письменно изложенное особое мнение [10, с. 124-125].

По нашему мнению, особое мнение судьи безусловно должно быть поводом и предметом пересмотра судебного решения вне зависимости от наличия или отсутствия жалоб и представлений сторон.

Недостаточно говорить только о возможности высказать своё отличное мнение от мнения других судей, о самостоятельности и свободе выбора. Следует говорить о наиболее важном аргументе, связанным с опасностью судебной ошибки.

Если в особом мнении ставится вопрос о невиновности, о назначении наказания в виде пожизненного лишения свободы или иных длительных сроков лишения свободы, тем более должны быть рассмотрены его аргументы. «Здесь речь идет не о приоритете особого мнения судьи, а именно о поводе и предмете пересмотра судебного решения» [11, с. 327].

К институту особого мнения не однозначное отношение.

«Особое мнение судьи разрушает целостность судебного решения, усложняет его понимание» [1, с. 39] – утверждает, например, Басангов Д. А. Шиняева Н. полагает, что «наличие особого мнения безусловно указывает как на ослабление авторитета суда, так и на ослабление авторитета судебного решения» [15].

Противники института особого мнения полагают, что само наличие особого мнения нарушает тайну совещательной комнаты.

При изложении своего особого мнения судья не вправе указывать в нем сведения о суждениях, имевших место при обсуждении и принятии судебного решения, о позиции отдельных судей, входивших в состав суда, или иным способом раскрывать тайну совещания судей (ч.5 ст. 301 УПК РФ). Но, по мнению оппонентов данного института, «само наличие особого мнения указывает на разногласия среди судей во время обсуждения судебного решения, а из содержания особого мнения легко сделать выводы о сути разногласий» [11, с. 322].

На наш взгляд, наличие права судье выражать свое особое мнение не только не подрывает, а преумножает авторитет судебной власти. Говоря об открытости правосудия, мы, в том числе, говорим о возможности судьи высказать свое мнение, и о возможности сторонам с этим мнением ознакомиться. Мы согласны с Верещагиным А. Н., который утверждал, что «особое мнение судьи оказывает определённое влияние на общественное мнение: оценка единогласного судебного решения и решения с особым мнением будет с очевидностью различной, да и сам публично объявленный факт наличия правовых дебатов в суде для судебного сообщества и общества в целом является скорее благотворным, нежели уменьшающим авторитет судебной власти» [4].

Однако, полноценным особое мнение судьи в уголовно-процессуальном праве можно будет считать только тогда, когда будет урегулирован порядок рассмотрения особого мнения вышестоящими инстанциями. Ведь в таком случае особое мнение можно будет рассматривать не только с позиции открытости судопроизводства, а, следовательно, контроля со стороны общества, или с позиции независимости проявления внутреннего убеждения судьи, но и возможности устранения сомнений в законности и правильности вынесенных приговоров. Поэтому трудно не согласиться с мнением, например, В. М. Быкова и Н. С. Мановой, утверждающих, что «придание особому мнению судьи значения повода для проверки приговора вышестоящим судом стало бы эффективной гарантией устранения всех нарушений закона, любых сомнений в законности и правильности вынесенных приговоров» [2, с. 48-49].

Таким образом мы приходим к выводу о необходимости дальнейшего развития института особого мнения судьи в уголовном процессе, связанного с конкретизацией порядка его изложения, оформления и приобщения к материалам дела, а также законодательного закрепления нормы об обязательности проверки особого мнения вышестоящими инстанциями наравне с самим судебным решением: «Вышестоящие судебные инстанции обязаны изучить содержащиеся доводы в особом мнении и отразить в принимаемом судебном акте свое согласие с положениями, либо мотивированно опровергнуть положения особого мнения» [3, с. 183].

Список использованных источников

1. Басангов Д. А. Доктринальное конституционное толкование в деятельности Конституционного Суда РФ: дис. ... канд.юрид.наук. М., 2004.
2. Быков В. М., Манова Н. С. Особое мнение судьи: закон новый, а проблемы старые // Российская юстиция. 2014. N 1.
3. Буянецкая А. С. Институт особого мнения судьи в Российской Федерации // Актуальные проблемы гражданского судопроизводства. Материалы межвузовской научно-практической конференции. Под редакцией С.В. Потапенко. 2017.
4. Верещагин А. Н. Особые мнения в российских судах // Государство и право. 2008. № 2 // Academia.ilpp.ru (дата обращения 02.06.2022)
5. Гаджиев Г. А. Публикация особого мнения судьи, или История нормы, которая является камертоном судебной реформы в России // Законодательство и практика массмедиа. 2005. N 12.
6. Гизатуллин И. А. Особое мнение судьи по приговору в контексте реализации принципа независимости судей в российском уголовном процессе // Юридическая мысль. 2016. № 4 (96).
7. Головинская И. В. Особое мнение судьи: история, география, проблемы и их решение // Современное право. 2014. № 5.
8. Кононов А. Л. Право на особое мнение // base garant.ru (дата обращения 02.06.2022).
9. Определение Конституционного Суда РФ от 17 января 2012 г. N 174-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Юдина Юрия Рудольфовича на нарушение его конституционных прав статьями 301 и 312 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации"
10. Практика применения Уголовно-процессуального Кодекса РФ / под редакцией В. М. Лебедева (авторский коллектив судей Верховного Суда РФ). Ч. 2. М., 2016.
11. Сидоренко Е. В., Суханкина Л.И. Некоторые проблемы правового регулирования института особого мнения судьи при пересмотре судебных решений // Проверка законности и обоснованности судебных решений в уголовном процессе. Сб. материалов Всероссийской

- научно-практической конференции / Под ред. К. Б. Калиновского. Санкт-Петербург, 2021.
12. УПК РСФСР // base garant.ru (дата обращения 10.09.2020).
 13. Фадеева Е. И. Особое мнение судьи по приговору в Российском уголовном процессе: понятие, значение, порядок вынесения // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 2.
 14. Чернышев И. А. Правовые позиции Конституционного Суда России и Европейского суда по правам человека: генезис и взаимовлияние: дис. ... канд. юрид. наук. Томск. 2010.
 15. Шиняева Н. ВАС РФ начинает публиковать особые мнения своих судей // URL: <http://www.pravo.ru/news/view/55006/> (дата обращения 02.06.2022).

Н. Г. Стойко

доктор юридических наук, профессор,
кафедра уголовного процесса и криминалистики,
Санкт-Петербургский государственный университет

Н. А. Сидорова

кандидат юридических наук, доцент,
кафедра уголовного процесса и криминалистики,
Санкт-Петербургский государственный университет

М. Н. Стойко

адвокат, Адвокатская палата Санкт-Петербурга

ПРОКУРАТУРА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН И РОССИИ: ОДНОРАНГОВЫЕ И ИЕРАРХИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ

В статье рассматривается внутренняя организация и система некоторых национальных прокурорских систем. Авторы приходят к выводу, что все прокуратуры построены на началах субординации, а их системы четко можно разделить на преимущественно иерархические и преимущественно одноранговые.

Ключевые слова: национальные прокуратуры, отношения субординации, одноранговые системы, иерархические системы.

Nikolay G. Stoyko

DSc. in Law, Professor,
Department of Criminal Procedure and Criminalistics,
Saint-Petersburg State University

Nataliya A. Sidorova

PhD in Law, Associate Professor,
Department of Criminal Procedure and Criminalistics,
Saint-Petersburg State University

Mariya N. Stoiko

Attorney at Law, St. Petersburg Chamber of Advocates

PROSECUTOR'S OFFICE OF FOREIGN COUNTRIES AND RUSSIA: PEER-TO-PEER AND HIERARCHICAL SYSTEMS

The article deals with the internal organization and system of some national prosecutorial systems. The authors come to the conclusion that all prosecutor's offices are built on the principles of subordination, and their systems can be clearly divided into predominantly hierarchical and predominantly peer-to-peer.

Keywords: National Prosecutor's Offices, subordination relations, peer-to-peer systems, hierarchical systems.

Известно, что прокуратура является одной из типичных властных структур, играющих важную роль во внутригосударственной жизни практически всех стран мира (за редким исключением). При этом деятельность национальных органов (учреждений) прокуратуры характеризуется в большинстве случаев функциональной однородностью, поскольку концентрируется преимущественно на сфере уголовной юстиции (хотя это и далеко не всегда так для некоторых стран) [4, с. 6-20].

Иначе обстоит дело, когда речь идет об институциональной организации прокуратур. В данном отношении можно говорить о двух существенно различающихся формах такой организации, выраженных в одноранговом или иерархическом построении [8, с. 149] прокурорских систем.

В самом общем виде одноранговая система органов прокуратуры представляет собой ряд автономных властных структур, имеющих общий координирующий центр, координационные связи между собой (с незначительными проявлениями отношений подчинения) и четкой внутренней субординацией. Иерархическая система прокурорских учреждений организована иначе: центральная власть и подчиненные ей нижестоящие властные структуры (подчинение общим целям деятельности, не исключающее отношений координации), устроенные на началах субординации, но не обладающие сколь-нибудь значимой автономией в принятии решений («пирамидальная» система). То есть одноранговая система прокуратуры предполагает автономность и децентрализацию, а иерархическая – зависимость и централизацию.

Используя в качестве критериев одноранговость и иерархичность, можно выделить две группы национальных прокурорских систем.

Например, иерархической системой являются органы прокуратуры таких стран как Франция, Германия и Россия, а одноранговой – таких стран как США, Англия и Уэльс.

В тоже время, с точки зрения принципа разделения властей, а также в определенной мере внутренних отношений, их положение определяется по разному.

Так, во Франции и в Германии прокуратуру относят к квазисудебным органам (не суд и не исполнительная власть), который выполняет роль «руки правосудия» или «помощника суда» [1, с. 67-68; и др.]. В России прокуратуру склонны считать органом исполнительной власти, правда, имеющим особый статус, связанный с осуществлением ею функции надзора за другими исполнительными властными структурами и правоохранительной (правозащитной) функции [7, с. 152-154].

В Англии и Уэльсе и в США прокуратура (служба уголовных преследований и атторнейская служба соответственно) – это исполнительно-распорядительные органы, положению которых (в сравнении с другими) не придается особое значение. В уголовном судопроизводстве они имеют функции, близкие тем, которые есть у органов прокуратуры других стран.

Общим для всех вышеназванных национальных органов прокуратуры является наличие четко выраженной внутренней субординацией (принцип подчинения нижестоящих прокуроров вышестоящим). Вместе с тем, в США, Англии и Уэльсе, а также во Франции его действие в какой-то мере (пусть и незначительно) ослаблено. Сказанное объясняется тем, что сотрудники Королевской службы уголовных преследований, равно как и американские атторнеи, являются частью общего для всех юридических профессий соответствующих стран сословия, а французские прокуроры – частью магистратского сословия (вместе с судьями они образуют судейский корпус, назначаются на должность Президентом Республики и могут быть переведены в категорию судей) [см. подробнее: 8, с. 151-152].

Итак, отношения внутри органов прокуратуры всех сравниваемых стран являются типично иерархическими (в силу авторитарной природы их деятельности), вертикально интегрированными по принципу подчинения нижестоящих сотрудников вышестоящим.

Органы прокуратуры всех рассматриваемых стран, за исключением США и Германии, представляют собой единые, централизованные в масштабах государства системы.

Английская Королевская служба уголовных преследований (создана по Закону о преследовании правонарушений 1985 г.) несет ответственность за преследование от имени государства лиц, совершивших преступления. Ее возглавляет директор публичных преследований, который подотчетен парламенту и генеральному атторнею [2, с. 49-50; 6, с. 496-497]. Всего существуют 14 региональных органа обвинения, руководимых главными королевскими преследователями. В их составе работают королевские преследователи, назначаемые на должность директором публичных преследований (Criminal Prosecution Service UK Website [Официальный сайт Королевской службы уголовных преследований]. URL: <https://www.cps.gov.uk/about-cps/cps-areas-cps-direct-cps-central-casework-divisions-and-cps-proceeds-crime> (дата обращения: 02.11.2022).

Иначе говоря, Королевская служба преследований является централизованной в масштабах государства организацией, обладающей четко выраженной иерархией.

Прокуратура США представляет собой систему атторнейских служб, организованную на трех уровнях – федеральном, отдельных штатов и местном, на каждом из которых органы прокуратуры действуют независимо друг от друга (в рамках предоставленных им полномочий). Основные функции американской прокуратуры – обеспечение реализации законодательства на практике, расследование уголовных дел, представление интересов соответствующего уровня власти в судах и руководство исполнением наказаний. Взаимоотношения атторнейских служб разного уровня построены на принципе координации и сотрудничества в сочетании с разделением их предметной и территориальной юрисдикции, основанной на соответствующем законодательстве (США, штатов и местных органов власти) [9, с. 299-302; и др.].

Иначе говоря, в США существует три автономных системы органов прокуратуры.

При этом федеральная атторнейская служба США является единой системой органов, действующей на территории всей страны (по федеральным округам) на началах централизации, основанной на принципах назначения на должность и субординации. Аналогично организована (на тех же началах и принципах) атторнейская служба штатов (исключение составляет принцип выборности высших должностных лиц, характерный для большинства штатов). Местные атторнейские службы единой системы не образуют, они подконтрольны органам власти на местах, автономны по отношению друг к другу и независимы от атторнейской службы штата, на территории которого находятся.

Прокуратура в Германии подразделяется на федеральную прокуратуру и прокуратуры земель (субъектов федерации). Это две автономные системы органов, не соподчиненных друг с другом (федеральная прокуратура не стоит выше прокуратуры земли, глава которой не может быть назначен федеральными властями). Сказанное означает, что в Германии нет единой централизованной государственной прокуратуры, а взаимоотношения федеральной прокуратуры и прокуратуры земель (как и между ними) строятся на началах координации. Естественно, роль координирующего центра играет федеральная прокуратура [1, с. 65-67; 10, с. 111-112].

Прокуратура во Франции представляет собой единую централизованную, иерархическую систему, основанную на началах подчинения нижестоящих прокуроров вышестоящим. Главой прокуратуры является министр юстиции, который осуществляет общее руководство прокурорами и может давать им указания по конкретным делам [3, с. 135-147].

Российская прокуратура также является единой и централизованной в масштабах всего государства. Возглавляется она Генеральным прокурором РФ, назначаемым на должность Советом Федерации по представлению Президента РФ, и в свою очередь назначающим на должность остальных прокуроров, находящихся у него в подчинении [5, с. 40-49; и др.]. Иначе говоря, это иерархическая система федеральных органов, построенная (в целом) с учетом административно-территориального деления страны.

Таким образом, типично одноранговой трехуровневой системой является система органов прокуратуры США, муниципальный уровень которой характеризуется одноранговостью, а уровень штатов и федерации – иерархичностью; одноранговой двухуровневой – прокуратура Германии, федеральный и земельный уровни которой иерархически устроены. Типично иерархические системы, централизованные на общегосударственном уровне, – английская служба уголовных преследований, французская и российская прокуратуры. Французские судебные органы предварительного следствия образуют двухуровневую иерархию, построенную по принципу инстанционности, где каждый уровень относительно автономен и вторая инстанция может пересматривать решения первой инстанции.

Список использованных источников

1. Бойльке В. Уголовно-процессуальное право ФРГ. Красноярск, 2004.
2. Барабанов П. К. Уголовный процесс в Великобритании. М., 2015.
3. Барабанов П. К. Уголовный процесс Франции. М., 2016.
4. Додонов В.Н. Прокуратуры зарубежных стран. М., 2006.
5. Кириллова Н.П. Прокурорский надзор. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2022.
6. Правоохранительные органы / под редакцией Н. П. Кирилловой, И. И. Лодыженской, Н. Г. Стойко. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2022.
7. Рохлин В. И. Прокурорский надзор и государственный контроль: история, развитие, понятие, соотношение. СПб., 2003.
8. Стойко Н. Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем. СПб., 2006.
9. Стойко Н. Г. Система правоохранительных органов США // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета: материалы конференций 2020—2021 годов. М., 2021.
10. Уголовный процесс европейских государств: монография / под ред. В.И. Самарина, В.В. Луцка. М., 2018.

Э. С. Токторов

кандидат юридических наук, доцент,
Ректор Ошского государственного юридического института, (Кыргызстан)

З. Т. Хамидова

кандидат политических наук, доцент Кыргызско-Казахского университета,
(Кыргызстан)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ В ХОДЕ ОПЕРАТИВНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СЛЕДСТВИЯ

В представленной статье авторами анализируются тактические особенности организации взаимодействия следователя и оперативных сотрудников. Авторы приходят к заключению, что при планировании и реализации оперативно-тактических комбинаций данный вид взаимодействия наиболее важен для успешного производства следствия, так как процесс получения значимой для следствия информации, практически полностью основан на проведении оперативно-розыскных мероприятий, планировании и последующей реализацией оперативно-тактических комбинаций, способствующих оптимизации процесса расследования. Авторы полагают, что при планировании расследования преступления и организации взаимодействия тактически правильно уделить внимание планированию и разработке совместных оперативно тактических комбинаций при проведении оперативного сопровождения или обеспечения следствия, так как очень часто возникают организационные, тактические проблемы законности собирания и приобщения доказательств, полученных оперативным путем и их последующей трансформации в процессуальные доказательства.

Ключевые слова: оперативное обеспечение следствия; оперативное сопровождение следствия; органы дознания; уголовный процесс; судебное разбирательство; результаты оперативно-розыскной деятельности, тактические комбинации; предварительное расследование.

Egemberdi.S. Toktorov

PhD in Law, Associate Professor
Rector Osh State Law Institute (Kyrgyzstan)

Zulfiya T. Khamidova

Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Kyrgyz-Kazakh University (Kyrgyzstan)

INTERACTION BETWEEN THE INVESTIGATOR AND THE BODIES OF INQUIRY IN THE COURSE OF THE OPERATIONAL SUPPORT OF THE INVESTIGATION

In the presented article, the authors analyze the tactical features of the organization of interaction between the investigator and operational officers. The authors come to the conclusion that when planning and implementing operational-tactical combinations, this type of interaction is most important for the successful conduct of the investigation, since the process of obtaining information significant for the investigation is almost entirely based on conducting operational-search activities, planning and subsequent implementation of operational-tactical combinations that help optimize the investigation process. The authors believe that when planning the investigation of a crime and organizing interaction, it is tactically correct to pay attention to the planning and development of joint operational tactical combinations when conducting operational support or ensuring the investigation. Since very often there are organizational, tactical problems of the legality of collecting and attaching evidence obtained by operational means and their subsequent transformation into procedural evidence.

Keywords: operational support of the investigation; operational support of the investigation; bodies of inquiry; criminal process; trial; results of operational-search activities, tactical combinations; preliminary investigation.

Анализируя тактические особенности взаимодействия следователя и оперативных сотрудников, можно прийти к заключению, что данный вид взаимодействия наиболее распространен и важен для успешного производства следствия, так как процесс получения значимой для следствия информации практически полностью основан на проведении оперативно-розыскных мероприятий, планировании и последующей реализацией оперативно-тактических комбинаций, способствующих оптимизации процесса расследования. По своему характеру, сущностному содержанию и механизму практической реализации, существующие организационные формы совместной деятельности указанных должностных лиц являются процессуальными, так как основаны на нормах уголовно-процессуального законодательства, то есть проявляются в виде процессуальных отношений. При расследования преступления и орга-

низации взаимодействия соответствующих должностных лиц тактически правильно уделить внимание планированию и разработке совместных оперативно-тактических комбинаций (при проведении оперативного сопровождения или обеспечения следствия по делам той или иной категории), поскольку очень часто возникают проблемы законности приобщения доказательств, полученных оперативным путем и их последующей трансформации в процессуальные доказательства. Процедура трансформации результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в доказательства и их последующее использование в уголовно-процессуальном доказывании представляет собой одну из актуальных проблем [1, с. 78].

Сложность осуществления ОРД по данным делам обусловлена рядом проблем правового, методического, организационного, технического характера:

1) проблемой тактики производства оперативно-розыскных мероприятий;

2) проблемой приобщения результатов ОРД, в процессе предварительного следствия;

3) проблемой понимания содержательной стороны результатов, проблемой возведения их в статус доказательств по уголовному делу [2, с. 7].

В теоретических исследованиях и практических рекомендациях, классической формой субъективного взаимодействия в ходе производства расследования, считается, как правило, совместная деятельность субъектов производства следствия и органов дознания, непосредственно осуществляющих оперативное обеспечение следствия. Именно эти две категории и являются основными субъектами уголовного судопроизводства в соответствии с содержанием ст. 34, 37. УПК Кыргызской Республики (УПК КР). Вместе с тем, согласно п. 1 ч. 1 ст. 37 УПК КР [3, с. 37], к органам дознания относятся, и органы внутренних дел Кыргызской Республики, а оперативные подразделения отдельных управлений, являются составной частью органов внутренних дел. Поэтому следователи при расследовании преступлений требующих оперативного обеспечения должны взаимодействовать именно с сотрудниками данных подразделений (в силу специфики их компетенций и оперативных возможностей).

Практика показывает, что в ходе производства расследования по делам, требующим оперативного обеспечения или сопровождения, практическое взаимодействие субъектов производства следствия с сотрудниками оперативных подразделений, обеспечивающих оперативное сопровождение следствия, реализуется в рамках следующих организационных форм, востребованных:

1) для выяснения всех обстоятельств, подлежащих доказыванию и установлению фактов значимых по делу;

2) в случае необходимости реализации специальных следственных действий субъект производства следствия выносит ходатайство перед следственным судьей, с последующим уведомлением прокурора (п. 2 ст. 212 УПК КР);

3) для реализации постановления следователя, о задержании субъекта, совершившего преступление или проступок с целью фактического ограничения свободы передвижения (п. 1, 2 ст. 98 УПК КР);

4) для обеспечения производства следствия и специальных следственных действий (п. 3 ст. 98 УПК КР);

5) для установления места нахождения подозреваемого или разыскиваемого субъекта по отдельному поручению (п. 1 ст. 239 УПК КР).

В ходе анализа практической деятельности сотрудников оперативных подразделений установлено, что при производстве следствия по делам, требующим оперативного обеспечения или сопровождения, используются все вышеперечисленные формы взаимодействия.

По мнению авторов, все перечисленные формы взаимодействия актуальны и содержательны, но в силу специфики и задач ОРД более тщательного внимания заслуживает содержание последней. Данная форма взаимодействия субъекта расследования и органов дознания «заложена» в содержание оперативного обеспечения следствия, определяемого п. 1, 2 ст. 239 УПК КР: «при неизвестности места нахождения подозреваемого, обвиняемого следователь поручает производство розыска органам дознания», для чего следователем выносится отдельное постановление. Практическая реализация взаимодействия в рассматриваемой форме инициируется с момента фактического получения оперативными сотрудниками постановления следователя о розыске обвиняемого, подозреваемого субъекта или постановления о приостановлении (возобновлении) досудебного производства, а прекращается с момента установления и задержания разыскиваемых субъектов. Как в теории уголовного процесса, так и в практике оперативно-розыскной деятельности термин «розыск» имеет разное смысловое значение (хотя и одинаковое в содержательном плане). Авторами интерпретируется содержание термина «розыск» в расширенных границах толкования, как розыскная деятельность, предназначенная для установления и собирания значимых для расследования доказательств. В границах конкретного понимания термина «розыск» речь идет о практическом установлении субъекта, объекта, значимых для производства расследования по аутентичным харак-

терным признакам. При этом важно четко понимать, что термин «розыск» по своему содержанию подразумевает комплекс всех специальных следственных действий, установленных уголовно-процессуальным законом, и всех оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных оперативно-розыскным законодательством. В анализируемых паритетных нормах растолковывается определение рассматриваемого термина в сугубо узком специализированном формате, в связи с тем, что конкретизируется объект розыска, а именно подозреваемый или обвиняемый. Основываясь на содержании п. 1 ст. 98 и п. 1 ст. 239 УПК КР, можно прийти к заключению, что основным инициатором процесса розыска является субъект производства следствия, а именно сам следователь, в том числе и в случаях, когда производство розыска поручается следователем сотрудникам оперативных подразделений МВД. Дело заключается в том, что следователь обременен функцией осуществлять постоянный контроль над процессом розыска (осуществляет следственные действия, дает поручения, направляет запросы, требования). В пределах анализируемой формы организационного взаимодействия специализированные службы по борьбе с экстремизмом и нелегальной миграцией, обязаны в силу своей компетенции осуществлять контроль и руководить деятельностью оперативно-розыскных служб своего ведомства. Быстрота и результативность розыска субъекта, представляющего интерес, как для следствия, так и для оперативно-розыскной деятельности практически полностью находится в зависимости от четкости планирования организационного взаимодействия субъекта производства следствия со специальными оперативными подразделениями. Реализации данного положения в полной мере содействует полноценный и постоянный обмен следственно значимой информацией, собранной следователем в рамках производства следствия, а специальными оперативными службами - в процессе оперативного обеспечения расследования преступления.

Наглядной иллюстрацией качественного практического взаимодействия субъекта производства следствия с оперативными службами при выявлении лиц, подозреваемых в совершении преступления и в процессе реализации розыскных мероприятий является пример из материалов расследованных уголовных дел УВД г. Ош.

04.01.2016 г. неизвестными лицами с применением огнестрельного оружия было совершено нападение на экипаж вневедомственной охраны УВД г. Ош, в результате которого погибли два сотрудника милиции. В ходе нападения были похищены два автомата АК-74, 8 магазинов с патронами к автомату, портативная радиостанция «Моторола». По данному факту было возбуждено уголовное дело. С целью

раскрытия данного преступления была создана следственно-оперативная группа, в состав которой были включены сотрудники управления по борьбе с экстремизмом и нелегальной миграцией МВД Кыргызской Республики. Через средства массовой информации до жителей Ошской и Джалал-Абадской областей была доведена информация о том, что преступники, совершившие указанное преступление, скрылись с места происшествия на автомашине «ДЭУ» серого цвета. Спустя несколько дней в органы внутренних дел от жителей поступило телефонное сообщение о том, что на расстоянии 45 км от г. Ош в Ноокатском районе в поле обнаружена сгоревшая автомашина указанной марки. Сотрудниками ЭКЦ были восстановлены номера автомобиля, что позволило идентифицировать автомашину и через ее владельца установить подозреваемых в совершении убийства сотрудников милиции. Ими оказались – Абдуллаев Хамидилло Пазылович, 1970 г.р., житель г. Ош, и его родственники. В ходе розыска Абдуллаева Х. была получена информация, о том, что он и еще два человека (предположительно его родственники) выехали за пределы области. В результате проведенных оперативных мероприятий в границах Ошской и Джалал-Абадской областей управлением по борьбе с экстремизмом и нелегальной миграцией МВД Кыргызской Республики были задержаны и привлечены к уголовной ответственности активные члены подпольной ячейки религиозно-экстремистской организации "Хизб-ут-Тахрир".

Из приведенного выше примера отчетливо видно, что эффективность продуманного взаимодействия между субъектом производства следствия и специализированными подразделениями в виде оперативных служб весьма велика и в настоящих условиях противодействия преступности развивается не только на практике, но и в нормах действующего процессуального и оперативно-розыскного законодательства. Но при этом могут быть использованы лишь те результаты специальных следственных действий, которые получены с соблюдением требований норм уголовного процесса. При этом ст. 223, 260 УПК КР подразумевает, что прослушивание переговоров осуществляется на основании постановления следственного судьи, путем рассмотрения данного вопроса следственным судьёй с участием прокурора, следователя, должностного лица органов дознания в судебном заседании по месту проведения специальных следственных действий, а срок действия самого постановления следственного судьи не может превышать двух месяцев (ст. 228 УПК КР). Проникновение и обследование нежилого помещения или иного владения лица так же осуществляется на основании судебного решения, которое предусматривает в случае оперативной необходимости,

возможность проведения указанных специальных следственных действий исключительно на основании ходатайства следователя перед следственным судьей и уведомлением прокурора, а в случаях не связанных с процессуальными ограничениями (в соответствии с оперативно-розыскным законодательством) путем ведомственного или судебного санкционирования. Обобщая теоретические и практические материалы в исследовании вопроса оптимизации оперативного обеспечения и сопровождения расследования преступления, можно прийти к выводу, что качество организационного взаимодействия субъекта производства следствия с органами дознания при производстве расследования достигается, как исполнением уголовно-процессуальных норм, лежащих в правовой основе взаимодействия, так и подчинением целому ряду ограничений, вытекающих из иных правовых актов, регламентирующих следственную и оперативную работу [1, с. 44]. В данном случае имеется в виду оперативно-розыскное законодательство, содержание которого в настоящее время входит в достаточно серьезные противоречия с действующим уголовно-процессуальным кодексом.

По нашему мнению, можно говорить (с учетом требований законодательства и результатов изучения материалов следственной и оперативной практики) о противоречиях, вытекающих из:

1) практической реализации плана организационного взаимодействия следователя и оперативных сотрудников в пределах их компетенций (субъект производства следствия не уполномочен по отношению к оперативным органам требовать исполнения следственных и других действий, выходящих за рамки оперативно-розыскных обязанностей, в том числе исполнения поручений, выполнение которых вменено законом только субъекту производства следствия);

2) наличия процессуальных норм, предполагающих тайну следствия и производства оперативной деятельности (недопустимость разглашения следователем и оперативным сотрудником следственной информации, тактики и особенностях производства ОРМ, в том числе информации об обстоятельствах совершения преступления, установленных в ходе производства предварительного следствия);

3) наличия практической необходимости совместного планирования и регулирования всех этапов производства следствия при организации взаимодействия между следователем и субъектами оперативной деятельности по месту и времени, а также способам закрепления доказательств по результатам совместной деятельности;

4) необходимости постоянного и своевременного получения собранной следственной информации и обоюдного обмена имеющимися

результатами в рамках взаимодействия по производству следственных и специальных действий согласно требованиям уголовно–процессуального закона.

Эффект взаимодействия возникает тогда, когда взаимодействующие стороны для решения общей задачи используют различные приемы, способы, средства и методы в практической реализации их персональной деятельности. При этом все субъекты взаимодействия должны соотносить результаты своей деятельности с конечной целью, которая заключается в формировании качественной, достаточной доказательственной базы и своевременном, объективном расследовании события преступления. От этого должна зависеть оценка субъективных действий взаимодействующих сторон, а в конечном итоге достижение намеченных результатов деятельности всех участников взаимодействия.

Следственная и оперативная практика, связанная с расследованием преступлений, требующем оперативного сопровождения или обеспечения, выявила ряд характерных признаков и условий, влияющих на эффективность организационного взаимодействия следователя и оперативных сотрудников:

- 1) фильтрационные, предупредительные, профилактические меры, принимаемые с целью защиты от возможных проявлений всех форм криминальной активности;
- 2) моральные, нравственные устои, сложившиеся бытовые отношения и социальное разделение населения;
- 3) региональные природные условия и особенности этнического состава населенного пункта, в котором производятся оперативно–розыскные действия;
- 4) мотивация, цель и способы действия криминальных субкультур, особенности их тактики и их предполагаемые возможности;
- 5) ментальность, степень интеллекта и психологические особенности членов экстремистской группы, уровень религиозного фанатизма, способность к социальной адаптации.

Следственная и оперативная практика по делам, требующим оперативного обеспечения при расследовании преступлений, подтверждает тот факт, что субъектами взаимодействия при производстве расследования преступлений, являются следователи и оперативные сотрудники того органа, которым были выявлены признаки расследуемого события преступления, а также специальные субъекты в лице сотрудников специализированных управлений управления МВД Кыргызской Республики. Данное обстоятельство обусловлено границами персональных компетенций участников расследования по рассматриваемой категории

уголовных дел и спецификой выполнения своих функциональных обязанностей субъектами взаимодействия расследования преступления, в части производства оперативного обеспечения следствия [4].

Анализ следственной и оперативной практики позволяет автору, сделать следующие выводы.

1. Отсутствие надлежащего взаимодействия в ходе расследования преступлений данной категории, между следователем и оперативным сотрудником, приводит к тому, что в ряде уголовных дел своевременно не были выявлены факты, недопустимого воздействия на участников уголовного судопроизводства, как со стороны подозреваемых, обвиняемых, так и со стороны иных лиц, заинтересованных в исходе дела (в результате свидетелями и потерпевшими были даны ложные показания либо их показания были существенно изменены еще в ходе следствия или в процессе судебного разбирательства.

2. Раскрытие, расследование и рассмотрение дел, требующих оперативного обеспечения и сопровождения, безусловно, отличается организационной сложностью, а характер криминальных проявлений не позволяет должным образом организовать работу с ними органам предварительного расследования, восполнить организационные, тактические и методические пробелы.

3. В правоприменительной практике не предусмотрены четкие ограничения по проведению совместных следственных действий в период взаимодействия следователя и органов дознания по оперативному сопровождению следствия. Их основу составляют совместно спланированные в рамках организационного взаимодействия оперативно–тактические комбинации, приемы и методы производства следствия.

Список использованных источников

1. Сайфутдинов Т. И. Учебник Теория оперативно-розыскной деятельности. Ч. 2. Бишкек, 2017.
2. Паненков А. А. Проблемы оптимизации правоохранительной (оперативно-розыскной, уголовно-процессуальной и судебной деятельности) в Северо-Кавказском Федеральном округе (на материалах Чеченской республики) // Военно-юридический журнал. 2011. № 7.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 года № 20 (в редакции Закона КР от 15 мая 2019 года № 62). Ст. 34-37.
4. Сайфутдинов Т. И. Современные проблемы криминалистической методики расследования отдельных видов и групп преступлений // Журнал «Известия вузов КЫРГЫЗСТАНА». 2018. № 1.

Р. М. Хуснутдинов,

старший преподаватель кафедры
уголовно-правовых дисциплин
Ижевского института (филиала) Всероссийского
государственного университета юстиции

ПРЕДЕЛЫ РЕСТИТУЦИИ ЦЕННЫХ БУМАГ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Рассмотрено значение и законодательное закрепление реституции в действующем УПК РФ. Обозначены основные дискуссионные вопросы, раскрыто основное содержание реституции в уголовном судопроизводстве. Поставлен вопрос о допустимости и особенностях реституции документальных ценных бумаг, признанных вещественными доказательствами по уголовному делу. Обосновано наличие системной связи между реституцией в уголовном судопроизводстве и гражданско-правовыми нормами о защите права собственности. Обосновано, что реституция в уголовном судопроизводстве имеет объективные пределы, одним из которых выступает невозможность изъятия ценных бумаг у добросовестного приобретателя, когда их истребование от данного лица исключено в силу специальных норм гражданского законодательства о ценных бумагах.

Ключевые слова: уголовный процесс, реституция, имущественный ущерб, вещественное доказательство, ценные бумаги

Rashid M. Khusnutdinov

Senior Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines,
Izhevsk Institute of the Russian St. University of Justice

LIMITS OF RESTITUTION OF SECURITIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The significance and legislative consolidation of restitution in the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation is considered. The main debatable issues are outlined, the main content of restitution in criminal proceedings is revealed. The question is raised about the admissibility and features of the restitution of documentary securities recognized as material evidence in a criminal case. The existence of a systemic connection between restitution in criminal proceedings and civil law norms on the protection of property rights is substantiated. It is substantiated that restitution in criminal proceedings has objective limits, one of which is the impossibility of seizing securities from a bona fide purchaser, when their recovery from this person is excluded due to special norms of civil legislation on securities.

Keywords: criminal procedure, restitution, property damage, material evidence, securities.

Существование и применение различных уголовно-процессуальных форм возмещения причиненного имущественного вреда продиктовано интересами защиты имущественных прав лиц, которым вред причинен в результате совершения преступления. Многими исследователями отмечаются преимущества реституции перед другими формами возмещения причиненного преступлением имущественного вреда. Авторами отмечается, что реституция это «наиболее приемлемый для пострадавшего способ имущественной защиты» [1, с. 28], «обеспечивает быстрое, полное и своевременное восстановление имущественных прав потерпевшего» [2, с. 126], является «наиболее оптимальной и удобной формой возмещения вреда» [13, с. 56], «наиболее простым и вместе с тем наиболее эффективным способом (путем) возмещения причиненного преступлением материального ущерба» [8, с. 50], «наиболее эффективным средством обеспечения выполнения российским уголовным судопроизводством своего назначения по защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений» [15, с. 104] и т.д. Значение, придаваемое реституции в доктрине уголовного процесса, ставит вопрос об особенностях применения данного уголовно-процессуального механизма к таким сложным и специфическим объектам права как ценные бумаги.

Современные ученые-процессуалисты продолжают разработку проблем содержания реституции [2, с. 122-123; 3, с. 154-158 и др.], ее природы (уголовно-правовой и уголовно-процессуальной) [2, с. 124; 7, с. 42-43 и др.], пределов, условий и порядка применения [2, с. 126-131; 3, с. 159; 6, с. 112-113 и др.], соотношения с другими формами и способами защиты прав лиц, потерпевших от преступления [4, с. 9; 7, с. 47; 13, с. 102-103].

Действующий УПК РФ не содержит понятия «реституция», хотя и предусматривает процессуальный механизм, традиционно связываемый в российском уголовном судопроизводстве с этой формой возмещения причиненного преступлением имущественного вреда. Согласно ч. 3 ст. 81 УПК РФ при вынесении приговора, а также определения или постановления о прекращении уголовного дела должен быть решен вопрос о вещественных доказательствах. При этом деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления, и доходы от этого имущества подлежат возвращению законному владельцу (п. 4 ч. 3 ст. 81 УПК РФ). Закон содержит и ряд других положений, системно связанных с реституцией в уголовном судопроизводстве.

Обобщая доктринальные воззрения, а также принимая во внимание положения действующего УПК РФ, во всяком случае можно согласиться с тем, реституция возможна в отношении вещественных доказательств и представляет собой «восстановление материального положения потерпевшего путем возвращения ему вещей или иных материальных ценностей, непосредственно утраченных в результате преступления» [3, с. 155].

А. Е. Сумин на основе анализа видов преступных посягательств на рынке ценных бумаг пришел к выводу о возможности «ценной бумаги выступать как предметом, так и средством преступления» [12, с. 8]. Такое суждение представляется обоснованным, так как ценные бумаги выступают в качестве ценного, оборотоспособного имущества и, таким образом, могут быть предметом хищений и других корыстных преступлений. В. В. Хилюта, рассмотрев отдельно документарные и бездокументарные ценные бумаги, приходит к выводу, что «документарная ценная бумага является предметом хищения, ибо она представляет собой, прежде всего, документ, материальный носитель, воплощённый в бумаге» [14, с. 186], тогда как бездокументарные ценные бумаги «нельзя считать предметом хищения», поскольку они «не являются вещами» и их «следует относить к иному имуществу в системе объектов гражданских прав» [14, с. 219-220]. Не вдаваясь в дискуссию об особенностях уголовно-правовой охраны ценных бумаг в зависимости от формы их выпуска, заметим, что выявленное В. В. Хилютой различие между документарными и бездокументарными ценными бумагами имеет существенное уголовно-процессуальное значение.

Учеными-процессуалистами проведена теоретическая разработка понятия «вещественные доказательства», сформулированы различные мнения относительно особенностей вещественных доказательств. Одни авторы говорят о «признаках», другие выделяют «свойства, качества и признаки вещественных доказательств» [5, с. 38–63]. Несмотря на все многообразие понятий и признаков вещественных доказательств, не вызывает сомнений, что понятие «вещественного доказательства» теснейшим образом связано с наличием вещи, физического предмета, объекта материального мира.

Бездокументарные ценные бумаги в материальном смысле существуют в виде учетных записей на лицевых счетах в реестре владельцев бездокументарных ценных бумаг или в случае учета в депозитарии – учетных записей на счетах депо. Причем в отличие от документальных ценных бумаг, у которых закрепленные бланком ценной бумаги права

неразрывно связаны с самим этим бумажным бланком, у бездокументарных ценных бумаг изъятие документов реестра или депозитария не влечет изъятие самих бездокументарных ценных бумаг. И, напротив, распоряжение бездокументарными ценными бумагами не влечет изъятие учетных записей о них, хотя и осуществляется на основе «старых» учетных записей путем формирования «новых». Не вызывает сомнений способность учетных записей о бездокументарных ценных бумагах, а также электронных носителей информации, на которых эти учетные записи размещаются, нести доказательственную информацию и выступать в качестве источника доказательств, но не самих ценных бумаг, выпускаемых в бездокументарной форме.

В связи с этим, бездокументарные ценные бумаги едва ли могут признаваться вещественными доказательствами в уголовном судопроизводстве, тогда как документарные ценные бумаги, являясь предметом преступного посягательства или имея иную связь с событием преступления, могут выступать в качестве материального предмета, несущего на себе следы преступления, обладают в качестве источника доказательственных сведений свойством незаменимости и на этом основании должны признаваться вещественным доказательством по уголовному делу.

Возможно ли применение реституции ценных бумаг, явившихся предметом преступного посягательства, обнаруженных и изъятых при проведении предварительного расследования, а затем признанных вещественными доказательствами по уголовному делу? Имеет ли такая реституция свои особенности?

Современная судебная практика отвечает на первый вопрос положительно, на второй вопрос – отрицательно. Так, постановлением Пресненского районного суда г. Москвы от 31 июля 2020 года в порядке исполнения приговора разрешен вопрос по вещественным доказательствам, снят арест с ценных бумаг, признанных вещественными доказательствами по делу, и они возвращены потерпевшему В. По обстоятельствам уголовного дела ценные бумаги были не только похищены у потерпевшего В. осужденным Киселевым, но и были последним проданы юридическим лицам, которые не имели оснований сомневаться в праве продавца (осужденного Киселева) продавать ценные бумаги, а впоследствии возражали против возвращения ценных бумаг потерпевшему В. При рассмотрении данного вопроса Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отклонила довод о наличии спора о принадлежности ценных бумаг и невозможности рассмотрения вопроса о вещественных доказательствах в порядке главы 47 УПК РФ, а также о том, что судам следовало руководствоваться положениями

п. 6, а не 4 ч. 3 ст. 81 УПК РФ. Высшая судебная инстанция указала, что «вывод о добросовестности приобретателей акций... находится в противоречии с положениями ст. 302 ГУ РФ, в силу которой право собственности потерпевшего на имущество, выбывшее из его владения в результате преступных действий, сохраняется» (кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.07.2021 № 5-УД21-51-К2).

С таким подходом едва ли возможно согласиться.

Несмотря на критику некоторыми авторами конструкции п. 4 ч. 3 ст. 81 УПК РФ, предусматривающей возврат вещественных доказательств «законному владельцу», а не «потерпевшему» [10, с. 115], в целом формулировка «законный владелец» как получатель вещественного доказательства в результате применения реституции находит поддержку у исследователей, например, В.И. Баловнева отмечает, что «применение реституции возможно, если собственник может подтвердить свое право собственности на утраченное им имущество» [2, с. 131].

В. Я. Понарин справедливо заметил, что реституция в уголовном судопроизводстве «предполагает разрешение гражданско-правового вопроса о праве собственности» [9, с. 46-47] и, более того, указал, что «по своей юридической природе... реституция действительно тяготеет к виндикационному иску» [9, с. 44].

В связи с изложенным, очевидна системная связь между реституцией в уголовном судопроизводстве и гражданско-правовыми нормами о защите права собственности. Затруднений, однако, как правило, это не вызывает, поскольку собственник, у которого похитили вещь, с точки зрения гражданского законодательства не считается утратившим право собственности на эту вещь, в том числе в случае ее перепродажи лицу, которое приобретет эту вещь возмездно и не будет иметь оснований сомневаться в законности своего приобретения (на момент покупки). Судебная и следственная практика содержит значительное число примеров изъятия похищенных вещей у приобретателей, признания этих вещей вещественными доказательствами по уголовному делу с последующей их передачей в порядке реституции потерпевшему. По этому поводу С.А. Александров замечает, что «выполнение требования закона о возвращении собственнику или владельцу вещей, ставших предметом противоправного посягательства, не вызывает затруднений, когда эти вещи обнаружены у субъекта преступления, точно также как и при нахождении у добросовестного приобретателя» [1, с. 28]. Любопытно, что автор из этого положения видит несколько исключений; в

частности, по мнению автора, исключения составляют «предметы, реализованные в установленном для исполнения в судебных решениях порядке (подлежат возврату добросовестному приобретателю)» [1, с. 28].

Указанная системная связь между уголовным судопроизводством и гражданским законодательством настоятельно требует учитывать при применении реституции ценных бумаг в уголовном судопроизводстве закрепленные в гражданском законодательстве нормы об особенностях истребования документарных ценных бумаг от добросовестного приобретателя (ст. 147.1 ГК РФ). Данные нормы отражают свойство публичной достоверности ценных бумаг, означающее «автономность и независимость прав держателя ценной бумаги от прав его предшественника» [16, с. 41] и образуют исключение из общих правил виндикации. По общим правилам из числа добросовестных приобретателей исключаются не только лица, которые знают о незаконности своего владения, но и лица субъективно добросовестные, приобретшие имущество, которое «утеряно собственником или лицом, которому имущество было передано собственником во владение, либо похищено у того или другого, либо выбыло из их владения иным путем помимо их воли» (п. 1 ст. 302 ГК РФ), тогда как в рамках оборота ценных бумаг недобросовестность приобретателей понимается только в субъективном смысле.

В действующем УПК РФ сделана попытка учета данных особенностей материально-правового режима ценных бумаг. Попытка как нам представляется не самая удачная. В ч. 2 ст. 116 УПК РФ закреплено, что «не подлежат аресту ценные бумаги на предъявителя, находящиеся у добросовестного приобретателя». На практике применение этой нормы приводит к тому, что действительно в некоторых случаях суды отказывают в аресте ценных бумаг на предъявителя, принадлежащих добросовестному приобретателю. Однако, с точки зрения УПК РФ не вполне ясны последствия такого отказа: к примеру, влечет ли отказ суда наложить арест на документальные ценные бумаги, признанные вещественными доказательствами, обязанность органов предварительного расследования отменить постановление о признании ценных бумаг вещественным доказательством и вернуть ценные бумаги добросовестному приобретателю. Кроме того, гражданское законодательство, несмотря на всю дискуссионность данного вопроса, признает свойство публичной достоверности не только у ценных бумаг на предъявителя, но и у ордерных ценных бумаг, а также в ряде случаев у именных ценных бумаг.

Изложенная ситуация не позволяет при применении реституции в уголовном судопроизводстве рассматривать ценные бумаги в качестве

«обычных» вещей. Решение судьбы ценных бумаг, признанных вещественными доказательствами в уголовном судопроизводстве, требует учета свойств ценных бумаг и их материально-правового режима. Реституция в уголовном судопроизводстве имеет объективные пределы, одним из которых выступает невозможность изъятия ценных бумаг у добросовестного приобретателя, когда их истребование от данного лица исключена в силу специальных норм гражданского законодательства о ценных бумагах.

Список использованных источников

1. Александров С. А. Реституция в уголовном процессе // Советская юстиция. 1990. № 5.
2. Баловнева В. И. Обеспечение защиты имущественных и неимущественных прав потерпевшего - юридического лица в уголовном судопроизводстве: дисс... канд. юрид. наук. Оренбург, 2018.
3. Дубровин В. В. Гражданский иск и другие институты возмещения вреда от преступлений в уголовном судопроизводстве: международный, зарубежный, отечественный опыт правового регулирования: дисс... канд. юрид. наук. Москва, 2010.
4. Зинатуллин З. З. Избранные труды. В 2 т. Т. 1. СПб., 2013.
5. Кравченко М. Е. Допустимость вещественных доказательств в уголовном процессе: дисс... кандидата юридических наук. Краснодар, 2017.
6. Лопаткин Д. А. Вещественные доказательства: Процессуальные и криминалистические аспекты: дисс... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003.
7. Подкаура Г.А. Реституция в стадии предварительного расследования уголовного дела: дисс... канд. юрид. наук. Ижевск, 1998.
8. Подустова О. Л. Обеспечение в ходе предварительного следствия возмещения потерпевшему вреда, причиненного преступлением: дисс... канд. юрид. наук. Москва, 2019.
9. Понарин В. Я. Уголовно-процессуальная реституция // Правоведение. 1988. №1.
10. Селедникова О. Реституция как форма реализации конституционного права граждан на возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 10.
11. Смирнова Е. В. Правовое регулирование и вопросы практики возмещения вреда, причиненного преступлением, в уголовном судопроизводстве России: дисс... канд. юрид. наук. Волгоград, 2017.
12. Сумин А. Е. Досудебное производство по уголовным делам о преступлениях на рынке ценных бумаг: автореф. дисс... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2011.

13. Туров С. Ю. Возмещение причиненного преступлением вреда как уголовно-процессуальная функция: теоретико-методологический анализ: дисс... канд. юрид. наук. Ижевск, 2013.
14. Хилюта В. В. Преступления против оборота объектов гражданских прав: концептуально-теоретические основы моделирования: дисс... докт. юрид. наук. Минск, 2021.
15. Худякова Ю. В. Вещественные доказательства в уголовном процессе: дисс... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006.
16. Шевченко Г. Н. Проблемы гражданско-правового регулирования эмиссионных ценных бумаг: дисс... докт. юрид. наук. Томск, 2006.

ЧАСТЬ 2. НАУЧНЫЕ ТРУДЫ АСПИРАНТОВ, СОИСКАТЕЛЕЙ И МАГИСТРАНТОВ

Я. Д. Адамчик

аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики
Санкт-Петербургского государственного университета

О ВЛИЯНИИ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ НА НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА И УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Статья посвящена рассмотрению роли решений Конституционного Суда РФ в формировании изменений уголовно-процессуального законодательства, а именно положений, регулирующих прекращение уголовного дела и уголовного преследования. В статье обращено внимание на разрешение проблем длительности уголовного преследования и неопределенности правового положения лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления, а также на расширение действия института судебного контроля. Автор на основании наиболее актуальных показателей судебной практики приходит к выводу о существенности роли Конституционного Суда РФ в развитии регулирования уголовно-процессуальной деятельности по прекращению уголовного дела.

Ключевые слова: предварительное расследование; Конституционный Суд РФ; прекращение уголовного дела; прекращение уголовного преследования.

Iana D. Adamchik

Postgraduate student, Department of
Criminal Procedure and Criminalistics,
St. Petersburg State University

THE INFLUENCE OF THE LEGAL POSITIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION ON THE LEGAL REGULATION OF THE TERMINATION OF A CRIMINAL CASE AND CRIMINAL PROSECUTION

The article is devoted to the analysis of the role of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the formation of changes in criminal procedure legislation, namely the provisions governing the termination of criminal proceedings and criminal prosecution. The article draws attention to the resolution of the problems of the duration of criminal prosecution and the uncertainty of the legal status of persons suspected or accused of committing a crime, as well as the expansion of the institute of judicial control. The author bases on the most relevant judicial practice and concludes that the role of the Constitutional

Court of the Russian Federation in the development of regulation of criminal procedural activities for the termination of a criminal case is essential.

Keywords: preliminary investigation; Constitutional Court of the Russian Federation; termination of the criminal case; termination of criminal prosecution.

Значимым источником толкования положений уголовно-процессуального законодательства являются акты Конституционного Суда РФ. Существенная роль Конституционного Суда РФ заключается в раскрытии содержания, конституционно-правового смысла норм, а также – в фактическом восполнении пробелов уголовно-процессуального законодательства. Толкование как метод «мягкого» влияния на правоприменение сочетается с возможностью суда устанавливать несоответствие нормы Конституции РФ. Под влиянием его правовых позиций, в отдельных случаях изменяется и законодательство.

Специфика разрешения поставленных перед Конституционным Судом РФ проблем определяется тем, что осуществление уголовно-процессуальной деятельности основано на реализации отношений, основанных на власти и подчинении. В соответствии с частью 3 статьи 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Таким образом, ограничение конституционных прав служит средством для достижения определенных целей.

Наряду с положением об ограничении прав в статье 46 Конституции РФ закреплена гарантия защиты прав и свобод личности. В уголовном процессе такая гарантия распространяется как на лиц, потерпевших от преступления, так и на лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование. Следует отметить, что лицу не предоставлена возможность самостоятельно выбирать способ и процедуру осуществления данной гарантии [5]. В то же время правовое положение и стороны обвинения, и стороны защиты зависит от властной деятельности органов предварительного расследования и принятия ими решений, затрагивающих интересы различных участников.

Решение о прекращении уголовного дела, как вид окончания предварительного следствия и дознания, является примером процессуального акта, за которым не следует продолжение процессуальной деятельности в связи с наличием обстоятельств, исключающих производство по делу [3, с. 533-534]. Рассматриваемое процессуальное решение отвечает требованиям статьи 6 УПК РФ, которая не только декларирует

необходимость защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, но и в качестве отдельной части содержит указание на то, что уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (часть 2 статьи 6 УПК РФ).

Следование назначению уголовного судопроизводства требует создания качественных правовых инструментов, решающих задачи по соблюдению разумных сроков нахождения лица под угрозой уголовного преследования, устраняющих неопределенность правового положения подозреваемого или обвиняемого, а также сохраняющих правовую возможность потерпевшего восстановить нарушенные права.

Основанием для соответствующего дополнения уголовно-процессуального закона послужило постановление Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2017 года № 28-П, вынесенное в связи с жалобой гражданина [7]. Заявителем был поставлен вопрос о противоречии Конституции РФ нормам УПК РФ, позволяющим прокурору в любой момент времени, последующего за принятием решения о прекращении уголовного дела, отменять соответствующее постановление. Столь широкие полномочия, по мнению заявителя, препятствовали реализации права на реабилитацию, создавали значительный перевес правовых возможностей в пользу стороны обвинения, не ограниченной в своих действиях ни специальными поводами и основаниями, ни судебными-контрольными механизмами.

В уголовно-процессуальной науке неоднократно отмечалось, что неопределенность процессуальных сроков, как и отсутствие независимого контроля за решениями органов предварительного расследования, создают условия для возможных злоупотреблений [2, с. 139]. Так, Федеральным законом от 12 ноября 2018 года № 411-ФЗ Уголовно-процессуальный кодекс РФ был дополнен правилами об отмене постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по истечении одного года со дня его вынесения на основании судебного решения – п. 1.1 ст. 214 УПК РФ [4]. Иными словами, был расширен предмет судебной-контрольной деятельности на досудебной стадии, ограничен срок на отмену указанного акта без разрешения суда.

Принимая во внимание незначительную продолжительность применения указанной нормы, обратимся к данным судебной статистики, формируемой Судебным департаментом при Верховном Суде РФ. По

результатам рассмотрения ходатайств судом о разрешении отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в случае, предусмотренном ч. 1.1 ст. 214 УПК РФ, опубликованы данные за период с 2020 года по 2021 год. Так, во всех судах общей юрисдикции в 2020 году было удовлетворено 62,6% (или 1220) ходатайств от общего числа рассмотренных по существу, а также в 24,8% (или 483) случаев суд отказал в удовлетворении ходатайства. В 2021 году судами удовлетворены 56,1% (или 1265) ходатайств рассматриваемой категории, в отношении 30,2% (или 681) – отказано в удовлетворении [9]. Соответственно, в отсутствие нового судебного-контрольного механизма около трети рассматриваемых процессуальных решений могли быть приняты без достаточных оснований, с нарушением закона. Стоит отметить, что изменения законодательства на основании позиции Конституционного Суда РФ имеют положительный эффект для осуществления защиты от необоснованного уголовного преследования.

Исследуемый новый порядок впоследствии также становился предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ. В частности, в его Определении от 27 января 2022 года № 148-О особо подчеркнуто, что создание постоянной угрозы уголовного преследования для лица путем произвольного возобновления прекращенного уголовного дела недопустимо. Во избежание формального подхода к инициированию самой процедуры получения разрешения на прекращение уголовного дела отмечено, что в постановлении о возбуждении ходатайства излагаются конкретные, фактические обстоятельства, новые сведения, подлежащие дополнительному расследованию. Также к ходатайству должны быть приложены подтверждающие обоснованность ходатайства материалы [6]. Следовательно, только исполнение требований объективности и полноты расследования может быть основанием для возобновления уголовного преследования.

Летом 2022 года Конституционным Судом РФ также был рассмотрен вопрос устранения неопределенности правового положения подозреваемого или обвиняемого, когда сроки давности привлечения его к уголовной ответственности истекли на досудебной стадии судопроизводства, однако он возражает против прекращения уголовного дела по данному нереабилитирующему основанию (п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) [8]. Суд подчеркнул, что правовая определенность должна достигаться в разумный срок, в ином случае действующее законодательство вынуждает выбирать между не ограниченным по времени продолжением уголовного преследования или соглашаться с его прекращением и, по сути, отказываться от права на реабилитацию во избежание затягивания процесса и связанных с ним негативных для лица последствий.

На данный момент законопроект на основании указанного постановления Конституционного Суда РФ размещен на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов (<https://regulation.gov.ru/>). Предполагается, что в качестве нового основания прекращения уголовного дела ст. 24 УПК РФ будет включать истечение 12 месяцев производства предварительного расследования с момента истечения срока давности уголовного преследования в случае, если уголовное дело не передано в суд в порядке, установленном УПК РФ [10]. Проект закона предполагает отнесение данного основания к нереабилитирующим. Соответственно, проблема затягивания уголовного преследования разрешается в то время, как шансы реабилитации, а значит и справедливого и законного разрешения дела, не повышаются. Представляется, что последующим вопросом рассмотрения Конституционного Суда РФ может стать соответствие отдельных положений уголовно-процессуального законодательства Конституции РФ в части, в какой они позволяют органам предварительного расследования бездействовать в течение 12 месяцев с момента истечения срока давности уголовного преследования и прекращать уголовное дело без проведения дополнительных процессуальных действий, лишая подозреваемого или обвиняемого права на реабилитацию.

Правовые позиции Конституционного Суда РФ задают направление развития уголовно-процессуального законодательства. Именно конституционные права и свободы человека должны быть обеспечены законом, а также правосудием как одним из правовых инструментов ограничения произвола власти [1, с. 98-99]. Защита личности – установление пределов ограничения ее прав и свобод во избежание, во-первых, бесправного положения, сближающего его со «статусом» объекта государственной деятельности, во-вторых, несоразмерного, необоснованного и не оправданного целями уголовного процесса ограничения свободы поведения.

Несмотря на развитие практики Конституционного Суда РФ, закон остается инструментом ограничения публичной власти. Именно нормативная составляющая регулирования предъявляет требования к уголовно-процессуальной деятельности государственных органов и должностных лиц. Уголовное преследование и осуществление правосудия важны, равно как и обеспечение гарантий прав личности, соблюдение принципа законности, совместная реализация которых невозможна без формализации действий властных субъектов. Таким образом выражается государственное регулирование, которое призвано быть достаточным, сбалансированным с точки зрения степени вторжения в сферу автономии личности и эффективной реализации публичного интереса [1, с. 84].

Список использованных источников

1. Андреева О. И. Соотношение прав и обязанностей государства и личности в правовом государстве и специфика его проявления в сфере уголовного судопроизводства (теоретический аспект) / под ред. М. К. Свиридова. Томск, 2004.
2. Калиновский К. Б. Процессуальные сроки в уголовном судопроизводстве и их регламентация по уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 2 (3).
3. Лупинская П. А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова. 3-е изд., перераб. и доп. Москва, 2022.
4. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 12 ноября 2018 г. № 411-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 47. Ст. 7132. Режим доступа: СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 20.10.2022).
5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гудинова Максима Владиславовича на нарушение его конституционных прав пунктами 3 и 3.1 части второй статьи 74, статьями 80 и 204 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 25 апреля 2019 г. № 1188-О // Документ опубликован не был. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.10.2022).
6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Петрова Александра Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью первой.1 статьи 214 и частью пятой статьи 401.10 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 27 января 2022 г. № 148-О // Документ опубликован не был. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.10.2022).
7. По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.И. Бондаренко [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 14 ноября 2017 г. № 28-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2018. № 1. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 20.10.2022).
8. По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта «в» части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Рудникова [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 18 июля 2022 г. № 33-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 31. Ст. 5806. Режим доступа: СПС «Консультант Плюс» (дата обращения 20.10.2022).

9. Судебный департамент при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс]: [сайт]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения 20.10.2022).
10. Федеральный портал проектов нормативных правовых актов [Электронный ресурс]: официальный сайт для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=131146> (дата обращения 20.10.2022).

Ж. В. Атоян

магистрант кафедры уголовного процесса и криминалистики
Санкт-Петербургского государственного университета

Д. В. Тарасенко

магистрант кафедры уголовного процесса и криминалистики
Санкт-Петербургского государственного университета

Научный руководитель Н. Г. Стойко,
доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и
криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета

ФРАНЦУСКИЙ УГОЛОВНЫЙ СУД С УЧАСТИЕМ НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ: БЕСКОНЕЧНЫЕ РЕФОРМЫ

Французский Суд ассизов представляет собой уникальную модель суда с участием народных представителей, который под неким давлением из традиционного суда фактов превратился в управляемый государством инструмент и который день за днем теряет свою независимость. В статье представляются основные постреволюционные реформы в истории французского суда ассизов, которые длятся и по сей день.

Ключевые слова: суд ассизов, Франция, реформы

Zhanetta V. Atoyana

Master's student, Department of
Criminal Procedure and Criminalistics,
Saint Petersburg State University

Darya V. Tarasenko

Master's student, Department of
Criminal Procedure and Criminalistics,
Saint Petersburg State University

Research supervisor, Nikolay G. Stoyko,
DSc. in Law, Professor,
Department of Criminal Procedure and Criminalistics,
Saint Petersburg State University

THE FRENCH CRIMINAL COURT WITH POPULAR REPRESENTATIVES: ENDLESS REFORMS

The French Court of Assizes represents a unique model of a popular representative court, which under some pressure has been transformed from a traditional court of facts into a state-run instrument and which day by day loses its

independence. This article presents the main post-revolutionary reforms in the history of the French Court of Assizes, which continue to this day.

Key words: Court of Assizes, France, reforms

Одно из основных различий между судами с участием народных представителей разных стран заключается в том, что в одних странах придерживаются системы судов присяжных общего права (Великобритания, США и др.), в которых присяжные заседают и выносят свой вердикт без участия профессиональных судей, а в других – присяжные заседают вместе с профессиональными судьями в смешанных коллегиях. К таким странам относится и Франция.

Идея народного суда присяжных была центральной для Великой французской революции, выступая в качестве ее своего рода идеологического сердца. Более того, можно сказать, что современное уголовное правосудие возникло во время этой революции, породившей ряд новых или обновленных институтов: уголовные суды, выбираемые из состава окружных судов магистраты и выбираемые из числа граждан присяжные по уголовным делам. С принятием закона от 20 апреля 1810 года "Об организации судов" уголовные суды стали называться *Cour d'assises* – судами ассизов или Судом ассизов. До 1942 года функции присяжных и профессиональных магистратов были разделены: присяжные (из 12 членов) единолично решали вопрос о виновности, а магистраты – о приговоре, что приводило к приговорам, основанным на народных эмоциях. Французские присяжные очень долго боролись за сохранение независимости от власти судебных органов, но эта борьба была проиграна во Франции так же решительно, как и в других странах континентальной Европы. Форсайт, писавший в 1852 году, отметил, что "податливые" присяжные во Франции сдались "всеохватывающему духу" "государственного управления" и бюрократии. Отмечается, что французские правила слишком явно направлены на получение уступчивого суда фактов. В конце концов, законом от 25 ноября 1941 года, вступивший в силу 1 января 1942 года, решение вопроса о виновности и приговоре был передан всему составу Суда ассизов, а число народных заседателей было сокращено до шести [1; 2]. Суд ассизов и по сей день не перестает модифицироваться. Об этом свидетельствуют глобальные реформы 2000, 2011 и 2018 гг., последняя из которых находится на стадии тестирования. Ниже рассмотрим данные реформы по отдельности, но для начала стоит дать общее определение современного французского суда ассизов. Суд ассизов – это уголовные суды первой и апелляционной юрисдикции, рассматривающие дела обвиняемых в тяжких преступлениях, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на

срок от десяти лет и более (в 2019 г. были внесены изменения, об этом поговорим далее). В этих судах используются смешанные коллегии, состоящие из трех профессиональных судей (председатель и два помощника судьи), а также шести непрофессиональных заседателей в первой инстанции и девяти в апелляционной. Судьи и непрофессиональные заседатели принимают решения совместно, вынося решения как о виновности, так и о наказании [3]. Одна из важных реформ XXI века связана с внедрением апелляционного процесса, а другая – с требованием к Суду ассизов выносить "обоснованные вердикты". В 2001 году Франция под давлением Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) учредила апелляционный суд, чтобы соответствовать европейским стандартам справедливого судебного разбирательства. Апелляционный суд не обеспечивает апелляцию в смысле пересмотра вердикта, вынесенного в суде. Скорее, он обеспечивает новое рассмотрение дела в расширенном апелляционном суде [4]. В течение долгого времени не существовало второго уровня пересмотра приговоров по преступлениям из-за презумпции безошибочности присяжных. Присяжные считались непогрешимыми, поскольку они представляли волю народа. В своей оговорке (одностороннем заявлении) при ратификации Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ) Франция заявила, что пересмотр вышестоящим судом может быть ограничен правильным применением закона, как и пересмотр кассационным судом [4]. Однако этот пробел, по-видимому, противоречил Протоколу № 7 ЕКПЧ и протоколу к нему о праве на обжалование, который Франция ратифицировала в 1988 году [5]. Ст. 2 этого Протокола гласит: "Каждый человек, осужденный судом за уголовное преступление, имеет право на то, чтобы его осуждение или приговор были пересмотрены вышестоящим судом". Статистика показывает, что за два года было рассмотрено около 1262 апелляций. Из этих апелляций пять процентов были удовлетворены и оправданы. Однако когда обвинение обжаловало оправдательные приговоры, пятьдесят семь процентов из них были отменены. Таким образом, прокуроры, по-видимому, получают больше выгоды от "второго шанса", предоставляемого Апелляционным судом, чем обвиняемые [6]. Опять же под влиянием ЕСПЧ при рассмотрении некоторых дел был поднят вопрос о "мотивированных вердиктах" [7]. Мотивированный вердикт означает, что присяжные должны письменно обосновать свой вердикт. Традиционный суд ассизов в уголовном деле выносит только вердикт о виновности или невиновности, не предоставляя письменного объяснения того, как оно вынесло свой вердикт. ЕСПЧ постановил, что в соответствии с фундаментальными правами человека обвиняемые по

уголовным делам должны иметь возможность понимать, в чем они обвиняются, и, в случае осуждения, почему. В 2011 году, менее чем через год после *Taxquet* (*Taxquet v. Belgium* - 926/05 Judgment 16.11.2010), во Франции был принят новый закон, обязывающий присяжных в Суде ассизов предоставлять обоснование своих вердиктов [7].

Помимо реагирования на решение ЕСПЧ, реформа была мотивирована стремлением расширить права обвиняемых и исправить неработающую в данном отношении систему уголовного правосудия. Законодатели хотели исправить "непоследовательное" раздвоение системы уголовного правосудия. До реформы 2011 года суды ассизов, которые рассматривали уголовные преступления, караемые лишением свободы на срок от десяти лет и более, не мотивировали свои вердикты. В отличие от них, более легкие правонарушения рассматривали коллегии из трех судей, называемые "исправительными трибуналами" (*tribunaux correctionnels*) [8]. Как и все другие профессиональные французские судьи, судьи исправительного трибунала по закону обязаны письменно мотивировать свои решения. Такое разделение привело к парадоксальному результату: обвиняемые в более серьезных преступлениях и рискующие получить самые длительные сроки заключения не имели права на обоснование, в то время как обвиняемым в менее серьезных преступлениях и подлежащим более мягкому наказанию по закону гарантировался доступ к аргументам судей [9]. Кроме того, законодатели стремились облегчить подачу жалоб (апелляций). Требуя от Суда ассизов мотивировать свои вердикты, как в первой инстанции, так и в апелляции, французские законодатели надеялись укрепить право на обжалование [6]. Хотя приведенное выше объяснение устремлений законодателя в определенной степени верно, более пристальный взгляд на судебную практику ЕСПЧ и на случай Франции показывает более сложную историю. Среди ученых есть такое мнение, что призыв ЕСПЧ к усилению аргументации в судах присяжных не является чисто гуманитарной позицией. Отчасти он был продиктован прагматическими управленческими соображениями и намерением усилить механизмы судебной подотчетности. Аналогичным образом, с французской стороны требование, чтобы присяжные в суде ассизов (смешанные коллегии) объясняли свои вердикты, может рассматриваться не только как приверженность стороне защиты, но и как мера административного удобства и иерархического контроля. Как для ЕСПЧ, так и для французских реформаторов, движение в сторону принятия мотивированных решений может быть связано не столько с реальными или воображаемыми качествами присяжных и ясностью (понятностью) их вердиктов, сколько с представлениями о роли

суда и желанием держать судей в рамках контроля [6]. В 2009 году был проведен масштабный пересмотр французской правовой системы. Среди наиболее значительных проблем, выявленных в результате пересмотра, была длительная задержка слушаний в суде, что приводило к длительным срокам содержания под стражей для обвиняемых, ожидающих суда. [10] В качестве решения проблемы было предложено заменить Суд ассизов Департаментским (областным) уголовным судом, состоящим из профессиональных судей и меньшего числа присяжных заседателей, чем в Суде ассизов, с более гибкой и менее формализованной процедурой, чем та, которую использовал Суд ассизов (Департаменты Франции – административно-территориальные единицы второго уровня во Франции, созданные по декрету от 22 декабря 1789 года, принятому Учредительным собранием Франции). До 2019 года судьи Суда ассизов рассматривали дела о тяжких преступлениях (таких как убийства и изнасилования), которые влекут за собой как минимум 10 лет лишения свободы, а Уголовный суд (Tribunal correctionnel) выносил решения по таким преступлениям, как преступление против личности, моральное домогательство и непреднамеренное убийство. Суд ассизов состоял из трех профессиональных судей и шести непрофессиональных граждан (девять в случае апелляции). Исправительный трибунал состоял только из трех профессиональных судей. В 2019 же году было предложено создать Департаментский уголовный трибунал (Cour criminelle départementale) в качестве промежуточного уголовного суда, который будет отличаться от давно действующего исправительного трибунала (который является обычным уголовным судом) [11]. Этот Департаментский уголовный суд должен был состоять из пяти профессиональных судей. Предложение исходило из того, что некоторые преступления, например, изнасилования, переqualифицируются в сексуальные посягательства, то есть на менее тяжкие преступления, чтобы они могли рассматриваться в уголовном суде и приводить к более быстрому вынесению решения, чем если бы дело рассматривалось в Суде ассизов. В 2021 году были внесены изменения в уголовно-процессуальный кодекс Франции и в судебную систему был внедрен новый Департаментский уголовный суд, в качестве промежуточного уголовного суда. Новым уголовным судом рассматриваются уголовные дела совершеннолетних обвиняемых в совершении преступлений, наказуемых пятнадцатью или двадцатью годами лишения свободы, если они совершены не в состоянии

юридического рецидива⁹. Данный суд считается судом первой инстанции. В случае если уголовный суд в ходе или после прений считает, что представленные ему факты представляют собой преступление, наказуемое тридцатью годами лишения свободы или пожизненным заключением, он передает дело в суд присяжных. По настоящему закону Департаментский уголовный суд состоит из председателя и четырех заседателей [12]. В статье 9 закона № 2021-1729 от 22 декабря 2021 года «О доверии к судебному институту», уточняется, что комитет по оценке и мониторингу эксперимента по уголовным судам, который в настоящее время проводится в 15 департаментах, должен представить свой отчет до 31 октября 2022 года, чтобы обобщить практику уголовных судов к 1 января 2023 года [13]. Задачей комитета будет сравнение между департаментскими уголовными судами и судами ассизов, с единственной целью рассмотрения преступлений, относящихся к юрисдикции департаментских уголовных судов, времени, затрачиваемого на слушания, продолжительности слушаний, характера вынесенных решений, а в случае вынесения обвинительного приговора - характера и продолжительности вынесенных приговоров, а также частоты обжалования. Ему также предстоит оценить количество и характер дел, которые, вероятно, были бы исправлены, если бы не было возможности передать их в департаментский уголовный суд, и оценить реализацию принципа устных слушаний в данном уголовном суде, изучить, насколько стороны удовлетворены проведением судебного процесса в новом уголовном суде. На ряду с этим, комитет должен оценить влияние департаментских уголовных судов на организацию и деятельность, а также ресурсы, необходимые для их работы. Комитет будет собираться не реже одного раза в квартал. Он может выпускать промежуточные отчеты, которые будут обнародованы. В своем заключительном докладе он может предложить любые изменения в положениях Уголовно-процессуального кодекса, направленные на улучшение организации и деятельности новых уголовных судов. Очевидно, год за годом в судебную систему Франции вносятся коррективы с тем, чтобы сделать ее менее затратной и более контролируемой, какой, вероятно, на взгляд французского правительства не является система судов ассизов. Оправдают ли Департаментские уголовные суды надежды

⁹ Во французском уголовном праве юридический рецидив - это повторное совершение аналогичного или сходного преступления лицом имеющим судимость за ранее совершенное преступление. Это отягчающее обстоятельство, которое позволяет назначить более суровое наказание, вплоть до удвоения срока наказания. Ст. 132-9 Уголовного кодекса Франции (в ред. от 1 марта 1994 г.).

французских реформаторов покажет время, на данном этапе судить об этом, к сожалению, невозможно.

Список использованных источников

1. Roger Perrot, *Institutions judiciaires*, 13e éd., Paris, Montchrestien, 2008 (ISBN 978-2-7076-1593-0), no 202.
2. Maître Eolas, « Quelques commentaires sur les propos de Michel Mercier ».
3. Loi du 5 mars 1932 ayant pour objet d'associer le jury à la cour d'assises pour l'application de la peine.
4. *Trials by Peers: The Ebb and Flow of the Criminal Jury in France and Belgium* Claire M. Germain. 2018.
5. Протокол № 7 К конвенции о защите прав человека и основных свобод, Страсбург 22 ноября 1984 г.
6. Cohen Mathilde. *The French Case for Requiring Juries to Give Reasons. Safeguarding Defendants or Guarding the Judges?* (January 9, 2016). In: *Comparative Criminal Procedure* (Jacqueline E. Ross & Steven C. Thaman, eds., Edward Elgar Publishing, 2016).
7. Loi 2011-939 du 10 août 2011 sur la participation des citoyens au fonctionnement de la justice pénale et le jugement des mineurs, *Journal Officiel de la République Française [J.O.]*, Aug. 11, 2011.
8. *Projet de loi sur la participation des citoyens au fonctionnement de la justice pénale et le jugement des mineurs. Étude d'impact* 30, 37 (Apr. 11, 2011)/
9. Jean-René Lecerf, *Rapport au sénat no. 489 (2011) at 77 (Fr.)*.
10. *Comite de reforme du code penal et du code de procedure penale*. (2009, September). *Rapport du Comité de réflexion sur la justice pénale*. Retrieved from URL: <https://www.ladocumentationfrancaise.fr/var/storage/rapports-publics/094000401.pdf>
11. D. n° 2022-17, 7 janv. 2022, relatif à l'expérimentation de la cour criminelle départementale : JO, 9 janv. 2022. URL : <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000044890671>
12. *Code de Procédure Pénale art. 485, 380-16, 380-20 (данные статьи действуют до 01.01.2023г)*. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000044551591
13. *Création LOI n°2021-1729 du 22 décembre 2021 - art. 9 (V)*. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000044545992>

О.Ю. Ватутина,

соискатель кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Санкт-Петербургского государственного университета,
адвокат, Адвокатская палата Санкт-Петербурга

СПЕЦИАЛИСТ, КАК ЭКСПЕРТ СТОРОНЫ ЗАЩИТЫ: ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА

В настоящей статье автором исследуется эволюция института специалиста в российском уголовном процессе. Автором приводятся научные взгляды и точки зрения на исследуемый институт и их трансформацию за период его существования. Статья содержит результаты практики правоприменения исследуемого института, в том числе, данные по использованию в доказывании по уголовным делам доказательств, производимых специалистом, таких как заключение специалиста и показания специалиста. Автором сделан вывод о том, что вне зависимости от неоднозначного и порой негативного отношения научного сообщества и практиков к исследуемому институту, наличия сложностей и проблем правоприменения, развитие и укрепление института очевидны и необходимы.

Ключевые слова: институт специалиста, эволюция, доказывание, специалист, эксперт, защита по уголовному делу.

Oksana Y. Vatutina

Post-graduate student,
Department of Criminal Procedure and Criminalistics,
St. Petersburg State University,
Lawyer, Chamber of Advocates of St. Petersburg

SPECIALIST AS AN EXPERT OF THE DEFENSE SIDE: THE EVOLUTION OF THE INSTITUTE

In this article, the author examines the evolution of the institution of a specialist in the Russian criminal process. The author presents scientific views and points of view on the institute under study and their transformation over the period of its existence. The article contains the results of the law enforcement practice of the institute under study, including data on the use of evidence produced by a specialist in proving criminal cases, such as the conclusion of a specialist and the testimony of a specialist. The author concludes that regardless of the ambiguous and sometimes negative attitude of the scientific community and practitioners to the institute under study, the presence of difficulties and problems of law enforcement, the development and strengthening of the institute are obvious and necessary.

Keywords: institute of a specialist, evolution, proof, specialist, expert, defense in a criminal case.

Институт специалиста, а также заключение и показания специалиста, как формируемые им доказательства, в момент своего возникновения в российском уголовном процессе, вызвали оживленную научную дискуссию, которая не потеряла своей актуальности до настоящего времени. Возможность привлечения специалиста для участия в процессуальных (а не только следственных) действиях, впервые предусмотренная законодательно, сформировала его процессуальный статус именно в качестве участника уголовного процесса, а не лица, осуществляющего вспомогательную внепроцессуальную деятельность, оказывающего исключительно содействие следователю, дознавателю, судье. Таким образом, новый процессуальный субъект - специалист, был отделен законодателем от эксперта - иного лица, использующего в своей процессуальной деятельности специальные знания.

Новый институт уголовного процесса предполагал возможность расширения рамок использования специальных знаний, путем предоставления адвокатам-защитникам возможности привлечения «собственного эксперта – эксперта со стороны защиты», путем прямого обращения к специалисту для получения и приобщения заключения, им подготовленного. Российский законодатель попытался найти компромисс между континентальной и англо-американской моделями судебных экспертиз, результатом которого явился новый участник российского уголовного процесса – специалист, как эксперт стороны защиты. То есть, в российском уголовном процессе появилась возможность реализации «альтернативной экспертизы» или «несудебной экспертизы», позволяющей обеспечить объективную оценку заключений экспертов, имеющих в материалах дела, представить альтернативную научно обоснованную точку зрения по исследуемым вопросам.

Необходимость предоставления права назначения и проведения судебных экспертиз стороне защиты, в целях реализации принципа свободной оценки доказательств посредством «состязательности судебной экспертизы» [5, с. 112], необходимость «научной» альтернативы в уголовном процессе, была очевидна, поскольку, «следователь и суд самостоятельно не могут дать надлежащую оценку обоснованности выводов экспертов, правильности выбора и применения методов исследования, поскольку объективно не обладают теми же знаниями, что и эксперт, специалист, то есть лица, обладающие специальными знаниями» и, поскольку, «на практике заключение эксперта появляется вне состязания сторон и становится неким «абсолютизированным» доказательством, принципиально непроверяемым и имеющим, вопреки правилам ст. 17 УПК РФ заранее установленную силу» [7, с. 83].

Однако, несмотря на то, что включение, заключения и показаний специалиста в систему доказательств, отвечало тенденциям развития демократических начал в уголовном процессе, институт специалиста будучи нововведением, получил, в целом, отрицательную реакцию научного сообщества. А, фактическое введение «альтернативной экспертизы», посредством заключения специалиста, подготавливаемого по запросу стороны защиты, подверглось серьезной научной критике. Сами доказательства, формируемые специалистом, на практике не признавались в качестве надлежащих доказательств по делу и адекватной альтернативы заключению эксперта, подготовленного по запросу лиц, осуществляющих производство по делу.

Широкое распространение получила научная позиция о том, что заключение специалиста доказательственного значения не имеет и отсутствуют основания для выделения заключения и показаний специалиста в отдельный вид доказательств. В частности, Б. Т. Безлепкин в начале 2000-х годов утверждал, что «отнесение заключения и показаний специалиста к самостоятельной разновидности доказательств пока не имеет научного обоснования» [1, с. 205.]. В. И. Зажицкий указывал, на отсутствие «правовых и фактических предпосылок для того, что бы такие заключения и показания [как заключение и показания специалиста - прим. авт.] считать средствами доказывания» [3, с. 74] и полагал, что у заключения специалиста отсутствует свойство допустимости, поскольку, «процесс возникновения следов преступления и превращение их в содержание доказательств имеет гносеологический характер, поэтому сведения, как объективную основу любого доказательства, нельзя заменить никакими логическими суждениями, мнениями или умозаключениями, сколь бы привлекательными они не были» [4, с. 57-58].

Таким образом, на этапе становления современного института специалиста, как в нормативной, так и в научной литературе, восприятие фигуры специалиста, как эксперта стороны защиты, так же как и доказательств, формируемых посредством его деятельности, было негативным. Более того, длительное время, для эффективного функционирования института специалиста, серьезным препятствием являлось наличие в уголовно-процессуальном законодательстве очевидно неудовлетворительных формулировок в его отношении, в отношении заключений и показаний специалиста, а также отсутствие достаточной правовой регламентации института специалиста, порядка использования его заключения и показаний.

Противники включения заключения и показаний специалиста в число доказательств, в том числе, аргументируют свою позицию мнением о заинтересованности стороны защиты в заключении специалиста, предполагая в таком заключении, некое необоснованное преимущество для получившей её стороны [2, с. 2 – 6]. Зачастую, в решениях судов, отказывающихся заключению специалиста в доказательственном значении, встречается ссылка на то, что заключение специалиста «составлено по индивидуальному заказу стороны защиты», а следовательно, недостоверно. Так, например, Приговор Октябрьского районного суда города Белгорода содержит следующую формулировку: «Представленное стороной защиты заключение специалиста, суд признает недостоверным и не принимает его во внимание, поскольку исследование проводилось в негосударственном коммерческом предприятии по заявлению адвоката Гордеева...» [12]; в Приговоре Шаховского суда Московской области указано: «...как следует из материалов дела и показаний специалиста в судебном заседании заключение было составлено данным специалистом сугубо по индивидуальному заказу законного представителя обвиняемого в связи с чем, заключение специалиста не может расцениваться судом как какое-либо допустимое доказательство по делу» [13]; а Приговор Михайловского районного суда Рязанской области содержит и вовсе мотивировку, не предусмотренную положениями действующего Уголовно-процессуального кодекса, а именно: «...суд отвергает как доказательство заключение специалиста автотехника, предоставленное следствию адвокатом в защиту подсудимой..., поскольку, данное заключение специалиста автотехника, по мнению суда, не является доказательством бесспорным и объективным, поскольку оно сделано, специалистом, который не предупреждался об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ, он не исследовал все материалы дела, а поэтому выводы этого заключения суд признает ангажированными» [9]. В то же время, в соответствии с положениями п.п. 2, 3 ст. 53 УПК РФ, защитник вправе собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи, в порядке, установленном частью третьей ст. 86 Уголовно-процессуального кодекса РФ; привлекать специалиста в соответствии со ст. 58 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Не привели к устранению проблем в нормативном регулировании и правоприменении института специалиста изменения, внесенные в 2017 году в Уголовно-процессуальный кодекс РФ и в 2021 году в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 года № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»,

направленные на устранение судебных ошибок и выработку единообразной практики. Так, и сегодня, заключение специалиста, вопреки положениям ст.ст. 74, 80 УПК РФ, зачастую не принимается судом в качестве допустимого, достоверного и относимого доказательства, со ссылкой на «отсутствие предупреждения специалиста об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения», несмотря на то, что подобное требование в отношении заключения специалиста не предусмотрено положениями действующего уголовно-процессуального кодекса [11, 14].

Помимо вышеуказанного, судами отрицается доказательственная сила заключения специалиста в сравнении с заключением эксперта: правоприменители придают названным доказательствам различную заранее установленную силу. Например, в приговоре Ленинского городского суда города Ставрополь, указано: «... специалист пришел к иному выводу, нежели в заключении эксперта, имеющемся в материалах уголовного дела... заключение специалиста хотя и содержит суждение по вопросам, имеющим значение для уголовного дела, но доказательственной силой, присущей заключению эксперта, не обладает. Таким образом, показания и письменное заключение специалиста суд также не может признать в качестве допустимых доказательств невиновности подсудимого» [10]. Правоприменителем демонстрируется отсутствие понимания назначения и статуса заключения специалиста, как доказательства в уголовном процессе, искажается смысл нормативных правовых актов, устанавливающих и регулирующих процессуальный статус данного доказательства, не признается его процессуальное значение.

Таким образом, регламентация института специалиста в действующем законодательстве и сегодня признается неудовлетворительной. Большинство авторов относит к «существенному недостатку правового регулирования института специалиста отсутствие законодательно определенных порядка и формы получения доказательств, производимых специалистом (заключения и показаний специалиста)» [6, с. 180], недостаточное урегулирование ответственности специалиста в его процессуальной деятельности (О. С. Пашутина, В. С. Латыпов), отсутствие законодательного закрепления процедуры допроса специалиста (А. П. Рыжаков), что свидетельствует о некоей «статичности» неразрешенных вопросов. То есть, часть из них существует длительное время, научным и практическим сообществом признается факт необходимости их разрешения и урегулирования, но существенные шаги до настоящего времени по их разрешению не предприняты.

Однако, несмотря на проблемы правового регулирования института, сегодня специалист, фактически реализует в российском уголовном процессе идею «состязательной экспертизы англо-американского типа», в сущности «проводя параллельную экспертизу по инициативе и в интересах стороны защиты и может вести научную дискуссию с официально назначенным экспертом». Реализуя эту идею, сторона защиты (в интересах которой, собственно, и включены в УПК новые виды доказательств) «получает возможность оспаривать заключение эксперта, представленное стороной обвинения, или устанавливать обстоятельства, оправдывающие обвиняемого» [6, с. 181]. В итоге, «современный» институт специалиста получил в российском уголовном процессе достаточно специфическое неоднозначное прочтение. Трансформация института специалиста свидетельствует о том, что научные взгляды идут по пути смягчения категоричности в отрицании доказательственной значимости заключения и показаний специалиста, являясь позитивными изменениями в плоскости правоприменения. В частности, это подтверждается судебной практикой, которая, на начальном этапе, демонстрирует практически стопроцентное отсутствие признания за заключением и показаниями специалиста статуса доказательства, однако, постепенно начинает проследиваться иной подход: например, в решениях высших судов заметна тенденция к оценке заключения и показаний специалиста в качестве допустимого доказательства, порой, способного составить конкуренцию заключению эксперта [8].

Итак, несмотря на то, что институт специалиста изначально был воспринят в науке и практике уголовного процесса в высшей степени неоднозначно, за период своего существования, он не только не утратил своей значимости, но напротив, в некоторой мере укрепился как на законодательном, так и на практическом уровне.

Список использованных источников

1. Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс России. Учебник. М., 2004.
2. Божьев В. П. Изменение УПК РФ - не всегда средство его совершенствования // Законность. 2005. № 8.
3. Жажицкий В. И. Истина и средства ее установления в УПК РФ : теоретико-правовой анализ // Государство и право. 2005. № 6.
4. Жажицкий В. И. Заключение и показания специалиста в системе доказательственного права // Российская юстиция. 2007. № 9.
5. Кудрявцева А. В. Судебная экспертиза в уголовном процессе России : монография. Челябинск, 2001.
6. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник. 3-е изд. перераб. и доп. / Л. Н. Башкатов [и др.]; отв. ред. И. Л. Петрухин, И. Б. Михайловская. Москва, 2011.

7. Тарасов А. А. Эксперт и специалист в уголовном процессе России : монография. 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 2017.
8. Кассационное Определение Верховного Суда РФ от 26.02.2004 по делу № 1-77/03(1) [Электронный ресурс]: Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Приговор Михайловского районного суда Рязанской области от 27.12.2017 г. по делу № 1-116/2017 [Электронный ресурс]: Доступ из справ.- информационной системы «Судебные и нормативные акты РФ» (sudact.ru).
10. Приговор Ленинского районного суда г. Ставрополя от 29.12.2017 г. по делу № 1-432/2016 [Электронный ресурс]: Доступ из справ.- информационной системы «Судебные и нормативные акты РФ» (sudact.ru).
11. Приговор Чулымского районного суда Новосибирской области от 29.03.2019 г. по делу № 1-1/2019 [Электронный ресурс]: Доступ из справ.- информационной системы «Судебные и нормативные акты РФ» (sudact.ru).
12. Приговор Октябрьского районного суда г. Белгорода от 29.05.2019 г. по делу № 1-150/2019 [Электронный ресурс]: Доступ из справ.- информационной системы «Судебные и нормативные акты РФ» (sudact.ru).
13. Постановление Шаховского районного суда Московской области от 11.09.2020 г. по делу № 1-42/2020 [Электронный ресурс]: Доступ из справ.- информационной системы «Судебные и нормативные акты РФ» (sudact.ru).
14. Приговор Шумихинского районного суда Курганской области от 08.10.2020 г. по делу № 1-97/2020 [Электронный ресурс]: Доступ из справ.- информационной системы «Судебные и нормативные акты РФ» (sudact.ru).

A. V. Groz,

студент юридического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета

Научный руководитель Н. П. Кириллова
доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса
и криминалистики
Санкт-Петербургского государственного университета

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ ЗАЯВЛЕНИЙ И СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Статья посвящена вопросам регулирования доследственной проверки в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации. Рассматривается содержание доследственной проверки с точки зрения обеспечения баланса интересов участников уголовно-процессуальных отношений. Сделан вывод о том, что существующий правовой механизм доследственной проверки не позволяет в полном объеме обеспечить защиту прав и свобод лица, в отношении которого в рамках доследственной проверки осуществляются процессуальные действия. Сформулированы предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: уголовный процесс, доследственная проверка, право на защиту, состязательность.

Alina V. Groz

student of Saint-Petersburg State University of the Russian Federation

Academic advisor N. P. Kirillova
Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics
St. Petersburg State University

SOME PROBLEMS OF CRIMINAL PROCEDURAL REGULATION OF PRE-INVESTIGATION VERIFICATION OF APPLICATIONS AND REPORTS OF CRIMES

The article is devoted to the regulation of pre-investigation verification in the criminal procedure legislation of the Russian Federation. The content of the pre-investigation check is considered from the point of view of ensuring a balance of interests of participants in criminal procedural relations.

It is concluded that the existing legal mechanism of the pre-investigation check does not allow to fully ensure the protection of the rights and freedoms of the person against whom procedural actions are carried out within the framework

of the pre-investigation check. The proposals for improving the criminal procedure legislation are formulated.

Keywords: criminal process, pre-investigation check, right to defense, competitiveness.

Доследственная проверка заявлений и сообщений о преступлениях определяется содержанием ст. 144 и ст. 145 УПК РФ [1]. Указанные положения закона нередко выступают предметом анализа в работах отечественных ученых-процессуалистов, однако ряд теоретических и практических вопросов по-прежнему являются актуальными. В рамках настоящей статьи представляется целесообразным рассмотреть правовой механизм доследственной проверки с точки зрения обеспечения принципов состязательности и равноправия участников уголовно-процессуальных отношений.

Понятие доследственной проверки не используется в тексте уголовно-процессуального законодательства, в связи с чем в литературе регулярно предпринимаются попытки сформулировать его определение. В частности, в работе А. С. Лизунова дается следующее определение: «доследственная проверка - это регламентированная уголовно-процессуальным законом деятельность, в ходе которой компетентными должностными лицами подвергаются проверке сведения, содержащиеся в поводе к возбуждению уголовного дела, устанавливается первоначальная квалификация совершенного деяния, а также предпринимаются неотложные меры к быстрому раскрытию преступления» [2].

Следуя указанному определению, можно установить, что доследственная проверка осуществляется исключительно по правилам уголовно-процессуального законодательства и исключительно уполномоченными на это субъектами в отношении только тех сведений, которые могут выступить основанием для возбуждения уголовного дела.

Указанная совокупность процессуальных по своей природе действий выступает необходимым и достаточным условием для вынесения процессуального акта, влекущего за собой возбуждение уголовного дела.

Вместе с тем отдельными исследователями справедливо отмечается, что уголовно-процессуальные отношения возникают не с момента возбуждения дела, а с момента поступления уполномоченным органам информации о преступлении [3]. Следуя этой точке зрения, доследственная проверка также охватывается предметом уголовно-процессуальных отношений, о чем косвенно свидетельствует и то, что порядок её осуществления регламентируется уголовно-процессуальным законом.

Однако возникновение процессуального статуса у участников уголовного судопроизводства со стороны защиты, обусловлено таким юридическим фактом, как вынесение уполномоченным органом акта о возбуждении уголовного дела. Как следствие, до момента возбуждения уголовного дела лицо, в отношении которого осуществляются процессуальные действия в рамках доследственной проверки, не может выступать в качестве подозреваемого или обвиняемого. Об этом свидетельствует содержание ст. 46 и ст. 47 УПК РФ.

В первоначальной редакции ст. 49 УПК РФ не мог до момента возбуждения уголовного дела выступать участником уголовно-процессуальных отношений и защитник [4]. В последующем часть 3 вышеуказанной статьи была дополнена пунктом 6, определяющим возможность защитника осуществлять свои функции с момента, когда были осуществлены процессуальные действия в порядке ст. 144 УПК РФ – то есть, в рамках доследственной проверки (Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 04.03.2013 № 23-ФЗ // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 27.09.2022). Тем самым, была сформирована процессуальная гарантия права на защиту лицам, которые не имеют статуса подозреваемого или обвиняемого.

Однако если обратиться к содержанию смежных уголовно-процессуальных норм, то можно обнаружить, что объем процессуальных прав защитника до возбуждения уголовного дела остается недостаточно определенным.

В частности, из содержания ст. 119 УПК РФ не следует, что ходатайство о производстве процессуальных действий может быть заявлено защитником в рамках доследственной проверки. В связи с этим возникает вопрос о наличии у защитника возможности заявлять подобные ходатайства до момента возбуждения уголовного дела.

Наряду с этим остается неясным и то, могут ли к категории «иные лица» в контексте ст. 119 УПК РФ относиться к лицам, в отношении которых в рамках доследственной проверки осуществляются процессуальные действия. Несмотря на то, что данные лица в силу п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ обладают правом на защиту, их процессуальный статус остается неопределенным – а значит, является неопределенным и принадлежащий им объем процессуальных прав и обязанностей.

При этом уполномоченные должностные лица, в силу ст. 144 УПК РФ, наделены широкими полномочиями в рамках доследственной проверки: в частности, они могут осуществлять изъятие документов и предметов, назначать судебные экспертизы, проводить осмотр, требовать проведения разного рода проверок, проводить иные действия, предусмотренные ст. 144 УПК РФ.

Безусловно, наличие столь широких полномочий способствует решению задач уголовного преследования и в значительной степени обеспечивает эффективность деятельности органов дознания и следствия. Однако отсутствие у лиц, в отношении которых проводятся такие мероприятия, определенного процессуального статуса влечет за собой значительный риск злоупотреблений со стороны органов дознания и следствия, а также риск необоснованного ограничения прав и свобод личности.

Лицо без определенного процессуального статуса не является стороной уголовного судопроизводства и потому на него не распространяют в полной мере свое действие основополагающие принципы уголовного процесса – в числе которых принцип состязательности и равноправия сторон. Это позволяет предположить, что в правовом механизме доследственной проверки изначально заложено фундаментальное противоречие, исключающее возможность соблюдения баланса прав и интересов лиц, являющихся ее участниками.

Данная проблема усугубляется тем, что доследственная проверка де-факто может иметь неограниченные сроки. По смыслу ч. 1 ст. 144 УПК РФ, решение по итогам доследственной проверки о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела должно быть принято в течение 3 суток с момента поступления сообщения о преступлении. При этом, в силу ч. 3 ст. 144 УПК РФ срок проведения доследственной проверки может быть увеличен до 10, а в ряде случаев – и до 30 суток с момента поступления сообщения о преступлении.

Отдельные исследователи отмечают, что закон не ограничивает возможность неоднократной отмены и возобновления доследственных проверок [5]. Тем самым, проведение доследственной проверки фактически может продолжаться на протяжении неопределенного длительного периода времени.

Проанализированные положения уголовно-процессуального закона фактически порождают не только сугубо теоретические проблемы, но и влекут за собой негативные практические последствия, поскольку

от такой неопределенности страдает лицо, в отношении которого в рамках доследственной проверки могут быть осуществлены меры уголовно-процессуального принуждения.

Указанное лицо не определено с точки зрения уголовно-процессуальных отношений как участник судопроизводства, оно не обладает установленными законом правами и обязанностями, но может быть подвергнуто мерам принудительного характера. И самое важное – в отношении данного лица в порядке доследственной проверки могут быть собраны материалы, которые в последующем будут использованы в качестве доказательств по уголовному делу. При отсутствии процессуального статуса данного лица остается открытым вопрос о том, обладает ли он какими-либо правами, кроме права на защиту в соответствии с п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ.

В связи с этим представляется необходимым дополнить гл. 7 УПК РФ, включив в нее нормы, определяющие процессуальный статус лиц, в отношении которых осуществляются процессуальные действия. Наряду с этим можно признать необходимым дополнение уголовно-процессуального закона положением о том, что защитник в рамках мероприятий, осуществляемых в порядке ст. 144 УПК РФ, обладает всей полнотой процессуальных прав и обязанностей, присущих ему после возбуждения уголовного дела.

Представляется, что принятие этих положений закона будет способствовать защите личности от незаконного и необоснованного ограничения ее прав и свобод.

Список использованных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 27.09.2022).
2. Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 04.03.2013 № 23-ФЗ // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 27.09.2022).
3. Лизунов А. С. Понятие и уголовно-процессуальная форма производства доследственной проверки // Проблемы экономики и юридической практики. № 3. 2012.
4. Лубин А. Ф., Миловидова М. А., Гончан Ю. А. Уголовно-процессуальные отношения: постановка проблемы и основная гипотеза // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. № 1 (29). 2015.

5. Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 04.03.2013 № 23-ФЗ // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 27.09.2022).
6. Чурилов С. Н. Разрубить или развязать гордиев узел доследственной проверки? Образование и право. № 7. 2021. С. 331-335.

В. С. Гущина

магистрант юридического факультета,
Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель С. П. Кушниренко,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и
криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета

АКТУАЛЬНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ТАКТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ НА ЭТАПЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассматриваются вопросы о необходимости разработки тактических комбинаций для различных следственных ситуаций, о разграничении и соотношении понятий «тактический комплекс», «тактическая операция» и «тактическая комбинация», приводятся различные подходы к классификации тактических комплексов. Эта тема давно является дискуссионной в научном сообществе, однако, на сегодняшний день нет точных ответов на обозначенные вопросы. Авторами предложена концепция о разграничении терминов «тактическая операция» и «тактическая комбинация», а также объединение их под общим понятием «тактический комплекс». Также авторами приложена собственная классификация тактических комплексов.

Ключевые слова: тактический комплекс, тактическая операция, тактическая комбинация, следственная ситуация, криминалистическая тактика.

Vladislava S. Gushchina

master's student of the law faculty,
St. Petersburg State University

Research supervisor Svetlana P. Kushnirenko,
PhD in law, Associate Professor,
Department of Criminal Procedure and Criminalistics,
St. Petersburg State University

THE RELEVANCE OF THE USE OF TACTICAL COMPLEXES AT THE STAGE OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION

The article considers questions about necessity of development of tactical combinations for various investigative situations, about distinction and correlation of concepts "tactical complex", "tactical operation" and "tactical combination", different approaches to classification of tactical complexes are resulted. This topic has long been a controversial one in a scientific community, however, to date, there are no exact answers to the designated questions. The authors propose the concept of differentiating the terms "tactical operation" and "tactical combination" and

their unification under the general concept of "tactical complex". The authors also propose a classification of tactical complexes.

Key words: tactical complex, tactical operation, tactical combination, investigative situation, forensic tactics.

Для решения сложных следственных задач, в зависимости от сложившейся ситуации, следователь определяет промежуточные задачи по установлению тех или иных обстоятельств и обозначает пути их решения. В зависимости от ситуации решение этих задач может быть довольно простым и осуществляться при помощи одного следственного или процессуального действия. Но в некоторых случаях это затруднительный процесс, который требует сочетания нескольких следственных, процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий. В связи с этим появляется необходимость разработки тактических комплексов следственных, процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Важной задачей при их разработке является понимание адресата тактических комплексов и этапа, на котором рекомендуются их проведение.

Например, если данный комплекс адресован следователям, то нет необходимости подробно расписывать особенности, условия, тактику проведения оперативно-розыскных мероприятий. Но стоит уделить внимание взаимодействию следователей с сотрудниками, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, проверке результатов оперативно-розыскной деятельности и т.п.

Кроме того, необходимо определиться со стадией уголовного процесса, для которой создаются тактические комплексы. Так, на стадии доследственной проверки писать о производстве обыска недопустимо. Но на стадии предварительного следствия нет оснований ограничиваться лишь теми следственными и процессуальными действиями, которые перечисленными в ст. 144 УПК РФ.

Проблематика тактических комплексов проявляется уже с момента изучения понятийного аппарата, по поводу которого ведутся активные дискуссии в доктрине. В криминалистической литературе можно встретить следующие термины: «тактическая комбинация», «криминалистическая комбинация», «криминалистический комплекс», «тактическая операция», «криминалистическая операция», «следственная операция», «специальная операция» и многие другие.

Первым ученым, посвятившим свои работы тактическим операциям, был доктор юридических наук Андрей Васильевич Дулов. Он писал о невозможности решения задач предварительного расследования при использовании лишь отдельного следственного действия. В своих

работах ученый предлагал разрабатывать тактические рекомендации в рамках совокупности мероприятий для решения сложных задач предварительного расследования и называл совокупность таких мероприятий «тактическими операциями» [12, с. 23-26].

А. В. Дулов и сторонники его идей сходятся во мнении, что тактические операции ограничиваются системой следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий и иных процессуальных действий, не упоминают тактические приемы в рамках одного следственного, процессуального действия или оперативно-розыскного мероприятия» [15, с. 506].

Но не все ученые используют данную дефиницию. Так, доктор юридических наук Рафаил Самуилович Белкин ввел термин «тактическая комбинация», под которым понимал «определенное сочетание тактических приемов или следственных действий, преследующие цель решения конкретной задачи расследования и обусловленное этой целью и следственной ситуацией» [14, с. 211]. Также Р. С. Белкин писал, что в «случае использования в тактической комбинации и оперативно-розыскных действий она будет именоваться оперативно-тактической» [14, с. 211].

В настоящее время многие ученые сходятся во мнении, что понятия «тактическая комбинация» и «тактическая операция» не тождественные и их необходимо разграничивать. Так, по мнению Тамары Алексеевны Седовой, Светланы Петровны Кушниренко и Владимира Дмитриевича Пристанкова, «тактическая операция – это система согласованных и взаимосвязанных по целевому назначению следственных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий, разрабатываемых с учетом сложившейся следственной ситуации, подчиненных единому плану и осуществляемых под руководством уполномоченного лица для решения определенных тактических задач выявления, расследования и предупреждения преступлений» [16, с. 296]. При этом в рамках производства одного, но достаточно сложного следственного действия, требующего тщательной подготовки, например, при производстве обыска, осмотра места происшествия, следственного эксперимента, допроса и др., может применяться сочетание тактических приемов, то есть тактическая комбинация, под которой понимается «оптимальное сочетание тактических приемов, применяемых в процессе подготовки и производства следственного действия, направленных на решение конкретной промежуточной задачи расследования обусловленное следственной ситуацией» [16, с. 297].

Эту позицию поддержали А. Е. Михальчук и В. В. Степанов. По их мнению, тактические комбинации могут применяться отдельно,

иметь независимый характер, а также быть структурным элементом тактической операции [20, с. 36]. А. В. Дулов также придерживался данного суждения, пояснив, что тактические комбинации – это «разновидность тактических операций, направленная на реализацию отдельного тактического приема» [13, с. 44].

Доктор юридических наук Елена Рафаиловна Россинская, придерживаясь иной позиции, писала о том, что термин «тактическая комбинация» более широкий нежели «тактическая операция». По ее мнению, «под операцией обычно понимают законченное действие или ряд связанных между собой действий, направленных на решение определенной задачи, комбинация – сочетание, взаимное расположение объединенных общим замыслом приемов, действий» [15, с. 507]. Таким образом, термин «комбинация» характеризуется именно сочетанием, единым умыслом, взаимодействием для решения криминалистических задач.

А. Ю. Головин предложил использовать новый термин «тактический комплекс», под которым понимал «разноуровневые системы следственных, оперативно-розыскных и организационных действий, приемов, направленных на решение поставленных задач при расследовании уголовного дела» [10, с. 288].

Преимущество данной позиции заключается в том, что она систематизирует научные знания о тактических комбинациях и операциях, что позволяет проводить дальнейшие криминалистические исследования в едином терминологическом пространстве, помогает разграничить объем используемой терминологии. Но понятие, предложенное А.Ю. Головиным, не решает до конца вопрос о соотношении понятий «тактическая комбинация» и «тактическая операция».

Представляется, что тактические операции и комбинации являются самостоятельными видами тактических комплексов. При использовании термина «тактическая комбинация» речь идет о совокупности тактических приемов, проводимых в рамках одного или нескольких следственных, процессуальных или оперативно-розыскных мероприятий. При использовании термина «тактическая операция» говорится о совокупности следственных, процессуальных действий, а также оперативно-розыскных мероприятий для решения одной или нескольких задач.

Итак, в криминалистической науке сохраняется необходимость выработки единой системы понятийного-категориального аппарата, ввода специальных терминов, обозначающие совокупность следственных, процессуальных и оперативно-розыскных мероприятий, обусловленных необходимостью достижения определенных задач расследования. В доктрине существуют три доминирующих термина: «тактический

комплекс», «тактическая комбинация» и «тактическая операция». На сегодняшний день нет окончательно разработанного понятийного аппарата, разрешающих вопрос о соотношении данных терминов.

Можно прийти к мнению, что термин «тактический комплекс» более широкий и включает в себя остальные понятия. Среди которых выделяют два самостоятельных термина: «тактическая операция», являющаяся совокупностью следственных, процессуальных действий, оперативно-розыскных мероприятий и «тактический комплекс», являющийся совокупность тактических приемов в рамках одного конкретного следственного, процессуального действия или оперативно-розыскного мероприятия.

Изучение понятийного аппарата тактических комплексов, операций и комбинаций неизбежно приводит к рассмотрению их классификации.

Основываясь на классификациях ведущих исследователей [8, с. 219-222; 14, с. 213; 17, с. 19-20; 24, с. 147–148], предлагаю собственную классификацию.

Тактические комплексы подразделяются на тактические операции и тактические комбинации. Тактические операции, в свою очередь, подразделяются:

по содержанию на:

- однородные, в которые входит совокупность однородных действий (либо только следственные действия, либо процессуальные, либо оперативно-розыскные мероприятия);
- неоднородные, в которые входят совокупность следственных, процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

по временной структуре на:

- сквозные, которые проводятся на протяжении всего расследования;
- локальные, которые проводятся на одном этапе расследования. в зависимости от ведомства на проводимые сотрудниками:
- одного ведомства;
- разных ведомств.

по организационной структуре на проводимые сотрудниками правоохранительных органов, действующих:

- в постоянном структурном звене;
 - во временном промежутке.
- по сфере применения на применяемые при расследовании:
- всех преступлений (например, установление субъекта);
 - группы преступлений (например, причинения вреда разной степени);

- одного конкретного вида преступлений (например, установление заведомости при ложном доносе).

в зависимости от функциональной направленности:

- направленные на обнаружение, сбор, закрепление;
- комплексные.

Особенностью классификации тактических комбинаций является то, что в рамках проведения следственных, процессуальных или оперативно-розыскных мероприятий, может использоваться открытый перечень тактических приемов, дозволенных законом.

На сегодняшний день нет окончательно разработанного понятийного аппарата, разрешающих вопрос о соотношении данных определений. Видится, что термин «тактический комплекс» более широкий, включает в себя остальные понятия, среди которых выделяют два самостоятельных термина «тактическая операция», являющаяся совокупностью следственных, процессуальных действий, оперативно-розыскных мероприятий и «тактический комплекс», являющийся совокупностью тактических приемов в рамках одного конкретного следственного, процессуального действия или оперативно-розыскного мероприятия.

Список использованных источников

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // «Собрание законодательства РФ», 26.01.2009, № 4, ст. 445.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021) // «Парламентская газета», № 241-242, 22.12.2001.
3. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Библиотечка «Российской газеты» совместно с библиотечкой журнала «Социальная защита», 1995 г., № 11.
4. Конвенция «О защите прав человека и основных свобод» (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) (вместе с «Протоколом № 1» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Собрание законодательства РФ, 08.01.2001, № 2, ст. 163.
5. Асташкина Е. Н., Марочкин Н. А., Михальчук А. Е., Решетников В. Я. Расследование преступлений. Криминалистические комплексы: учеб.практ. пособие. М., 2003.

6. Гарифуллин И. Р. Понятие и сущность тактической операции // Южно-уральские криминалистические чтения: сборник научных статей. Вып. № 14 / под ред. И. А. Макаренко. Уфа, 2006.
7. Годовникова А. М. Основные тактические комбинации при выявлении и расследовании взяточничества и коммерческого подкупа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2012.
8. Головин А. Ю. Криминалистическая систематика. М., 2002.
9. Головин А. Ю. Криминалистические системы и классификации: вопросы практического использования // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2013. № 1-2.
10. Головин А. Ю. Теоретические основы и актуальные проблемы криминалистической систематики на современном этапе развития криминалистики: специальность 12.00.09 «Уголовный процесс»: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Головин Александр Юрьевич. Тула. 2002. 460 с.;
11. Густов Г. А. О некоторых путях улучшения предварительного следствия. М., 1973.
12. Дулов А. В. О разработке тактических операций при расследовании преступлений // 50 лет советской прокуратуры и проблемы совершенствования предварительного следствия. Л., 1972.
13. Дулов А. В. Тактические операции при расследовании преступлений. Минск, 1979.
14. Белкин Р. С. Курс криминалистики: Частные криминалистические теории. В 3-х томах. Т. 2. М., 1997.
15. Криминалистика: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2022.
16. Криминалистика / под ред. Седовой Т. А., Кушниренко С. П., Пристанскова В. Д. М., 2021.
17. Криминалистическая тактика: учебное пособие для академического бакалавриата / под редакцией Л. Я. Драпкина. Москва, 2018.
18. Лакомская М. Ю. Тактические операции и их прикладное назначение в расследовании преступлений // Вестник КРУ МВД России. 2018. № 2 (40).
19. Малютин М. П. Тактические приемы в расследовании преступлений: монография. М., 2009.
20. Михальчук А. Е., Степанов В. В. Соотношение тактических операций и комбинаций в криминалистике // Проблемы интенсификации деятельности по расследованию преступлений: Межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1987.
21. Низамов В. Ю., Егерев И. М. Тенденции применения тактических приемов в предварительном расследовании // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право, 2022. № 13 (1).
22. Подшибякин А. С. Тактические операции и охрана законных прав и интересов граждан при расследовании преступлений // Проблемы правового статуса личности в уголовном процессе. Саратов, 1981.
23. Руденко А. В., Завьялов В. А. Дифференциация понятий «Тактическая операция» и «Тактическая комбинация» // Теория и практика общественного развития. 2015. № 21.

24. Шиканов В. И. Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях современного научно-технического прогресса: на материале процессуальных и криминалистических исследований уголовных дел об убийстве. Иркутск, 1978.
25. Завьялов В. А. Формирование и реализация тактических операций: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2021.

Ф. И. Ильин

аспирант
кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Санкт-Петербургский государственный университет

К ВОПРОСУ ОБ ОТНЕСЕНИИ СУДА К СУБЪЕКТАМ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ НЕОБХОДИМОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Непрерывное ускорение научно-технического прогресса обуславливает объективное и перманентное возрастание роли криминалистики при осуществлении судебного разбирательства, в ходе судебного следствия, деятельности суда, связанной с истребованием, исследованием и оценкой доказательств, личности подсудимого, квалификацией деяния, назначением, проведением и оценкой результатов судебных следственных действий. К субъектам криминалистической деятельности предлагается отнести суд. К предмету криминалистики предлагается отнести закономерности осуществляемой судом деятельности по судебному разбирательству уголовного дела, так как достижение конечной цели и результата расследования, направленного на раскрытие преступления, то есть, установления виновности конкретного лица в совершении инкриминируемого деяния, возможно только в результате деятельности суда по всестороннему, полному и объективному разрешению уголовного дела и постановлению приговора.

Ключевые слова: криминалистическое обеспечение судебного разбирательства, уголовное судопроизводство, объективная истина

Fedor I. Ilin

PhD student, Department of Criminal Procedure and Criminalistics
St. Petersburg State University

TO THE QUESTION OF IDENTIFYING THE COURT AS A SUBJECT OF CRIMINALISTIC ACTIVITY IN THE CONTEXT OF THE NEED TO USE CRIMINALISTIC SUPPORT FOR COURT PROCEEDINGS IN A CRIMINAL CASE

The continuous acceleration of scientific and technological progress causes objective and permanent increase in the role of criminalistics in the course of judicial proceedings, in the course of judicial investigation, court proceedings related to obtaining, examining and evaluating evidence, the identity of the defendant, qualification of acts, assigning, conducting and evaluating the results of judicial investigative actions. It is proposed to include the court to the subjects of criminalistic activity. It is proposed to include to the subject of criminalistics regularities of court activity on court proceedings of a criminal case, as achievement of the ultimate goal and result of investigation aimed at revealing a crime, that is, the

establishment of guilt of a particular person in the commission of an incriminated act, is possible only as a result of court activity on a comprehensive, complete and objective resolution of a criminal case and the determination of a sentence.

Keywords: criminalistic support of judicial proceedings, criminal proceedings, objective truth.

Вершиной правоприменительной деятельности по уголовным делам является судебное разбирательство - урегулированная законом деятельность суда по рассмотрению уголовных дел в первой, апелляционной, кассационной инстанциях, а также в порядке надзора, ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств, завершающаяся установлением виновности подсудимого, назначением ему наказания либо оправданием невинного. Правосудие по уголовным делам обязательно предполагает деятельность, направленную не только на установление виновности подсудимых, но и на применение к ним мер наказания [16, с. 36].

Следует согласиться с распространенной в доктрине позицией, в соответствии с которой «качественное осуществление правосудия неразрывно связано с принципом специализации судебной власти, которая может быть как внешней, так и внутренней. Специализация судей предполагает обладание каким-либо специальным знанием, квалификацией в определенной области, целью которого является повышение профессионального уровня судьи [7, с. 8].

Судьи, равно как и другие участники процесса при рассмотрении и разрешении уголовного дела по существу, не могут ограничиваться только знаниями в области уголовного права и уголовного процесса. В профессиональной деятельности суду необходимы специфические знания и навыки криминалистического характера [6, с. 14].

Уместно напомнить в этой связи высказывание известного криминалиста Ганса Гросса, который еще с момента становления криминалистики, как науки, в работе «Руководство для судебных следователей как система криминалистики» указывал, что «самые ценные положения уголовного права «лишены всякого значения, если судья не сумеет применить эти отвлеченности к реальностям текущей жизни: если он не понимает или неправильно оценивает показания свидетелей, значение их наблюдений, если его вводят в заблуждение приемы злоумышленников, если он не сумеет использовать следы преступления и если он вообще не знаком с бесчисленными положениями, совокупность которых составляет криминалистику» [5, с. VIII – IX].

Судебное разбирательство, являясь заключительным актом оценки результатов расследования, должно отвечать повышенным тре-

бованиям, в том числе в вопросе качества проведения судебного следствия, профессиональном развитии судей, что, по нашему мнению, немислимо без широкого применения криминалистических средств и методов. Как уже отмечалось ранее, повышение качества судебного следствия, установление недостатков и упущений досудебного расследования, исследование доказательств, допрос свидетелей в ходе судебного следствия, проведение судебного осмотра места происшествия, судебный эксперимент, назначение судебной экспертизы и другие действия представляются затруднительными без обращения к современным достижениям криминалистической тактики, техники, методов и приемов, чему не раз мы находили подтверждение в правоприменительной практике.

Возрастание значения криминалистики при осуществлении судопроизводства по уголовным делам подтверждается и тем обстоятельством, что в число полномочий суда входит сбор доказательств [14].

В случае, если судьи в достаточной степени владеют современными достижениями криминалистики и криминалистическими методиками, в ходе разбирательства они являются вполне независимыми при отправлении правосудия и способны объективно оценить всю совокупность доказательств по уголовному делу.

Не случайно, ряд правоведов, анализируя данный вопрос, обращаются к возможности заимствования институтов криминалистики и их использования в судебном разбирательстве по уголовному делу. Используются понятия «тактика судебных действий», «тактика судебного осмотра», возникает и прорабатывается «криминалистическая методика судебного разбирательства уголовных дел», выделяются классификации «судебной ситуации» как элемента методики судебного разбирательства, которая представляет собой положение судебного разбирательства, определяемое объемом, содержанием судебных доказательств и иной информацией, находящейся в распоряжении суда к моменту начала или в процессе судебного следствия, понятие «судебной версии» с соответствующими классификациями как основанное на фактических данных логически правильное предположение судьи о событии преступления, виновности или невиновности подсудимого и о других обстоятельствах уголовного дела.

Затрагивая отдельные проблемные вопросы или особенности криминалистического обеспечения судебного разбирательства, необходимо остановиться на проблемах криминалистического обеспечения уголовного судопроизводства, как процессуальной формы публично-правовых отношений, возникающих между судом и иными субъектами права.

Во-первых, это проблема отнесения суда к субъектам криминалистической деятельности, поскольку мы полагаем, что деятельность, направленная на раскрытие преступления, является двуединым процессом.

Завершающей частью данного процесса следует признать судебное разбирательство.

Данный вопрос представляется актуальным для современной доктрины криминалистики с учетом наличия научного интереса к нему у многих исследователей. Л. Е. Ароцкер писал, что важнейшими условиями, определяющими своеобразие применения положений криминалистической тактики судом, являются: участие суда в исследовании доказательств, требование непосредственного восприятия судом всех доказательств, тщательной их проверки и оценки, а также проведение судом процессуальных действий, уже ранее проводившихся следователем, так и новых [1].

Л. Е. Ароцкер уделяет внимание таким вопросам как «судебный осмотр места происшествия и вещественных доказательств», его сущности, подготовки и тактики, а также уделяет внимание «планированию судебного следствия, порядку и технике такого планирования». Не лишённой аргументации представляется позиция С. В. Булатовой, которая указывает, что «суд правоохранительную деятельность не осуществляет, реализует функцию разрешения дела самостоятельно, действует независимо, следовательно, к органам исполнительным - правоохранительным - относиться не может. Однако законодательство стирает эту грань, наделяя суды правом производства ряда процессуальных действий, которые ранее органом расследования не проводились (осмотр местности и помещений, следственный эксперимент, предъявление для опознания, освидетельствование) [3, с. 101-108].

Во-вторых, необходимо указать на проблему расширения предмета криминалистики в контексте отнесения суда к субъектам криминалистической деятельности. Полагаем необходимым отнести к предмету криминалистики закономерности осуществляемой судом деятельности по судебному разбирательству уголовного дела, так как достижение конечной цели и результата расследования, направленного на раскрытие преступления, то есть, установления виновности конкретного лица в совершении инкриминируемого ему деяния возможно только в результате деятельности суда по всестороннему, полному и объективному разрешению уголовного дела и постановлению приговора.

И, наконец, третий вопрос - это цель криминалистического обеспечения судебного разбирательства, которая неразрывно связана с задачей самого судебного разбирательства. Полагаем, что криминалистиче-

ское обеспечение судебного разбирательства направлено на осуществление судебной защиты прав и свобод человека, реализацию полномочий по установлению виновности или невиновности лиц в целях всестороннего, полного и объективного разрешения уголовного дела, исследования и оценки совокупности имеющихся в деле доказательств.

Анализируя вопросы, связанные с криминалистическим обеспечением судебного разбирательства, предполагающим владение судьей криминалистическими методиками, тактикой, а также реализацию полномочий суда по собиранию доказательств, необходимо затронуть и вопрос об установлении судьей материальной (объективной) истины, которая часто рассматривается в качестве конечной цели не только в уголовном судопроизводстве в целом, но и в судебном разбирательстве по уголовному делу, а соответственно, обратиться к вопросу о непосредственной цели такого криминалистического обеспечения. Мы исходим из невозможности установления такой философской категории как «объективная истина» в судебном разбирательстве состязательного характера.

Рассматривая вопрос об отнесении суда к субъектам криминалистической деятельности, необходимо указать, что традиционно высказывается мнение, что деятельность по предварительному расследованию преступлений является ядром криминалистической деятельности, а следователь - основным элементом этой системы [9, с. 4-5]; среди субъектов криминалистической деятельности часто указываются только следователь, дознаватель, эксперт-криминалист, оперативный работник.

Следователь (дознаватель) является основным элементом этой системы [9, с. 4-5], целью предварительного расследования является избрание виновных лиц, которое осуществляет, в частности, такой субъект, как следователь. Некоторые криминалисты вообще исключают суд из субъектов криминалистической деятельности [9, с. 4-5]. При этом иногда игнорируется то обстоятельство, что судебное разбирательство является завершающей частью двуединого процесса деятельности по расследованию преступления, направленной на раскрытие преступления, а раскрыть преступление, то есть, установить виновность лица в его совершении, можно лишь по результатам судебного разбирательства.

В литературе справедливо указывается, что установить виновность и мотивы лиц, можно лишь по результатам всего расследования [9, с. 346]. Расследование преступления является общим понятием, охватывающим установление всех существенных обстоятельств расследуемого события, в том числе виновных лиц и состава преступления в их деянии или отсутствие состава преступления, влекущего за собой пре-

кращение дела [4, с. 4], под раскрытием преступления понимается обнаружение преступления и установление виновных, что является главным в расследовании преступлений [4, с. 4]. При этом соотношение понятий «расследование» и «раскрытие» понимается как деятельность и цель [13, с. 170-179].

Рассматривая данный вопрос, необходимо учесть, что в соответствии с нормой, установленной ч. 1 ст. 49 Конституции РФ, каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда, а в соответствии с положениями ст. 8 УПК РФ никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда.

Таким образом, только суд в силу презумпции невиновности полномочен признать обвиняемого виновным [11, с. 157]. Позиция о том, что расследование и судебное разбирательство - части единого уголовного судопроизводства, а методика судебного разбирательства не может существовать в отрыве от методики расследования высказывается в литературе [10, с. 219].

Если признавать, что раскрытие преступления является целью всей деятельности по расследованию преступления, то раскрытие преступления не может признаваться результатом предварительного расследования, поскольку преступление можно считать раскрытым только тогда, когда вступившим в законную силу приговором суда установлена виновность конкретного лица в совершении инкриминируемого ему деяния.

Поскольку судебное разбирательство является завершающей частью двуединого процесса деятельности по расследованию преступления, направленного на раскрытие преступления, а раскрыть преступление, то есть, установить виновность лица в его совершении можно лишь по результатам судебного разбирательства, то к криминалистической деятельности в обязательном порядке следует отнести не только предварительное расследование, но и судебное разбирательство, которое, как и предварительное расследование, должно сопровождаться криминалистическим обеспечением, а к субъектам криминалистической деятельности предлагается отнести суд.

В связи с этим вызывает возражение позиция криминалистов, которые исключают суд из субъектов криминалистической деятельности [9, с. 416].

Рассматривая вопрос о цели криминалистического обеспечения судебного разбирательства, целесообразно обсудить его с позиции о не-

возможности установления в судебном разбирательстве состязательного характера такой философской, а не юридической по своей сути категории, как «объективная истина».

Нам представляется необходимым обратиться к такому концептуальному понятию философии права как «объективная истина» по следующим основаниям.

На наш взгляд, справедливо звучит высказывание криминалиста Р. С. Белкина: «Любая конкретная наука не только может, но и должна претендовать на такую связь с философией, что и наука самого общего характера (например, теория государства и права). ...каждая конкретная наука немислима без собственной методологической базы, суть которой составляют основные положения... философии, конкретизированные применительно к предмету данной науки...»[2, с. 31]

Вспоминаются в данном ключе также слова известного русского философа 20 века П. А. Флоренского, который писал, разъясняя содержание понятия истины в евангельском контексте указывал: «Истина есть непрременное обетование Божие, обеспечением которого служит верность и неизменность Господа. Истина, следовательно, есть понятие не онтологическое, как у славян, и не гносеологическое, как у эллинов, и не юридическое, как у римлян, а историческое или, скорее, священно-историческое, теократическое. [...] «Что есть истина?» вопрошал Пилат у Истины. Он не получил ответа, – потому не получил, что вопрос его был всуе. Живой Ответ стоял пред ним, но Пилат не видел в Истине её истинности [18, с. 22-23].

Поэтому, безусловно, проблему содержания понятия истины по совету Р. С. Белкина нужно рассмотреть и в философском контексте.

Для этого обратимся к труду французского философа 20 века Мишеля Фуко. Мишель Фуко, хоть и не являлся юристом, но читал лекции юристам по философии, например в Католическом епископальном Университете Рио-де Жанейро, кроме того теме правосудия посвящены многие тексты М. Фуко, например, посвященные психологическому портрету массового французского убийцы П. Ривьера. Много философских рассуждений М. Фуко было посвящено французским тюрьмам, в том числе тюрьме Френа, а сам Фуко входил в правозащитную французскую группу «Группа информации по тюрьмам».

Поэтому, нам представляется обоснованным обратиться размышлениям философа Мишеля Фуко в лекции «Истина и правовые установления», в которой философ обратился в качестве примера к таким древнегреческим произведениям, как «Илиада» и «Царь Эдип». Кроме того, ряд исследователей, например, С. А. Пашин в работе «Психологические

основания правового регулирования допроса в уголовном судопроизводстве», В. В. Колосовский в монографии «Теоретические проблемы квалификации уголовно-правовых деяний» отмечают важность размышлений данного философа в контексте анализа законодательства, посвященного уголовному судопроизводству.

В истории «Царя Эдипа», Мишель Фуко усматривает пример действия механизма установления истины в вопросе об убийце отца царя Эдипа. Философ выделяет следующие характеристики «объективной истины»:

- ответственность за окончательное раскрытие истины, ложится на богов, только верховное божество выявляет истину в случае ложных показаний участников процесса («Илиада»);
- имеет место взаимодействие между показаниями свидетелей и теократическими пророчествами, которое образует символический мир;
- чтобы узнать имя обвиняемого в совершении преступления, приходится взывать к божественному провидцу («Царь Эдип»).

Выводы французского философа подтверждают позицию, заключающуюся в том, что «человеческое познание не только несовершенно, но и недостаточно, чтобы познать истину в уголовном процессе. Все, на что способен суд, - это отыскать субъективную истину. Такая истина и именуется «судебной истиной», «юридической достоверностью» [17, с. 36-37].

Полагаем, что достижение «объективной истины» в современном уголовном процессе невозможно, вследствие полного отсутствия «теократического элемента» в современном российском праве.

Обращаясь к отечественному законодательству, необходимо отметить, что в действующем УПК РФ не содержится нормы, указывающей на установление истины в качестве цели уголовного судопроизводства или раскрывающей само понятие истины. На отсутствие прямого закрепления принципа объективной истины в действующем российском законодательстве указывается в литературе [12, с. 220], а проект Федерального Закона № 440058-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу», внесенный в 2014 году в Государственную Думу РФ, был снят с рассмотрения в 2018 году, получив отрицательное заключение аппарата Государственной Думы РФ и отрицательный официальный отзыв Правительства РФ.

Представляется обоснованной позиция, содержащаяся в Заключение ПУ Аппарата ГД ФС РФ «По проекту федерального закона № 440058-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс

Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу».

Так, в Заключении значится: «Обращаем внимание, что термин «объективная истина» не является правовым, не употребляется в законодательстве Российской Федерации, в том числе в процессуальном законодательстве. Сам по себе процесс установления объективной истины носит субъективный характер, поскольку осуществляется человеком, обладающим теми или иными субъективными качествами: убеждениями, моральными и деловыми принципами, квалификацией и т.п.» [8, с. 1-2].

В данном заключении правильно, с нашей точки зрения, значится, что «в связи с невозможностью определения в законодательном акте каких-либо критериев достижения объективной истины, установление такого принципа в уголовном процессе будет носить декларативный характер. Сказанное не умаляет и не исключает предусмотренного нормами УПК РФ требования о необходимости всестороннего, полного и объективного производства предварительного расследования и разрешения дела по существу (часть первая статьи 33, часть четвертая статьи 152, часть вторая статьи 154, статья 239.1, части первая и шестая статьи 330 УПК РФ).

Для чего же в таком случае необходимо криминалистическое обеспечение судебного разбирательства?

Если руководствоваться идеей о том, что «истина в процессе есть форма отражения субъективного представления судей» [15, с. 243-247] о виновности или невиновности лица в совершении преступления, то использование криминалистического обеспечения судебного разбирательства по уголовному делу является целесообразным. Использование судебными работниками достижений криминалистики будет являться важной гарантией объективной оценки доказательств, полученных с помощью современной криминалистической техники и технологий, а применение криминалистического инструментария (средства, методы и программы исследования, методики, алгоритмы производства отдельных процессуальных действий и др.) будет способствовать всестороннему, полному и объективному разрешению уголовного дела, исследованию и оценке совокупности имеющихся в деле доказательств по своему внутреннему убеждению, постановлению законного и обоснованного приговора.

Так, криминалистическое обеспечение судебного разбирательства совершенно необходимо в контексте разработки методики судебного рассмотрения уголовных дел о конкретных видах преступлений, в том числе преступлений против безопасности движения и эксплуатации

транспорта, ятрогенных преступлений, а также коррупционных преступлений, так как судебное разбирательство уголовных дел является сложной организационной, познавательной и удостоверительной деятельностью. Так, от каждого вид преступления, будут то коррупционное или ятрогенное, зависит алгоритм действия судьи по получению доказательств, исследованию судьей уже имеющихся в деле доказательств, тактика судебного осмотра и иных судебных действий, построение судебных версий. Полагаем, что методика судебного рассмотрения прежде всего отражает своеобразие судебного рассмотрения отдельных категорий уголовных дел, видов преступлений, если брать за основу уголовно-правовое деление преступлений.

Однако, в данной статье мы не будем погружаться более подробно в вопрос создания криминалистической методики судебного рассмотрения уголовных дел о конкретных видах преступлений, так как это будет являться темой следующих наших научных статей.

Мы приходим к следующим выводам:

1. Криминалистическое обеспечение судебного разбирательства по уголовным делам представляет собой систему современных криминалистических знаний и основанных на них необходимых навыков и умений осуществляющих правосудие лиц использовать научные криминалистические рекомендации, применять криминалистический инструментарий (средства, методы и программы исследования, методики, алгоритмы производства отдельных процессуальных действий и др.) при осуществлении судебной защиты прав и свобод человека, реализации в ходе судебного разбирательства полномочий по установлению виновности или невиновности лиц, обвиняемых в совершении преступлений в целях всестороннего, полного и объективного разрешения уголовного дела, исследования и оценки совокупности имеющихся в деле доказательств по своему внутреннему убеждению, руководствуясь при этом законом и совестью, постановлению законного, обоснованного и справедливого приговора.

2. Непрерывное ускорение научно-технического прогресса обуславливает объективное и перманентное возрастание роли криминалистики при осуществлении судебного разбирательства, в ходе судебного следствия, деятельности суда, связанной с истребованием, исследованием и оценкой доказательств, личности подсудимого, квалификацией деяния, назначением, проведением и оценкой результатов судебных следственных действий.

3. Судебное разбирательство является завершающей частью двуединого процесса деятельности по расследованию преступления,

направленного на раскрытие преступления, поэтому к субъектам криминалистической деятельности необходимо отнести суд, а к предмету криминалистики – закономерности осуществляемой судом деятельности по судебному разбирательству уголовного дела.

4. Относя суд к субъектам криминалистической деятельности, к предмету криминалистики предлагается отнести закономерности осуществляемой судом деятельности по судебному разбирательству уголовного дела, так как достижение конечной цели и результата расследования, направленного на раскрытие преступления, то есть, установления виновности конкретного лица в совершении инкриминируемого ему деяния, возможно только в результате деятельности суда по всестороннему, полному и объективному разрешению уголовного дела и постановлению приговора.

5. Целью судебного разбирательства в состязательном процессе, осуществляемого в современной России, является получение ответа на вопрос о виновности или невиновности подсудимого, а не установление объективной истины, соответственно, криминалистическое обеспечение судебного разбирательства должно активно способствовать именно этой цели. Необходимо разделять категории «установление объективной истины» и «полное, всестороннее, объективное рассмотрение (разрешение)». При этом судебное разбирательство направлено на полное, всестороннее, объективное рассмотрение и разрешение дела, тогда как, понятие «объективная истина» носит «философский» характер, не является нормативно установленной юридической категорией, и не может поэтому являться целью судебного разбирательства и соответственно криминалистического обеспечения.

Список использованных источников

1. Ароцкер Л. Е. Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве уголовных дел. М., 1964.
2. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001.
3. Булатова С. В. Криминалистическая деятельность защитника в процессе собирания доказательств // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2018. № 6.
4. Васильев А. Н. Введение в курс советской криминалистики. М., 1962.
5. Гросс Ганс. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М., 2002.
6. Гармаев Ю. П., Кириллова А. А. Судебное разбирательство по уголовным делам об убийствах, предусмотренных ч. 1 ст. 105 УК РФ: криминалистические и уголовно-процессуальные аспекты (Подготовлен для системы КонсультантПлюс). 2014.

7. Ефимова Ю. В. Специализация гражданско-процессуальной деятельности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005.
8. Заключение ПУ Аппарата ГД ФС РФ «По проекту федерального закона № 440058-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <https://sozd.duma.gov.ru/>
9. Ищенко Е. П. Криминалистика: Курс лекций. М., 2007.
10. Корчагин А. Ю. Организационно-тактические и методические основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. Краснодар, 2008.
11. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М., 2016.
12. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. М., 2017.
13. Низамов В. Ю. К вопросу о понятии «раскрытие преступления» в криминалистике и уголовном процессе // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 1.
14. Определение Конституционного Суда РФ «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Бокситогорского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности части первой статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 06.03.2003 № 104-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Пальчикова Н. В. К вопросу о характере истины в уголовно-процессуальном познании // Общество и право. 2009. № 5.
16. Рыжаков А. П. Правоохранительные органы: учебник для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2015.
17. Филимонов Б. А. Основы теории доказательств в германском уголовном процессе. М., 1994.
18. Флоренский П. А. Столп и утверждение Истины. Т. 1. М., 1990.

Д. С. Костенко

аспирант кафедры уголовного
процесса и криминалистики,
Сибирский федеральный университет

ВЫРАЖЕНИЕ СВОЙСТВА АВТОНОМНОСТИ ЗАПРЕТОВ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В УГОЛОВНО- ПРОЦЕДУРАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СТРАН БЫВШЕГО СССР

В статье дается подход к обоснованию свойства автономности меры пресечения, которое сформулировано как выражение самостоятельности отдельных уголовно-процессуальных ограничений в их определенной совокупности, формирующих отдельную меру пресечения. Через данное свойство рассматриваются актуальные особенности выражения ограничений института мер пресечения государств, формировавших Союз Советских Социалистических Республик.

Ключевые слова: меры пресечения, запрет определенных действий, домашний арест, автономность запрета определённых действий.

Dmitrii S. Kostenko

Post-graduate student,
Department of Criminal procedure and Criminalistics,
Siberian Federal University (Krasnoyarsk)

EXPRESSION OF THE AUTONOMY OF THE PROHIBITIONS OF CERTAIN ACTS IN THE CRIMINAL PROCEDURAL LEGISLATION OF THE COUNTRIES OF THE FORMER USSR

The article gives an approach to substantiating the autonomy of the preventive measure, which is formulated as an expression of the autonomy of individual criminal procedural restrictions in a certain set of them, which form a separate measure of restraint. This property considers the actual features of the expression of restrictions on the institution of measures of restraint of the States that formed the Union of Soviet Socialist Republics.

Keywords: measures of restraint, prohibitions of certain acts, house arrest, autonomy of the prohibition of certain acts.

Существующий в российском уголовно-процессуальном законодательстве институт мер пресечения имеет ряд свойств, которые выражают закономерности функционирования действия характерных для него правовых норм. Традиционно среди таких свойств выделяются: существенное ущемление прав и свобод лиц, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальной деятельности при воздействии на них мер пресечения; направленность мер воздействия на пресечение возможности

уклонения от следствия и суда, воспрепятствование установлению объективной истины или продолжению преступной деятельности, обеспечение исполнения приговора; применение мер пресечения является правом, а не обязанностью уполномоченного лица; каждая из мер пресечения обладает своими особенностями и применяется лишь при определенных условиях [5, с. 65-69] и имеет определенные пределы [7, с. 22]; меры пресечения выступают как форма уголовно-процессуальной ответственности [6, с. 11]; обеспечивают моральное воздействие [6, с. 15]; установлены уголовно-процессуальным законодательством в закрытом перечне [[6, с. 18]; имеют законодательные основания порядка применения, которые являются гарантией беспристрастности избрания мер пресечения [6, с. 31]; невозможно совместное применение с мерами административного принуждения; применение мер пресечения должно гарантировать соблюдение прав и законных интересов личности; не являются карой [6, с. 23-26]; возможность дознавателя, следователя и суда в пределах предоставленных им полномочий избрать обвиняемому, подозреваемому лишь одну из мер пресечения (ч. 1 ст. 97 УПК РФ).

С момента введения в уголовно процессуальный закон меры пресечения в виде запрета определенных действий последнее свойство из вышеуказанного перечня приобрело особое значение. Представляется, что его подробное описание является одной из отправных точек для дальнейшего совершенствования теории и практики применения мер пресечения в этом направлении.

Запрет определенных действий является самостоятельной мерой пресечения, содержащей при этом перечень из шести различных запретов. Помимо этого, некоторые из этих запретов могут применяться совместно с залогом (запреты, предусмотренные п.п. 2-6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ) и домашним арестом (запреты, предусмотренные п.п. 3-5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ). Трактовка положений уголовно-процессуального закона (ч. 1.1 ст. 97 УПК РФ) позволяет установить, что данные ограничения являются «дополнительными» к «основной» мере пресечения, поскольку находят свое применение как право суда по возложению дополнительных обязанностей на подозреваемого и обвиняемого.

На первый взгляд противоречие в применении ограничений мер принуждения заранее предусмотрено и разрешено законодателем. А именно, каждая из мер пресечения является самостоятельной с возможностью применения ограничений к некоторым из них. Тем не менее устоявшееся законодательное обособление каждой из мер пресечения с одной стороны и возможность применения описанной выше совокупно-

сти ограничений с разными мерами пресечения с другой стороны, однозначно выделяет некоторые совокупности ограничений как основные и дополнительные. При этом первостепенный или второстепенный статус самих мер пресечения никак законодательно не выделяется. Существование подобных правовых возможностей позволяет открыть дискуссию о возможности применения отдельных ограничений по совокупности не только с залогом и домашним арестом, но менее суровыми мерами пресечения.

Таким образом, существование неопределенностей в данном вопросе может повлечь за собой неопределенности в трактовке и практике применения отдельных ограничений в динамике действия права, а также в возможностях дальнейшего совершенствования положений о запрете определенных действий и других мер пресечения.

Данная проблема не осталась без внимания исследователей. В этой части Ю. В. Деришев и Е. И. Земляничын отмечают, что «законодатель создал сложную конструкцию, в которой две меры пресечения могут быть избраны одновременно, но при этом действуют либо как одно целое, либо параллельно, каждая в своем режиме». В связи с чем необходимо обратить внимание на соотношение ограничений и реализацией прав подозреваемого лица [4, с. 35-36]. Н. Н. Апостолова также делает акцент на необходимости разграничения мер пресечения и возможности применения отдельных запретов в совокупности с подпиской о невыезде и надлежащим поведением, личным поручительством, наблюдением командования воинской части и присмотром за несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым. При этом подобное решение должен принимать суд [1, с. 23].

Ввиду особой практической значимости и необходимости теоретической разработки данного явления предлагается обозначить его в качестве выражения отдельного свойства автономности меры пресечения (запрета определенных действий).

Суть и содержание для подходящего определения описываемого свойства можно заимствовать из физической теории систем связанного регулирования, где под *автономностью* понимается независимость какой-либо одной из управляемых величин от изменений остальных управляемых величин [2]. Описание подобного явления происходит на основе работы замкнутой системы регулирования, которая состоит из цепи динамических звеньев. Аналогией динамического звена при переносе данной модели в область права можно считать отдельную меру пресечения. Таким образом, систему, существующую до введения запрета

определенных действий в уголовный процесс при применении мер пресечения можно выразить в виде последовательной модели соединения звеньев (рис. 1). В рамках данной модели каждое звено (A1, A2 и т.д.) является отдельной мерой пресечения, при этом в рамках судопроизводства может быть осуществлен переход (изменение меры пресечения) от одного звена к другому.

Последовательное сочетание звеньев в теории систем автоматического регулирования имеет ряд правил, одно из которых сформулировано следующим образом: «Если при соединении двух звеньев наблюдается влияние одного звена на другое, в результате которого меняются исходные уравнения какого-либо звена, то такое соединение двух звеньев должно рассматриваться как новое самостоятельное звено со своей передаточной функцией» [3, с. 114]. В случае адаптации подобного подхода и восприятию в качестве отдельного звена в цепи меры пресечения, каждая из которых имеет собственное ограничение (исходное уравнение/начало) можно сделать вывод о том, что при совмещении различных ограничений формируется новое звено, то есть фактически новая мера пресечения.

В этом случае применение такой меры пресечения как залог в совокупности с ограничениями по присутствию в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещению определенных мероприятий и участию в них изменяет свою сущность с ограничения исключительно направленного на передачу подозреваемым/обвиняемым принадлежащего ему имущества на иную.

В указанном примере дополнительное ограничение в виде запрета находиться в определенных местах и участвовать в определенных событиях подразумевает значительное и ярко выраженное дополнительное ограничение прав лица. Однако иные возможные дополнительные ограничения, такие как запрет на общение, использование почтово-телеграфных отправок, телефонной связи и сети «Интернет» хотя и содержат отличные по сути ограничения, но не меняют, а лишь в естественной форме ограничивают возможности коммуникации обвиняемого с определенными лицами. Предполагается, что вопрос о степени самостоятельности данных ограничений следует считать открытым и подвергнуть отдельному рассмотрению.

На основе вышеуказанных данных *определение свойства автономности* запретов определенных действий можно сформулировать как выражение самостоятельности отдельных уголовно-процессуальных ограничений в их определенной совокупности, формирующих отдельную меру пресечения.

В качестве отличного примера для рассмотрения действия свойства автономности выступит законодательная база бывших республик СССР. Основы уголовного судопроизводства СССР включали в себя основные положения, которые непосредственно определяли основное содержание уголовно-процессуального законодательства всех союзных республик. Уголовно-процессуальные кодексы советских республик содержали отдельные отличия в части регулирования мер пресечения, которые тем не менее были несущественны. Однако разделение СССР на 15 независимых государств создало ситуацию, в которой уголовно-процессуальное законодательство каждой из бывших республик подверглось переменам. Таким образом, анализ более чем десятка различных подходов реального применения «запретов определенных действий» (под которыми в данном случае в качестве широкого подхода фактически понимаются ограничения прав подследственных при применении мер пресечения) позволит определить место данной меры пресечения в отечественном законодательстве.

Анализ законодательства стран бывшего СССР позволил сформировать следующие группы.

1) Государства, сохранившие автономность мер пресечения (в которых законодательно закреплено применение только одной меры пресечения). Среди них Россия, Беларусь, Украина, Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Молдова, Таджикистан, Туркменистан, Армения. Данный перечень стран можно также разделить по формам и степени выражения автономности.

А) Выделение перечня вспомогательных запретов в отдельную меру пресечения, применение которой возможно в совокупности с другими мерами пресечения. В качестве такой меры пресечения выступает мера пресечения в виде запрета определенных действий. Такая форма существует в России и Беларуси.

Б) Дополнительные ограничения могут быть применены исключительно в рамках отдельных мер пресечения (залог и домашний арест). Такая форма существует в Украине, Казахстане, Узбекистане, Киргизии, Молдове, Таджикистане. При этом в Таджикистане перечень дополнительных ограничений имеет открытый характер.

В) Каждая мера пресечения автономна, дополнительные запреты отсутствуют. В число таких государств входят Туркменистан и Армения.

2) Государства, в которых ограничения мер пресечения не являются автономными и разделены на основные и дополнительные. Среди них Азербайджан, Латвия.

3) Государства, в которых возможно применение нескольких мер пресечения без разделения их на основные и дополнительные. Среди них Эстония и Литва.

4) Государства, в которых наряду с мерами пресечения выделяется отдельная расширенная категория обязанностей. Таковым государством является Грузия.

На основе анализа источников уголовно-процессуального закона 15 государств, исходной точкой которых являлась одна корневая правовая система и закон, можно сделать вывод о том, что законодательство каждого из пятнадцати государств в части формирования института мер пресечения и выражения их автономности имеет уникальное содержание и закономерности. С учетом особого внимания к совершенствованию мер пресечения в России этот опыт следует учесть и посредством преодоления теоретических противоречий в формулировках, а также, учитывая возможности практического применения, сформировать наиболее удобный для применения формат ограничений в отношении подозреваемого и обвиняемого на стадии досудебного производства.

Список использованных источников

1. Апостолова Н. Н. Запрет определенных действий в системе мер пресечения // Российская юстиция, 2019, № 3.
2. Большая советская энциклопедия. в 30-ти т.. – 3-е изд.. – М. : Совет. энцикл., 1969 - 1986. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/008/094/397.htm>.
3. Бесекецкий В. А., Попов Е. В. Теория систем автоматического регулирования. М., 1975.
4. Деришев Ю. В., Земляничин Е. И. Запрет определённых действий - новая старая мера пресечения // Законность. 2019. № 6 (1016).
5. Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность (вопросы теории и практики). Казань, 1981.
6. Корнуков В. М. Меры процессуального принуждения в уголовно судопроизводстве. Саратов, 1978.
7. Михайлов В. А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. М., 1996.

аспирант Санкт-Петербургской Академии Следственного комитета
Российской Федерации,
следователь по особо важным делам следственного управления
Следственного комитета Российской Федерации по Новосибирской области

К ВОПРОСУ УВЕДОМЛЕНИЯ О ПРОВЕДЕНИИ НЕГЛАСНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Статья посвящена вопросу уведомления лица о проведенных в отношении него негласных следственных действиях на примерах законодательства зарубежных стран и российского законодательства, регулирующего следственные действия, обладающие конспиративным характером их проведения, результаты которых носят конфиденциальный характер. Актуальность темы обусловлена полемикой по вопросу перспектив и целесообразности интеграции или совмещения негласных следственных действий с оперативно-розыскными мероприятиями в российском законодательстве. При анализе законодательства ряда постсоветских стран автор приходит к выводу о том, что уведомление лиц о фактах ранее проведенных в отношении них негласных следственных действий не посягает в целом на охраняемую законом тайну следствия и не противоречит назначению уголовного судопроизводства, поскольку производится лишь после получения, закрепления и оценки следователем их результатов, и представляет собой дополнительный элемент судебного контроля за ограничением прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве и вмешательстве в частную жизнь.

Ключевые слова: негласные следственные действия, уведомление о проведении негласных следственных действий, оперативно-розыскные мероприятия, вмешательство в частную жизнь, конфиденциальность

Victoria Y Krasnova

Postgraduate student of the St. Petersburg Academy of the Investigative
Committee of the Russian Federation,
investigator for particularly important cases of the
Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian
Federation for the Novosibirsk region

ON THE ISSUE OF NOTIFICATION OF THE HOLDING COVERT INVESTIGATIVE ACTIONS

The article is devoted to the issue of notifying a person about secret investigative actions carried out against him on the examples of legislation of foreign countries and Russian legislation regulating investigative actions that have a conspiratorial nature of their conduct, the results of which are confidential. The relevance of the topic is due to the controversy over the prospects and expediency of integrating or combining covert investigative actions with operational investigative measures in Russian legislation. When analyzing the legislation of a number

of post-Soviet countries, the author comes to the conclusion that the notification of persons about the facts of secret investigative actions previously carried out against them does not encroach on the secrecy of the investigation protected by law and does not contradict the purpose of criminal proceedings, since it is carried out only after the investigator receives, fixes and evaluates their results, and represents an additional element judicial control over the restriction of human and civil rights and freedoms in criminal proceedings and interference in private life.

Keywords: secret investigative actions, notification of secret investigative actions, operational investigative measures, interference in privacy, confidentiality.

Российским законодательством гарантированы охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, права на тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, ограничение которых допускается только на основании судебного решения. Следует отметить, что законы государства только тогда справедливы, когда они способствуют защите и обеспечению естественных прав человека. Вместе с тем, государство, выступая регулятором общественных отношений, может устанавливать правовые ограничения, являющиеся условием обеспечения интересов общества и личности.

Как отмечает А. А. Банчук [2], ссылаясь на Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 года, Международный пакт о защите гражданских и политических прав 1966 года, вмешательство государства не должно быть чрезмерным, а должно соответствовать пропорциональности, с соблюдением справедливого баланса между общественным интересом и правом на уважение частной жизни человека. Только при условии соблюдения законной процедуры и оснований государство может вмешиваться в личную и семейную жизнь, когда это обосновано целями национальной безопасности и общественного порядка.

В частности, ограничение прав и свобод человека и гражданина при расследовании уголовных дел осуществляется путем применения в отношении них негласных следственных действий и проведении оперативно-розыскных мероприятий.

В последнее время в уголовно-правовых науках ведется полемика по вопросу перспектив и целесообразности интеграции или совмещения гласных и негласных способов расследования уголовных дел, в том числе путем регламентации в национальном законодательстве института негласных следственных действий. Для анализа целесообразности подобной интеграции необходимо рассмотреть международную оценку в сфере правового регулирования негласных следственных действий по

уголовным делам, включая опыт стран, законодательство которых регулирует указанный институт, исторически который впервые получил свое развитие в Германии и США. В последующем их опыт был взят, как положительный, в процессе реформирования уголовно-процессуального законодательства странами постсоветского пространства. И особо обращает внимание тот факт, что модель уголовно-процессуального законодательства ряда стран постсоветского пространства существенно отличается от модели западных стран, где оперативно-розыскная деятельность и следственная не разделены.

Как в своей диссертации отмечает Н. В. Азарёнок «определен вектор развития общественных отношений, единственно приемлемый для современного российского уголовного процесса после неудачи его революционного реформирования в чуждую американскую форму» [1, с. 6].

При этом еще на заседании дискуссионного клуба «Валдай» в октябре 2021 года Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил, что наше государство должно «опираться на свои духовные ценности, на историческую традицию, на культуру нашего многонационального народа», социальные преобразования следует производить на основе разумного консерватизма, придерживаясь принципа «не навреди» [4].

Вместе с тем, можем констатировать, что проникновение негласных следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, в уголовно-процессуальное законодательство России протекает в сравнении с другими странами не агрессивно, а планомерно. Несмотря на отсутствие в УПК РФ отдельного института негласных следственных действий, самостоятельного раздела или главы кодекса, законодатель предусмотрел три следственных действия, характеризующихся своей конфиденциальностью: получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ), контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ), наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка (ст. 185 УПК РФ).

М. С. Колосович [7, с. 337], исследовавшая концептуальные основы процессуальных средств обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве, перечисленные следственные действия относит к абсолютно негласным. И те же следственные действия относятся к негласным в УПК Грузии (ст. 143¹), Казахстана (ст. 243-246), Киргизии (ст. 229-231), Украины (ст. 261-266).

Уголовно-процессуальное законодательство Киргизии, Украины, Казахстана и Грузии обращает на себя внимание широким перечнем негласных следственных действий, которые частично дублируют опера-

тивно-розыскные мероприятия, и характеризуются детальной регламентацией и условиями их проведения, обусловленной реализацией международных стандартов защиты прав человека и ограничением конституционных прав граждан при их проведении.

Как еще в 2013 году замечал А. Ф. Волинский [3, с. 37], не следует игнорировать накопленный другими странами опыт борьбы с преступностью и критически подходить к нему.

Учитывая изложенное, при реформировании российского законодательства представляется полезным опыт стран постсоветского пространства, уголовно-процессуальные кодексы которых предусматривают негласные следственные действия.

На постсоветском пространстве одним из первых институт негласных следственных действий был введен законодателем Республики Украины в 2012 году. За 10 лет существования правовых норм, регулирующих изучаемый институт, в научной публицистике были обозначены проблемы и спорные вопросы применения негласных следственных действий.

Украинскими учеными представлена точка зрения, согласно которой введение негласных следственных действий не что иное, как серьезная угроза для прав и свобод человека и гражданина, проведение которых ставит под сомнение законность доказательств, полученных в результате их проведения, поскольку такое действие по своей природе не является следственным действием, следовательно в его проведении не участвует, а лишь дает указание органу дознания о его проведении. Более того, учитывая, что некоторые следственные действия содержат государственную тайну, то в уголовно-процессуальном кодексе Республики Украины отсутствует детальная процедура их проведения.

Кроме того, новаторскими положениями, в частности регламентацией негласных следственных действий, обладает Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (далее – УПК РК), положения проекта которого подвергались критике правоведами. Например, из заключения научно-правовой экспертизы Концепции УПК РК, проведенной профессором Г. Ж. Сулейменовой [9], следует, что факт признания и закрепления демократических новелл в законодательстве не означает, что они будут адекватно претворяться на практике.

Отнеся определенный вид следственных действий к негласным, законодатель наделил их конфиденциальностью и конспиративностью проведения, в связи с чем возникает вопрос о соотношении конфиденциальности их проведения с важной составляющей – соблюдением прав

и свобод человека и гражданина, которые, исходя из природы негласных следственных действий, не должны знать о таковых.

В отсутствие возможности гражданином защитить свои права и свободы при проведении негласных следственных действий, законодатель предусмотрел санкционирование их проведения следственным судьей. Очевидно, что оценку законности, обоснованности ограничения прав и свобод человека может дать исключительно незаинтересованный в исходе дела субъект, которым в уголовном судопроизводстве может быть следственный судья, осуществляющий судебный контроль над негласными следственными действиями.

Нами проанализировано соотношение прав и свобод человека при проведении негласных следственных действий и конфиденциальности их проведения на примерах законодательства следующих государств: Грузия, Казахстан, Киргизия, Украина, в части уведомления лиц о проведенных в отношении них негласных следственных действиях. Перечень стран обоснован тем фактором, что законодатели пошли по пути регламентации института негласных следственных действий в недавнем времени, ограниченном на момент написания работы десятью годами, и представляют интерес, поскольку ранее перечисленные страны входили в состав СССР.

Законодатели Грузии, Казахстана, Киргизии, Украины, связывая проведение негласных следственных действий с ограничением конституционных прав и свобод человека и гражданина пошли по пути санкционирования негласных следственных действий. Например, в Казахстане все негласные следственные действия, за исключением негласного наблюдения за лицом, местом и контрольного закупа проводятся при получении санкции судьи. Постановление лица, ведущего расследование, должно содержать так же сведения об объекте, то есть лице, предмете, объекте, в отношении которых проводятся негласные следственные действия. С целью исключения расшифровки объекта, в отношении которого проводится негласное следственное действие, в постановлении можно указать псевдоним, указанный в соответствующем постановлении, согласованном с прокурором.

При этом относительно конфиденциальности законодатели предусмотрели, что не подлежат разглашению кому-либо сведения о лицах, которые проводят негласные следственные действия (то есть сотрудники специализированных правоохранительных органов), о лицах, осуществляющих деятельность на конфиденциальной основе и в конспиративной форме, о методах и тактике производства таких действий.

Аналогично следователь в России проводит так называемые негласные следственные действия при получении соответствующего постановления суда, и в последующем следователь не обязан уведомлять лицо, в отношении которого проводились названные действия, об их проведении.

Для сравнения, в общем порядке в ст. 240 УПК РК законодатель Казахстана предусмотрел необходимость письменного уведомления объекта – лица, в отношении которого проводится негласное следственное действие, о его проведении, но без ознакомления с самими результатами в срок не позднее шести месяцев (но срок может быть продлен следственным судьей по ходатайству органа досудебного расследования до одного года) с момента вынесения итогового решения по уголовному делу. При этом в письменном уведомлении представлены сведения о виде проведенного негласного следственного действия и времени его проведения, а также разъяснение прав на ознакомление с не приобщенными материалами, обжалование, приобщение к материалам уголовного дела.

В Украине срок для уведомления определен временными рамками - двенадцать месяцев со дня прекращения негласных следственных действий, но не позднее обращения в суд с обвинительным актом (ст. 253 УПК Республики Украина). В Грузии временные промежутки извещения ограничены: в течение двенадцати месяцев после производства тайного следственного действия, но срок извещения может быть продлен судом еще до двенадцати месяцев, в случае создания угрозы достижения легитимной цели тайного следственного действия, но конкретная дата извещения определяется прокурором с учетом интересов судопроизводства (ст. 143⁹ УПК Республики Грузия). В Киргизии законодатель точный срок уведомления не предусматривает, но оговаривает, что уведомление должно быть осуществлено до направления дела в суд (ст. 226 УПК Республики Кыргызстан).

Исключения при уведомлении объектов негласных следственных действий составляют уголовные дела о террористическом или экстремистском преступлении, а также совершенные преступной группой, например, в Казахстане. Кроме того, исключения допустимы, если уведомление создает угрозу разглашения государственных секретов и угрозу безопасности лиц, осуществляющих деятельность на конфиденциальной основе и в конспиративной форме, и иных лиц.

Уголовно-процессуальное законодательство Грузии, Киргизии, Украины, таким образом, так же обязывает правоприменителя уведомлять или извещать лиц о фактах ранее проведенных в отношении них

негласных следственных действий, а в Грузии еще о содержании материалов, добытых в результате их проведения, о факте уничтожения материалов, а так же лицу передается решение суда и материалы, на основании которых судьей было принято решение о проведении негласных следственных действий, которые законодатель назвал «тайными».

Возникает вопрос в целесообразности такого уведомления, как может быть связано уведомление лица постфактум о проведении негласного следственного действия в отношении него с обеспечением его прав и свобод. Ценность такого уведомления для гражданина заключается, исходя из анализа законодательства выбранных нами стран, лишь в потенциальной возможности обжалования решения суда о проведении в отношении него негласных следственных действий, обжаловании действий сотрудников по проведению негласных следственных действий и в некоторых случаях возможности заявить следователю, дознавателю, прокурору (в период рассмотрения дела судьей – судьё) ходатайство об ознакомлении с не приобщенными к расследованию сведениями в пределах, исключающих разглашение государственных секретов и иной охраняемой законом тайны.

Критерий потенциального ознакомления – оценка значения материалов в уголовном процессе и допущенных ограничений прав и свобод человека. Например, если предполагаемое ознакомление связано с существенной угрозой жизни, здоровью или охраняемым законом интересам какого-либо вовлеченного в уголовный процесс лица или если это затрагивает тайну частной жизни третьего лица, то ознакомление с материалами, как и сам факт уведомления не представится возможным. После ознакомления с результатами негласных следственных действий лицо вправе в судебном порядке обратиться с заявлением о признании проведения негласных следственных действий незаконными и возмещении причиненного ущерба.

Верховный Суд Республики Казахстан указал, что при рассмотрении жалобы о признании негласных следственных действий незаконными суд не обсуждает законность санкционирования постановления, а проверяет законность действий сотрудников правоохранительных органов по исполнению постановления о проведении негласного следственного действия.

Интересно с точки зрения рациональности законодательство Грузии, где ст. 143.3 УПК Грузии предусматривает в общем порядке, что не подлежит публичному оглашению решение суда о производстве тайного следственного действия. Вместе с тем, законодатель детально предусмотрел судебный порядок обжалования определения суда: в течение 48

часов (и в течение месяца, если стало известно об этом по окончании судопроизводства) после получения информации и разъяснений относительно права на обжалование определений. Удовлетворение жалобы в описанном случае равнозначно требованию о возмещении лицу вреда, причиненного незаконным получением, хранением или разглашением сведений о его личной жизни и персональных данных. При этом законодатель четко регламентирует, что в жалобе гражданина должно быть указано о нарушении именно порядка производства негласных следственных действий. Открытость грузинского правоприменителя подтверждает тот факт, что Верховный суд Грузии обязан ежегодно публиковать информацию из реестра тайных следственных действий (статистическую информацию, в том числе о количестве ходатайств о производстве тайных следственных действий и принятых решений).

Учитывая необходимость санкционирования негласных следственных действий судьей, а в некоторых случаях следственным судьей, полагаем, что злоупотребление должностным лицом правом и необходимостью проведения негласных следственных действий по уголовному делу, представляется маловероятным.

Исходя из логики законодателей постсоветских стран, предусмотревших в уголовном процессе институт негласных следственных действий, уведомление лиц о проведенных в отношении них негласных следственных действиях связано с их правом на возможное обращение в суд, если гражданин сочтет, что его права нарушены и ему нанесен какой-либо ущерб. Однако, каким образом, негласными следственными действиями, которые и так были санкционированы судом, могут быть нарушены или незаконно ограничены права лиц и нанесен им ущерб? Гипотетически данная ситуация представляется не осуществимой.

Если проанализировать российское законодательство, отметим, что данные предварительного расследования могут быть преданы гласности лишь с разрешения следователя или дознавателя, с соблюдением интересов предварительного расследования, прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства, и лишь в допустимом объеме, а само изложение сведений в процессуальных документах по делу разглашением тайны следствия не будет (ст. 161 УПК РФ).

Таким образом, российский следователь не обязан уведомлять в отличие от зарубежного правоприменителя лицо, в отношении которого осуществлялось следственное действие, характеризующееся конфиденциальным характером проведения, но и прямого запрета на сообщение лицу о ранее проведенных в отношении него негласных следственных действий не имеется. Например, в ходе допроса следователь вправе

предъявить допрашиваемому лицу аудиозаписи переговоров, поставить вопрос относительно сведений, установленных при осмотре и анализе детализации его телефонных соединений. В то время, как по логике зарубежного законодателя лицо, ведущее расследование уголовного дела, не вправе вовсе сообщать о проведенных в отношении лица негласных следственных действиях до соответствующего уведомления или принятия решения по делу.

По нашему мнению, российская модель функционирования негласных следственных действий в уголовном процессе, является максимально рациональной, освобождающей следователя, прокурора или суд от обязанности уведомлять лиц или граждан о проведенных в отношении них негласных следственных действиях, но вместе с тем позволяющая при необходимости, следователю при составлении процессуальных документов, проведении следственных действий, использовать результаты негласных следственных действий, при подготовке следственных действий и составлении процессуальных документов, не нарушая тайну следствия и не нарушая права и свободы человека и гражданина.

Однако, следует отметить, что согласно пункту 10 Замечания общего порядка № 16 Комитета по правам человека о праве на неприкосновенность личной и семейной жизни, жилища и тайны корреспонденции и защите чести и репутации, принятых Комитетом ООН по правам человека на его 32-й сессии (1988 год), каждое лицо должно иметь право знать о том, какая информация собрана о нем государственными органами, и с какой целью, и право требовать уничтожить содержащуюся в распоряжении государства информацию о себе, если она собиралась или обрабатывалась в нарушение положений закона. Исходя из логики, если лицо не уведомлено о проведении в отношении него негласных следственных действий, то его результаты и проведение оно не может обжаловать. С этой целью для возможной защиты прав гражданина законодатели стран предусмотрели стадию уведомления о проведенных негласных следственных действиях. То есть последующее уведомление лица о проведенных в отношении него негласных следственных действиях является дополнительным элементом механизма судебного контроля за каждым фактом ограничения прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве и вмешательства в частную жизнь.

Однако, при уведомлении лиц о проведенных негласных следственных действиях, обоснованно и справедливо заметим, возникает риск поставить под угрозу эффективность функционирования системы негласных следственных действий и в целом правоохранительных органов, деятельность которых направлена на защиту национальной безопасности.

Резюмируя результаты проведенного анализа отметим, что у института негласных следственных действий, по нашему мнению, в части баланса соотношения конфиденциальности их проведения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина на стадии уведомления обьекта имеется несколько существенных недостатков.

Во-первых, расширение негласных следственных действий без надлежащего их санкционирования посягает на конституционные права и свободы человека и гражданина как того, в отношении которого проводятся негласные следственные действия, так и его окружения.

Во-вторых, уведомление лица о проведении в отношении него негласных следственных действий порождает возможный риск угрозы эффективности функционирования института и правоохранительных органов в сфере защиты национальной безопасности.

В-третьих, стадия уведомления лиц о проведенных негласных следственных действиях, в случае существования таковой, требует детальной разработки алгоритма и поэтапности такого уведомления (основания, сроки, условия, форма уведомления, перечень сведений, подлежащих доведению до лица), закрытого перечня оснований для сохранения в тайне фактов проведения негласных следственных действий с целью исключения дискреционных полномочий следователя, прокурора, суда в ущерб правам и свободам человека и гражданина, гарантированных государством.

Список использованных источников

1. Азарёнок Н. В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы: дис... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2021.
2. Банчук А. А. Начало досудебного расследования и негласные следственные действия в новом УПК Республики Казахстан: международные стандарты и практика их применения. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31641805&pos=3;-110#pos=3;-110 (дата обращения: 21.06.2022)
3. Вольнский А. Ф. Новый УПК Украины – масштабный правовой эксперимент для России // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 7.
4. Здоровый консерватизм: зачем Путин похоронил эпоху? // РИА Новости. 22.10.2021. URL: <https://ria.ru/20211022/putin-1755717845.html> (дата обращения: 20.06.2022)
5. Кодекс Кыргызской Республики от 02.02.2017 № 20 «Уголовно-процессуальный Кодекс Кыргызской Республики», принятый Жогорку Кенеш Кыргызской Республики от 02.02.2017 № 20 URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112308> (дата обращения: 21.06.2022)

6. Жолумбаев М. К., Амирова Г. Ж. О конфиденциальных процессуальных действиях в современном континентальном уголовно-процессуальном законодательстве // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2015. Т. 1. № 37.
7. Колосович М. С. Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве: концептуальные основы: дис...д-ра юрид. наук. Волгоград, 2019. – 536 с.
8. Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на уважение частной и семейной жизни, жилища, подготовленное Управлением систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, 2019. URL: https://www.vsrf.ru/documents/international_practice/28123/ (дата обращения: 22.06.2022)
9. Сулейменова Г. Ж. Заключение научно-правовой экспертизы Концепции проекта Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан. URL: <http://www.zakon.kz/4520192-zakljuchenie-nauchno-pravovojj.html> (дата обращения: 19.06.2022).
10. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Грузия, принятый Законом Парламента Республики Грузия от 09.10.2009 № 172 URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/90034?publication=141> (дата обращения 21.06.2022)
11. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852 (дата обращения 21.06.2022).
12. Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13.04.2012 № 4651-VI. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31197178&pos=7;-106#pos=7;-106 (дата обращения 21.06.2022).

ОБОСНОВАНИЕ ВЕРДИКТОВ В СУДЕ АССИЗОВ

Статья посвящена анализу требования обоснования (мотивированности) вердиктов в суде Ассизов во Франции. Опираясь на особенности признаков двух основных моделей уголовного процесса, автор выделяет один из отличительных признаков - мотивированность вердиктов. Автором проанализированы причины наличия/отсутствия требования обоснованности вердиктов в состязательной и следственной системах во взаимосвязи с учением об объективной и формальной истинах. Особое внимание уделено причинам возникновения требования обоснованности вердиктов, обращаясь к решению Европейского суда по правам человека «Taxquet v. Belgium». Приведена краткая характеристика суда Ассизов, проанализированы некоторые дискуссионные вопросы введения требования обоснованности вердиктов в разрезе положений уголовного процесса Франции.

Ключевые слова: уголовный процесс; суд Ассизов; обоснование вердиктов; объективная истина; модели уголовного процесса

Alexandra E. Kuzina

PhD student, Department of Criminal Procedure and Criminalistics
St. Petersburg State University

RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE IN THE 21ST CENTURY: MAIN CHALLENGES

The article is devoted to the analysis of the requirement to give reasons (motivation) for verdicts in the Assize Court in France. Based on the characteristics of the two main models of the criminal process, the author identifies one of the distinguishing features - the motivation of verdicts. The author analyzes the reasons for the presence/absence of the requirement of verdicts motivation in the adversarial and investigative systems in connection with the doctrine of objective and formal truths. Particular attention is paid to the grounds for the requirement to give reasons for verdicts, referring to the decision of the European Court of Human Rights «Taxquet v. Belgium». A brief description of the Assize court is given, some controversial issues of introducing the requirement of verdicts motivation in the context of the provisions of the French criminal process are analyzed.

Keywords: criminal procedure; Assize court; motivation of verdicts; objective truth; models of criminal process

С течением времени и исторического развития в мире образовались две модели уголовного процесса: состязательная (также обвинительная, английский термин - the Accusatory System, характерная для си-

стемы общего права) и инквизиционная (также следственная, английский термин - the Inquisitorial System, характерная для системы континентального права), дополнительно можно выделить смешанную модель (английский термин - the Mixed System) [4, с. 3-11]. Демаркация данных моделей основана на анализе и обобщении признаков уголовного процесса, присущих определенной эпохе, взаимосвязана с внутренним устройством государства и общественным строем [4, с. 62].

Суд с участием народных представителей различается множественными признаками, основанными на отличии состязательной и следственной моделей права. Одной из особенностей суда с участием народных представителей в данных системах является наличие или отсутствие требования мотивированности (обоснованности) вердикта [3, с. 65-68]. Данный аспект напрямую взаимосвязан с учением о формальной и объективной истине.

Состязательный процесс, являясь состязанием между двумя сторонами, преследует единственную цель - достижение формальной истины. Каждая сторона продвигает свой взгляд на обстоятельства дела перед пассивным судьей [1, с. 103-110]. Стороны играют главные роли в судопроизводстве и самостоятельно формируют свой спор, устанавливая фактические обстоятельства.

Таким образом, исходя из того, что суд - это честное состязание между двумя противниками, народные представители основывают вердикт на том, что было представлено в суде, и нет необходимости оценивать обоснование аргументов присяжных или каким-либо способом официально исследовать их обсуждение (например, в Англии и США) [5, с. 636]. Присяжные заседатели могут быть опрошены, однако, не касаясь вопросов мотивированности вердикта. В Англии же допрос присяжных заседателей о процессе обсуждения вердикта попросту является незаконным (Закон Парламента Соединенного Королевства, 1981, s. 49, § 8 (1)).

В следственном процессе дело рассматривается только судом, акцент делается на объективной истине, и суд несет ответственность за принятие этого решения. Учение основано на идее, что объективная истина доступна третьим лицам – должностным лицам, которые максимально стремятся к объективному воссозданию реальности. Соответственно, в следственном процессе коллегия народных представителей обязана вынести мотивированный, обоснованный вердикт, и ей могут быть заданы дополнительные вопросы (например, в Российской Федерации, Испании, Японии). Стремление к объективной истине требует

тщательной проверки всех показаний, поэтому присяжные должны руководствоваться логикой и рациональностью при обосновании выводов [5, с. 649].

В 2010 году Европейский Суд по правам человека (далее - ЕСПЧ) вынес решение «*Taquet v. Belgium*» [6], в котором постановил, что обвиняемые должны «понимать вердикты присяжных заседателей» - понимать, в чем их обвиняют, и, если они осуждены, почему. Французских законодателей это сподвигло в августе 2011 году внести изменения в уголовно-процессуальное законодательство - требование обоснования вердиктов в суде Ассизов.

Суд Ассизов - специализированный суд с участием народных представителей во Франции представляет собой смешанную коллегия, состоящую из трех профессиональных судей (председательствующий и два судьи-помощника), а также шести народных заседателей в первой инстанции и девяти в апелляционной инстанции. Судьи и заседатели принимают решения совместно, вынося решения как о виновности, так и о наказании. Следует отметить, до 1932 г. французские присяжные заседатели принимали решение исключительно о виновности подобно коллегии присяжных заседателей в странах состязательной системы, однако впоследствии их функции расширились, и они также принимают решение о наказании.

Согласно положениям реформы 2011 года обоснованию подлежат вердикты, но не приговоры. Несомненно, такие изменения противоречат парадигме состязательного процесса, где присяжные выносят общие вердикты без обоснования, в то время как профессиональные судьи, ответственные за определение наказания, обосновывают приговоры. Таким образом, происходит четкое распределение полномочий.

Как отмечает Матильда Коэн, указанные изменения были обоснованы в том числе следующей причиной. Суд Ассизов рассматривает уголовные дела по преступлениям с наказанием в виде тюремного заключения на срок от десяти лет и более. До реформы 2011 года коллегии из трех судей, называемые «*Tribunaux correctionnels*» - исправительные трибуналы (суды первой инстанции), рассматривали менее тяжкие преступления, при этом они были обязаны представлять письменные обоснования своих решений в отличие от суда Ассизов. Это привело к парадоксальному результату: обвиняемые в более тяжких преступлениях и рискующие получить самые длительные сроки, не имели права на обоснование вердикта, в то время как обвиняемым в менее тяжких преступлениях и подлежащим более мягким наказаниям гарантировался доступ к обоснованию решений судей [2, с. 422-425].

Интерес ЕСПЧ к требованию мотивировать вердикты присяжных следует рассмотреть со стороны морали и прав человека. Для ЕСПЧ мотивирование вердиктов представляет собой индивидуальное право человека понимать судебные решения, которые его затрагивают. Этот подход основан на общем принципе, воплощенном в Европейской конвенции по правам человека (далее - ЕКПЧ), которая защищает отдельных лиц от произвола.

Суд вывел доктрину обоснования решений из права на справедливое судебное разбирательство (статья 6 ЕКПЧ), как требующее, чтобы в решениях судов надлежащим образом указывались причины, на которых они основаны. По мнению ЕСПЧ национальные суды должны разъяснять свои решения, поскольку обоснование вердикта является средством достижения права на доступ к правосудию, а также существует для убеждения сторон, что их доводы были услышаны [6].

В судебной практике ЕСПЧ подразумевается либерально-демократический идеал, исходя из которого люди не должны подвергаться незаконным государственным действиям и необоснованному применению правовых норм. Выводы из решения «*Tahquet v. Belgium*» распространили действие доктрины обоснования решений на суд с участием народных представителей. Таким образом, точно так же как профессиональные судьи, присяжные заседатели должны выносить мотивированные вердикты, понятные подсудимым.

С одной стороны, ЕСПЧ указал, что вердикты присяжных заседателей не содержат конкретных юридических и доказательственных обоснований. С другой стороны, ЕСПЧ утверждал, что ЕКПЧ не требует всегда от присяжных заседателей объяснять причины своего решения, а статья 6 ЕКПЧ не препятствует тому, чтобы подсудимый предстал перед судом присяжных заседателей, даже если не указаны причины для вынесения вердикта [6].

Такая двоякая позиция связана с тем, что ЕСПЧ осуществляет надзор за различными моделями судебного разбирательства с участием присяжных заседателей в странах Совета Европы, а следовательно, допускает развитие национальных концепций справедливости суда присяжных [2, с. 425-428].

Франция быстро отреагировала на решение ЕСПЧ. В августе 2011 года, менее чем через год после решения «*Tahquet v. Belgium*», французский парламент принял новый закон, обязывающий указывать обоснование при вынесении вердиктов суда присяжных, тем самым прервав двухсотлетнюю традицию.

В Бельгии, где требование об обосновании было введено в действие за два года до Франции (благодаря решению ЕСПЧ «*Taquet v. Belgium*»), ответственность за обоснование несут присяжные заседатели. Бельгийские заседатели обсуждают вердикт самостоятельно, в отсутствие профессиональных судей, которых они вызывают в совещательную комнату по факту (*ex post*), чтобы помочь им составить мотивировочное заключение (ст. 334 УПК Бельгии).

Французские присяжные совещаются вместе с профессиональными судьями, на которых непосредственно возложена обязанность обоснования. Статья 365-1 УПК Франции предусматривает, что председательствующий или один из двух профессиональных судей-помощников, входящих в состав коллегии, составляют «мотивы решения» и помещают в «мотивировочный лист».

Возложение обязанности обоснования вердикта возлагается на председательствующего неспроста. Председательствующий является единственным профессиональным судьей суда присяжных, назначаемым председателем апелляционного суда на неопределенный срок (ст. ст. 244-247 УПК Франции). Двое судей-помощников - это судьи первой или апелляционной инстанции, назначаемые для работы в суде по ротации на одну или две недели каждый год в дополнение к их обычным полномочиям (248-250 УПК Франции). Они могут иметь специализацию (например, судьи по семейным делам) или быть судьями широкого профиля, не имеющими специальных знаний в области уголовного права. Именно поэтому обоснование вердикта чаще всего возлагается на председательствующего судью (в связи с профессионализмом и высокой квалификацией председательствующего) [2, с. 430].

Председательствующий суда Ассизов обладает рядом прерогатив, позволяющих оказывать существенное влияние на ход разбирательства и окончательное решение - он имеет доступ к досье, то есть к материалам уголовного дела, может принять любые меры для установления истины (например, вызывать свидетелей для дачи показаний без принесения присяги (ст. 310 УПК Франции)). Председательствующий сам проводит допрос: непосредственно допрашивает обвиняемого, свидетелей, потерпевшего и экспертов. У него есть возможность изменять порядок выступлений участников. Также он составляет специальный вопросный лист, по которому голосуют присяжные заседатели, инструктирует их по вопросам закона и принимает решение, кто будет отвечать и в каком порядке.

На практике неясно, помогает ли новое требование об обосновании или вредит стандарту доказывания «по внутреннему убеждению»,

который изначально был установлен как способ защиты участия присяжных заседателей без чрезмерного давления и влияния.

В новом положении статьи 365-1 УПК Франции установлено, что мотивы (обоснования) смешанной коллегии раскрываются во время суда и при обсуждении присяжных, но до непосредственного голосования по вопросам из листа. Эта формулировка предполагает, что присяжные заседатели излагают свое мнение перед голосованием по вопросу о виновности или невиновности подсудимого. Проблема в том, что французские присяжные заседатели используют тайные бюллетени (357 УПК Франции). Таким образом, невозможно определить, какие аргументы убедили присяжных заседателей. Коллективное изложение причин требует открытого группового обсуждения, включая обсуждение голосов каждого участника. Если голоса отдельных присяжных останутся нераскрытыми, причины такого выбора при голосовании обречены оставаться умозрительными, а не отражать фактические рассуждения. К сожалению, УПК Франции не затрагивает данные дискуссионные вопросы.

Соответственно, действующее правило тайного голосования вынуждает председательствующего восстанавливать мотивы (обоснования) по факту, учитывая результаты голосования, но не реальные причины решения присяжных заседателей. Эта проблема усугубляется французским стандартом доказательства - «по внутреннему убеждению».

С 2011 года ст. 353 УПК Франции устанавливает, что с учетом требования об обосновании (мотивировании) закон не требует от судей и присяжных заседателей отчитываться о средствах, с помощью которых они убедили себя, не предписывает никаких правил, из которых они должны выводить полноту и адекватность представленных доказательств. Возникает вопрос, в чем именно должны выражаться мотив и причины, если они исключают перечисление средств принятия решения. На этот счет УПК Франции заключает, что причины состоят в изложении основных элементов инкриминируемого преступления, которые убедили суд Ассизов в обвинении. В этой связи основная часть мотивов и обоснования основана на фактах и описании доказательств, заслушанных в суде, изложена простым языком, за исключением вопросов квалификации. Листы с обоснованием лаконичны и формализованы в изложении, каждое обоснование - отдельный абзац, связанный логическими вводными словами [2, с. 431-432].

В совокупности ограничения, связанные с тайным голосованием и стандартом доказывания «по внутреннему убеждению», привели к созданию исключительно фактической формы обоснования вердиктов в суде Ассизов.

Таким образом, французская реформа привела к созданию своей особенной системы, при которой доводы присяжных ограничены фактической стороной дела и контролируются профессиональными судьями. Возлагая на присяжных бремя обоснования вердиктов, французские законодатели не только стремились защитить права подсудимых, но и ужесточить контроль над профессиональными судьями, и прежде всего - над председательствующим в суде присяжных, однако данная имплементация породила множество дискуссионных положений.

Список использованных источников

1. Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико- правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем. СПб., 2006.
2. Cohen M. The French case for requiring juries to give reasons: safeguarding defendants or guarding the judges? In: Comparative Criminal Procedure. Edward Elgar Publishing. 2016.
3. Mack R. L. Comparative Criminal Procedure: History, Processes and Case Studies. Second Edition. Hein & Co., Inc. 2017.
4. Mittermaier C. J. A., Esmein A., Garraud R. A History of Continental Criminal Procedure with Special Reference to France Boston, 1913.
5. Thaman, Stephen C. Should Criminal Juries Give Reasons for their Verdicts? The Spanish Experience and the Implications of the European Court of Human Rights Decision in *Taxquet v. Belgium*. Chicago-Kent Law Review. 2011.
6. Решение Европейского суда по правам человека «*Taxquet v. Belgium*». URL: hudoc.echr.coe.int

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ УСТАНОВЛЕНИЮ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО)

В статье автором анализируются способы получения информации, охватывающие предмет доказывания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних лиц, затрагиваются обстоятельства, входящие в предмет доказывания в соответствии с положением ст. 81 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, а также более подробно раскрываются «обстоятельства, подлежащие установлению по делам о преступлениях детей» в порядке ст. 458 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики. К указанным обстоятельствам как законодатель, так и правоприменитель относят обстоятельства, характеризующие жилищно-бытовые и материальные условия семьи; образ жизни несовершеннолетнего (увлечения, интересы); психологические аспекты взаимодействия в семье (как между родителями или лицами, их заменяющими, так и между взрослыми и несовершеннолетними). Особое внимание при установлении таких обстоятельств уделяется психическому развитию несовершеннолетнего, его интеллекту, воле, нестабильности эмоциональной среды, способности осознанно управлять своим поведением, в том числе связанным с ситуациями, значимыми для уголовного дела в целом. В статье рассмотрена правоприменительная практика, связанная с реализацией установленных требований в отношении несовершеннолетнего в ходе осуществления уголовного преследования, а также раскрыты особенности установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по соответствующей категории уголовных дел.

Ключевые слова: несовершеннолетний, возраст уголовной ответственности, психическое развитие несовершеннолетнего, комиссия по делам несовершеннолетних.

Madina A. Kulzhanova

*Postgraduate student,
Osh State Law Institute, Osh, Kyrgyz Republic*

CIRCUMSTANCES TO BE ESTABLISHED IN CRIMINAL CASES REGARDING A MINOR SUSPECT (ACCUSED)

In the article, the author analyzes the ways of obtaining information covering the subject of proof in criminal cases against minors, the circumstances included in the subject of proof in accordance with the provisions of Art. 81 of the Code of Criminal Procedure of the Kyrgyz Republic, as well as the "circumstances to be established in cases of crimes of children" are disclosed in more detail in

accordance with Art. 458 of the Criminal Procedure Code of the Kyrgyz Republic. Both the legislator and the law enforcer include the circumstances that characterize the living and material conditions of the family; lifestyle of a minor (hobbies, interests); psychological aspects of interaction in the family (both between parents or persons replacing them, and between adults and minors). When establishing such circumstances, special attention is paid to the mental development of the minor, his intellect, will, instability of the emotional environment, the ability to consciously control his behavior, including those associated with situations that are significant for the criminal case as a whole. The article considers the law enforcement practice related to the implementation of the established requirements for a minor in the course of criminal prosecution, and also reveals the features of establishing circumstances to be proven in the relevant category of criminal cases.

Keywords: minor, age of criminal responsibility, mental development of a minor, commission on juvenile affairs.

Анализ следственной и судебной практики показывает, что в настоящее время произошел всплеск преступности. Причем ее показатели во всех областях Кыргызстана с каждым днем только растут. Социальная незащищенность, рост криминальной активности стали непосредственными факторами, повлиявшими на показатели преступности несовершеннолетних. По данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики в первой половине 2021 года в Кыргызстане было зафиксировано 1790 преступлений, так или иначе связанных с несовершеннолетними преступниками. Между тем отчетность правоохранительных органов указывает на то, что из указанного количества зарегистрированных преступлений, раскрыто только 1350. Однако преступления с участием несовершеннолетних и совершенные несовершеннолетними входят в разряд трудно раскрываемых, на что повлияли ряд причин, перечень которых не является исчерпывающим и постоянно пополняется. Но все же перечисляя основные причины, хочется прежде всего отметить личностные индивидуальные и возрастные психологические черты несовершеннолетних, семью, круг общения, друзей, школу, социальную среду. Кроме того, следует обозначить тот факт, что в ходе как досудебного, так и судебного производства включаются в действие более сложные механизмы, предназначенные для обеспечения прав несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. Это связано с повышенными процессуальными требованиями к производству следствия и судебного разбирательства в отношении несовершеннолетних, обязательствами по соблюдению требований Конвенции ООН о правах ребенка от 20 ноября 1989 года, которую Кыргызская Республика поддержала и к которой присоединилась. Вот почему в обязательном порядке законодатель предусмотрел привлечение к досудебному и судебному

производству по уголовным делам несовершеннолетних защитника, законного представителя, психолога, педагога, а также установил иные дополнительные гарантии по защите прав и законных интересов несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого (глава 54 УПК Кыргызской Республики – УПК КР).

Анализируя следственную практику, автор приходит к выводу, что четкое исполнение норм уголовного судопроизводства, касающихся несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого), невозможно вне (без) установления подлежащих доказыванию обстоятельств по уголовному делу соответствующей категории. При этом автор считает, что требование полноты и всесторонности производства расследования уголовных дел в отношении несовершеннолетних обусловлена важностью установления всех обстоятельств по делу, перечисленных в ст. 81 УПК КР. В том числе и таких, как социальная обустроенность семьи, финансовая стабильность и самостоятельность, жизненные предпочтения, социализированность самого несовершеннолетнего и его родственников, школьная адаптация и умение ладить с товарищами, отношение к закону и способность его соблюдения. Указанные обстоятельства требуют, по нашему мнению, более глубокого анализа. Нормы уголовного законодательства в первую очередь акцентируют внимание на такие обстоятельства, как возраст, социальная обустроенность семьи, финансовая стабильность и самостоятельность, жизненные предпочтения, социализированность несовершеннолетнего. Данные обстоятельства можно рассматривать, как с точки зрения уголовного права, так и с точки зрения уголовного процесса. Именно возраст несовершеннолетнего является тем обстоятельством, который влияет на состав преступления (имеет решающее значение для установления наличия или отсутствия субъекта преступления (и в целом для уголовно-правовой квалификации или уголовно-правовой стороны преступления). В данном конкретном случае есть четко определенные требования предъявляемые к субъекту преступления, которые заложены в нормы ст. 28 УК КР. В качестве естественного оппонента уголовно-правовой стороны выступает уголовно-процессуальная, именно она отражает необходимость использования специальных норм в отношении несовершеннолетних, обозначенных в главе 54 УПК КР. Ведь от возраста лица напрямую зависит использование положений главы 54 УПК КР (допускается в отношении лица, не достигшего возраста 18 лет на момент совершения преступления). Анализ следственной и судебной практики так же указывает на то, что установление возраста несовершеннолетнего является «обязательным условием». Это подчеркивает Постановление Пленума Верховного суда

Кыргызской Республики № 16 от 13.09.2019 года, которое содержит указание на обязательное установление возраста несовершеннолетнего как обстоятельства (элемента), входящего в предмет доказывания по уголовному делу.

По мнению автора, установление возраста, как одного из обстоятельств, имеющих уголовно-правовое значение для привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетнего, зависит от определенных данных. К ним можно отнести:

1. На момент совершения преступления фактически наступил конкретный возраст.

Здесь нужно внести некоторую ясность в понимании наступившего возраста. Уголовная ответственность несовершеннолетнего за преступление, совершенное непосредственно в день рождения, не наступает, потому что возраст уголовной ответственности исчисляется со следующих за днем рождения суток. А конкретным фактом, подтверждающим наступление необходимого возраста, считается наличие у несовершеннолетнего подтверждающих документов (паспорта или свидетельства о рождении).

Проведенный автором в ходе исследования анализ следственной и судебной практики в г. Ош по преступлениям, совершенным несовершеннолетними, позволил установить тот факт, что возраст несовершеннолетних субъектов преступления уточнялся при помощи документов, удостоверяющих личность несовершеннолетнего. При этом каких-либо проблем с идентификацией по изученным делам не возникало ни на этапе досудебного производства, ни на этапе судебного производства. Между тем были случаи, когда документы, подтверждающие личность несовершеннолетнего отсутствовали, или их принадлежность конкретному несовершеннолетнему была под сомнением у следственных или судебных органов. Поэтому назначались соответствующие судебные экспертизы и фактическим днем рождения несовершеннолетнего признавался определенный экспертами последний день года. Возраст несовершеннолетнего исчисляется годами. Причем берется во внимание минимальный фактический возраст, определенный экспертами. Такой подход, сложившийся на практике, применяется в пользу несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого), исходя из положений ч. 3 ст. 17 УПК КР, при условии использования заключения эксперта. Определение возраста несовершеннолетнего на основании других доказательств (показаний родственников, свидетелей) и на предположениях категорически недопустимо.

Немаловажным обстоятельством, наряду с достижением несовершеннолетним возраста уголовной ответственности, имеет практическое отставание в психическом развитии, независящее от психического расстройства. Здесь имеется ввиду ситуация, когда на момент непосредственного совершения события преступления несовершеннолетний обвиняемый не в полном объеме осознавал характер преступного действия и его общественную опасность, не воспринимал данное событие, как связанное с его непосредственными действиями или бездействием, и, следовательно, руководить ими. В данном случаи уголовной ответственности лицо не подлежит.

Следующую группу обстоятельств, подлежащих доказыванию по делам несовершеннолетних, составляют конкретные условия жизни, условия социализации несовершеннолетнего, и влияющие на них факторы, в том числе особенности личности, индивидуальные особенности развития. Мы считаем, что указанные обстоятельства необходимо рассматривать с позиции внешних и внутренних факторов, влияющих на психологическую модель поведения несовершеннолетнего.

Автор приходит к выводу, что к внешним факторам можно отнести:

- а) степень личностной социализации (формирование и готовность к конструктивному общению с окружающими);
- б) привязанности и наклонности несовершеннолетнего, степень увлеченности чем-либо в повседневной жизни;
- в) ответственность за свои собственные поступки и ответственность за близких (при проведении каких-либо работ, или в процессе трудовой деятельности).

Если несовершеннолетний находится на учете в комиссии по делам несовершеннолетних, уточняются возможные причины, повлиявшие на это, конкретизируется время и продолжительность нахождения на данном учете, и другие события, повлиявшие на такую ситуацию. При этом, как правило, внешние факторы непосредственно влияют на окружающий мир несовершеннолетнего, а внутренние факторы являются причиной самого такого поведения.

Можно выделить следующие внутренние факторы:

- 1) психологические факторы, влияющие на удовлетворение эмоциональной составляющей несовершеннолетнего;
- 2) степень развития внутрисемейных связей и родственных контактов (эмоциональная, психологическая составляющая);
- 3) условия быта и социальное окружение несовершеннолетнего.

На внутренние факторы как причины поведения несовершеннолетнего указывает ряд ученых, определяя психическое развитие несо-

вершеннолетнего с точки зрения развития его интеллекта, воли, нестабильности эмоций, способности осознанно управлять своим поведением, в том числе связанным с ситуациями, значимыми для уголовного права, а также с проявлением возрастных характеристик психики (внушаемости, склонности к подражанию и фантазированию, импульсивности и т.д.) [2].

Доказывание данных обстоятельств направлено в первую очередь на решение конкретных задач в рамках разрешения уголовного дела, а также вопросов, связанных с выбором меры пресечения в отношении несовершеннолетнего, выявлением всей совокупности обстоятельств, способствовавших преступлению, принятием мер к предупреждению совершения преступлений другими подростками и установлением фактов нарушения закона со стороны родителей (опекунов, попечителей) при выполнении функций воспитания несовершеннолетнего. Выявить же данные обстоятельства возможно только посредством получения необходимой информации от лиц, прямо взаимодействующих с несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) на различных этапах его учебы (работы), а также при социальном контакте с другими людьми.

Как показывает судебная практика, суду при подготовке к судебному разбирательству необходимо решить вопрос о вызове в судебное заседание не только законных представителей, но и представителей учебно-воспитательных учреждений, общественных организаций по месту жительства, учебы или работы несовершеннолетнего, представителей комиссий по делам несовершеннолетних, сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел. В тех случаях, когда несовершеннолетний состоял или состоит на учете в психоневрологическом диспансере, также подлежат вызову представители данного диспансера (лечащий врач) [3]. На это указывается в Постановлении Пленума Верховного суда Кыргызской Республики от 13 октября 2017 года № 10 «О судебной практике по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними».

Привлечение указанных выше субъектов направлено в первую очередь на установление условий жизни и воспитания несовершеннолетнего, его психического развития и психологических особенностей, а также на всестороннее исследование условий, способствующих совершению преступления несовершеннолетним лицом, поскольку основным фактором в данном отношении выступает то, что на момент совершения преступления большинство правонарушителей уже находились на уче-

тах в подразделениях по делам несовершеннолетних, комиссиях по делам несовершеннолетних или же имели проблемы с обучением в образовательных организациях.

Однако следует отметить, что установление интересующих обстоятельств в суде не прекращает дальнейшее взаимодействие должностных лиц органов государственной власти и законных представителей с несовершеннолетним. Так, в соответствии с Инструкцией по судебному делопроизводству в районном суде, утвержденной приказом Судебного департамента при Верховном Суде Кыргызской Республики, во всех случаях осуждения несовершеннолетних к мерам наказания, не связанным с лишением свободы, или применения к ним принудительных мер воспитательного воздействия копия приговора должна быть направлена в комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав по месту жительства осужденного, законному представителю осужденного.

Выполнение указанного требования наглядно продемонстрировано в Обзоре судебной практики, в котором, в частности, рассматривалась деятельность Кара-Суйского районного суда Ошской области по делам в отношении несовершеннолетних. Как отмечалось в Обзоре судебной практики, копии принятых решений по данной категории уголовных дел всегда направлялись этим судом в комиссию по делам несовершеннолетних и в подразделения по делам несовершеннолетних, и только в редких случаях копии судебных актов – в комиссию по делам несовершеннолетних г. Ош [4].

Особой группой выступают обстоятельства влияния на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц. В соответствии с ч. 1 ст. 102 УК КР суду при назначении наказания несовершеннолетнему необходимо установить влияние на него старших по возрасту лиц. Причем особое значение данному обстоятельству придается в тех случаях, когда преступление совершено в соучастии со взрослым лицом. Вместе с тем, влияние взрослых не следует рассматривать однобоко, поскольку оно может быть, как негативным, так и содержать положительные аспекты.

Опрос социальных работников, педагогов, психологов, инспекторов по делам несовершеннолетних, анализ правоприменительной практики, позволяет сделать следующее заключение. В среде окружающей несовершеннолетнего отрицательный фактор прежде всего проявляет себя через маргинальное сообщество, окружающее подростка, бытовое насилие, нездоровую в социальном плане криминальную обстановку или представителей преступного сообщества. Своевременное выявление сотрудниками правоохранительных органов, педагогами, психологами, социальными службами отрицательных факторов и обстоятельств,

влияющих на несовершеннолетнего, позволит выявить, локализовать, и предупредить вовлечение несовершеннолетнего в преступное сообщество и, как следствие, использование его в преступлении или иных противоправных действиях. Важно учесть, что все перечисленные обстоятельства подпадают под признаки самостоятельного состава преступления. Полагаем, что с учетом судебной практики по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, следует изначально выявлять обстоятельства, связанные с поведением взрослых потерпевших, которые провоцируют, подталкивают несовершеннолетних к противоправным действиям. Кроме того, нужно выявлять помимо отрицательного влияния окружающей среды на несовершеннолетнего и возможное положительное влияние на него со стороны взрослого окружения. Именно данное обстоятельство в дальнейшем позволит применить к несовершеннолетнему в качестве меры пресечения передачу ребенка под присмотр родителей или лиц и организаций, их заменяющих (ст. 104 и ст. 111 УПК КР). А. П. Рыжаков правильно считает, что при передаче несовершеннолетнего под присмотр родителей или лиц, их заменяющих, необходимо убедиться в том, что указанные лица имеют положительное влияние на подростка, правильно оценивают содеянное им, могут обеспечить надлежащее поведение и повседневный контроль за несовершеннолетним [5]. Исследовав научную литературу и проанализировав следственную и судебную практику по данному вопросу, автор приходит к выводу, что при установлении всех обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам в отношении несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) важное место занимает установление следующих фактических и правовых обстоятельств (фактов):

1. Факт достижения несовершеннолетним конкретного возраста.
2. Факт правового определения (квалификации) несовершеннолетнего лица в качестве субъекта преступления.
3. Наличие (или отсутствие) отрицательных условий, влияющих на воспитание, жизнь, формирование несовершеннолетнего (как социально адаптированной личности), а также степень его личностной социализации, развитие характера, жизненные приоритеты.
4. обстоятельства, характеризующие становление несовершеннолетнего, как личности осознающей степень ответственности перед законом и обществом;
5. положительное или отрицательное влияние старших по возрасту сверстников и окружающих взрослых на формирование подростка как личности и его правовой позиции.

Список использованных источников

1. Яшков С. А. Несовершеннолетний как субъект преступления: к вопросу о возрасте наступления уголовной ответственности // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2015. № 1 (7).
2. Овсянников И. В. Установление возможности исправления несовершеннолетнего путем применения принудительных мер воспитательного воздействия // Уголовное право. 2016. № 5.
3. Безлепкин Б. Т. Настольная книга судьи по уголовному процессу. Москва, 2013.
4. Архивы Кара-Суурайондуксоту: 2021 год.
5. Рыжаков А. П. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). Москва, 2014.

аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики
Санкт-Петербургского государственного университета,
адвокат Адвокатской палаты Санкт-Петербурга

СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И ПРАВОСУДИЯ

В статье рассматривается вопрос о соотношении понятий судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса и правосудия. Приводится анализ научных точек зрения, позиций высших судебных инстанций и положений действующего законодательства. Автор приходит к выводу, что судебный контроль на досудебных стадиях уголовного процесса осуществляется в рамках деятельности по отправлению правосудия, неразрывно с ней связан и подчинен тем же принципам, на которых строится модель современного российского правосудия.

Ключевые слова: судебный контроль, правосудие, досудебное производство, уголовный процесс.

Sergei S. Lukianov

Postgraduate Student of the Department of Criminal Procedure and
Criminalistics of St. Petersburg State University
Lawyer at the Saint Petersburg Bar Association

JUDICIAL CONTROL AT THE PRE-LITIGATION STAGES OF THE CRIMINAL PROCEDURE AND JUSTICE

The article deals with the issue of the relationship between the concepts of judicial control at the pre-litigation stages of the criminal procedure and justice. An analysis of scientific points of view, the positions of the highest judicial instances and the provisions of the current legislation is given. The author comes to the conclusion that judicial control at the pre-litigation stages of the criminal procedure is carried out within the framework of the administration of justice, is inextricably linked with it and is subject to the same principles on which the model of modern Russian justice is built.

Keywords: judicial control, justice, pre-litigation procedure, criminal process.

В научном сообществе нет единого подхода к соотношению понятий судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса (далее также – судебный контроль) и деятельности суда по осуществлению правосудия.

Ряд авторов полагает, что осуществление судебного контроля – это лишь одно из направлений деятельности суда в рамках осуществления правосудия.

Так, Н. Н. Ковтун отмечает, что различные формы судебного контроля «объединяет единство предмета и пределов судебной проверки;

единство ее процедуры, которая, если и различается в частностях, тем не менее остается единой, по сути, формой отправления правосудия, формой разрешения социально-правового спора (конфликта) сторон посредством судебной процедуры и общеобязательного судебного акта, выступающего актом правосудия» [9, с. 13].

И. Л. Петрухин также относит судебный контроль к форме осуществления правосудия, мотивируя это тем, что «судебный контроль не сводится к безмотивному, необоснованному принятию на веру ходатайства следователя. Он осуществляется при соблюдении процедуры, свойственной правосудию. Судья должен иметь право требовать предоставления материалов, обосновывающих ходатайство, исследовать эти материалы, возвращать ходатайство для дополнительного обоснования, допрашивать в качестве свидетелей лиц, подтверждающих или опровергающих ходатайство» [21, с. 131-132].

Рассматривают судебный контроль в качестве формы осуществления правосудия также Н. А. Колоколов в своих поздних работах [12, с. 16], С. В. Бурмагин [4, с. 140-141], Е. В. Овчинникова [19, с. 22], Е. Е. Коробкова [13, с. 97], М. М. Выдря [7, с. 51], В. М. Бозров [3, с. 18], В. М. Лебедев [16, с. 9], Г. И. Загорский [26, с. 490-491], А. И. Лалиев [15, с. 225-226] и другие.

В то же время науке уголовного процесса известен и другой подход, согласно которому судебный контроль и отправление правосудия (разрешение уголовного дела по существу) рассматриваются в качестве самостоятельных функций (форм) судебной власти.

Так, В. Н. Галузо высказывается о том, что «судебный контроль не входит в содержание понятия правосудия. Это – самостоятельная уголовно-процессуальная функция суда» [8, с. 15].

В своих ранних работах Н. А. Колоколов также указывал: «функции судебной власти осуществлением одного лишь правосудия судами не ограничиваются» [11, с. 58], «по своим целям и задачам, способам, методам, пределам исследования судебная проверка законности и обоснованности отдельных решения или действий органов предварительного расследования в корне отличается от того, что в процессуальной науке принято называть правосудием» [10, с. 136].

Разграничивают правосудие и судебный контроль в качестве самостоятельных функций (форм) судебной власти также И.Ю. Таричко [27, с. 7, 14], Н. А. Лопаткина [17, с. 49], Л. М. Володина [6, с. 30], Л. А. Александрова [1, с. 17], Д. М. Берова [2, с. 177], М. К. Свиридов [25, с. 120], О. Ю. Цурлуй [28, с. 116] и другие авторы.

Пытаясь примирить приведенные точки зрения, Т.Ю. Вилкова отмечает:

«В узком, традиционном значении под правосудием было принято понимать исключительно рассмотрение дела судом первой инстанции по существу, с проведением судебного заседания с участием сторон, установлением фактических обстоятельств дела и применением материального закона к конкретным правоотношениям... при таком подходе к правосудию не относили ни деятельность суда по осуществлению судебного контроля в досудебном производстве по уголовному делу, ни проверку приговоров и иных решений вышестоящими судами. Однако в последние годы этот термин все чаще используется в широком значении: правосудием признается "всякая деятельность суда, которая осуществляется в установленном законом порядке судопроизводства", к которой относится также «рассмотрение судом различных вопросов в досудебном производстве по уголовным делам (ч.ч. 2 и 3 ст. 29 УПК)» [5, с. 34-36].

На различия в понимании правосудия в узком и широком смысле обращают внимание также Е. Е. Коробкова [13, с. 96-97], В. А. Лазарева [14, с. 59-60], Д. М. Берова [2, с. 177] и другие ученые.

Таким образом, отнесение судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса к деятельности по осуществлению правосудия зависит от того, в каком значении мы понимаем последний термин.

Следует отметить, что вопрос об отнесении судебного контроля к деятельности по осуществлению правосудия не является исключительно теоретико-правовым. Разрешение данного вопроса напрямую влияет на определение компетенции суда при осуществлении судебного контроля, в первую очередь, с точки зрения ее онтологического содержания.

Так, если функция судебного контроля осуществляется в рамках деятельности по отправлению правосудия, то ей должны быть присущи все те признаки, которые характеризуют правосудие как таковое: необходимость соблюдения принципов равноправия и состязательности; требования обоснованности и мотивированности судебных актов, что влечет обязанность суда давать оценку представляемым доказательствам, и т.д. Отступление от данного общего правила возможно в таком случае, скорее, в рамках исключения.

Наоборот, если осуществление судебного контроля является самостоятельной функцией судебной власти, то определение компетенции суда при ее осуществлении требует отдельного обоснования.

Переходя к формированию нашей позиции о соотношении правосудия и судебного контроля, следует, помимо приведенных выше точек зрения, обратиться к положениям действующего законодательства.

Так, статья 118 Конституции РФ провозглашает: «правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом». Аналогичное положение содержится и в ч. 1 ст. 8 УПК РФ.

Согласно п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ одним из назначений уголовного судопроизводства является не только защита личности от незаконного и необоснованного обвинения или осуждения, но и от незаконного ограничения ее прав и свобод, что является целью судебно-контрольной деятельности на досудебных стадиях уголовного процесса.

Пункт 50 ст. 5 УПК РФ закрепляет, что под судебным заседанием следует понимать «процессуальную форму осуществления правосудия в ходе досудебного и судебного производства по уголовному делу». Таким образом, законодатель прямо указывает, что деятельность суда на досудебных стадиях уголовного процесса есть деятельность по отправлению правосудия.

Определение содержания понятия правосудия через понятие судебного заседания, на первый взгляд, может оказаться слишком поверхностным и упрощенным подходом. В то же время данный подход основан на высказываемомся в научной литературе мнении, что «процессуальной формой осуществления правосудия по уголовным делам является судебное разбирательство, проводимое в целях реализации полномочий суда, определенных в ст. 29 УПК РФ» [26, с. 492].

Учитывая, что согласно п. 51 ст. 5 УПК РФ судебное разбирательство и есть «судебное заседание судов первой, второй, кассационной и надзорной инстанций», а также то, что полномочия суда, закрепленные в ст. 29 УПК РФ, реализуются в том числе на досудебных стадиях, становится понятным, почему функция правосудия реализуется в рамках любых судебных заседаний, в том числе проводимых в порядке судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса.

Пункт 54 ст. 5 УПК РФ закрепляет, что судьей является «должностное лицо, уполномоченное осуществлять правосудие».

В ч. 1 ст. 8.1 УПК РФ указано: «при осуществлении правосудия по уголовным делам судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону».

Согласно ст. 401.6 УПК РФ поворот к худшему при кассационном пересмотре судебного акта возможен лишь в случаях, когда допущены нарушения закона, «искажающие саму суть правосудия и смысл судеб-

ного решения как акта правосудия». Причем данное требование распространяется на случаи как пересмотра приговора, так иных видов судебных решений: постановлений и определений суда.

Системный анализ рассмотренных положений приводит нас к выводу о том, что действующим уголовно-процессуальным законодательством к правосудию относится вся процессуальная деятельность суда, а само правосудие является существом, ядром этой деятельности. И в этом смысле судебный контроль является одной из форм деятельности суда по отправлению правосудия, которое в данном случае понимается в широком смысле.

Схожего подхода придерживается и Конституционный Суд РФ.

Так, в п. 5 постановления Конституционного Суда РФ от 14.11.2017 № 28-П закреплено: «право на судебную защиту, будучи универсальным правовым средством защиты прав и свобод человека и гражданина, выполняет обеспечительно-восстановительную функцию в отношении всех других конституционных прав и свобод, что предопределено особой ролью судебной власти и вытекающими из статей 18, 118 (часть 2), 120 (часть 1), 125, 126 и 128 (часть 3) Конституции Российской Федерации ее прерогативами по осуществлению правосудия, характеризующего содержательную сторону процессуальной деятельности суда как таковую, в том числе при осуществлении судебного контроля за законностью решений и действий (бездействия) субъектов публичной власти (Постановление от 11 июля 2017 года N 20-П)». [22].

В определении Конституционного Суда РФ от 23.12.2014 №3005-О указано: «при рассмотрении жалоб в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации суд не должен ограничиваться лишь исполнением формальных требований уголовно-процессуального закона и отказываться от проверки фактической обоснованности обжалуемого решения органа предварительного расследования и вправе принять собственное решение по данному вопросу, поскольку иное способно привести к искажению самой сути правосудия (Определение от 24 марта 2005 года N 151-О)». [20].

В то же время в ряде постановлений Пленума Верховного Суда РФ прослеживается противоположная позиция.

Так, п.2 постановления Пленума ВС РФ от 20.12.2011 №21 "О практике применения судами законодательства об исполнении приговора" содержит следующее положение: «рассмотрение и разрешение вопросов, связанных с исполнением приговора, осуществляется в форме правосудия» [24].

В отношении судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса позиция Верховного Суда РФ также остается неизменной.

Так, в п.1 постановления Пленума ВС РФ от 10.02.2009 №1 "О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" указано: «рассмотрение жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ происходит в форме осуществления правосудия по правилам состязательного судопроизводства» [23].

Таким образом, с точки зрения Верховного Суда РФ, правосудие – это форма осуществления различных функций суда. Из приведенных же позиций законодателя и Конституционного Суда РФ следует обратное, что правосудие – это содержание процессуальной деятельности суда, а судебный контроль, разрешение дела по существу и т.д. – различные формы этой деятельности.

Возможно ли преодолеть столь существенное, на первый взгляд, различие в подходах к соотношению понятий правосудия и функций судебной власти?

По нашему мнению, данные подходы нельзя признать взаимоисключающими, поскольку вне зависимости от того, что в соотношении «форма-содержание» будет являться правосудием, а что - судебным контролем, и Конституционный Суд РФ, и Верховный Суд РФ говорят о правосудии, как о такой деятельности суда, которая подчинена принципам состязательности и равноправия сторон при свободе оценки доказательств независимым судом, то есть о правосудии как о неотъемлемой черте такой деятельности.

Подобным образом П. А. Луценко, полагая, что судебный контроль «осуществляется в форме правосудия», указывает, что правосудие есть «способ осуществления судебной деятельности, особая процессуальная процедура, целый ряд принципиальных положений которой имеет статус конституционных норм и придает ей специфику, позволяющую отграничить судебную деятельность от деятельности других органов власти» [18, с. 11].

В науке встречаются точки зрения, отвергающие приведенные подходы высших судебных инстанций. В частности, Д. М. Берова отрицает правосудный характер судебного контроля, ссылаясь в том числе на то, что незаконные и необоснованные решения следователя могут быть отменены и руководителем следственного органа, и прокурором: «что это за правосудие, которое может осуществляться как судом, так и другим государственным органом?» [2, 177], - задается вопросом автор, видя в таком подходе противоречие с приведенным выше положением ст. 118 Конституции РФ.

С такой позицией согласиться сложно, поскольку решения прокурора и руководителя следственного органа не обладают признаками акта правосудия, не принимаются в состязательной процедуре, не обладают

большой юридической силой, чем решение суда по тому же вопросу и т.д. Законодатель предусмотрел различные способы защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства – как реализуемые посредством обращения к суду, так и осуществляемые в рамках иных юрисдикционных процедур.

Анализ приведенных положений законодательства, правовых позиций высших судебных инстанций и научных точек зрения приводит нас к выводу, что судебный контроль и правосудие не являются самостоятельными по отношению друг к другу функциями судебной власти. Судебный контроль на досудебных стадиях уголовного процесса осуществляется в рамках деятельности по отправлению правосудия, неразрывно с ней связан и подчинен тем же принципам, на которых строится модель современного российского правосудия.

Список использованных источников

1. Александрова Л. А. Взаимосвязь функций судебного контроля и правосудия в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Уголовная юстиция. 2016. № 1.
2. Борова Д. М. Функции суда в уголовном судопроизводстве // Философия права. 2010. № 6.
3. Бозров В. М. Современные проблемы российского правосудия по уголовным делам в деятельности военных судов: вопросы теории и практики. Екатеринбург, 1999.
4. Бурмагин С. В. Судебные производства и решения в системе уголовного правосудия. М., 2021.
5. Вилкова Т. Ю. Принципы уголовного судопроизводства и общие условия судебного разбирательства, характеризующие деятельность суда // Российская юстиция. 2017. № 1.
6. Володина Л. М. Механизм обеспечения прав личности в российском уголовном процессе: автореферат дисс. ... докт. юр. наук. Екатеринбург, 1999.
7. Выдря М. М. Уголовно-процессуальные гарантии в суде. Краснодар, 1980.
8. Галузо В. Н. Судебный контроль за законностью и обоснованностью содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых на стадии предварительного расследования: автореферат дисс. ... канд. юр. наук. М., 1995.
9. Ковтун Н. Н., Ярцев Р. В. Судебный контроль за законностью и обоснованностью действий и решений должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство России (глава 16 УПК РФ). Нижний Новгород, 2008.
10. Колоколов Н. А. Судебная власть как общеправовой феномен. М., 2007. // СПС «Консультант Плюс».
11. Колоколов Н. А. Судебный контроль: некоторые проблемы истории и современности: Монография. Курск, 1996.

12. Колоколов Н.А. Судебный контроль в уголовном процессе: учебное пособие. М., 2013.
13. Коробкова Е. Е. Соотношение функций судебного контроля и разрешения уголовного дела в деятельности суда // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 6.
14. Лазарева В. А. Теория и практика судебной защиты в уголовном процессе. Самара, 2000.
15. Лалиев А. И. Судебный контроль и правосудие: понятие, признаки, проблемы и соотношения // Общество и право. 2010. № 3.
16. Лебедев В. М. Судебная власть на защите конституционного права на свободу и личную неприкосновенность: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1998.
17. Лопаткина Н. А. Институт судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса России: дисс. на соискание степени канд. юр. наук. Краснодар, 2002.
18. Луценко П. А. Судебный контроль в досудебных стадиях уголовного процесса Российской Федерации: автореферат дисс. ... канд. юр. наук. М., 2014.
19. Овчинникова Е. В. Компетенция и полномочия суда (судьи) в российском уголовном судопроизводстве: автореферат дисс.... канд. юр. наук. Ульяновск, 2020.
20. Определение Конституционного Суда РФ от 23.12.2014 № 3005-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Израиловой Т. Т. на нарушение ее конституционных право положением статей 1 и 5 статьи 125 УПК РФ» // СПС «Консультант плюс».
21. Петрухин И. Л. Судебная власть: контроль за расследованием преступлений. М., 2008.
22. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.11.2017 № 28-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений УПК РФ в связи с жалобой гражданина М. И. Бондаренко» // СПС «Консультант плюс».
23. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 "О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" // СПС «Консультант плюс».
24. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 № 21 "О практике применения судами законодательства об исполнении приговора" // СПС «Консультант плюс».
25. Свиридов М. К. Природа судебного контроля за предварительным расследованием // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 311.
26. Судебная власть и правосудие в РФ. Курс лекций / Под. ред. В. В. Ершова. М., 2011.
27. Таричко И. Ю. Функция судебного контроля в российском уголовном процессе: автореферат дисс. ... канд. юр. наук. Омск, 2004.
28. Цурлуй О. Ю. Основы судебного порядка рассмотрения жалоб в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. М., 2013.

В.В. Свободяникова

магистрант кафедры уголовного процесса и криминалистики
Санкт-Петербургского государственного университета

Научный руководитель В. Д. Пристансков,
кандидат юридических наук,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Санкт-Петербургского государственного университета

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОГО МЕТОДА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ СОБЫТИЯ СЛУЖЕБНОГО ПОДЛОГА (СТ. 292 УК РФ)

В статье рассмотрен вопрос об особенностях применения программно-целевого метода при расследовании события служебного подлога. На основе приведенной структуры события служебного подлога предлагается провести последовательный анализ элементов события данного преступления с установлением обстоятельств, подлежащих доказыванию при проведении предварительного расследования, а также рассмотрением процессуальных действий, посредством которых такие обстоятельства могут быть доказаны. В целом, автор позитивно оценивает использование программно-целевого метода при расследовании события служебного подлога, поскольку это позволяет структурировать процесс расследования служебного подлога и получить достаточный объем доказательств для принятия законного процессуального решения по уголовному делу.

Ключевые слова: предварительное расследование преступления, служебный подлог, программно-целевой метод, структура события служебного подлога.

Viktoriya V. Svobodyannikova,

master's student,
Department of Criminal Procedure and Criminalistics

Saint Petersburg State University
Academic advisor Vladimir D. Pristanskov,
PhD in Law, Professor,
Department of Criminal Procedure and Criminalistics
Saint Petersburg State University

PECULIARITIES OF APPLICATION OF THE PROGRAM-TARGET METHOD DURING THE INVESTIGATION OF A FORGERY EVENT (ARTICLE 292 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

The article considers the peculiarities of application of the program-targeted method during the investigation of forgery event. On the basis of the above

mentioned structure of forgery event it is proposed to perform a sequential analysis of elements of event of this crime with the establishment of the circumstances which are subject to proving during preliminary investigation and consideration of legal proceedings by means of which such circumstances can be established. In general, the author positively evaluates the use of a program-targeted method during the investigation of forgery event as it allows structuring the investigation process of forgery and obtaining sufficient evidence for taking a legal procedural decision on the criminal case.

Keywords: preliminary investigation of a crime, forgery, program-targeted method, the structure of forgery event.

Внесение заведомо ложных сведений и исправлений, искажающих действительное содержание официальных документов, дезориентирует нормальную деятельность государственных и муниципальных органов, а также облегчает совершение более опасных преступлений против государственной власти и интересов государственной службы, службы в органах местного самоуправления, в частности, таких как превышение должностных полномочий и злоупотребление должностными полномочиями. Кроме этого, служебный подлог является одним из наиболее опасных коррупционных проявлений современной действительности, поскольку при совершении служебного подлога деятельность должностного лица, а равно иных лиц, упомянутых в ст. 292 УК РФ, носит деструктивный характер, их законные полномочия становятся средством достижения собственных корыстных интересов или противозаконных интересов третьих лиц, чем наносится существенный вред как отдельным гражданам, так и эффективному функционированию аппарата публичной власти.

Принимая во внимание высокую общественную опасность действий, направленных на искажение официальных документов, законодатель предусмотрел уголовную ответственность за совершение служебного подлога в ст. 292 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ). К обязательным признакам состава преступления, предусмотренного ст. 292 УК РФ, относятся: 1) специальный субъект; 2) общественно-опасное деяние в виде действий; 3) вина в виде прямого умысла; 4) мотив в виде корыстной или иной личной заинтересованности; 5) общественно-опасные последствия в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан, организаций, а также охраняемых законом интересов общества, государства (ч. 2 ст. 292 УК РФ). При проведении предварительного расследования служебного подлога приведенные признаки подлежат обязательному установлению и должны быть подтверждены совокупностью собранных по уголовному делу доказательств.

При расследовании служебного подлога правоприменители нередко сталкиваются со сложностями, возникающими при: 1) отнесении того или иного лица к категории специальных субъектов, подлежащих привлечению к уголовной ответственности по ст. 292 УК РФ; 2) определении предмета служебного подлога; 3) установлении способа внесения изменений в официальные документы; 4) доказывании умысла, мотива и цели; 5) определении характера последствий, наступивших в результате совершения подлога. Наличие приведенных сложностей свидетельствует о необходимости совершенствования порядка проведения расследования служебного подлога и составления действенных практико-ориентированных рекомендаций.

Рациональной организации процесса расследования события служебного подлога и совершенствованию порядка получения доказательств по уголовному делу способствует использование программно-целевого метода. Программно-целевой метод как один из методов расследования преступлений был сформулирован и широко изучен в работах Г.А. Густова [7, с. 134-135]. Данный метод предполагает использование при проведении предварительного расследования типовых криминалистических программ, построенных на основе обобщения судебной и следственной практики, а также составление краткого или развернутого плана с целью наиболее эффективного расследования и раскрытия преступлений [2]. Применение программно-целевого метода невозможно в отрыве от учения о криминалистической структуре события преступления, поскольку содержание типовых программ расследования формируется на основе элементов криминалистической структуры события преступления. Событие преступления следует понимать, как явление, существующее в реальной действительности и представленное в виде совокупности связанных между собой элементов, образующих противоправное общественно-опасное деяние [3, с. 6]. Такие элементы события преступления не существуют в разрозненном виде, они наделены определенными интегративными признаками, способствующими образованию между ними корреляционных связей и зависимостей. Это приводит к тому, что элементы криминалистической структуры события преступления «наращиваются» в определенной последовательности, различающейся для разных видов и групп преступлений [8, с. 353]. В соответствии с позицией Г.А. Густова обязательными элементами общей структуры события преступления являются: субъект посягательства, предмет, физическая и психическая деятельность, факты-последствия деятельности, время, место посягательства [3, с. 6]. Соответственно, со-

держание типовых программ расследования преступлений взаимосвязано с теми обязательными элементами, которые характерны для криминалистической структуры события того или иного преступления.

Кроме этого, содержание типовых программ расследования преступлений зависит от вида конкретной типовой программы. Типовые программы расследования преступлений могут быть подразделены на краткие и развернутые [4, с. 8-19]. Развернутые типовые программы расследования преступлений содержат общие типовые задачи и типовые средства решения вышеприведенных задач, детализируют отдельные задачи с учетом этапа расследования, следственной ситуации, специфики расследования уголовных дел той или иной категории. Краткие типовые программы представляют собой систему типовых задач, упорядоченных логическим образом. Соответственно, исходя из цели составления типовой программы и объема решаемых программой задач содержание программы будет различаться.

Приведем структуру события служебного подлога, учитывая обязательные признаки состава преступления, предусмотренного ст. 292 УК РФ. Так, для структуры события служебного подлога характерны следующие обязательные элементы:

- субъект служебного подлога (должностное лицо, государственный (муниципальный) служащий, не являющийся должностным лицом);
- предмет посягательства (официальный документ);
- физическая деятельность, направленная на совершение служебного подлога: 1) способ совершения подлога (изготовление поддельного документа, внесение заведомо ложных сведений в официальный документ); 2) деятельность, предшествующая совершению подлога; 3) деятельность, следующая после совершения подлога;
- факты-последствия (существенное нарушение прав и законных интересов граждан (организаций) или охраняемых законом интересов общества (государства));
- психическая деятельность (прямой умысел; мотив в виде корыстной или иной личной заинтересованности; цель может иметь как корыстный характер, так и некорыстный);
- место;
- время;
- обстановка.

Отдельные свойства обозначенных выше элементов события служебного подлога оказывают влияние на применение программно-целевого метода при расследовании указанного преступления. В частности,

это можно продемонстрировать на примере с предметом служебного подлога. Так, официальный характер документа обязателен для того, чтобы такой документ был признан надлежащим предметом служебного подлога. Это предполагает установление и доказывание того, что документ содержит совокупность признаков, характерных для официального документа. Такие признаки в могут быть прямо поименованы в законодательстве или содержаться в разъяснениях Пленума Верховного суда РФ. Однако ввиду оценочного характера понятия «официальный документ» в ряде случаев именно судебная практика имеет существенное значение при признании отдельных документов официальными. В частности, наличествует противоречивая практика признания предметом служебного подлога различных материалов уголовного дела [10, с. 19-20]. В зависимости от того, о каком конкретно документе идет речь, процесс сбора доказательств, подтверждающих официальный характер документа по уголовному делу, будет различаться, а программа расследования будет претерпевать определенные изменения.

Многообразие способов совершения служебного подлога также оказывает влияние на программу расследования данного преступления. Не соответствующие действительности сведения или исправления могут быть внесены субъектом служебного подлога при создании, оформлении или удостоверении официального документа. Каждый из способов предполагает наличие определенных особенностей, оказывающих влияние на процесс доказывания. Обратимся к судебной практике для наглядной демонстрации влияния способа служебного подлога на программу расследования преступления. Так, в Апелляционном постановлении Ростовского областного суда от 25 февраля 2020 г. по делу № 1-91/2019 рассмотрена ситуация, в которой исправления были внесены в акт об оставлении ребенка в медицинской организации, составляемый с целью фиксации факта оставления матерью ребенка. В ходе судебного разбирательства установлено, что составлением акта об оставлении ребенка занимался сотрудник органа опеки и попечительства, а подписанием и заверением акта – сотрудник системы здравоохранения, а именно главный врач больницы. В данном случае установление конкретного способа служебного подлога зависит от фактических обстоятельств содеянного и оказывает значительное влияние на процесс расследования преступления, а также привлечение к уголовной ответственности виновного лица. Поскольку главный врач больницы не был осведомлен о несоответствии акта действительности, а сами по себе ложные сведения в указанный документ были внесены сотрудником органа опеки и попе-

чительства при реализации ею своих служебных обязанностей, то в таком случае составление сотрудником акта об оставлении ребенка в организации являлось одним из способов выявления ребенка, оставленного без попечения родителей, что полностью соответствует служебным обязанностям данного сотрудника органа опеки и попечительства. Соответственно, данный сотрудник была привлечена к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 292 УК РФ.

Еще одна особенность составления программы расследования служебного подлога заключается в том, что количество элементов события этого преступления в некоторых случаях будет отличаться. Так, в ч. 1 ст. 292 УК РФ предусмотрен формальный состав преступления, а в ч. 2 ст. 292 УК РФ - материальный состав. Это существенным образом влияет на составление программы расследования, поскольку применительно к ч. 2 ст. 292 УК РФ структура события служебного подлога дополняется еще одним обязательным элементом – общественно-опасными последствиями. Следовательно, программа расследования будет видоизменяться по причине появления нового элемента и необходимости обоснования причинно-следственных отношений между физической деятельностью субъекта и наступившими общественно-опасными последствиями.

Учитывая приведенные выше особенности, последовательно рассмотрим краткую программу расследования события служебного подлога.

Для всестороннего анализа события служебного подлога следует более подробно остановиться на таком элементе как субъект. Субъект служебного подлога является специальным. В соответствии с ч. 1 ст. 292 УК РФ в качестве субъекта могут выступать должностное лицо, государственный (муниципальный) служащий, не являющийся должностным лицом. Важной характерной чертой субъекта является наделение его определенными функциями и полномочиями. При анализе названного элемента следует выяснить следующие обстоятельства: 1) должностное или служебное положение; 2) имеющиеся функции, полномочия, их характер и объем; 3) основания наделения полномочиями; 4) соблюдение процедуры наделения субъекта служебными полномочиями; 5) специальную квалификацию в определенной сфере деятельности; 6) специальные знания и профессиональный опыт; 7) возможность осуществления преступной деятельности в ходе реализации своих полномочий. После этого следует установить сведения, характеризующие субъекта служебного подлога. Приведенные обстоятельства устанавливаются посредством проведения следственных и иных процессуальных

действий, таких как направление запросов, получение справок, проведение осмотра предметов и документов, допросов подозреваемого (обвиняемого), его коллег и руководства.

Еще одним элементом структуры события служебного подлога является предмет, представленный в виде официального документа. Установление того, что документ относится к категории официальных, должно сопровождаться определением следующих обстоятельств: 1) возможность включения документа в официальный документооборот; 2) материальная или электронная форма документа с присущими ему реквизитами; 3) создание, оформление, удостоверение документа в надлежащем порядке; 4) наличие определенного субъекта создания, оформления, удостоверения документа; 5) предоставление (лишение) прав, изменение объема прав или обязанностей, возложение (освобождение) от обязанностей; 6) удостоверение юридически значимых фактов. После этого следует установить то, что такой документ находится в сфере служебной деятельности должностного лица, государственного (муниципального) служащего [9, с. 362]. Для этого необходимо приобщить к материалам уголовного дела те нормативные и ведомственные акты, в которых регламентированы основания и порядок выдачи документа. В обязательном порядке проводятся следственные действия в виде осмотра документов, допроса подозреваемого (обвиняемого), а также назначаются почерковедческая или технико-криминалистическая экспертизы документов.

Физическая деятельность состоит из действий субъекта, предшествующих совершению служебного подлога, способа совершения служебного подлога, а также действий, следующих за его совершением. Такая деятельность взаимосвязана с общественно-опасными последствиями, наступающими в результате совершения действий субъекта (ч. 2 ст. 292 УК РФ). В таком случае между действиями субъекта и общественно-опасными последствиями должны быть дополнительно установлены причинно-следственные отношения. Осуществление анализа действий, предшествующих совершению служебного подлога, следует начинать с возникновения у субъекта умысла на совершение преступления и предпринятых им действий, направленных на реализацию такого умысла. Обычно на этом этапе субъект выбирает благоприятные дату, время и место совершения служебного подлога, оценивает возможные условия его совершения. С целью установления наличия действий, предшествующих совершению служебного подлога, могут быть проведены осмотры телефона, персонального компьютера, ноутбука, выписок по расчетным счетам, а также допрос подозреваемого (обвиняемого). В ст. 292 УК РФ

предусмотрены различные способы совершения служебного подлога, а именно: 1) внесение ложных сведений в официальные документы; 2) внесение в документы исправлений, искажающих их действительное содержание. В зависимости от того, относится ли служебный подлог к материальному или интеллектуальному, обстоятельства, требующие установления по уголовному делу, будут различаться. При наличии достаточных сведений о том, что имел место материальный подлог, следует установить: 1) каким образом внесено исправление; 2) при помощи каких средств внесено исправление. При интеллектуальном подлоге необходимо установить: 1) каким образом составлен документ; 2) при помощи каких средств составлен документ. Доказывание способа в подавляющем большинстве случаев строится на показаниях подозреваемого (обвиняемого), заключении экспертного исследования. Деятельность, следующая после совершения служебного подлога, предполагает установление того, влекло ли совершение служебного подлога выгоды для субъекта, которые могут иметь различные формы. Наиболее часто она состоит в получении материальных средств, попытке избежать привлечения к ответственности. Доказательствами, подтверждающими получение выгод, являются осмотры выписок о движении денежных средств, справки о зачислении либо снятии денежных средств, совершении иных действий, свидетельствующих о получении тех или иных выгод.

Психическая деятельность субъекта служебного подлога включает в себя несколько элементов, а именно: умысел, мотив, целеполагание и цель. Поскольку служебный подлог может быть совершен только с прямым умыслом, то в таком случае следует установить: 1) осознание внесения не соответствующих действительности искажений или заведомо ложных сведений в официальный документ; 2) желание их внесения, действуя из корыстной или иной личной заинтересованности; 3) предвидение возможности (неизбежности) наступления общественно опасных последствий (ч. 2 ст. 292 УК РФ); 4) желание наступления таких последствий (ч. 2 ст. 292 УК РФ). Кроме этого, как верно отмечает М. А. Григорьева, в случае, если работник внес недостоверные сведения в официальный документ по причине своей неосведомленности об объеме или характере своих полномочиях, то доказыванию подлежит и указанное обстоятельство, а также причины сложившейся ситуации [1, с. 4-5]. При доказывании умысла следует уделить особое внимание правильности постановки вопросов при получении показаний подозреваемого (обвиняемого) и свидетелей, а также использованию специальных приемов проведения допроса. При этом доказывание умысла не должно ос-

новываться исключительно на показаниях подозреваемого (обвиняемого), производиться обособленно, без учета фактических обстоятельств уголовного дела и собранных по делу доказательств. Мотивом совершения служебного подлога являются внутренние побуждения субъекта, обусловленные потребностями и находящие выражение в виде корыстной либо иной личной заинтересованности. Мотив в обязательном порядке должен быть установлен и конкретизирован в каждом отдельном случае. Доказывание мотива обычно происходит косвенным образом на основе совокупности сведений, известных в конкретной следственной ситуации. Цель - это конечный результат, на который направлены действия субъекта. Такой результат может состоять в получении субъектом служебного подлога выгод имущественного либо неимущественного характера. Цель тесно связана с умыслом и мотивом, без их наличия которых цель также будет отсутствовать, поэтому должен быть произведен всесторонний совокупный анализ данных элементов. Необходимо комплексно оценивать все сведения, полученные при производстве следственных и иных процессуальных действий, например, сведения, содержащиеся в ответах на запросы, в протоколах допросов, протоколах осмотров предметов и документов.

Следующим элементом, подлежащим более подробному рассмотрению, являются факты-последствия. В ч. 2 ст. 292 УК РФ определен характер общественно-опасных последствий совершения служебного подлога. В ходе предварительного расследования относительно последствий должны быть установлены: 1) факт причинения вреда; 2) гражданин, организация, общество, государство, которым вред был причинен; 3) какие права и интересы были нарушены в результате причинения вреда; 4) в чем конкретно состоял причиненный вред (материальный и нематериальный); 5) если вред является материальным, то следует определить размер; если нематериальным, то должно быть указано то, в чем именно он выражался; 6) существенный характер вреда. С целью установления приведенных обстоятельств следует получить показания потерпевшего (его представителя), который также может предоставить справки и чеки, подтверждающие наличие ущерба. Кроме этого, факт причинения ущерба организации может быть подтвержден заключением судебно-оценочной экспертизы.

При изучении такого элемента события служебного подлога как место, следует выяснять не только место совершения самого посягательства, но и место осуществления деятельности, предшествующей совершению подлога и следующей после его совершения, а также место наступления общественно-опасных последствий. Место совершения служебного подлога предполагает установление того, в каком именно

государственном (муниципальном) органе занимал должность и находился на службе подозреваемый (обвиняемый), с указанием его полного наименования и местонахождения. Д. А. Мозговая отмечает, что служебный подлог обычно совершается «в служебном кабинете или на территории обслуживаемого участка» [6, с. 179-181]. Однако совершение служебного подлога в данном месте вовсе не обязательно. Определение места деятельности, предшествующей совершению служебного подлога, предполагает установление того, в каком месте осуществлялась непосредственная подготовка к совершению служебного подлога, а определение места действий, следующих за совершением подлога, - в каком месте извлечена материальная или иная выгода, произошло избавление от материальных затрат. Получение совокупности обозначенных сведений позволит провести допросы свидетелей, произвести выемки предметов и документов, осмотреть место происшествия и направить соответствующие запросы.

Также при проведении предварительного расследования следует установить: период времени, в течение которого субъект совершил служебный подлог, периоды осуществления деятельности, предшествующей совершению подлога и следующей после совершения подлога. При установлении времени следует провести процессуальные, в том числе и следственные действия: 1) допросить начальника подозреваемого (обвиняемого), а также иное лицо, обнаружившее возможные признаки служебного подлога с целью установления времени создания, оформления, удостоверения документов, времени обнаружения признаков, свидетельствующих о подложности; 2) провести осмотр предмета служебного подлога с целью установления даты и времени составления или заверения официального документа, внесения в него не соответствующих действительности сведений; 3) назначить почерковедческую или технико-криминалистическую экспертизу с постановкой вопросов о давности внесения изменений в документ; 4) направить соответствующие запросы.

Обстановка как элемент события служебного подлога в научной литературе толкуется по-разному. Обычно под обстановкой понимают причины и условия, способствующие совершению преступления [5, с. 502]. Причины зачастую заключаются в наличии недостатков правовой регламентации и несоблюдении надлежащего порядка документооборота. Условия подразумевают наличие недостатков в организации работы, низкий уровень контроля за дисциплиной. При выяснении сложившейся обстановки, способствующей совершению служебного подлога, следует, в частности: 1) провести допросы работников организации, а также её руководства; 2) провести осмотр документов организации; 3)

направить запросы в контролирующие органы с целью установления соблюдения выполнения требований действующего законодательства.

Таким образом, применение программно-целевого метода способно оказать позитивное влияние на расследование события служебного подлога, поскольку в таком случае принимается во внимание определенное количество элементов, подлежащих установлению, а также подробно раскрывается содержание этих элементов с приведением возможных процессуальных и иных следственных действий, которые могут быть проведены в ходе расследования служебного подлога. Это структурирует процесс расследования и позволяет избежать ситуаций, при которых будут проведены избыточные следственные действия, не привносящие новых сведений, имеющих доказательственное значение, или не будут установлены те или иные обязательные элементы события преступления.

Список использованных источников

1. Григорьева М. А. Использование программно-целевого метода при расследовании служебного подлога (часть 1) // Российский следователь. 2015. № 5.
2. Густов Г. А. Программно-целевой метод организации раскрытия убийств. СПб., 1993.
3. Густов Г. А. Расследование должностных хищений в торговле. Часть I. Криминалистическая характеристика преступлений: Учебное пособие. 4-е изд., перераб. и доп. Л., 1991.
4. Густов Г. А. Разработка и использование типовых криминалистических программ в работе по уголовному делу (Методические рекомендации). Л., 1989.
5. Криминалистика: учебник / под ред. Т. А. Седовой, С. П. Кушниренко, В. Д. Пристанкова. Москва, 2019.
6. Мозговая Д. А. Криминалистическая характеристика подлога документов // Вектор науки ТГУ. 2012. № 3 (21).
7. Пристанков В. Д., Густов Г. А. // КриминалистЪ. 2012. № 1 (10).
8. Пристанков, В. Д. Методология криминалистического исследования события преступления // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета: Уголовная юстиция XXI века (к 15-летию практики применения УПК РФ): Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 23–24 июня 2017 года / Под редакцией Н.П. Кирилловой, Н.Г. Стойко. Санкт-Петербург, 2018.
9. Противодействие коррупции: прокурорский надзор, уголовно-правовая характеристика, уголовное преследование / науч. ред. Н. П. Дудин. СПб., 2009.
10. Щепельков В. Ф., Суслина Е. В. Официальный документ как предмет подделки // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 4 (50).

Д. В. Тарасенко

магистрант кафедры уголовного процесса и криминалистики
Санкт-Петербургского государственного университета

Ж. В. Атоян

магистрант кафедры уголовного процесса и криминалистики
Санкт-Петербургского государственного университета

Научный руководитель Н. Г. Стойко,
доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и
криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета

ПЕРЕГОВОРНОЕ ПРАВОСУДИЕ ЗА РУБЕЖОМ И В РОССИИ

Статья посвящена механизмам переговорного правосудия и их позитивному влиянию на современный уголовный процесс некоторых европейских стран. Авторы приходят к выводу, что в результате внедрения указанных механизмов, во-первых, обеспечиваются интересы многих участников уголовного процесса, и, во-вторых, за счет упрощения достигается существенная процессуальная экономия. Авторы полагают, что использование зарубежного опыта переговорного правосудия может быть полезным для российского уголовного процесса.

Ключевые слова: переговорное правосудие, упрощение судопроизводства, медиация, примирение, восстановительное правосудие, процессуальная экономия, интересы потерпевших, возмещение ущерба

Darya V. Tarasenko

Master's student,
Department of the
Criminal Procedure and Criminalistics,
Saint Petersburg State University

Zhanetta V. Atoyán

Master's student,
Department of the
Criminal Procedure and Criminalistics
Saint Petersburg State University
Nikolay G. Stoyko
Science supervisor, PhD in Law, Professor,
Department of the
Criminal Procedure and Criminalistics,
Saint Petersburg State University

NEGOTIATED JUSTICE ABROAD AND IN RUSSIA

The article is devoted to the mechanisms of negotiated justice and their positive impact on the modern criminal process of some European countries. The authors come to the conclusion that as a result of the introduction of these mechanisms, firstly, the interests of many participants in the criminal process are ensured, and, secondly, due to simplification, significant procedural savings are achieved. The authors believe that the use of foreign experience in negotiated justice can be useful for the Russian criminal process.

Keywords: negotiated justice, simplification of proceedings, mediation, conciliation, restorative justice, procedural economy, interests of crime victims, reparations.

Современное развитие правосудия, как зарубежного, так и отечественного, характеризуется стремлением к упрощению процедуры судопроизводства. В данной связи не случайно обретают популярность различные формы переговорного правосудия, имеющего одну цель: договориться о решении уголовно-правового (криминального) конфликта между потерпевшим (жертвой) и обвиняемым (преступником) и избежать дорогостоящего судебного разбирательства. В конфликте переговорное правосудие призвано привести к консенсусу или, по крайней мере, к соглашению между его сторонами [5, с. 644]. Например, различные формы достижения такого консенсуса или соглашения (компромисса) известны бельгийскому и французскому правопорядкам, в соответствии с которыми законом предусмотрено условное прекращение производства по делу в случае возмещения ущерба, причиненного потерпевшему (если с этим решением согласен обвиняемый) [5, с. 644].

Как отмечает Л. В. Головкин, «современный уголовный процесс характеризуется довольно широким распространением различных альтернативных методов реагирования государства на преступные деяния, которые позволяют устранять последствия преступления иным путем, без применения ординарных уголовно-процессуальных процедур» [1, с. 120]. Эффективность таких альтернативных мер объясняется тем, что криминальный конфликт изначально разрешается внепроцессуальным способом, и субъектам уголовного судопроизводства не приходится прибегать к уголовному преследованию как таковому, либо уполномоченными на то лицами прекращается уголовное преследование на определенном этапе процесса, даже в тех случаях, когда для уголовного преследования есть все правовые основания [1, с. 120].

В доктрине выделяют ряд особенностей, присущих альтернативным механизмам разрешения уголовно-правовых конфликтов. Во-первых, они имеют место не по всем составам преступления, а лишь по менее тяжким, общественная опасность которых является не столь существенной. Во-вторых, они являются законными альтернативами «столь же законному уголовному преследованию». И наконец, в-третьих, они не мыслимы без позитивного постпреступного поведения (как воплощение в жизнь модели восстановительного правосудия) [1, с. 784].

Важной общей особенностью альтернативных мер считается то, что при их применении нет места уголовно-процессуальному принуждению, так как речь идет не о наказании, а об «альтернативе» [1, с. 785]. В этом смысле важное значение имеет добровольное согласие обвиняемого (подозреваемого) на прекращение уголовного дела. Еще одно общее положение для применения «альтернатив» уголовному преследованию - дискреционное усмотрение лица, ведущего производство по делу, о применении альтернативных мер. Компетентное лицо, подчеркивает Л. В. Головкин, оценивает обстоятельства дела сквозь призму личности обвиняемого, вероятности рецидива, а также иных факторов, с целью определить, «достаточно ли в конкретной ситуации является «мягкой» реакция в виде альтернативы уголовному преследованию или требуется «жесткая» реакция в виде уголовного наказания, в связи с чем уголовное преследование необходимо продолжить» [1, с. 785].

Кроме того, как отмечают многие ученые, альтернативные (переговорные) процедуры позволяют упростить и ускорить отправление правосудия в отношении менее тяжких преступлений, тогда как обычные процедуры предназначены для дел о тяжких и особо тяжких преступлениях [1, с. 677].

С точки зрения социокриминологии переговорное правосудие опирается на ряд теорий, в частности, на связанную с движением жертв преступлений модель восстановительного правосудия [1, с. 647].

Восстановительное правосудие в уголовном судопроизводстве зарубежных стран и России получило свое развитие благодаря принятию международных договоров.

Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года в статье 8 закрепляет стандарт о том, что каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах. Обращаясь к международным актам в области защиты права потерпевших, стоит обратить свое внимание на Декларацию основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, принятую Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 году. Данная декларация закрепляет ряд положений, направленных на защиту прав и интересов потерпевших от преступлений. Норму о необходимости возмещения ущерба потерпевшим также закрепляет Римский статут Международного Уголовного Суда от 17 июля 1998 года (ст. 75).

Обозначенные и многие другие акты международных организаций направлены на упрощение уголовного правосудия, а также на закрепление в законодательствах стран-участниц данных международных договоров положений, обеспечивающих «эффективное средство правовой защиты жертв преступлений, включая компенсацию за ущерб, причиненный им в результате преступления» (п. 12 Руководящих принципов в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития и нового международного экономического порядка, принятые Седьмым Конгрессом Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями от 06 сентября 1985 года).

Обратимся к зарубежному опыту. В соответствии с положениями статьи № 153 УПК Германии право условного прекращения дела (*vorläufiges Absehen von der Erhebung der Klage*) может осуществляться прокуратурой с согласия судьи и обвиняемого. Как отмечает Жан Прадель, консенсуализм представлен в виде треугольника: судья, прокуратура, обвиняемый. Эта необязательная процедура чаще всего используется в делах об экономических преступлениях [5, с. 657].

В этом контексте переговорное правосудие на процессуальном уровне является частью того, что известно в Квебеке (провинция Канады) как «*solutions de rechange*» (альтернативные решения) – смягчение

наказания и мер в отношении лиц, совершивших мелкие уголовные преступления, путем разрешения конфликта альтернативными способами урегулирования споров [5, с. 649].

В уголовном судопроизводстве Италии есть возможности для внесудебных соглашений до передачи дела в суд для рассмотрения его по существу. Если уголовное преследование осуществляется по жалобе потерпевшего, прокурор может попытаться добиться официального примирения между потерпевшим и обвиняемым, чтобы способствовать достижению соглашения (ст. 564 УПК Италии) [5, с. 655].

В этой связи, важно упомянуть стратегию примирения потерпевшего с обвиняемым, которая раскрывается в модели восстановительного правосудия [4, с. 81]. Модель восстановительного правосудия предполагает выдвижение в качестве цели судопроизводства примирение между потерпевшим (жертвой) и обвиняемым преступником [2, с. 218-223]. Достижение данной цели требует уполномочивания жертвы и преступника (сторон уголовно-правового конфликта) на участие в выработке решения по уголовному делу [3, с. 98-125]. В выработке решения может помочь некий посредник, ныне во многих странах называемый медиатором. Данный субъект, помогает сторонам уголовно-правового конфликта достичь примирения, тем самым содействуя удовлетворению их законных интересов. Все это делается с целью развития позитивных отношений между потерпевшей стороной и преступником для достижения конечной цели - примирения.

Известно, что процедура примирения в целом ряде национальных правопорядков связана с медиацией, которой, к слову сказать, нет в уголовном судопроизводстве России.

В Бельгии Закон от 10 февраля 1994 г. предусматривает процедуру медиации в уголовном судопроизводстве. Так, Королевский прокурор имеет право вызвать правонарушителя и, если правонарушение не влечет за собой лишение свободы на срок более двух лет или более суровое наказание, предложить ему выплатить компенсацию или возместить ущерб, причиненный правонарушением (при этом представляя доказательства того, что он это сделал). В таком случае Королевский прокурор вызывает потерпевшего и становится медиатором в решении вопроса о компенсации, а также того, как она должна быть осуществлена (ст. 216 УПК Бельгии). Несмотря на свою активную роль, Королевский прокурор не может выступать в качестве арбитра, он представляет собой медиатора. Королевский прокурор должен занять позицию строгого нейтралитета, воздерживаясь от попыток оказать влияние на стороны или убедить их согласиться на ту или иную компенсацию. Тем не менее,

целью медиации в данном случае является компенсация ущерба. Как отмечается в литературе, эта форма разрешения конфликта больше похожа на то, что однажды назвали «примирением/возмещением ущерба» [5, с. 657-658]. Действительно, медиация предполагает вмешательство третьей стороны в отношении сторон конфликта, участвующих в разбирательстве. Однако в случае с прокурором ситуация другая. Он прямо заинтересован в возмещении ущерба потерпевшему, поскольку, если потерпевшему выплачивается компенсация, это лишает прокурора права осуществлять уголовное преследование. Стоит заметить, что содержание заключенного соглашения будет иметь отношение только к гражданско-правовым последствиям правонарушения, а не к уголовным последствиям, так как последние не подлежат какой-либо переговорной процедуре и в полном объеме устанавливаются законом.

Во Франции закон вместе с различными другими возможностями, такими как условное осуждение и официальный отказ от судебного преследования (что устраняет уголовную ответственность), открывает для прокурора третий путь. Так, уголовная медиация в этой стране была введена в 1993 г. В соответствии с данным законом прокуратура имеет право принимать решение о медиации. Эта процедура, однако, может быть использована только с согласия всех сторон (потерпевшего, правонарушителя). Они должны быть четко проинформированы о своих правах и о правовых рамках, в которых осуществляется медиация, а именно о том, что решение об отказе в судебном преследовании является предварительным, и что возможность судебного преследования остается открытой, а вместе с этим и вероятность получения потерпевшим статуса гражданского истца (в уголовном процессе Франции потерпевший не является самостоятельным участником). Основные требования заключаются в том, что медиация может быть предусмотрена только в том случае, если она может обеспечить компенсацию ущерба, причиненного потерпевшему, позволяет положить конец проблемам, возникшим в результате правонарушения, и может способствовать реабилитации правонарушителя [1, с. 121].

Таким образом, во всех приведенных примерах медиатор, по сути, является не арбитром, а посредником, который не только способствует переговорам между сторонами, но и выполняет более динамичную функцию, а в некоторых случаях и имеет возможность представить сторонам проект соглашения, создавая тем самым пространство для переговоров.

Наиболее полное выражение переговорное правосудие находит в процедурах переговоров о заключении сделки о признании вины или

признании вины, которые давно известны в США. Постепенно данный институт нашел свое применение и в странах Европы. Рекомендация R (87) 18 от 17 сентября 1987 г. Совета министров Совета Европы об упрощении уголовного правосудия, открыто рекомендует процедуру признания вины с целью ускорения свершения правосудия. Суть в том, что если подсудимый добровольно признает факты, он не должен слишком долго пребывать в неуверенности в отношении наказания.

Так, если обвиняемый признает себя виновным, процессуальные правила должны быть упрощены, то есть отсутствует необходимость представлять доказательства фактов. Взамен обвиняемый может быть уверен, что получит смягчение наказания. Эту процедуру можно охарактеризовать как компенсацию в обмен на отказ от права на суд. Здесь признание вины является результатом соглашения сторон, которое позволяет обойтись без разбирательства в полном объеме [5, с. 662].

В Англии считается, что система уголовного правосудия не может функционировать, если большинство обвиняемых не признает вины, что в свою очередь освобождает суд от рассмотрения доказательств. В реальности признание вины часто достигается путем изменения обвинения. В зависимости от обстоятельств, и особенно стадии, на которой обвиняемый признает себя виновным, сокращение срока наказания может составлять до одной трети. Основанием для оправдания смягчения приговора в какой-то мере является экономия ресурсов в системе правосудия. Согласно этой логике важно, чтобы признание вины произошло как можно раньше, до начала рассмотрения: чем раньше обвиняемый признает себя виновным, тем будет больше смягчено наказание, поскольку ресурсы в системе правосудия будут наиболее сэкономлены [5, с. 664].

Практика Италии по применению института признания вины напрямую связана с ускорением сроков рассмотрения уголовного дела. Эта процедура сейчас известна как *patteggiamento* (соглашение). Соглашение имеет место только при совершении правонарушения, максимальным наказанием за которое является два года лишения свободы. В этом случае обвиняемый и государственный обвинитель могут просить судью применить наказание, о котором они договорились. Другими словами, они просят судью скрепить свое согласие, которое в данном случае касается выбора смягченного наказания. Соглашение может происходить либо на предварительном следствии, либо на судебной стадии. В случае достижения соглашения судья назначает смягченное наказание, не превышающее одной трети от максимально возможного. Взамен обвиняемый отказывается от своего права оспаривать обвинение и подавать апелляционную жалобу [5, с. 669].

Наряду с соглашением УПК Италии предусматривает другую форму консенсуального правосудия: сокращенное судебное разбирательство (*giudizio abbreviato*). Эта процедура может применяться ко всем преступлениям, какими бы серьезными они ни были, и без ограничений в отношении меры наказания, за исключением пожизненного заключения. Здесь соглашение основано на выборе сокращенной процедуры вместо обычной судебной процедуры. Если обвинение дает свое согласие, что не позволяет ему позже изменить обвинения, дело будет рассматриваться не судьей первой инстанции, а судьей предварительного слушания в соответствии с текущим состоянием дела на основании досье и без открытого судебного разбирательства. Итогами «сокращенного» судебного разбирательства является либо оправдательный приговор, либо обвинительный приговор со штрафом, который обычно уменьшается на одну треть [5, с. 670].

Подводя итог приведенным зарубежным примерам воплощения переговорного правосудия в уголовном судопроизводстве, стоит сказать, что в России также имеются такие альтернативные способы урегулирования уголовно-правовых конфликтов, как прекращение уголовных дел в связи с примирением сторон (ст.25 УПК РФ), в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 25.1 УПК РФ), в связи с деятельным раскаянием (ст.28 УПК РФ), в связи с возмещением ущерба по преступлениям в сфере экономической деятельности (28.1 УПК РФ).

Что касается сделки о признании вины, то в России аналогом могут выступать следующие институты, обеспечивающие сокращенный порядок судопроизводства. Во-первых, особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Так, согласно ст. 314 УПК РФ по уголовным делам о преступлениях небольшой или средней тяжести обвиняемый вправе заявить о согласии с предъявленным ему обвинением и ходатайствовать о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке.

Во-вторых, особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (Глава 40.1 УПК РФ). Сущность данного института заключается в том, что обвиняемый обязуется совершить определённые действия в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления. В результате такого активного поведения обвиняемого назначенное ему наказание, не может

превышать 1/2 срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного санкцией статьи особенной части УК РФ.

Таким образом, несмотря на несвойственность для уголовного судопроизводства любых форм обсуждения, уступок или компромиссов, переговорное правосудие в своих различных формах выходит за рамки традиционных установок уголовного процесса, тем самым, трансформирует его, придавая новые гуманные оттенки судопроизводству. С другой стороны, альтернативные решения помогают бороться с невозможностью реагирования компетентных органов на рост преступлений, то есть выступает, в каком-то смысле, механизмом процессуальной экономии. Поэтому переговорное правосудие в некоторой степени можно рассматривать как самый новый подход в сфере уголовного процесса, позволяющий быстро разрешать конфликты, связанные с преступлениями небольшой или средней тяжести, учитывая, что немаловажно, законные интересы потерпевших.

Список использованных источников

1. Курс уголовного процесса / Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М., 2017.
2. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание: пер. с англ. / общ. ред. Л.М. Карнозовой. - М., 1998.
3. Кристи Н. Пределы наказания / пер. с англ. к.ю.н. В. М. Когана / Под ред. д.ю.н. А.М. Яковлева. М., 1985.
4. Стойко Н. Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых семей: монография. СПб. 2006.
5. Tulkens Françoise. Negotiated justice. Françoise Tulkens, revised by Yves Cartuyvels and Isabelle Watier.

**НАУЧНАЯ ШКОЛА УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА
И КРИМИНАЛИСТИКИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
«УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: 20 ЛЕТ СПУСТЯ»**

**Материалы XIV Международной научно-практической
конференции, 24–25 июня 2022 года (Санкт-Петербург)**

Подписано в печать 19.12.2022.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 22,5.
Тираж 1000 экз.

ООО «Русайнс».
117218, г. Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2.
Тел.: +7 (495) 741-46-28.
E-mail: autor@ru-science.com
<http://ru-science.com>

